

Вирджиния Хенли Совращенная

«Совращенная»: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-055193-4, 978-5-9713-9222-4

Аннотация

Рыжекудрая леди Александра Шеффилд обручена с детства. Но романтическая красавица вовсе не желает вступить в брак с изнеженным и надменным аристократом. Избавить Александру от этой участи может брат наречённого – опасный авантюрист Николас Хаттон, повеса, имеющий сомнительную репутацию обольстителя женщин. Только на этот раз Николасу придётся соблазнить ту, которая станет любовью всей его жизни...

Вирджиния Хенли Совращенная

Пролог

Хаттон-Холл, 22 июля 1792 года

– Наследнику лорда Хаттона не пристало являться на свет попкой вперед, скажу я вам! – Раскрасневшаяся повитуха с силой надавила на ягодицы младенца, стараясь повернуть его, и вытерла пот со лба.

Лежащая в огромной кровати юная ирландка превратилась из очаровательной красавицы в бледное, изможденное создание. Схватки у леди Кэтлин Хаттон начались на рассвете, а время близилось уже к полуночи.

– Она в агонии! – в ужасе заламывала руки служанка леди Хаттон, Мег Райли, вскормившая грудью маленькую Кэтлин Флинн. – Доставайте же ребенка, и поскорее!

Повитуха, нащупавшая две головки, обиженно поджала губы. Сомневаться в ее

компетентности, да еще в присутствии двух молоденьких горничных, переминавшихся с ноги на ногу у двери!

– Вы, ирландцы, слишком самоуверенны! Держите свои советы при себе, пользы от них никакой. Такие роды – большой риск: горе да беда.

Несмотря на внешнее спокойствие и рассудительность, в душе у повитухи клубился черный страх. Она решительно взялась за плечико младенца и безжалостно потянула его на себя.

Наследник лорда Хаттона появился на свет за две минуты до полуночи. К счастью, Господь смилостивился над матерью, и она потеряла сознание. Повитуха передала ребенка Мег Райли:

– Вымойте его. Я собираюсь немедленно представить ребенка отцу. Он и так уже заждался.

«Лорд Хаттон давно находится в библиотеке, куда не доносятся крики роженицы, а долгое ожидание ему наверняка скрасило отменное бренди», – в ярости подумала про себя Мег, купая мальчика и заодно осматривая его. Такого восхитительного младенца она никогда в жизни не видела – черные кудряшки, черные реснички обрамляют серые глаза. Она завернула его в одеяльце и подошла к кровати. Повитуха тут же потянулась к крохотному свертку.

– Но вы не можете оставить леди Хаттон! – отпрянула от нее Мег. – Вы должны принять второго ребенка!

– Схватки прекратились и, вполне возможно, возобновятся только через несколько часов. – Повитуха забрала у служанки наследника и направилась к хозяину дома.

Мистер Берк, мажордом Хаттон-Холла, распахнул перед ней дверь библиотеки и с облегчением вздохнул – хвала небесам, все кончилось благополучно!

– Мальчик? – Генри Хаттон поднялся с кресла, стараясь рассмотреть ребенка сквозь голубоватую завесу сигаретного дыма.

– Да, милорд. Поздравляю вас с прекрасным сыном! – просияла повитуха, разворачивая свой трофей.

В глазах лорда Хаттона сверкнула мужская гордость.

– Он просто идеален, если меня не подводят отцовские чувства. Это надо отпраздновать! Берк, позови дворецкого и лакеев, пусть принесут вина! Кстати, – неожиданно вспомнил Генри, – как леди Хаттон? Полагаю, она счастлива?

– Ей надо еще немного потрудиться, но я не хочу торопить события.

– Достаньте его. Не желаю, чтобы Кэтлин мучилась.

– Рождение близнецов всегда риск, милорд. Мы не можем навредить второму ребенку.

– Не стоит волноваться. Наследник у меня уже имеется, вот что важно. Позаботьтесь о том, чтобы с этим мальчиком ничего не случилось. Я решил назвать его Кристофером. Кристофер Флинн Хаттон!

* * *

К следующему вечеру весь дом охватила паника. Второй младенец никак не желал появляться на свет, несмотря на все усилия повивальной бабки. Даже кухарку к делу приобщили, велев приготовить каши с патокой, а мистер Берк то и дело бегал вверх с горячими кирпичами, чтобы согреть ноги хозяйки.

Кэтлин Хаттон впала в оцепенение, взгляд ее остекленел. Мег Райли заботливо омывала свою воспитанницу, вознося небу жаркие молитвы. По морщинистым щекам катились слезы. Около полуночи лорд Хаттон в третий раз ворвался в комнату.

– Он, наверное, мертв, – сжалась повитуха под его яростным взглядом.

– Этому сатанинскому отродью лучше сразу умереть! – взревел лорд Хаттон, возбужденно вышагивая по спальне и щедро осыпая угрозами всех, кто попадался ему на глаза, словно находил в этом утешение.

Часы пробили полночь, и с последним ударом на свет явился второй близнец. Повитуха передала его Мег Райли, и та пораженно уставилась на младенца. Еще один мальчик, причем точная копия первого. Те же идеальные ручки и ножки, те же черные кудряшки, черные реснички, такая же ямочка на подбородке.

– Ваш ребенок, милорд. – Она протянула красавца отцу.

– Убери его с глаз моих долой! – гаркнул лорд Хаттон. – Он – наша беда! Держите его подальше и от меня, и от моего сына Кристофера! – Отец подхватил на руки первенца и вышел из комнаты, прижимая его к груди.

Повитуха беспомощно уставилась на умирающую роженицу, Мег принялась заворачивать отвергнутого ребенка.

Кухарка тяжело вздохнула:

– Близнецы, родившиеся с разрывом более чем в двадцать четыре часа и под разными знаками зодиака, – явление необычное.

Юные горничные согласно закивали головами. И впрямь дурное предзнаменование.

Исполнив свой долг, леди Кэтлин Хаттон испустила последний вздох.

– Рождение близнецов – настоящая беда. – Акушерка обхватила руками голову.

– Красавчик мой, – запричитала Мег Райли, обливаясь слезами, – раз уж все считают тебя отродьем старины Ника,¹ назовем тебя Николасом, а второе имя будет Флинн, в честь твоей милой, ласковой матушки, которая теперь уже среди ангелов, упокой ее душу, Господи.

Хоть Генри Хаттон и винил второго сына в смерти жены, со временем ему пришлось научиться – пусть скрепя зубы – выносить его присутствие, поскольку разделить близнецов не представлялось никакой возможности. Как только братья подросли, они ни на шаг друг от друга не отходили. Однако с самого начала стало понятно – лидером в этой парочке воспитательных озорников является Николас.

Слуги пришли к единодушному выводу, что виной всему разные знаки зодиака – Николас родился под знаком Льва, а Кристофер – Рака. Внешне они ни на волосок друг от друга не отличались, а вот по характеру – полная противоположность. Николас к любому делу подходил со страстью и во всем затмевал брата.

Это приводило лорда Хаттона в бешенство и не добавляло любви к Николасу. Генри Хаттон ждал от наследника Кристофера превосходства в любом деле. В результате Кит вырос слабохарактерным и неуверенным в себе, а брат-близнец Ник взял над ним шефство и даже отвечал за Кита домашнее задание, лишь бы учитель не доложил отцу о плохой успеваемости первенца. Ник брал на себя все прегрешения Кита, когда тот не выполнял свои обязанности или не оправдывал отцовских ожиданий.

К десяти годам близнецы Хаттон научились ловко меняться местами, а к пятнадцати Ник развлекался тем, что подбивал Кита получать от отца все «пряники», принимая на себя наказания. Одним словом, братья полностью оправдали прозвища, данные им при рождении слугами: Харм и Хазард!²

Глава 1

Лондон, июль 1813 года

Лицо Чарли Шампань осветилось восторгом, стоило ей заметить на пороге своего заведения на Пэлл-Мэлл парочку сногшибательных черноволосых клиентов. Она встретила

¹ Старина Ник (англ. – Old Nick) – сатана.

² Харм и Хазард (Harm and Hazard) – горе да беда (англ.).

прелестных дьяволят поцелуем, а юные распутники, в свою очередь, приветственно похлопали ее по заду.

Проказница Нелл, новенькая нимфа в Тайной королевской академии, потрясенно уставилась на две копии в безупречных вечерних нарядах.

– Кто это? – еле слышно выдохнула она, обращаясь к Молли Темпест.

– Сегодня жди веселья, – подмигнула Молли. – Это Харм и Хазард!

Нелл непонимающе уставилась на нее.

– Братья-близнецы! Всем шампанского, и игры начинаются!

Не успела Нелл и глазом моргнуть, как все девицы борделя Шарлотты Кинг высыпали в огромную гостиную, украшенную зеркалами в позолоченных рамах и фресками дамочек с обнаженной грудью в соблазнительных позах. Зазвенел смех, заиграло шампанское. Куртизанки написали свои имена на клочках бумаги и бросили в шелковые цилиндры джентльменов.

– Как же вы их различаете? – пробормотала Нелл, пробежав взглядом по широким плечам и мускулистым бедрам близнецов, их черным кудряшкам и бесовским серым глазам.

– А никак, шарада на всю ночь. Ты только глянь на них! Ни один из клиентов Чарли не сравнится с этими двумя.

– По длине или толщине? – задорно блеснула глазками Нелл.

– По выносливости, детка! Они законченные ловеласы – их папочка, лорд Хаттон, позаботился. Привел к нам своих сыночков на пятнадцатый день рождения, чтобы научить уму-разуму, а они, как оказалось, уже давно всему научились.

Весть о том, что их отец дворянин, еще больше подогрела любопытство Нелл.

– Похоже, они очень близки с мадам.

– Только не говори, что она сама оказывает им услуги! – ужаснулась Нелл.

– Услуги оказывают братья-близнецы, а не наоборот. Для них мадам делает исключение. Она единственная способна их различить, но временами они и ее вокруг пальца обводят! – Молли хохотнула.

Под взрывы смеха Харм вытянул имена Лолли и Бабблз.

– Что ж, уложи меня и пощекочи перышком, – захихикала одна из блондинок, беря под руку Адониса шести футов высотой. Очаровательный мерзавец пропел ей что-то на ушко, получив в ответ игривую пощечину за нескромное предложение.

Когда Хазард достал бумажки с именами узкоглазой азиатки и смуглянки по имени Дезире, Чарли вопросительно посмотрела на клиента – доволен ли он?

– Восхитительные закуски, сладкая моя, но на главное блюдо я, как всегда, приберегу тебя, – шепнул он, и от его глубокого грудного голоса у нее мурашки по спине побежали.

– Прекрасная возможность отблагодарить тебя, милый, – улыбнулась ему Чарли. – По твоему совету я на прошлой неделе открыла комнату для азартных игр, и доход мой удвоился!

В шести милях от Лондона, в Лонгфорд-Мэноре, Александра Шеффилд заперла дверь своей спальни и быстренько разделась.

– Наконец-то одни! – Она заглянула в дерзкие глаза, изучающие ее обнаженное тело, и улыбнулась. – Как давно я мечтала об этом! Все называют меня бесенком, так помоги мне оправдать это прозвище!

Она посмотрела, как рука поднимает ее золотисто-рыжие локоны, и невольно вздрогнула, когда яркие шелковистые кудри пролились рекой на ее груди, замерев у осиной талии.

– Ты уверена? Пока еще не поздно остановиться.

Вопрос повис в воздухе. Александра в сомнении провела кончиком языка по губам. Это был ее первый раз, и, если она решится, назад ничего не вернешь. Уголки ее губ растянулись в дерзкой улыбке:

– Уверена! Давай помашем ей ручкой и покончим с ней!

Александра снова посмотрела на свое отражение в зеркале, взяла ножницы и отрезала длинные кудри.

– Прощай, коса! О Боже, какой кошмар! – возликовала она. Однообразие и скука респектабельности претили Александре, она жаждала уехать в Лондон и изведать все прихоти и пороки высшего света.

Она собрала целую коллекцию скандальных романов Фанни Берни, поскольку сама намеревалась стать писательницей. В прошлом месяце из модного журнала «Таун энд кантри мэгэзин» девушка узнала, что большинству романисток пришлось остричь волосы и нарядиться в мужское платье, иначе их никто не принимал всерьез. Но и в этом случае печататься приходилось анонимно – профессия считалась исключительно мужской! Поговаривают, будто даже Чарлз Лэм, известный юморист и автор многочисленных эссе, на самом деле женщина и зовут ее Мэри Лэм.

За мытьем головы и укладкой Александра решила воспользоваться в Лондоне мужской версией своего имени. Алекс Шеффилд – звучит неплохо, очень даже неплохо. Волосы быстро высохли, однако новая прическа не порадовала девушку. Кудряшки образовали вокруг ее личика золотисто-рыжий нимб. Ну что за напасть! Слишком женственно. Алекс вздохнула и направилась в гостиную пить чай. На лестнице ее окликнул брат Руперт:

– Господь Вседержитель, Алекс, что ты с собой сделала? Все наверняка скажут, что ты такая же полоумная, как наша бабуля. И кто, по-твоему, осмелится предложить руку и сердце умалишенной уродине?

Александра упрямо задрала носик:

– Именно в этом и заключается цель эксперимента, Руперт! Мне всего семнадцать; не нужны мне пока никакие предложения руки и сердца.

– Женихов не напугать, даже если обреешься наголо, сестренка. Ты ведь наследница, Алекс, таков твой удел.

Внизу их бабушка, леди Дороти Лонгфорд, прощалась с безвкусно одетым мужчиной.

– Приятно иметь с вами дело, виконтесса.

– Простое «миледи» вполне сгодится. – Дотти ткнула его эбеновой тростью. – И запомните, они должны прийти с наступлением темноты, иначе их не пустят. Мой егерь натравит на них собак. – Вдовствующая виконтесса Дороти Лонгфорд, женщина властная, одним своим присутствием могла подавить кого угодно.

Руперт и Александра давно привыкли к ее эксцентричным знакомым. Поскольку в Лонгфорд-Мэноре не водилось ни егерей, ни собак, они выбросили из головы подозрительный диалог.

Леди Лонгфорд поправила ярко-рыжий парик, дернула за шнур колокольчика, вызывая прислугу с чаем, затем поднесла к глазам лорнет и внимательно изучила внучку.

– М-м... – протянула старушка.

Александра терпеливо ждала отповеди.

– Похоже, ты вернулась к оригиналу. Бесенок с нимбом ангела – весьма необычно! Копна коротких кудряшек делает тебя выше. Длинные ножки, что у твоего жеребенка, – перед этим ни один мужчина не устоит. Ты произведешь в обществе настоящий фурор, дорогая, как и я в свое время.

Это было явным преуменьшением; в свое время Дороти не просто произвела фурор, она привела высший свет в исступление. И все же скандальное поведение не помешало ей выйти замуж за виконта Рассела Лонгфорда, самого богатого джентльмена в графстве Бакингемшир. Однако брак не утихомирил ее. Ходили слухи, будто любовников у нее было столько же, сколько детей у королевы Шарлотты, – целых пятнадцать!

– Не хочу я производить фурор, – возмутилась Александра.

– Чуть несусветная! Да ты наверняка подцепишь настоящего английского лорда, как это сделала я. Станешь леди в отличие от твоей матушки, к моему несмываемому позору.

Александре не хотелось говорить о матери, слишком болезненная тема. Маргарет вышла замуж за простолюдина Джонни Шеффилда, обесчестив тем самым своих родителей.

Затем сбежала с другим неотесанным мужланом, бросив детей на произвол судьбы. Бабушка пустила Александру и Руперта в свой дом и в свое сердце, не только обеспечив им материальное благополучие, но и окружив заботой и любовью. Дотти все еще страдала, и Александра поклялась себе откладывать свадьбу до тех пор, пока не будет уверена в выборе. Ведь Шеффилд женился на ее матери ради денег.

– С Рупертом все в порядке, – продолжала между тем Дотти, – он унаследовал от деда титул виконта. Но тебе, душа моя, придется выйти замуж, чтобы называться «леди».

– Никакой брак не сделает из женщины леди, – подмигнула Александра.

– Bravo, дорогая! Ты унаследовала мой извращенный ум. С удовольствием посмотрю, как ты поставишь Лондон на уши, прежде чем остепениться в браке.

– Я надеялся, что твоим мужем станет мой лучший друг Кит Хаттон, но ты даже не пытаешься привлечь его внимание, – посетовал Руперт.

– Она непременно выйдет за Кристофера Хаттона. Мы с лордом Хаттоном давно все решили, это ни для кого не секрет.

Александра слышала эти слова, сколько себя помнила. Они с Рупертом выросли вместе с близнецами Хаттон, чьи необъятные земли граничили с собственностью Лонгфордов. Эти дьявольски красивые братцы завораживали ее с самого детства, когда они с Рупертом принимали участие в их дерзких эскападах.

Александра живо припомнила один из эпизодов. Было это летом, мальчикам только-только исполнилось двенадцать. Кит Хаттон подслушал, как слуги говорили о разбойнике, которого вздернули на виселице в Хаунслоу-Хит на Грейт-Уэст-роуд. «Небось побоишься съездить верхом в Хаунслоу потрогать отвратительный труп», – начал он приставать к брату.

«Поехали, сам увидишь!» – ответил вызовом на вызов Ник.

Поначалу все четверо восприняли это как большое приключение. Опасная пустошь казалась им запредельной территорией, хоть и располагалась в двух милях от дома, ни один из них не видел обыкновенного мертвеца, не говоря уже о повешенном.

Александр до конца дней своих не забыть священного ужаса, охватившего ее при виде виселицы. Николас без колебаний подъехал к трупу и толкнул его, заставив качнуться в петле, но Кристофер даже близко подойти не осмелился. У Руперта, ровесника близнецов, тоже сдали нервы. Храбрость Ника изумила Александру. Он родился под знаком Льва и никогда не струсит. Никогда!

Бросив презрительный взгляд в сторону Кита и Руперта, Александра заявила, что тоже дотронется до повешенного. Ей до самой смерти не забыть загоревшегося в глазах Ника Хаттона восхищения. Именно этот взгляд придал ей сил, а еще то, что Ник держал ее за руку. При воспоминании об этом у нее до сих пор замирало сердце.

Дома их поджидал разъяренный лорд Хаттон. Кит свалил всю вину на брата, мол, именно он подбил их на богомерзкое дело и даже Александру заставил последовать его примеру. Николас знал, что порки ему не избежать, но не стал уличать брата во лжи и одарил Александру ободряющей улыбкой.

Появление служанки с чаем прервало поток воспоминаний Александры. Она посмотрела на бабушку и вздохнула. Дотти желает выдать ее за Кристофера Хаттона из-за титула. Впрочем, Александра и сама знает, что единственный способ избежать охотника за приданым – выйти за состоятельного дворянина. Но она разрывалась между близнецами. С Кристофером ее роднила любовь к живописи, к тому же он был близким другом ее брата, и все же Александра не могла сказать наверняка, что предпочитает именно наследника. По-настоящему она дружила с Николасом, с самого раннего детства поверяла ему свои тайны. Однако детство осталось позади. Близнецы Хаттон превратились в мужчин, причем опыта им было не занимать, если учесть их возраст. Алекс сожалела, что Николас стал относиться к ней как к сестре, с недавних пор ей захотелось, чтобы он увидел в ней женщину. Она взглянула на Дотти и неожиданно устыдилась своего влечения к Николасу. Всю жизнь ей внушали: не следуй зову сердца, не влюбляйся, до добра это не доведет.

– Кстати, сегодня вечером передайте Аннабель Хардинг мои сожаления. Скажите ей,

что я за... не смогла. – Тоненькая, словно тростинка, и прямая, точно аршин проглотила, Дороти Лонгфорд выглядела весьма внушительно, а подернутое сеточкой морщинок лицо до сих пор не утратило былой красоты.

В глазах Александры заблестели веселые искорки, губы сами собой растянулись в улыбке.

– Вы хорошо знаете, что следует говорить «занемогла», но если вы не идете, я тоже останусь дома.

– Вздор! Ты должна пойти. Она хочет выдать за твоего суженого свою уродину дочурку. И не только она имеет на него планы. В этом графстве каждая мать великовозрастной дочери спит и видит, как бы охомутать одного из близнецов Хаттон. Девки так и вьются вокруг них.

– Кристофер не мой суженый! – возмутилась Александра.

– Бред! Твой долг, как будущей леди Хаттон, держать этих жадных нахалок на расстоянии. Мужчины неразборчивы, душа моя; любую юбку задерут, только предложи.

В тринадцать Александра поняла, как женщины смотрят на близнецов Хаттон. И дамы постарше, и молоденькие барышни искали общества этих очаровательных дьяволов. Но лет до шестнадцати она понятия не имела, что в основе лежит сексуальное влечение.

– Мы даже не знаем, будут ли там Хаттоны.

– Чушь собачья! Генри Хаттон точно придет. Аннабель заманивает мужчин азартными играми, а развешанные в саду китайские фонарики наводят на мысль об интрижках!

– Могу тебя сопровождать, Алекс, и предлагаю один из своих париков с ленточкой, если пожелаешь скрыть это безобразие, – поддел Руперт сестру.

Александра подумала о Николасе, и ее вдруг охватило сожаление – надо было еще денек подождать со стрижкой.

– Какого черта ты делаешь?! – воскликнул Николас Хаттон, появившись из-за угла восточного крыла здания в компании косматой черной овчарки.

Его близнец прицелился и выстрелил прямо в клюв грифону на крыше особняка Хаттон-Холл.

– Сам попробуй! – расплылся он в улыбке, с гордостью указывая на искалеченного грифона.

– Тебе что, заняться больше нечем, как только скульптуры портить? Для тебя ничего святого нет!

– А что особенного? Уверен, мы в состоянии заменить парочку-другую, – протянул Кит.

– Дело не в деньгах. Хаттон-Холлу более двухсот лет, грифоны – вещь старинная. Нужно беречь дом наших предков. – Николас всем сердцем любил Хаттон-Холл и окружающие его земли. Для него это была единственная связь с матерью, которую он знал лишь по рассказам слуг.

– Не слишком ли сильно ты его бережешь? Точнее говоря, домогаешься? В один прекрасный день Хаттон-Холл станет моим, так что побереги свои советы для Хаттон-Грейнджа.

Судя по всему, Кристофер должен был унаследовать титул, Хаттон-Холл и Хаттон-Парк, а Николас – конеферму Хаттон-Грейндж. Серые глаза уставились в точно такие же серые глаза, пока одна пара не опустилась. В душе Кристофер понимал, что брат не домогается его собственности. Кит наигранно рассмеялся и поднял ресницы.

– Я пошутил! Впредь буду стрелять только в голубей.

По прибытии к Хардингам Александра решила сразу же отыскать леди Аннабель, дабы передать ей извинения Дотти, а Руперт направился напрямик в игральную комнату. Близнецы Хаттон уже приехали, и Руперт, как обычно, не смог отличить одного от другого. Иногда их отличала манера одеваться – Кит любил желтовато-коричневые и бордовые тона,

Ник предпочитал голубые и серые, но в вечерних нарядах они выглядели совершенно одинаково. Черные кудри ниспадают на высокие накрахмаленные воротнички, шейные платки завязаны сложным узлом, рубашки безупречны, черные камзолы идеально сидят на широких плечах. Длинные пальцы небрежно держат карты, оба добродушно подшучивают над остальными игроками.

Лицо Руперта внезапно озарила улыбка – загадка решена. Удача редко улыбалась Киту, тогда как Ник никогда не проигрывал. Руперт поприветствовал своего друга Кита, тот прекратил борьбу, осушил стакан и поднялся из-за стола.

– Мне больше везет в спорах на слабый пол. – Прежде чем покинуть игральную комнату, Кит взял с серебряного подноса лакея еще два стакана и осушил оба. – Что-то меня на остренькое потянуло, Руперт. Гинейя нашептала мне, что я вполне могу увлечь в кусты рододендрона Оливию Хардинг.

– Разве ты не знаешь, что последнее время Ник ищет расположения Оливии?

– Не будь идиотом, Руперт, – ткнул его в ребра Кит. – Конечно, знаю. Так еще интереснее. Для меня дело чести очаровать любую девушку, которая запала на Ника. Легче легкого!

– Но у тебя же есть преимущество – титул! – без обиняков заявил Руперт.

– В точку! – расхохотался Кит. – Я просто иду по стопам своего отца. До того как покинуть этот дом, он непременно уложит в кровать леди Аннабель и накачается хозяйским бренди, хотя за последовательность действий не поручусь.

В бальном зале Александра отказалась от приглашений на танец, полученных от трех холостяков, и улизнула в игральную комнату. Взгляд ее тут же упал на одного из близнецов Хаттон, и она задержала дыхание, от всей души надеясь на то, что это Николас. Сердечко ее трепетало в груди, словно овечий хвостик, пока серые глаза насмешливо изучали ее стриженные кудряшки.

– Привет, бесенок. Опять за старое взялась, как я погляжу.

От глубокого голоса и нежного прозвища по ее телу прошла волна удовольствия.

– Привет, Ник. Хотела отпугнуть охотников за приданым, но напрасно. Вот и решила укрыться здесь, провести ночь рядом с тобой за картами.

– Ты не сделаешь ничего подобного, Александра! – вполне серьезно заявил Николас.

Он обращался с ней, как зрелый мужчина с ребенком, и эта манера поведения приводила девушку в бешенство.

– Это еще почему? – вспыхнула она. – Я любого в этой комнате обыграть могу. Ты же знаешь, сам меня учил.

Николас сделал знак крупье, что не будет играть следующий кон, одарил сидящих напротив пожилых дам очаровательной улыбкой, кивнул остальным мужчинам и хозяину дома лорду Хардингу.

– Прошу нас извинить. – Он взял Александру под локоток и вывел из комнаты. – Ты не можешь всю ночь напролет просидеть за картами с мужчинами. От твоей репутации ничего не останется.

– Но там ведь и другие дамы присутствуют! – взвизгнула Александра.

– Все они уже вдовы, заядлые картежницы, причем в том возрасте, когда нет нужды заботиться о репутации.

– Моей репутации не повредит, если я посижу за одним столом с вдовами, – упрямылась девица.

– Пока ты не начнешь жульничать, котенок. Вот тогда придется расплачиваться по полной.

– Но ты по крайней мере принес мне «Опасные связи» Лакло?

– Нет. – Его голос стал еще ниже, превратившись в рычание – предостерегающее рычание. Но Алекс проигнорировала это предостережение.

– Почему нет?

– Абсолютно неподходящая вещь, один разврат и непристойщина.

– Я должна узнать о сексе, если собираюсь писать романы.

– Опять за старое? Ну и упрямый же ты ребенок.

Она заглянула в его серые глаза, и они показались ей бездонными озерами. Девушка поморгала, прогоняя видение. Как больно слышать его неодобрение, но куда страшнее получить отказ.

– Да что с тобой, Ник? Мы ведь через всякие эскапады и приключения вместе прошли.

– Это было в детстве, когда я учился в школе. С тех пор я вырос и повзрослел, а ты, похоже, нет, бесенок.

Она саркастически хмыкнула:

– Непонятно, как ты вообще снизошел до разговора со мной с высоты своего престарелого возраста.

Другого столь возмутительного создания противоположного пола на всей земле не сыскать, но стоило Нику взглянуть на яркую головку, и у него тут же возникало желание взять Алекса под свою защиту.

– Если пообещаешь вести себя примерно в ближайший час, я встречу с тобой в десять в летнем домике, там и поговорим.

Ник нашел взглядом Руперта, увлеченного беседой с хорошенькой блондинкой, и повелительным жестом подозвал к себе:

– Проводи свою сестру на ужин, Руперт. И не спускай с нее глаз, ей требуется охранник.

Потом вернулся за карточный столик, извинился за паузу и продолжил игру. К столику подсади новые игроки, и к десяти Ник стал богаче на сто гиней, кои присовокупил к сумме, собираемой на чистокровных кобыл для Грейнджа.

Ник заглянул в столовую. Пусто. Прихватив с собой бутылку шампанского и два фужера, он направился в освещенный фонариками сад. Молодые люди сбились в стайки у террас, смеялись и флиртовали. Более безрассудные бродили по полянкам и посыпанным гравием дорожкам в тени тисов и плакучих ив. Николас остановился и с удовольствием вдохнул густой аромат рододендронов, как вдруг прямо из кустов на него выскочила молодая девушка. Он пробежался циничным взглядом по ее измятому платью и подпорченной прическе.

– Кристофер! – округлила она глаза, лихорадочно натягивая на плечико лямку вечернего платья, чтобы прикрыть полуобнаженную грудь.

– Боюсь, это Николас. Кристофер позади тебя.

Оливия в ужасе повернулась и, запинаясь, пролепетала:

– Но... он выдал себя за тебя... – Она вlepила Киту пощечину и скрылась в тени.

– Она лжет, – протянул Кит, засовывая рубашку в штаны. – Очень уж ей хотелось сравнить наше достоинство. К счастью, я не разочаровал ее.

– Это потому, что у тебя все мозги в пенис пошли, – холодно бросил Ник. Одно дело делиться проститутками и даже сменять друг друга в постелях неудовлетворенных жен высшего света, и совсем другое – молоденькие барышни. Нику хотелось как следует вмазать Киту, но он знал, что брат напился и не сможет ему ответить. Усилием воли Ник обуздал охватившую его ярость, повторяя себе снова и снова, что Оливия Хардинг не успела войти в его сердце, как и прочие девушки, которых увел Кит. Слава Богу, у него хватает ума не влюбляться.

Глава 2

Когда впереди замаячил летний домик, Николас сумел взять под контроль свои эмоции, по крайней мере на время.

– Где тебя носило? – накинулась на него Александра. – Я уже несколько часов тебя жду!

– Обязательно преувеличивать, бесенок?

– Конечно, я же писательница! Все должно быть красочнее, чем в жизни.

– Если хочешь поговорить, переходи на серьезный тон, Александра.

– Прекрати обращаться со мной как с ребенком! – вспыхнула девушка.

В душе Ник не мог не признать, что действительно думает об Александре, как о маленькой девочке, стараясь защититься от ее чар.

– Если бы я считал тебя ребенком, разве принес бы шампанское? – возразил он, приглаживая ее взъерошенные перышки.

– О, какая прелесть! Спасибо, Ник!

– Я налью, а ты говори.

– Дотти настаивает на том, чтобы я приняла участие в осеннем сезоне после открытия парламента. Но я не для этого собираюсь в Лондон! Я хочу стать писательницей, а не терять время, отбиваясь от охотников за приданым. Мне всего семнадцать, рановато думать о браке. Мне хочется отведать вкус жизни, пережить приключения, узнать, что такое независимость и свобода, а уж потом похоронить себя в деревне с мужем и детьми.

Он взглянул на ее милое личико, и его сердце пропустило удар.

– Бабушка желает тебе добра, Александра. – Ему удалось справиться со своими чувствами. – О богатстве Лонгфордов ходят легенды. У тебя нет нужды волноваться о деньгах и зарабатывать себе на жизнь. Ты можешь выйти замуж, а писательство сделать своим хобби.

– Не смей относиться ко мне свысока! Я думала, ты поймешь меня, как никто другой! Романы – моя страсть, так же как твоя – лошади. Ваша семья тоже богата, но это не мешает тебе разводить лошадей.

– Я мужчина, – возразил Николас.

– И говоришь как чертов мужчина! Почему женщина не может иметь амбиции? – взвилась Александра. – Времена меняются, Николас. Георгианский стиль жизни уходит в прошлое, ему на смену пришло регентство! Напудренные парики и дуэньи теперь никому не нужны. Наше поколение требует уменьшить количество ограничений и расширить рамки свободы – и для мужчин, и для женщин. Разве это плохо?

«Господи, она невинное дитя», – мелькнуло у него в голове. Она глубоко заблуждается, полагая, что у нынешнего поколения меньше ограничений и больше свободы, чем у предыдущих. Такого распутства мужчин, как во времена Георгов, еще поискать, да и женщины хранили целомудрие лишь на словах, герцогини не реже герцогов производили на свет незаконнорожденных отпрысков. Взять хотя бы бабушку Алекс. Ее поведение высокоморальным не назовешь.

– Что бы ты ни говорила, Александра, ты еще не женщина, а предоставлять семнадцатилетней девушке свободу безнравственно. Лондон – это не только Мейфэр и «Олмакс». За пределами сверкающей Сент-Джеймс-стрит находятся весьма сомнительные местечки, небезопасные для невинных барышень. А дальше – огромные пространства, где за жизнь никто и ломаного гроша не даст. Многие мили тянутся эти грязные, отвратительные улицы, царство болезней и нищеты. Не хотелось бы мне, чтобы ты увидела обратную сторону Лондона. И это касается не только бедных районов, Александра. Зло и скверна расцветают пышным цветом и среди бомонда.

Глаза ее загорелись.

– Но именно об этом я и собираюсь писать! У каждого джентльмена имеется любовница, а у каждой красивой женщины – любовник. Ты – часть этого мира, почему же отказываешь мне в праве тоже стать ею?

– У меня нет любовницы, – с нажимом проговорил он.

Александра залилась смехом и протянула ему бокал.

– Что тут смешного? – спросил он, наполнив на этот раз половину бокала.

– Хочу выпить за твою нравственность! Зачем тебе тратиться на любовниц, если женщины сами бросаются тебе на шею, готовые бесплатно пробраться в твою постель?

– Тебе даже знать о таких вещах не положено, Александра, не то что обсуждать

подобные вопросы с представителем противоположного пола! Ты безнадежна, следовало бы отшлепать тебя по попке.

– А твоим птичкам это тоже нравится?

– Александра!

– А откуда ты столько знаешь о зловещей стороне Лондона?

– Я мужчина, – повторил он. Больше он ничего не собирался ей рассказывать. Его слова не только не отпугнули ее; напротив, добавили притягательности Лондону со всеми его грехами и соблазнами. – Пообещай, что ты не сделаешь никакой глупости, не сбежишь и...

– Не заведу любовника? – поддела она его.

– Александра!

– Хотелось бы мне знать, почему сама мысль о том, что девушка завела себе любовника, шокирует, тогда как общество считает это вполне приемлемым для замужней дамы?

Сообразив, что, кроме эксцентричной бабули, направить Александру на путь истинный некому, Николас решил выдать ей неприкрытую правду:

– Леди должна быть девственницей, когда выходит замуж, чтобы у мужа не оставалось сомнений в том, что первенец и наследник родился именно от него. После этого отцовство не так уж важно.

Настал черед Александры испытать шок.

– Я и не думала, что это имеет отношение к деньгам и наследству. Какая пошлость! Ведь, имея любовника, девушка никому не изменяет, не нарушает священный брачный обет. В конце концов это ее дело. Когда-нибудь возобладает именно такая практика, вот увидишь, – самонадеянно заявила она.

– Только не на моем веку! – отрезал Николас.

– Не бойся, никуда я не сбегу, – сказала Александра. – По крайней мере до твоего дня рождения. Не упущу шанс побывать на приеме в Хаттон-Холле. Хочу написать обо всех недостатках и слабостях ваших гостей. Держи пальцы крестиком, чтобы разыгрался какой-нибудь скандал.

– Бесенок! – Он провел рукой по ее волосам, от всей души надеясь, что под яркими кудряшками кроется разумная голова. – Еще по стаканчику, и пойдем искать Руперта.

Не успел Ник отворить для Алекс дверь летнего домика, как увидел своего разъяренного папеньку. В нос ударил стойкий запах бренди. Николас приказал Александре уйти и возблагодарил Господа за то, что она хоть раз в жизни послушалась его.

– Грязный развратник! Ты увлек ее сюда, дабы соблазнить! Держись подальше от Александры Шеффилд, ты же знаешь, черт побери, что она предназначена Кристоферу! Поэтому тебя и влечет к ней, свинья? Ты домогаешься всего, что принадлежит ему!

Это несправедливое обвинение привело Николаса в бешенство. Он никогда не позволял своим чувствам к Александре одержать верх, не думал о ней и уж тем более не домогался ее. Ник стиснул зубы и сжал кулаки, стараясь справиться с приступом гнева.

Генри Хаттон бросил многозначительный взгляд на бутылку шампанского.

– Ты пытался подпоить ее и лишиться девственности... или я опоздал? – подозрительно сощурил он глаза.

Это было уже слишком. Ник замахнулся бутылкой и ударил папашу прямо в висок. Лорд Хаттон упал на траву точно подкошенный и замер без движения.

Собравшиеся оцепенели. В воздухе повисла тишина.

– Он мертв? – осмелился кто-то спросить.

– Мертвецки пьян! – с презрением бросил Ник и пошел прочь.

* * *

На следующее утро Ник Хаттон заглянул в Лонгфорд-Мэнор заверить Александру, что все в порядке.

– Вы наследник или запасной? – направила на него лорнет Дотти Лонгфорд.

– Я Николас, миледи, – улыбнулся он ее прямодушному вопросу.

– М-м, я так и знала, от наследника визитов не дождешься. – Она поправила свой черный парик. – Я бы предложила вам позавтракать с нами, только вот кухарку сегодня утром пришлось уволить. Эти слуги невыносимы! – Как только Александра спустилась вниз, Дотти удалилась. – Я буду в кухне, попробую приготовить себе лосося. Обойдусь без этого сброда, именуемого слугами.

– Эксцентрична, как бандикут, – покачала головой Александра.

– Уж лучше бандикут, чем бешеный бык. Прошу прощения за вчерашний вечер, Александра.

– Чем ты его так рассердил?

– Сам не знаю, – с очаровательной улыбкой соврал Николас, – а сегодня утром отец ничего вспомнить не смог. Провалы в памяти – единственное преимущество чрезмерных возлияний. Я просто хотел убедиться, что этот эпизод тебя не расстроил.

– Услышать от лорда Хаттона похвалу в твой адрес – вот что было бы удивительно. Он постоянно на тебя злится. Как ты это терпишь, Ник?

– В преддверии нашего дня рождения он вообще стал невыносим. Видимо, воспоминания о маме причиняют ему страдания, – пояснил Ник, пытаясь оправдать поведение отца.

– Он еще пожалеет об этом, когда узнает себя в моем романе!

– Приезжай пораньше в воскресенье, – рассмеялся Николас. – И старую одежду для верховой езды не забудь. Найдешь меня на конюшне.

– Где же еще? – Ее восхищенный взгляд задержался на распахнутом ворота рубашки, открывающем соблазнительную сильную шею. – И альбом прихвачу, – заявила она, зная, что будет рисовать.

Когда Николас ушел, Дотти явилась из кухни со сковородой подгоревшего лосося в руках.

– Обожаю этого мальчика. Будь я лет на десять моложе, поспорила бы с девицами за нашего Адониса!

Александра едва не поперхнулась. Даже если скинуть Дотти лет десять, ей все равно было бы за пятьдесят! Надо признать, Николас Хаттон наводит на мысль о постели всех дамочек, независимо от их возраста.

– Надо бы подумать о маскарадном костюме. – Мысль о предстоящем приеме будоражила кровь Александры. Она уже решила нарядиться молодым человеком, поскольку в присутствии мужчины гости будут вести себя не столь осмотрительно. – Кем вы будете?

– Монашкой, конечно. Пусть все думают, что я храню обет безбрачия.

На этот раз Александра поперхнулась и закашлялась, притворившись, будто виной всему сгоревший лосось.

– Нынешняя молодежь начисто лишена воображения. Сборище бесхребетных жеманных слюнтяев! Разве ты не знаешь, что маскарады появились как благопристойный повод пощеголять в непристойных нарядах? В юности я наряжалась в такие скандальные костюмы, что всех оторопь брала. Из-за одного меня даже прозвали Годивой. – Взгляд ее затуманился. – Интересно, где тот парик с длинными серебристыми волосами? Скорее всего я спрятала его в сундук, который стоит на чердаке. Советую тебе порыться в нем.

– Непременно пороюсь, как только приготовлю вам завтрак.

– Спасибо, милая. Ты просто ангел.

Чуть позже Александра принесла в свою комнату несколько костюмов. Дотти нашла старую слуховую трубу и прижимала ее к груди, словно драгоценность.

– Чума ее побери, это приспособление поможет мне развлечься так, как я давно уже не развлекалась!

– Как средство для тычков?

– Нет! Притворюсь, будто внезапно оглохла. По крайней мере от скуки на приеме не

помру.

* * *

В пятницу, 21 июля, за день до дня рождения, Кристофер Хаттон с восторгом взирал на большую деревянную коробку с надписью «Джозеф Хейлин, Корнхилл, Лондон». Пистолеты Хейлина славились на всю Англию, и Кристофер понял, что прибыл подарок ко дню рождения. У Кита имелась чудесная коллекция оружия, но он был не прочь добавить к ней еще один экземпляр. Он уже и так и эдак намекал отцу о парочке отделанных серебром пистолетов, которые видел в мастерской Хейлина, и, похоже, его усилия не пропали даром.

– Ну, Кристофер, – заявил отец, поднимаясь из-за стола после обеда, – если хочешь получить свой подарок, приходи на конюшню.

На мгновение Кит удивился подобному предложению, но потом решил, что к каждому пистолету скорее всего прилагается новая кожаная седельная кобура.

– Люблю сюрпризы, – подмигнул Кит брату по пути на конюшню.

Однако сюрприз получился неприятный. Вместо пистолетов отец вручил Кристоферу угольно-черного чистокровного скакуна. Страх молнией пригвоздил Кита к месту, в памяти всплыл десятый день рождения. До той поры, начиная с трех лет, близнецы катались на безопасных пони. Хаттон решил, что в десять лет его наследник вполне готов оседлать своенравного черного гунтера.

Животное привело Кита в ужас, и он всем сердцем пожелал поменяться лошадьми с Николасом, которому досталась послушная серая кобылка. Два дня он не подходил к своему жеребцу, пока отец не заявил, что желает посмотреть гунтера в деле. Кит подкрался к огромному зверю с седлом наперевес и кнутом в мокрой от пота ладони.

Гунтер не шелохнулся, пока Кит не оказался в стойле, потом вдруг обнажил огромные зубы и кинулся в его сторону. Кит взмахнул хлыстом, но это лишь разозлило животное. Конь попросту взбесился и встал на дыбы, готовый растоптать мальчишку, осмелившегося замахнуться на него кнутом.

В тот день Николас спас ему жизнь.

– Не бей его! – закричал Ник, схватив вилы и осторожно подталкивая жеребца в угол. – Быстрее, беги! – Но Кит замер точно парализованный. Гунтер опять встал на дыбы и заржал, Ник откинул вилы, бросился вперед, обхватил брата и выкатился вместе с ним из-под копыт. В этот момент Кристофер Хаттон понял, что брат любит его куда больше, чем отец.

Но это лишь половина истории. Ник поменялся с Китом одеждой и проехался на гунтере под критическим взглядом отца. Позже Ник объяснил ему, что конь тоже испугался и только доброта и твердая рука смогли утихомирить его. Прошел год, прежде чем Кристофер перестал обливаться потом, взбираясь на жеребца. Еще год понадобился для того, чтобы научиться ездить на нем с врожденной бесшабашностью брата.

Кит почувствовал, как по спине стекают знакомые струйки пота, от запаха лошадей, соломы и кожи к горлу подступила дурнота, но он давно научился не проявлять слабости при отце.

– Отличное животное. Как вам имя Разбойник?

На губах Генри Хаттона заиграла довольная улыбка.

– А тебя, мой мальчик, дома ждет парочка отличных пистолетов, – повернулся он к Николасу. – Если будешь тренироваться, когда-нибудь добьешься той же меткости, что и Кристофер.

– Господь всемогущий, ну почему он такой тупой? – выругался Кит, как только отец покинул конюшню.

– Он не тупой, Кит, – обнял его за плечи брат. – Просто он знает, что у меня страсть к лошадям, а у тебя к оружию.

Кит бессильно сжал кулаки и прошипел сквозь зубы:

– Ненавижу этого сукина сына, а ты?

Ник посмотрел вслед отцу, глаза его потемнели.

– Нет, Кит, – покачал он головой. – Мне его жаль.

Поскольку леди Лонгфорд, Александра и Руперт прибыли раньше других гостей и к тому же были старыми друзьями семьи, они получили возможность сами выбирать себе спальни. Александра обратилась к мажордому мистеру Берку с особой просьбой – предоставить ей комнату прямо над покоями Николаса Хаттона. Давным-давно, еще в детстве, она поймала Руперта и Кристофера за весьма непристойным занятием – они подглядывали за Николасом через дыру в полу. Александра надеялась, что дыра осталась на месте, потому что у девушки имелись на нее свои планы.

Она открыла высокое окно, выходящее на декоративное озеро, заметила у дальнего берега Кристофера Хаттона и вспомнила, что сегодня день его рождения, а у Ника будет только через два дня. Алекс точно знала, что это Кит, потому что молодой человек стоял у мольберта. Она решила присоединиться к нему и захватила с собой альбом.

– С днем рождения, Кит. Насколько я поняла, ты тут от гостей прячешься, вот и не устояла, нарушила твой покой.

– Привет, чертенок! Откуда ты знаешь, что я от гостей прячусь?

– Еще бы не знать! Я давно тебя изучила, – рассмеялась она.

– Какого черта ты волосы отрезала? – окинул он ее взглядом.

– Неужели заметил? Ты меня удивляешь! Обычно ты занят собственной персоной, – поддела она его, придвигаясь ближе и заглядывая ему через плечо. На картине красовалась парочка фазанов, собственноручно подстреленных Китом чуть раньше. – Можешь подарить свое произведение Дотти. Сегодня утром со стены нашей парадной столовой исчезли два полотна Томаса Лоуренса. Бабуля говорит, что отнесла их на чердак, надоело ей, видите ли, смотреть на жеманных дамочек.

– Если она предпочтет меня Лоуренсу, ее эксцентричность поистине безгранична, – с несвойственной ему скромностью отреагировал Кит.

Александра сбросила промокшие от росы туфельки, уселась на траву, подобрав под себя ноги, и открыла альбом.

– Распахни ворот, Кит. Я хочу тебя нарисовать.

– Это будет один из твоих карикатурных портретов, да?

– Конечно, нет! Ты один из самых красивых мужчин, которых я видела за свою недолгую жизнь. Я не устаю восхищаться тобой.

Кит Хаттон давно привык к восторженным взглядам и относился к ним снисходительно, но с Александрой дело обстояло иначе. Он считал ее необычайно красивой, однако виду не подавал. Алекс единственная в трех графствах могла не бояться в его обществе за свою честь по одной простой причине: стоит ему взглянуть в ее сторону, как папенька тут же объявит об их помолвке, а Кит пока не собирался связывать себя брачными узами.

– Тебя привлекает во мне то, что я близнец.

– Очень может быть, – согласилась с ним Александра. – Отчасти.

Она решила нарисовать обоих братьев, чтобы позднее изучить разницу. Ник обычно зачесывал черные кудри назад, а Кит одну прядку всегда выпускал на лоб. Алекс диву давалась – из двух совершенно одинаковых с физической точки зрения красавцев лишь один волновал ее кровь.

Через четверть часа к ним присоединился Руперт:

– Так вот вы где прячетесь! Пойдем, Кит. Нужно разработать маршрут скачек. Харт Кавендиш приехал, настаивает на том, чтобы провести состязания сегодня днем.

– Ты же не лорда Хартингтона, герцога Девоншира, имеешь в виду? Откуда ты его знаешь? – встрепенулась Александра. Уильям Спенсер Кавендиш был сыном печально известной Джорджианы, герцогини Девоншир, и в прошлом году унаследовал титул отца.

– Мы с ним в Харроу вместе учились, – отмахнулся Руперт.

– О, я хочу взглянуть на него! – заявила Александра. – Ведь это он впал в истерику, когда его кузина Каролина Понсонби вышла за Уильяма Лэма, потому что считал ее своей женой!

– Держу пари, он был чертовски рад, что Каро жена Уильяма Лэма, когда она стала предметом скандала с Байроном – кстати, еще одним нашим школьным приятелем.

– О, Кит, почему ты никогда мне об этом не рассказывал? – Ее очень интересовала Каро Лэм – ветренная особа, которая, по слухам, послала Джорджу Гордону, лорду Байрону, волосы со своего лобка. – Ты не знаешь всех ходов и выходов той истории?

Кит так хохотал, что свалился на траву.

– Ходов и выходов! Боже правый, Александра, ну и язычок у тебя!

Алекс вспыхнула и притворилась, будто сказала это намеренно. Девушка взяла альбом и угольные карандаши и поспешила в Хаттон-Холл. Юный лорд Хартингтон – вот настоящий материал для ее беспощадных карикатур!

Глава 3

К обеду собралось большинство гостей. Среди них были не только соседи, которых знала Александра, но и лица совершенно ей незнакомые. Бабушка представила ее своей приятельнице леди Спенсер, и лишь когда высокий голубоглазый блондин поднес к губам ее пальчики, Алекс сообразила, кто они такие. Харт Спенсер Кавендиш был внуком леди Спенсер, подруги ее бабушки.

– Глазам своим не верю, Дотти! Александра – копия моей дочери Джорджианы. В свои семнадцать она была такой же стройной, высокой красавицей с копной золотисто-рыжих кудрей.

– В таком случае неудивительно, что отец влюбился в нее, – галантно заметил Харт Кавендиш. Он открыто разглядывал Александру, не пытаясь скрыть, что длинноногая рыжеволосая чаровница поразила его воображение. – Позвольте мне присоединиться к вам?

– С величайшим удовольствием, ваша светлость.

– Прошу вас, зовите меня Харт. Я понятия не имел, что у Руперта такая восхитительная сестренка.

Александра хотелось забросать его тысячью вопросов. Перед ней стоял молодой человек, чье детство прошло в печально известном Девоншир-Хаусе среди детей, коими его папенька попеременно награждал и Джорджиану, и свою любовницу Элизабет Фостер. Скандалы и интриги завораживали Александру. Она буквально пожирала глазами Харта Кавендиша, но видела в нем не мужчину, а неисчерпаемый источник для сплетен и слухов – на целую книгу хватит. Он многое знает о своей матери и его королевском высочестве принце Уэльском!

– Вы придете посмотреть скачки? – обратился к ней Харт.

Александра и сама рассчитывала принять участие в скачках, переодевшись в сапоги и бриджи, но внезапно передумала. Почему-то ей не хотелось представлять перед Хартом Кавендишем неисправимым бесенком, по крайней мере пока. Он всю жизнь был окружен подобными женщинами. Молодой человек не сводил с нее восхищенного взгляда и явно хотел подружиться, а дружба с герцогом вещь полезная. Он мог ввести ее в высший свет.

– Непременно приду посмотреть на вас, – заверила его Александра. Она побежала наверх и выбрала самое красивое муслиновое платье с зелеными ленточками по завышенной талии, привлекающими внимание к ее пышной груди.

Тем временем в конюшне Кристофер Хаттон предложил Харту Кавендишу для скачек Разбойника, своего нового скакуна.

– Чертовски опрометчивый поступок, Кит.

– Ну, я бы так не сказал, – протянул Кит. – О его способностях пока еще ничего не известно. Я к своему жеребцу привык, незачем менять шило на мыло.

Николас понял, что брат нашел способ сохранить лицо, это было ему на руку. Главным

соперником Николаса являлся наездник Разбойника, и теперь ему не придется придерживать свою лошадь.

Маршрут лежал через Хаттон-Парк, вокруг озера к берегу речки Крейн, по лугам Хаттон-Грейнджа, через леса Лонгфордов и заканчивался там же, где начинался, – у конюшен. Лужайку заполонили гости, все смеялись, шутили, делали ставки.

Генри Хаттон стоял в окружении группы мужчин постарше. Разговор, насколько поняла Александра, шел о войне с Наполеоном.

– Не волнуйтесь! – заявил отставной полковник Стивенсон. – Веллингтон положил конец власти Наполеона на Пиренейском полуострове. Он непременно победит пустоголовых французов, такого талантливого генерала еще свет не видывал!

Вдруг Алекс заметила среди них свою бабулю.

– Кровожадные вояки! Несчастный шельмец – нос крючком, замучается бить французов, если конная гвардия будет и впредь посылать ему таких идиотов, как генерал Лайтхьюм и полковник Флетчер! Ему нужны настоящие мужики с железными яйцами вроде сэра Роуланда Хилла!

– А я всегда считал вас сторонницей вигов, леди Лонгфорд, – удивился один из джентльменов. Дотти вполне могла позволить себе непристойные выражения, ей всё прощали из-за возраста и богатства.

– Виги, тори – все в один горшок писают! Плевать им на Англию, для них главное – карманы набить!

– Не выпьете ли со мной чаю с бренди? – с улыбкой обратился лорд Хаттон к Дотти. – Сегодня днем? Мне хотелось бы обсудить с вами одно дело.

Александре стало любопытно, что за дело собирается обсудить с ее бабушкой хозяин Хаттон-Холла, но в этот момент земля содрогнулась от топота копыт. Алекс пробралась в передние ряды, чтобы посмотреть на завершающую стадию скачек. Два жеребца шли ноздря в ноздю, оставив далеко позади всех остальных, – черный и серый. Сколько она себя помнила, Ник Хаттон всегда заводил серых. Для нынешнего состязания он выбрал коня, которого сам вырастил. Будь у Александры миллион фунтов, она не задумываясь поставила бы все на серого, но не на животное, а на седока.

Казалось, скачки закончатся вничью, но Александра в это не верила. Она взгляделась в наездника серого скакуна и увидела, как сверкнули на солнце его белоснежные зубы, – Хазард Хаттон наслаждался игрой. У Алекс мурашки по спине побежали. Николас умел подчинить себе зверя и направить его силу в нужное русло. И вот, ко всеобщему ликованию, его лошадь первой пересекла финишную прямую, обставив на последних метрах черного жеребца Харта Кавендиша.

Александра смотрела на Ника словно замороженная. Один его вид вызывал у девушки возбуждение, никто из представителей сильного пола не мог сравниться с ним в мужественности. Рубашка прилипла к его телу, на шее пульсировали жилки. Не то чтобы он очень любил побеждать, нет, он просто ненавидел проигрывать. В общем, для Александры Ник был единственным мужчиной на земле.

Харт Кавендиш помотал головой, не в силах поверить в случившееся, потом рассмеялся и поздравил Ника. Александра тут же прониклась к блондину теплыми чувствами. Мимо Александры пронеслась стайка молоденьких девушек, жаждущих поздравить победителя и пофлиртовать с другими молодыми людьми, принимавшими участие в скачках. Лошади вернулись в конюшню, начались разговоры о ставках, кому собирать, кому платить. Двоюродный брат близнецов, Джереми Итон, вызвался проследить за банком. Возражать никто не стал, поскольку его отец был финансовым советником.

– Я непременно обогнал бы тебя, если бы выбрал Разбойника, – заверил брата Кит.

– Вполне возможно, – благодушно согласился Ник.

«Интересно, Ник попридержал бы свою лошадь, чтобы дать Киту выиграть?» – подумала Александра. Между братьями Хаттон существовала очень тесная связь, незаметная для постороннего глаза.

Кит и Руперт передали своих скакунов конюхам и предложили остальным участникам состязаний искупаться в озере. Юные наездники дружно поддержали их, а девушки начали хихикать и перешептываться, намереваясь пойти за ними и понаблюдать.

Александра не поддавалась всеобщему игривому настроению. Она направилась в конюшню, не сомневаясь в том, что Николас не доверит свою лошадь чужим рукам, сам о ней позаботится. Алекс стояла и смотрела, как Николас успокаивает и своего серого, и черного жеребца. С губ сам собой сорвался вопрос: откуда у него такое взаимопонимание с животными?

– Мистер Берк говорит, что я унаследовал его от своей ирландской матушки. Ее семья разводила коней и знала древний секретный ритуал под названием «перешептывание с лошадьми».

– Никогда не слышала о перешептывании с лошадьми! – пришла в восторг Александра.

– Нужно постичь естественное поведение животного и обходиться с ним по-доброму, не применяя грубую силу.

– Похоже на магию.

Его улыбка стала еще шире.

– Вокруг перешептывания с лошадьми ходит немало слухов, но магия тут ни при чем. Доброта – вот что творит настоящие чудеса, и с людьми, и с животными.

Ник чистил Слейта. «Какие у него красивые руки! Мускулы так и играют», – подумала Александра. Интересно, что бы она почувствовала, если бы он прикоснулся к ней подобным образом? При мысли об этом у нее чуть колени не подогнулись. Александре захотелось нарисовать Николаса, запечатлеть на бумаге мужскую красоту, чтобы потом иметь возможность полюбоваться ею, когда нахлынет очередная волна желания. Последнее время желание охватывало ее все чаще и чаще.

– Надень ты старую одежду для верховой езды, могла бы мне помочь. К чему этот милый наряд?

– Решила хоть изредка вести себя как юная леди, а не как бесенок.

– А я думаю, с чего вдруг ты отказалась участвовать в скачках? Неплохо для разнообразия. – Он одобрительно посмотрел на ее платье. – Но надолго ли тебя хватит?

– Не знаю. Пока не надоест. Заметь, я не понеслась с остальными кокетками к озеру, чтобы поглазеть, как юноши снимают рубашки и прыгают в воду на глазах у восхищенной публики. – Александра искренне надеялась развеять возможные подозрения относительно ее планов, касающихся Ника.

– Неужели ты повзрослела? – Его взгляд снова пробежался по ее фигурке, задержался на груди, на губах и поднялся к ярким кудряшкам.

Александре показалось, что в его глазах мелькнуло сожаление, как будто он не хотел, чтобы она выросла.

Вернувшись в свою комнату, Александра первым делом отодвинула от кровати скамеечку в стиле чиппендейл. Потом, сгорая от предвкушения, закатала зеленый китайский ковер. Дырку не замуровали! Ее проделали в потолке нижней комнаты, чтобы повесить люстру, но ошиблись на целый фут. Когда же внушительная люстра заняла свое место в центре потолка, оказалось, что снизу дыра не видна.

Александра опустила на колени и прикинула к отверстию. Высокие восемнадцатифутовые потолки создавали чудесный обзор. Она взяла альбом и угольный карандаш, прихватила подушку с кровати и устроилась поудобнее в ожидании модели. Натурщик не заставил себя ждать. После скачек и чистки лошадей Николасу нужно было помыться. Девушка припала к дырке в полу, наблюдая за тем, как он вытаскивает из-за ширмы медную ванну. Через несколько минут появились слуги с ведрами горячей воды.

Алекс распласталась на полу и затаила дыхание. Ник стал раздеваться. Девушка и думать забыла об эскизах, замороженная открывшимся зрелищем. Никогда раньше Александре не доводилось видеть голого мужчину, и ей очень повезло, что первым стал

именно Николас Хаттон.

Горделивая голова, широкие плечи и спина словно отлиты из бронзы. Бедра узкие, ягодицы маленькие, крепкие, ноги сильные, мускулистые. Он повернулся, чтобы залезть в ванну, и она увидела, что живот у него плоский, но любопытный взгляд не замедлил опуститься чуть ниже – что же там такое? Черные волосы меж ног практически скрывали его мужское достоинство. Ник слишком быстро погрузился в воду, не дав ей рассмотреть все как следует, но она успела заметить, что размер у него весьма внушительный. И хотя мода на тесные бриджи практически не оставляла места фантазиям, Алекс не ожидала обнаружить такой большой предмет. Интересно, так у всех мужчин или только у Николаса?

«С точки зрения художника, его тело – абсолютное совершенство! – пришла она в экстаз. – Господи, да кого я пытаюсь обмануть? С точки зрения женщины, его тело – абсолютное совершенство!» Она с замиранием сердца наблюдала, как он трет торс и намывает голову, ныряет в воду и наконец выходит из ванны, энергично растираясь полотенцем. Александра внезапно вспомнила про карандаш, порывисто села и быстрыми штрихами набросала классическую мужскую фигуру. Потом с удовлетворением посмотрела на свое произведение – и впрямь отменный экземпляр!

Она снова обратилась к отверстию. Николас прошлепал к гардеробу. Какая жалость! Хоть бы еще немного оставался голым и попозировал ей! Полежал бы на кровати, чтобы она могла запечатлеть каждую деталь его великолепного тела. Алекс представила себе, что лежит рядом с ним, и со стоном перекатилась на спину. Желание разлилось по всему телу. Она дотронулась до соска – какой твердый! Ошеломленная Александра провела рукой по корсету, вздымавшемуся и опускавшемуся в такт ее дыханию. Не в силах совладать со своим разбушевавшимся воображением, Александра предалась греховным мечтам.

К вечеру Александра аккуратно разложила на кровати свои маскарадные костюмы. Она привезла с собой два, чтобы воплотить в жизнь весьма остроумный, но очень простенький план. Она надела белую рубашку Руперта, влезла в желтовато-коричневые брюки с завязками внизу и натянула высокие кожаные сапоги с ботфортами. Хорошо, что ноги у нее той же длины, что и у Руперта, иначе одежда не сидела бы на ней как влитая.

Жилетка из золотой парчи придавила грудь, а бордовый камзол с накладными плечами скрыл остальные женские округлости. Девушка ловко завязала шейный платок, короткие кудряшки спрятались под одним из коричневых париков брата. Чудесное перевоплощение! Даже без маски ее непременно примут за молодого щеголя из высшего общества.

Алекс не знала, что за наряд выберет себе Ник, но Кит и Руперт договорились облачиться в одинаковые черно-белые костюмы арлекина и притвориться близнецами Хаттон. Алекс улыбнулась и покачала головой. Неужели Руперт полагает, что публика примет его за Ника Хаттона, с его-то узкими плечиками!

Девушка спустилась вниз и поняла, что прошла тест, когда бабушка ее не признала. Саму Дотти не составило большого труда вычислить в толпе – она была в костюме монашки со слуховой трубкой в руках, к тому же в обществе своего старинного друга и любовника Невилла, лорда Стейнса, нарядившегося братом Туком. Бальный зал наполнился ожидающими танцев девицами. Александре показалось, что она узнала Оливию Хардинг, но средневековые прически и елизаветинские сборки даже дурнушек превратили в интригующих незнакомок.

Библиотека Хаттон-Холла стала походять на игральную комнату. Александра смело вошла туда, растворившись в толпе рыцарей, пиратов и военных. Она никак не могла решить, был ли Николас конным гвардейцем или гусаром. В итоге последний оказался Хартом Кавендишем, а первый – братом Оливии Хардинг Гарри, который тоже не узнал ее и вежливо заметил Александре, что тут маскарад и ему следовало бы надеть маскарадный костюм.

В комнате объявился человек в черной накидке, кожаной маске и надвинутой на глаза шляпе. Александра никогда не узнала бы в этом разбойнике Николаса, если бы не услышала,

как он открыл свое имя Харту Кавендишу. Друзья уселись за фараона – излюбленную азартную игру Николаса. Александра опустилась на свободный стул рядом с ним и как ни в чем не бывало взяла карты у раздающего.

Игра, конечно же, шла на деньги, и Александра поставила на кон все, что выиграла на скачках. Пальцы Ника пробежались по колоде, и у Александры мурашки пошли по коже при воспоминании о встрече с этим чудесным дьяволом, которую ее богатое воображение нарисовало сегодня днем. Черный наряд преступника усугублял положение, окружив его ореолом опасности. Его близость мешала ей сосредоточиться, и она проиграла. Не успела Алекс и глазом моргнуть, как осталась без гроша в кармане. Платить было нечем.

– Можно вас на одно слово, сэр? – отрывисто произнесла она, изображая мужской голос, отодвинула стул, поднялась и вышла из комнаты.

Ник Хаттон извинился и направился следом за молодым человеком. Он снял маску и окинул оценивающим взглядом жилетку от Вестона и дорогие сапоги, явно решив, что его карточный партнер вполне способен погасить свой должок.

– Я не могу заплатить, – брякнула Александра.

– Готов принять вашу расписку, – пошел на уступку Ник.

Алекс покачала головой:

– Стреляемся на рассвете!

Ник внимательно присмотрелся к ней, понимая, что кто-то его разыгрывает. Но кто?

Алекс сняла парик с ленточкой и тряхнула рыжими кудрями.

– Боже правый, бесенок!

Алекс, смеясь, снова надела парик. В глазах вспыхнули дьявольские огоньки.

– Пойду в бальный зал, потанцую с дебютантками и приведу в трепет их сердечки. Бьюсь об заклад, без пощечин не обойдется!

Ник улыбнулся, глядя ей вслед. Он ни разу в жизни не видел столь забавной и сумасбродной особы. Из нее выйдет потрясающая женщина. Взгляд его задержался на попке и длинных ножках, обтянутых мужскими брюками, и во рту пересохло. Ну почему именно эту девушку отец выбрал для Кристофера? В памяти всплыли слова отца, сказанные у летнего домика: «Потому тебя к ней и влечет, свинья! Ты домогаешься всего, что принадлежит ему!» Однако Николас не желал ничего, что принадлежало брату. «Ничего, за исключением Александры Шеффилд!» – услужливо подсказал язвительный внутренний голос. «Оставим мечты для детей», – оборвал он себя и вернулся за карточный столик.

Однако Александра не собиралась идти в танцевальный зал. Она поднялась наверх, чтобы переодеться в «настоящий» костюм. Спешить было некуда, Ник еще как минимум час проведет за фараоном. Она сбросила одежду брата, посмотрелась в зеркало и натянула черные шелковые колготы. Александра прекрасно знала, какого эффекта добивается, надевая туфли на высоких каблуках. Разыграется настоящий скандал!

Черный бархатный камзол подчеркнул соблазнительную грудь. Девушка пригладила волосы, накинула черный капюшон, так чтобы ни один рыжий волосок не выбивался, и рассмеялась от восторга, разглядывая стоявшие торчком ушки.

Губы Алекс покрасила красным, нарисовала кошачьи усики, кончик носа обвела угольным карандашом. В прорезях зеленой маски сверкнули зеленые кошачьи глаза. В довершение ко всему Александра пристегнула длинный черный хвост, перекинула его через руку и надела черные перчатки.

Девушка повертелась перед зеркалом, выгнула спину, прошлась туда-сюда мягкой кошачьей походкой. Сногшибательно! Отражение радовало глаз, но выйти из спальни и смешаться с толпой было страшновато. Александра напомнила себе, что когда-то в этом костюме щеголяла ее бабушка. Что же, она докажет бабуле, что внучке тоже смелости не занимать.

Глава 4

По взглядам и перешептываниям Александра быстро поняла, что на приеме стала объектом внимания каждого. Этот факт привел ее в замешательство, поскольку привлечь она намеревалась только одного мужчину. Ей захотелось, чтобы пол разверзся под ногами и поглотил ее, когда лорд Хаттон направился напрямиком к ней с плотоядной улыбкой на губах.

– Где ты была сегодня, киска? – пропел он, похотливо поглядывая на девушку.

– Крыс ловила! – прошипела она, взяла с подноса проходившего мимо лакея стакан и вручила хозяину дома. – Попробуй охладить свой пыл вот этим, Генри.

Александра улизнула в сад, ища спасения в тени деревьев. Черный костюм наверняка поможет укрыться в темноте от непристойных взглядов.

Вскоре на глаза ей попала парочка – мужчина в черно-белом костюме арлекина и русалка держались за руки.

«Это же Оливия Хардинг!» – догадалась по голосу Александра.

– Предлагаю искупаться при лунном свете, – настаивал кавалер.

– Но как я вернусь обратно в мокром наряде? – протянула русалка.

– Милая моя, – рассмеялся арлекин, – ты его снимешь, конечно же!

Парочка двинулась к озеру, даже не заметив кошечку.

Александра обошла дом и заглянула в окна библиотеки. Разбойник как раз сгреб свой выигрыш и поднялся из-за стола. Дым в игровой комнате висел столбом, Нику наверняка захочется глотнуть свежего воздуха. Она вернулась на каменную террасу, куда выходили двери бального зала, и спряталась в тени у французского окна, внимательно наблюдая за происходящим. Как же ей хотелось, чтобы Ник преследовал и добивался ее! Она не станет для него легкой добычей, пусть сломит ее сопротивление, отказавшись принять ее «нет», именно в этом заключается истинное удовольствие. Присмотрев высокого темного мужчину, она положила на его пути свой длинный хвост.

Николас потрогал его носком сапога, наклонился, с любопытством поднял и потянул. Кошечка жалобно мяукнула и вышла из тени. Глаза его округлились от восхищения при виде аппетитных изгибов женского тела в откровенном костюме.

– Бродить в темноте небезопасно, – прошептал он.

– У меня девять жизней, – промурлыкала она, – тогда как ты, мой дерзкий ночной всадник, беспечно шагнул на опасную дорожку к виселице. – Александра отступила назад.

– В опасности тоже есть своя прелесть, разве нет? – Николаша шагнул вперед.

Александра видела, что он не узнал ее, вызывающий наряд лишь подстегнул его любопытство.

– Я знаю тебя, киска? – Он пробежал горящим взглядом по ее прелестям.

– Должен бы, я живу в конюшне вместе с остальными кошечками.

– В таком случае какого дьявола ты делаешь в доме? – рассмеялся он. – Думаю, нужно отвести тебя обратно на конюшню. – В его голосе послышался откровенный намек.

У Александры перехватило дыхание, сердце бешено колотилось. Она по-кошачьи потерлась щекой о плечико, обнажила зубки и прошипела:

– Рискните дотронуться до меня и утащить куда-нибудь, сэр!

Он пощекотал кончиком хвоста ее подбородок.

– Черные кошки – символ колдовства, ты наверняка опутала меня своими чарами.

– А я думала, в ночи все кошки серые, – мурлыкнула Алекс.

– Тот, кто это сказал, не разбирается в кошках и уж тем более в женщинах. – Он схватил ее за руку, положил вторую ладонь чуть выше хвоста и увлек в сторону конюшни.

От его прикосновения ноги у Александры сделались ватными. Какой же он все-таки высокий, сильный и мужественный, да она на край света готова за ним пойти! Впервые в жизни он держал ее за руку, тепло его тела заставляло вибрировать каждую клеточку. Алекс готова была довести игру до конца. Целый год девушка мечтала об этом, и предвкушение не шло ни в какое сравнение с реальностью. Его мужская сила грозила сокрушить ее сопротивление.

Царившая на конюшне темнота обострила остальные чувства Александры. Знакомые звуки, издаваемые животными, успокаивали, а вот запах сена и кожи, напротив, возбуждал и будоражил.

Николас завел ее в пустое стойло.

– Любишь, когда тебя гладят, киска?

Она подняла глаза на возвышавшуюся над ней фигуру. Он был воплощением греха и искушения, и она знала, что ей не устоять перед ним.

– В зависимости от того, чья это рука. – Голос ее сел.

Он властно взял ее за плечи, дабы убедиться, что она не закапризничает и не сбежит.

– Как ты предпочитаешь? Коротко и решительно или медленно и нежно? Вот так. – Его ладонь скользнула вниз по ее спине и ягодицам.

– Медленно и нежно. – Алекс выгнулась навстречу его руке. Она была уверена, что разоблачение ей не грозит. Невинная девушка не покрасила бы губы и уж тем более не надела бы костюма, взывающего к мужскому естеству.

– Мы с вами обменивались поцелуями? – прошептал он, обдав ее горячим дыханием, пытаясь узнать, с кем обнимается.

По спине под его рукой пробежал холодок.

– Это вы должны мне сказать. – Она потянулась к нему, с замиранием сердца ожидая долгожданного поцелуя.

Его губы легко скользнули по ее губам, а через секунду он уже целовал ее по-настоящему. Александра обвила руками его шею и потерялась в его жарких объятиях. Страсть стрелой пронзила ее тело, превратив смутные желания в вождление.

Ник прижал ее лоно к своему напрягшемуся достоинству, обхватив ладонями ее ягодицы, и сделал круговое движение, убедившись в том, что она почувствовала его пульсацию.

Ее руки разжались, ладошки уперлись в налитые силой мускулы груди – надо срочно остановить его, оттолкнуть от себя! Но бедра еще сильнее прильнули к нему, как будто она хотела навсегда сохранить на себе отпечаток его тела. Его поцелуи, то легкие и дразнящие, то глубокие и властные, быстро убедили ее губы в том, что они жаждут продолжения. Руки снова обвились вокруг его шеи, она приникла к нему, их сердца забились в унисон.

Ее реакция лишь подхлестнула его желание. На вкус она отличалась от всех его знакомых, это подогревало любопытство и толкало дальше. Он сбросил накидку, завернул в нее свой трофей и снова прижал к себе. Руки принялись жадно исследовать ее потаенные местечки, скрытые теперь мягкой черной материей. Одна ладонь замерла на округлости ее груди, другая подняла подбородок. Его губы настойчиво прижались к ее губам, заставив их распахнуться и впустить кончик языка в сладостное тепло ее рта.

– Ты словно дикий мед, вряд ли я пробовал тебя раньше, киска.

– Неужели все поцелуи разные на вкус? – задохнулась она от удивления.

Николас неторопливо растегнул ее курточку, рука скользнула внутрь и замерла на шелковистой коже груди.

– От всей души надеюсь на это. А мои что, не отличаются от поцелуев других мужчин?

Александра знала, что не должна позволять ему касаться себя вот так, в душе вспыхнула искорка страха, но девушка тотчас же погасила ее. Греховная сладость его прикосновений сводила ее с ума. Она проглотила готовые было сорваться с языка слова «понятия не имею», сообразив, что тем самым выдаст свою неопытность и, вполне возможно, заставит его остановиться. Его пальцы легонько прошлись по ее груди, пока сосок не отвердел, превратившись в мраморную косточку. Это ошеломило Александру. Неужели мужчина способен сотворить такое с женским телом?

Зародившееся в груди возбуждение молнией пронзило тело, прокатившись по животу и замерев между ног. Она постаралась сконцентрироваться на его вопросах.

– Думаю, еще один поцелуй мне поможет с ответом.

Он хрипло рассмеялся. Она тоже хочет большего, и он готов удовлетворить ее кошачьи

желания. Он снял с нее накидку, бросил на сено и уложил чаровницу рядом с собой. Рука отточенным движением снова скользнула под ее курточку. Пальцы другой руки прошли по внутренней стороне бедра.

– Любишь сливки, кисонька моя?

Александра вздрогнула. Когда она успела утратить контроль над ситуацией? Как ему удалось незаметно уложить ее рядом с собой? Она всегда знала, что Ник Хаттон натура властная, и только теперь поняла, насколько он опасен. Невероятно, но это открытие лишь добавило ему притягательности.

Он накрыл ладонью ее лоно, слегка удивившись ее реакции. Она напряглась и сжала ноги. Николас со знанием дела продолжил ласки, и бедра ее расслабились. Его пальцы настойчиво поглаживали через мягкую материю ее потаенное местечко, большой палец нашел крохотный бугорок, и ее стон музыкой прозвучал в его ушах. Он накрыл ее рот поцелуем и протолкнул вперед язык, показывая, что хочет сделать со своим петушком, после чего стал стягивать с нее колготки.

– Я понятия не имела, что мужчина способен свести женщину с ума, – прошептала она, задыхаясь от возбуждения.

Он замер. «Неужто эта дамочка хочет сказать мне, что она не кошка, а котенок?» Он заглянул в ее глаза под зеленой маской, и на секунду ему показалось, что воображение сыграло с ним злую шутку.

– Ты действительно собираешься заняться со мной любовью, Николас? – снова заговорила она.

Его сердце с силой ударило о грудную клетку, но он не поддался панике и не вскочил на ноги. Черт побери, да это же Александра разыгрывает из себя кошку! После всех этих объятий и поцелуев он больше не сможет думать о ней как о ребенке. Она оказалась настоящей женщиной, чувственной и страстной, готовой расстаться со своей невинностью. Паника на мгновение захлестнула его с головой, но он взял себя в руки, твердо решив преподать ей урок, которого она долго не забудет. И если он ее напугает, тем лучше! Слава Богу, она выбрала для своих экспериментов именно его, любой другой уже давно сорвал бы цветок ее девственности!

– Тебе нравятся мои поцелуи, – начал он, придав голосу язвительности, – и мои ласки тоже пришлось по вкусу, но я знаю, чего ты добиваешься. Ты позволила моему близнецу заняться с тобой любовью и, как все остальные дамочки, захотела сравнить нас!

– Нет, я всегда мечтала только о тебе, Ник!

Он больно сжал ее грудь, погладил заученными движениями и рассмеялся.

– Откуда тебе знать, Николас я или Кристофер? Мы меняемся костюмами так же, как трофеями. Похоже, загадки тебе нравятся не меньше, чем нам, киса.

Ей вдруг показалось, что она действительно приняла Кристофера за Николаса, волосы от ужаса встали дыбом.

Ник почувствовал, как Александра напряглась и отпрянула от него, пытаясь избавиться от его ладони, но он лишь теснее прижал ее к себе, обхватив свободной рукой за талию.

– Запах сена манит и дурманит, такие кошечки, как ты, наверняка любят поваляться в нем.

– Не валялась я никогда ни в каком сене! – взвизгнула она. – Пусти меня!

Не обращая внимания на ее сопротивление, Ник оседлал Александру и вжал ее в душистый клевер, его рот грубо и настойчиво прижался к ее губам.

– Почему бы мне не снять с тебя все, кроме маски, и не проверить, узнаю ли я тебя по обольстительному телу? Грудь вроде бы знакома, но, чтобы удостовериться, нужно попробовать ее на вкус.

Александра задохнулась, сообразив, что лежащий на ней мужчина готов жадно впиться губами в ее сосок, словно в висящую на веточке спелую вишенку.

– Раздвинь ножки и дай мне поласкать тебя, кисонька! – Он обдал горячим дыханием ее шею. – Скоро я дам тебе сливок, о которых ты так мечтала.

Замешенный на ярости страх придал ей сил, и девушке удалось выскользнуть из-под этого мужлана, готового изнасиловать ее.

– Поверить не могу, что вам нравятся подобные развлечения! – Из груди ее вырвался всхлип.

Она попыталась сбежать, но Николас поймал ее и прижал к себе.

– О, любовь моя, еще как нравятся!

Она дрожала в его объятиях, и он возненавидел себя за то, что сделал с ней.

– Ты даже не представляешь, какой опасности подвергаешь себя, Александра. – Он снял с нее маску. – Я едва не сломал тебя. В последний раз я видел тебя в костюме мужчины. Ты нарочно все подстроила! Слава Богу, выбрала меня для своих экспериментов! Большинство мужчин не стали бы церемониться, Александра! – Он завернул ее в свою накидку. – Марш наверх и немедленно сними этот непристойный костюм!

Теперь, когда она убедилась, что перед ней Николас, а его наглое поведение было вызвано не чем иным, как желанием преподать ей урок, Александра с облегчением вздохнула.

– Да как ты смеешь читать мне мораль, когда всего минуту назад готов был соблазнить меня?!

– Довольно пререканий, чертова кошечка! Идем. Нас не должны видеть вместе. Отец и так обвиняет меня в том, что я лезу на территорию Кристофера, а я этого делать не собираюсь.

Боль отказа и стыд еще больше разозлили Александру. Ну почему все считают ее собственностью Кита? Александра плотнее закуталась в плащ и ринулась прочь, бросив через плечо:

– Ненавижу тебя, Ник Хаттон!

Когда на следующее утро отец вызвал к себе Кристофера, тот был уверен, что разговор пойдет о Разбойнике. На скачках он уступил скакуна Харту Кавендишу, но сегодня придется сесть на него самому, иначе скандала не избежать. Он всю неделю упражнялся в стрельбе и непременно подстрелит на охоте какую-нибудь дичь. А то и парочку. «Я покажу этой старой свинье!» – подумал он, постучав в дверь отца.

Стоявшие друг против друга мужчины были одеты в одинаковые желтовато-коричневые бриджи и кожаные сапоги для верховой езды. На обоих красные охотничьи куртки. Отец предложил Кристоферу кружку эля, и тот принял ее, хотя предпочитал виски. Он давно пристрастился к крепким напиткам, зная, что Генри Хаттон восхищается мужчинами, которые готовы выпить в любой час дня и ночи.

– Вчера я беседовал с Дотти Лонгфорд, и мы пришли к соглашению по поводу вашей с Александрой помолвки.

– Помолвки?! – ошарашенно уставился на него Кит.

– Да, объявим о ней сегодня на обеде в честь охоты. Можешь подарить ей мамино кольцо с бриллиантами и сапфирами.

Кристофер редко перечил отцу в отличие от брата, но сегодня был настроен решительно.

– Категорически нет! Этот вопрос даже не обсуждается.

– Какого черта ты хочешь этим сказать? – прорычал лорд Хаттон.

– Я слишком молод, чтобы связать себя узами брака!

– Такие девушки, как Александра, большая редкость, болван!

– Я ничего не имею против Александры, да и против брака тоже, но, черт побери, отец, не сейчас. Может, когда мне исполнится двадцать пять.

– В своем ли ты уме? Да ее схватят, как форель наживку, стоит ей появиться в Лондоне! Ты что, слепой? Не заметил, как юный Хартингтон вокруг нее увивается? Наследница Лонгфордов не будет смиренно сидеть в уголке, ожидая, пока ты наберешься храбрости сделать решающий шаг.

– А как же мое большое путешествие? Я хочу прокатиться по Европе, прежде чем меня поволокут к алтарю.

– В Европе идет война, или ты, как всегда, упустил из виду самое главное, идиот?

– Тогда я поеду на восток, в Турцию например. Хочу изучать искусство.

– В Турцию, черти меня побери! Искусством интересуются одни хлыщи да слюнтяи! Забудьте об этом, милостивый сэр, здесь я за все плачу. И кошелек открываю я!

– Я сам оплачу дорожные расходы. Мне уже двадцать один, содержание должно вырасти в два раза.

– Не зли меня, Кристофер! Я сегодня же урежу твое содержание, если не пообещаешь исполнить свой долг и обеспечить Хаттонам наследника!

Раздался тихий стук, дверь распахнулась, и на пороге появился Николас.

– Какого черта тебе надо? Вечно суешь свой грязный нос, куда не просят! – набросился на него отец.

– Я прошу! Хочу знать его мнение! – завопил Кит.

– Вы хоть понимаете, что гости всё слышат? – спокойноотреагировал Ник.

– Он хочет объявить о моей помолвке на сегодняшнем обеде! Как бы ты поступил, начни он настаивать на том, чтобы ты срочно женился на Александре Шеффилд?

Ник ничем не выдал удивления и быстро справился со своими эмоциями. Брат был похож на затравленного зверя. При одной лишь мысли о браке он начинал паниковать.

– Принял бы ее от всего сердца, – проговорил Ник.

– Я не готов жениться! – взвизгнул Кит.

– Свинья бесхребетная! Да у тебя храбрости только на карты, выпивку и проституток хватает!

– У него был хороший учитель, – вступился за брата Николас.

Глаза Кита превратились в щелки.

– У меня больше храбрости, чем ты полагаешь, отец, – процедил он сквозь зубы.

– Отлично! В таком случае веди себя по-мужски, когда на обеде будет объявлено о твоей помолвке. – Он бросил взгляд на часы из позолоченной бронзы, стоявшие на каминной полке, и взял из футляра ружье. – Десять, гончие уже наверняка готовы. Ты идешь, или у тебя не только для свадьбы кишка тонка? – ухмыльнулся лорд Хаттон.

Александра, как и прочие гости, слышала жаркую перепалку лорда Хаттона с сыном. Слов было не разобрать, но все поняли, что отец с сыном повздорили не на шутку. Правда, оставалось загадкой, который из братьев взбесил лорда Хаттона, хотя обычно это был Николас. Александра пришла к такому же умозаключению и с облегчением вздохнула, когда крики стихли.

Девушка постучала в дверь соседней спальни. К ее изумлению, Дотти все еще была в шелковом утреннем пеньюаре.

– Я не поеду на охоту, Александра. Лорд Стейнс не расположен к прогулкам верхом, так что у нас с Невиллом есть шанс побыть наедине. Кстати, в чем ты собираешься выйти сегодня к обеду?

– Ну, может, в зеленом платье, – неопределенно пожала плечами внучка.

– Нет, нет, милая, только розовое. Розовый больше подходит барышням. И не смотри на меня так, Александра. Отложим спор до вечера. Не стоит портить весь день.

– Логично, – рассмеялась Александра. И, только спустившись вниз, задумалась – с чего бы это бабуля вдруг озаботилась ее гардеробом?

Во дворе собралась пестрая толпа охотников в ярких жакетах и модных нарядах для верховой езды. Сегодня шли на оленя. Гончие рвались с поводков, а их залиvistый лай вполне мог распугать любую дичь на пять миль вокруг. Мужчины приторочили к седлам ружья, женщинам отводилась роль зрителей.

Александра подтянула подпругу своей кобылки и поблагодарила Руперта за то, что он

оседлал лошадь. Затем поискала глазами близнецов, догадавшись, что Кит поедет в красном, а Ник в зеленом. Щечки вспыхнули огнем, стоило ей припомнить все детали вчерашней встречи с Николасом. Уязвленная гордость до сих пор давала о себе знать – Ник отказал ей! Более того, похоже, оба брата избегали ее общества. Ну и пусть, решила для себя девушка, присоединяясь к дамам. Она пробежала взглядом по пухленькой фигурке Аннабель Хардинг, представила ее без корсета и задалась вопросом – правда ли, что лорд Хаттон спит с ней? Губы сами собой растянулись в улыбке. Чудненькая карикатурка вышла бы – Аннабель стоит, вцепившись в стойку, поддерживающую полог кровати, а Генри сражается со шнурками, тщетно пытаясь затянуть в корсет ее... плоть!

Близнецы Хаттон ехали рядом и вели разговор. Николас отдал брату свои пистолеты, пытаясь приободрить его, но Кит был мрачнее тучи.

– Как думаешь, отстанет от меня отец, если я ему скажу, что начну ухаживать за Александрой? Я на все готов, лишь бы он не объявил сегодня о помолвке!

– Александра слишком молода. Она тоже не готова к браку, Кит. Было бы разумнее повременить. – Ну почему мысль о Кристофере и Александре приводит его в ужас? Николас очень любит брата и желает ему счастья. Но беда в том, что Александру он тоже любит. «Как сестру», – уверял он себя, и ему делалось дурно при мысли о том, что она может стать несчастной. Николас лгал себе, потому что любил Александру не как сестру. Но в отчаянии цеплялся за эту ложь и мечтал прожить с ней всю оставшуюся жизнь.

Александре быстро наскучила болтовня дам о шляпках и оборках. На память пришли странный разговор с бабушкой и ссора лорда Хаттона с сыном. А накануне хозяин дома беседовал с Дотти. Девушка нахмурилась, пытаясь уловить связь, и тут ее осенило. Они планируют объявить об их с Кристофером помолвке, не иначе! Алекс ничего не имела против Кита Хаттона, но была тайно влюблена в его близнеца. Александра резко повернула свою кобылку. Черта с два она позволит им решать за нее. Бесенок объявляет бунт!

Николас, отделившись от основной массы охотников, поднял голову и прислушался к звуку рога и собачьему лаю. Неподалеку раздался выстрел, и он поскакал в том направлении, приготовив пистолет на случай, если олень выйдет на него. Деревья расступились, и он увидел на полянке брата. Еще мгновение понадобилось, чтобы заметить на земле фигуру в красном.

На лице Кита отразился ужас, когда он увидел Николаса.

– Произошел несчастный случай! – завопил он.

Ник убрал пистолет, выпрыгнул из седла и побежал к лежавшему на земле человеку.

– Господи, отец!

У Хаттона была прострелена грудь. В нос ударил густой запах крови.

– Он мертв. – Николас поднял глаза на Кита, который все еще сжимал в руке пистолет.

– Это несчастный случай, клянусь! О Боже, что же мне теперь делать? – Кит слез с лошади, выронил пистолет и схватился руками за голову. – Несчастный случай!

– Я в этом не сомневаюсь, – заверил его Ник.

– Но мне не поверят, скажут, что я его убил. Все слышали нашу ссору. Господи, Ник, помоги мне!

Николас взглянул на остывающее тело отца.

– Конечно, помогу. Мы скажем, что это несчастный случай.

– Никто не поверит! – твердил Кит. – Меня арестуют!

– Не арестуют, если это случайность. Постарайся взять себя в руки и расскажи, как все произошло.

– Олень... мы оба его увидели... Прекрасная мишень... Я выстрелил, а отец в этот момент выехал на тропинку!

Николас уложил тело отца на землю, встал с колен и поднял с травы брошенный Китом пистолет с серебряной инкрустацией.

– Это твое оружие, Ник. Скажи, что ты его убил, помоги мне, умоляю!

Кит был бледен как полотно, его била дрожь. Николас чувствовал состояние брата, как будто сам влез в его шкуру. Уж лучше бы вина лежала на нем, Киту не вынести подобного бремени.

– Не паникуй, Кристофер, – успокаивал брата Ник.

– Я застрелюсь! Другого выхода нет!

На полянку выехали трое охотников.

– Какого дьявола тут происходит?

– Придержите собак! – приказал Николас. – Я случайно застрелил отца.

Глава 5

Трое всадников ошеломленно уставились на окровавленное тело. Когда на полянку стали стягиваться другие охотники, у Николаса упало сердце – он вдруг сообразил, что некоторые из них были свидетелями происшествия у летнего домика в саду Хардингов.

– Он мертв? – спросил кто-то, заставив его испытать странное чувство дежа-вю.

Так получилось, что среди гостей оказались представители власти, которых обычно вызывают в подобных случаях. Полковник Стивенсон, мировой судья, и лорд Стейнс – коронер графства.

Лорд Хардинг спешился первым.

– Помогите мне перенести тело вашего отца в дом, – властным тоном заявил он, глядя на Кристофера.

Кит в ужасе отпрянул, но в этот момент в разговор вмешался полковник Стивенсон:

– Нет-нет, Хардинг. Ничего нельзя трогать, пока не выяснятся все обстоятельства дела.

К тому же коронер должен удостовериться в смерти.

Николас видел, в каком состоянии находится брат. Как бы он не начал изливать свою ненависть к отцу или не лишился чувств от шока. Нужно срочно увести его прочь.

– Мы с Кристофером будем в доме, полковник. Я передам лорду Стейнсу, чтобы он срочно прибыл сюда, а потом отвечу на все ваши вопросы. – Ник повернулся к Харту и Руперту. Оба только что подъехали и стояли, разинув рты. – Присмотрите за лошадьми, – спокойно попросил он, подошел к брату и тронул его за руку, давая понять, что им пора уходить.

Мистеру Берку хватило одного взгляда на лица близнецов, чтобы понять – случилось ужасное.

– Что произошло?

– Несчастный случай на охоте, – поспешил ответить Ник.

Кит нервно приглаживал рукой волосы.

– Отец мертв!

Мистер Берк замер, не веря своим ушам.

– Берк, сделайте одолжение, передайте лорду Стейнсу, что на месте происшествия необходимо его присутствие. Руперт его проводит.

Поддерживая брата под локоть, Ник повел его наверх.

Как только они переступили порог спальни, Ник запер дверь на ключ и усадил Кристофера в кресло.

– Виски, – попросил тот.

Водой из кувшина Николас смыл с рук кровь, подошел к шкафчику, где стояли напитки.

– Бренди – вот что тебе сейчас нужно, оно укрепляет нервы. – Ник плеснул в бокал бренди и отнес брату.

Кит залпом осушил бокал, задержал дыхание и тряхнул головой.

– Не могу поверить, что он мертв! Такое ощущение, что он сейчас ворвется сюда и начнет требовать, чтобы я согласился на помолвку.

– Не думай об этом, Кит. Они скоро вернутся сюда и будут допрашивать нас.
– Не нас, а тебя! Это твой пистолет! Ты признался в содеянном.
– Как знать, Кристофер. Вполне могут спросить, не был ли ты свидетелем. Они вправе задавать любые вопросы, расследуя обстоятельства смерти лорда Хаттона, английского барона.

– Теперь я лорд Хаттон!

Николас уставился на близнеца. Довольно странное высказывание в сложившихся обстоятельствах.

– Ты прав, – протянул он, крепко задумавшись. Не стоило ему поддаваться на уговоры Кита и брать вину на себя. Пришла пора Кристоферу самому отвечать за свои поступки. Он взрослый мужчина.

– Ты не отступишься? – в страхе накинулся на него Кит. – Ты всегда меня прикрывал. Разве не так?

– Не отступлюсь. Иначе возникнет подозрение, что мы сговорились его убить.

– Это был несчастный случай, Ник! Ты мне веришь? Веришь?

Кристофер не оставил ему выбора.

– Да, верю.

Во дворе Хаттон-Холла Александра столкнулась с группой охотников. Двое грумов везли из леса что-то тяжелое. «Добыча, наверное», – улыбнулась Александра, но по красной охотничьей куртке поняла – это не олень, а человек. Девушка растерялась и, когда увидела, что Руперт ведет к конюшне Разбойника, пришпорила лошадь.

– Несчастный случай, да? – Она прижала руку к груди, всмотревшись в посеревшее лицо брата. – Кит пострадал, жеребец сбросил его!

– Нет, нет, Алекс. Это лорд Хаттон. Его застрелили, он мертв. – Руперт едва шевелил губами.

Александра застыла в седле, провожая взглядом тело. В памяти всплыла утренняя ссора лорда Хаттона с сыном. «Николас, нет! Обвинение падет на Ника, его всегда во всем обвиняют». Алекс прогнала эту ужасную мысль, но следом за ней пришла другая. Она припомнила свои собственные слова. «Держи пальцы крестиком, чтобы не разыгрался скандал», – сказала она как-то Нику по поводу нынешнего приема. Девушка прикрыла глаза, волна раскаяния захлестнула ее.

Николас распахнул дверь спальни брата и впустил двоих. Мировой судья полковник Стивенсон приступил к допросу.

– Расскажите, как было дело, – обратился он к Николасу, не обращая ни малейшего внимания на Кристофера Хаттона.

Ник посмотрел ему прямо в глаза.

– Там был олень. Я его отчетливо видел. Отец появился неожиданно и попал под выстрел.

– Пистолеты Хейлина ваши? – Полковник показал ему оружие.

– Да, – подтвердил Ник.

Полковник кивнул лорду Стейнсу, тот вынул свидетельство о смерти, написал в графе «причина смерти» «несчастный случай» и поставил свою подпись. Полковник Стивенсон также подписал документ в качестве свидетеля. С формальностями было покончено в мгновение ока; все ясно, понятно и вполне законно. Джентльмены выразили близнецам свои соболезнования и удалились.

Члены высшего общества – мастера по части улаживания неприятных дел, а тут и следов заметать не пришлось. Для света главное – сохранить лицо, положение неизменно берет верх над здравым смыслом. Но как только юридическая сторона дела улаживается, в бомонде пышным цветом расцветают всевозможные слухи и измышления. Аристократия обожает кровавые разборки.

– Это все? – воспрянул духом Кит, когда Стивенсон и Стейнс скрылись из виду.
– С формальностями, должно быть, покончено, но дел у нас еще много, приготовления к похоронам и все такое.

Кита передернуло от отвращения.

– Я не могу, не готов к подобным вещам! – Он направился к шкафчику и налил себе виски.

– Придется, – настаивал Николас. – Нужно спуститься вниз, посмотреть, что сделали с телом отца. К тому же в доме гости, об этом нельзя забывать.

Кит залпом выпил бокал.

– Пусть слуги заботятся о чертовых гостях!

– Слуги потрясены. Они ждут от нас указаний.

Кит оторвал взгляд от бокала и заглянул брату в глаза:

– Меня все еще трясет. Так что распоряжения отдавай ты!

Ник презрительно хмыкнул, глядя, как брат подносит ко рту очередной бокал. Несмотря на ненависть к отцу, Кит унаследовал от него множество недостатков, в том числе пристрастие к спиртному. Ник потер шею, пытаясь расслабиться. Может, он чересчур требователен к брату? Кит стал причиной смерти отца, и теперь его гложет чувство вины. Потребуется время, чтобы Кит пришел в себя.

– Я позабочусь обо всем.

Лорд Стейнс постучал в дверь комнаты леди Лонгфорд и несмело переступил порог.

– Наши страхи оказались не напрасными, драгоценная моя. Несчастный случай со смертельным исходом. Пуля попала Генри в грудь. Я только что выписал свидетельство о смерти.

– Удивительно, как он вообще столько лет протянул. Кто его пристрелил? Муж Аннабель? – спросила леди Лонгфорд.

– Дотти, милая, вряд ли я когда-нибудь привыкну к вашим безапелляционным заявлениям. – Он взял ее за руку. – Хаттона случайно застрелил его собственный сын.

– Надеюсь, не Кристофер? – Леди Лонгфорд судорожно схватилась за горло.

– Нет, не наследник. Николас. Я должен немедленно ехать в суд зарегистрировать свидетельство о смерти. Нужно подчистить все хвосты, это самое меньшее, что я могу сделать для Хаттонов. Руперт отвезет вас домой. Сожалею, что не могу сопровождать вас, моя драгоценная.

– Брось, Невилл, мы ведь живем в соседнем поместье. Я справлюсь.

После его ухода Дотти тяжело опустилась в кресло и уставилась в пустоту. «Я справлюсь... выкручусь... я смогу...»

Дотти выкручивалась сколько себя помнит. Она тщательно выстроила свой план, все продумала. Наконец-то ей удалось обеспечить достойное будущее своей любимой Александре, заманив в сети Генри Хаттона, хитростью подведя его к мысли о помолвке наследника с ее внучкой. И вот теперь, за несколько часов до претворения плана в жизнь, он рухнул. Ну что за сучка эта судьба!

Это все блеф... огромное богатство, инвестиции, настойчивые требования, чтобы Александра приняла участие в сезоне. Даже ее эксцентричность не что иное, как ее собственное изобретение – она изо всех сил старалась казаться богатой, хотя на банковском счету в «Барклиз» у нее были одни нули. Пока ей удастся сохранять видимость, общество будет лебезить перед ней, но она знала, что время на исходе.

Когда-то все это было правдой. Она вышла замуж за самого богатого мужчину графства Бакс, виконта Лонгфорда. Однако муженек проматывал свое состояние за карточными столами и в домах терпимости. К счастью, Рассел упился до смерти, прежде чем растратил все деньги и оставил Дотти шикарное поместье Лонгфорд-Мэнор.

Она в ярости сжала кулаки, вспомнив, как ее нетитулованный зятек Джонни Шеффилд промотал приданое ее дочери. Ничего удивительного, что Маргарет сбежала от него, но от

злосчастливого брака осталось двое нищих детишек. «Это моя вина. Следовало вести себя строже с Маргарет, заставить ее выйти за человека с деньгами и титулом!» Дотти в который раз поклялась себе, что не допустит той же ошибки с Александрой.

Ее острый ум попытался найти другие альтернативы. Одно было ясно: сегодня помолвка не состоится. Но леди Лонгфорд продолжала цепляться за свои идеи, не давая им угаснуть. Возможно, после недолгого траура они сыграют тихую свадьбу. Дотти раздраженно поправила парик и решила до отъезда обсудить этот вопрос с Кристофером. Складывая чемодан, она думала о вещах более приятных – возможно, картину Томаса Лоуренса уже продали.

Александра распахнула дверь спальни Дотти, не в силах отдышаться – она бегом одолела три лестничных пролета.

– Ты слышала о происшествии? – выпалила она и продолжила, не дожидаясь ответа бабушки: – Никак не могу найти Николаса. Я должна поддержать его! Ему надо кому-нибудь излить душу.

– Присядь на минуточку, Александра. Лорд Стейнс поехал в суд регистрировать свидетельство о смерти. Он удостоверил смерть от несчастного случая, так что никаких осложнений для Николаса не предвидится. Иди собирайся, дорогая. Руперт отвезет нас домой.

Александра решила не спорить с бабушкой, но еще больше укрепилась в своем желании. Она не покинет Хаттон-Холл, не поговорив с Николасом.

– Мистер Берк, я перед вами в неоплатном долгу за то, что вы помогли нам, когда случилась беда, и взяли на себя руководство слугами.

Николас также поблагодарил Мег Райли за то, что она позаботилась о теле отца. Прочистить рану и обмыть покойника – нелегкая задача для престарелой няни. Камердинер тоже исполнил свой долг, выбрав одежду, в которой сейчас лежал лорд Хаттон.

– Пусть побудет здесь, в своей спальне, пока не привезут гроб, – решил Николас. – Потом перенесем его в библиотеку для церемонии прощания. Я послал сообщение в церковь, дайте мне знать, когда придет преподобный Доил. Нужно обсудить с ним похороны.

Мистер Берк кивнул и удалился вместе с камердинером. Мег Райли положила ладонь на рукав Николаса, желая утешить его, но не находила слов. Надо же, какое несчастье постигло ее любимого мальчика! Николас накрыл рукой ее морщинистые пальцы и крепко пожал их:

– Все будет хорошо, Мег. Пойди отдохни немного.

В просторном фойе столпились гости, ожидающие свои экипажи. Они отбывали все разом, и, по всей видимости, без заминок тут не обошлось. Спускаясь с лестницы, Николас услышал голос герцогини Ратленд:

– Чертов ублюдок! Вы только подумайте, он явился причиной смерти матери, а двадцать один год спустя, день в день, родного отца убил!

На губах Николаса заиграла циничная ухмылка. Да, сочувствия от этих людей не дождешься. Он расправил плечи и, спустившись в осиное гнездо, выслушивал лицемерные соболезнования. Но ненароком брошенная фраза разбредила старую рану – он до сих пор скорбел по матери, которой никогда не знал и которая умерла, подарив ему жизнь.

После отъезда гостей Николас побежал наверх проверить, как там брат. Открывшаяся ему картина несколько не удивила его. Одежда разбросана, на ковре валяются два пустых графина из-под виски и бренди. Кит лежит поперек кровати в стельку пьяный. Лучше оставить его в покое, пусть проспится.

Николас тихонько прикрыл дверь и заметил в коридоре Дотти Лонгфорд.

– Кристофер, мальчик мой, знай, мое сердце с тобой в этот печальный день. Если мы можем чем-нибудь помочь вам с Николасом, скажите, не стесняйтесь.

Ник понял, что она приняла его за Кита, но виду не подал, взял Дотти под руку и повел прочь.

– Как это мило с вашей стороны, леди Лонгфорд. Мы с братом высоко ценим вашу дружбу. Обстоятельства вынуждают нас отложить помолвку, но все остается в силе. После полагающегося траура...

Николас решил дать Александре год свободы, которой она так жаждала.

– Сердце подсказывает мне, что траур должен продлиться год, и только после этого я смогу объявить о помолвке с Александрой.

Дотти сникла:

– Год – чертовски большой срок, Кристофер. Но сейчас не время для дискуссий. Отложим ее на другой день, мой мальчик.

Александра поднялась в свою комнату, сняла костюм для верховой езды и надела платье. Она еще раз отогнула коврик и осмотрела нижние покои. Тишина, никаких признаков Ника. Алекс подошла к окну. Приподняв кружевную занавеску, девушка увидела Николаса. Он шел со священником в сторону церкви Хаттонов. На нем все еще был зеленый костюм.

Раздался резкий стук в дверь.

– Алекс, мы уезжаем! – крикнул Руперт.

Девушка опустила занавеску и затаила дыхание.

– Алекс, ты здесь?

Через минуту она услышала удаляющиеся шаги. Из груди вырвался вздох облегчения. Никто и ничто не заставит ее покинуть Хаттон-Холл, пока она не переговорит с Николасом.

Николас провел все приготовления к похоронам и определил вместе с преподобным Дойлом место для могилы на церковном дворе. Как обычно, он опустился на колени у кельтского креста матери и молча поговорил с ней. Пальцы с почтением пробежали по буквам: Кэтлин Флинн Хаттон. Николас встал, кивнул могильщику, который терпеливо ожидал распоряжений с лопатой в руках, и удалился.

Сунув руки в карманы, Ник прогулялся по горячо любимому поместью Хаттонов. С наступлением сумерек он решил навестить Хаттон-Грейндж. Вид кобылок с жеребятами наполнил сердце радостью. Большую часть этих животных он вырастил сам и очень гордился тем, что благодаря его усилиям Хаттон-Грейндж превратился в процветающую ферму. Недавно он подписал контракт на поставку лошадей для Королевской гвардии, и прибыли не заставили себя ждать.

После Грейнджа он пошел в Хаттон-Парк и постоял немного у озера. В чистом зеркале воды отражалась луна. От этой красоты у Николаса перехватило дыхание, он запрокинул голову и посмотрел в небо.

Отыскать созвездие Льва проще простого, его звезда Регулус – одна из самых ярких на небосклоне. В такую же ночь двадцать один год назад он появился на свет. Необъятность вселенной помогла ему иначе взглянуть на тревоги этого дня, душу наполнил покой. Он давно научился не оглядываться на прошлое, смотреть только вперед, в будущее.

Теплое, нежное безмолвие дома окутало Николаса, стоило ему переступить порог. Ощущение крепкой деревянной балюстрады под рукой придало сил, привычное прикосновение овчарки, теревшейся в темноте о его ногу, заставило улыбнуться. Он зажег свечу, разделся, распахнул настежь окна, вдохнул полной грудью свежего воздуха и еще раз взглянул на звезды. Николас сел на кровать, Лео прыгнул к нему, и в этот момент раздался женский крик.

Глава 6

Александра распахнула глаза и завизжала от неожиданности. Рядом сидел абсолютно голый мужчина, над ней нависло громадное черное создание.

– Какого черта ты делаешь в моей постели, Алекс? – Пропитанные гневом и яростью

слова впивались в нее, словно стрелы.

Девушка пришла в замешательство, в груди шевельнулся страх. При свете дня она не видела ничего страшного в том, чтобы подождать его в спальне, но проснуться в его кровати вечером – совсем другое дело.

– Я... я, должно быть, задремала, пока ждала тебя.

– Ждала меня? Для чего? Это все дамские штучки! У тебя соображения меньше, чем у пятилетнего ребенка! – В его мозгу вспыхнула яркая картинка их вчерашней встречи на конюшне. Как трудно было устоять перед ней на сене, а в кровати просто невозможно. Гнев – его единственный помощник, единственная защита перед чарами Александры.

Дамские штучки! Алекс точно молния ударила. Неужели он собирается преподать ей еще один урок? Нет... Намерения ее были чисты, ей просто хотелось утешить Николаса, разделить с ним его горе.

– Конечно, ты у нас эксперт по части баб! – накинулась она на него, стараясь скрыть свой страх. – Я-то по глупости считала себя твоим другом.

– Леди не приходит в спальню к мужчине и не ждет его в постели, Алекс. Она заботится о своей репутации.

Александра поняла, что на этот раз он намерен заменить урок лекцией, и испытала легкое разочарование.

– Если ты так печешься о моей репутации, тогда почему стоишь передо мной в чем мать родила? – огрызнулась она.

Ник выругался, взял из гардероба халат и накинул на себя.

– Алекс, сегодня вечером должны были объявить о твоей помолвке с Китом. – Он зажег еще одну свечу и поставил на прикроватный столик, чтобы иметь возможность рассмотреть ее личико.

– Мне никто ничего не говорил! – замотала она головой, хотя знала, что планировали ее бабушка и Генри Хаттон.

Терпение, только терпение! Ник постарался взять себя в руки.

– Однако Дотти и мой отец давно решили поженить вас с Кристофером, этого ты не можешь отрицать.

– Желание моей бабушки всем известно, чего уж тут отрицать? Но я тебе говорила, что хочу провести год в Лондоне, прежде чем похоронить себя в деревне с мужем.

– Нынешнее трагическое происшествие гарантирует тебе год свободы. Кит будет соблюдать траур и не сможет жениться. Однако твое необдуманное поведение ставит под угрозу твое же будущее. Кристофер стал лордом Хаттоном. Неужели ты полагаешь, что он сделает тебя леди Хаттон, застав в моей постели? – Ник натянул бриджи. – Я отведу тебя домой, Алекс.

– Я сама знаю дорогу! – вспыхнула она. – Мне не нужен ни папочка, ни провожатый, я не ребенок!

– В таком случае прекрати вести себя как неразумное дитя! – Он сбросил халат, надел рубашку и куртку, влез в сапоги. – И не кричи, – предупредил он незваную гостью, подхватив ее сумку и двинувшись к двери.

– Еще указания будут? – ядовито поинтересовалась она.

– Больше ни слова, Алекс! – По тону она поняла, что его терпение на исходе. – Лежать, Лео! – осадил он пса и схватил ее за руку.

Его пальцы железной хваткой сжимали ее предплечье, и все же она ни звука не проронила, пока он тащил ее за собой по коридору и вниз по лестнице. Она молча терпела боль, даже оказавшись в Хаттон-Парке, и только на границе их поместий взбунтовалась и уперлась каблучками в мягкую землю.

– Я отказываюсь сделать хоть шаг, пока мы не поговорим, Николас!

Он навис над ней, вознамерившись доставить ее домой прежде, чем кто-нибудь узнает, что они пробыли вместе почти до полуночи.

– Ты не оставляешь мне выбора. – Он поднял ее и бесцеремонно перекинул через

плечо.

Глаза Александры наполнились слезами разочарования. Она всего лишь хотела утешить его, предложить женское тепло и участие. Он же хотел избавиться от нее, и как можно быстрее. Каждое его слово, каждый жест говорили о том, что она для него просто обуза. Сердце ее болезненно сжалось. Судя по бесцеремонному обращению, он ее даже женщиной не считает!

Ник между тем думал о том, что испытывает к Александре греховные чувства. Стремление любым способом защитить ее проистекало из глубокой привязанности к этой девушке, уходящей корнями в детство. Позднее обожание переросло в страсть, хотя Николас не хотел этого признавать. Взяв на себя вину за убийство отца, он тем самым не просто выгораживал Кристофера, он оберегал Александру. Никаких иллюзий Ник не питал. Великосветские матроны, которые еще вчера жаждали выдать за него своих дочек, теперь набросятся на него, как кровожадные вороны. Сначала его очернят, а потом распнут и подвергнут остракизму. Он станет персона нон грата. Высший свет не может жить без скандалов. Николасу будут перемывать кости по меньшей мере весь следующий год.

Ник поставил Александру на ноги на пороге ее дома, не разбудив никого в Лонгфорд-Мэноре, и, как только она оказалась внутри, ринулся через посадки обратно к Хаттон-Холлу.

Лео радостно ткнулся в него, приветственно помахивая хвостом. Ник ласково потрепал пса по голове. Ник разделся, лег в постель, овчарка растянулась рядом на коврике. Трагические события снова всплыли в памяти. Николас долго не мог уснуть, но в конце концов сон сморил его.

Ник разделся и распахнул настежь окна, вдохнул полной грудью свежего воздуха и еще раз взглянул на звезды. Потом сел на кровать, абсолютно голый, и понял, что он не один.

– Алекс, – прохрипел он, – я знал, что ты придешь.

Она встала, и он нежно обнял ее за плечи.

– Я... я, должно быть, заснула, пока ждала тебя.

– Тебе нельзя здесь находиться, сердечко мое. Ты должна думать о своей репутации, а не обо мне.

– Ник, ты для меня дороже всего на свете.

Она дотронулась до его щеки, и он накрыл ее пальчики своей ладонью, не давая им сбежать, сгорая от желания.

– Я знаю, что ты не делал этого, Ник. Ты, как всегда, взял на себя чужую вину. Ты не стрелял в своего отца.

– Тише, Алекс, никто не должен об этом знать. – Он поцеловал ее в ладонь. – Так лучше. Сокрушительного чувства вины я не испытываю. Кристоферу будет легче справиться с этим, если никто не станет тыкать в него пальцем и перешептываться у него за спиной.

– Как бы силен ты ни был, я не могу оставить тебя сегодня одного. Даже мысль об этом невыносима. Позволь мне остаться, Ник, позволь утешить тебя.

Он обнял ее и прижал к груди. Да, он очень нуждался в ее любви, в ее тепле. Николас погладил шелковистые кудри, исходящий от ее волос аромат вскружил голову. Он знал, что Александра невинна, и ему захотелось защитить ее. Он отпустил ее и накинул на плечи халат, прикрывая свою наготу. Когда она снова оказалась в его объятиях, Николас счел, что черный бархат станет надежным барьером на пути его страсти, но он не сумел устоять перед ее чарами. Она подняла ему навстречу свои сладкие губы, и он коснулся их своими губами, ласково, нежно. Это прикосновение опьянило его, поцелуй стал глубже. Ее губы распахнулись, пропустив его язык в горячую пещерку.

– Николас, пожалуйста, позволь мне любить тебя.

Ну как ему устоять перед ее жаркими просьбами? Ник уложил ее рядом с собой и прижал к себе. Они трогали друг друга, гладили, шептались. В конце концов он медленно раздел ее, лаская и исследуя сладкие местечки, пока она не застонала от желания. В отчаянии он подумал о том, что есть только один способ доставить ей наслаждение, не лишив

девственности. Он раздвинул ее стройные ноги и впился губами в теплую, нежную плоть.

Ник проснулся в холодном поту. Напрягшийся пенис пульсировал от боли. Сон еще не отпустил его из своих объятий, простыни источали аромат жасмина. Господь милосердный, он занимался с Александрой любовью! Он откинул покрывало и выбрался из постели, морщась от отвращения к самому себе. Его отец лежит в гробу, а он думает только о том, как предаться любовным утехам с женщиной, которая должна стать невестой его брата. Он подошел к окну и вдохнул ночную прохладу. Кровь понемногу остыла, губы скривились в горькой улыбке.

– Благодарю Бога, что это был только сон, грязная свинья.

Следующая неделя подтвердила подозрения Ника Хаттона. Все соблезнования доставались Кристоферу, новому лорду Хаттону, Николас не получил ни единой карточки. Одно его радовало – всеобщее внимание помогло Киту собрать волю в кулак и безупречно разыграть роль безутешного преданного сына. Он даже согласился нести гроб вместе с близнецом, кузеном отца Джоном Итоном и сыном Итона Джереми.

На похороны собрались все состоятельные семьи округа, это позволило обществу отдать дань уважения Генри Хаттону, заручиться расположением нового барона и в то же время удовлетворить свое любопытство, взглянув на младшего близнеца, который застрелил отца накануне своего двадцать первого дня рождения. Случайно, конечно же.

Июль был на исходе, но только в августе из Лондона пожаловал поверенный бывшего лорда Хаттона, чтобы огласить завещание покойного. Мистер Берк проводил Тобиаса Джейкобса в библиотеку.

Поверенный представился пришедшим чуть позже близнецам, поразившись внешнему сходству молодых людей.

– Могу ли я воспользоваться столом вашего отца? – спросил он.

– Моим столом, – уточнил Кристофер. – Прошу вас, будьте как дома.

Джейкобс кашлянул.

– Благодарю вас, лорд Хаттон.

Близнецы уселись и застыли в вежливом ожидании. В комнате повисла тишина, неловкое молчание затянулось. Джейкобс долго перебирал бумаги, два-три раза прочистил горло и наконец начал:

– Завещание лорда Хаттона по многим пунктам не согласуется с общепринятыми правилами. Прошу проявить терпение. Обычно человек состоятельный и с положением не забывает о тех, кто верой и правдой служил ему всю жизнь. Когда я поднял этот вопрос, ваш отец заявил мне, что это не упущение. По его мнению, слуги и без того получают достаточное жалованье, и мне не удалось уговорить его отблагодарить их хотя бы небольшим вознаграждением. – Джейкобс снова закашлялся и посмотрел поверх очков на Кристофера Хаттона: – Вы можете это исправить по своему усмотрению.

Поверенный взял второй листок.

– «Моему любимому сыну и наследнику Кристоферу Флинну Хаттону передаю свой титул барона. Кристоферу же отходят Хаттон-Холл и Хаттон-Парк со всеми их постройками и землями». – Джейкобс набрал воздуха в легкие и продолжил: – «Я также завещаю Кристоферу все свои счета в «Барклиз бэнк» и все капиталовложения, коими руководит Джон Итон, мой финансовый советник и единственный доверительный собственник в силу завещания».

Джейкобс выбрал еще один листок и зашелся кашлем. Рука его слегка дрожала.

– «Кристоферу я также завещаю конеферму Хаттон-Грейндж со всем поголовьем скота, надворными постройками и землями».

– Вы ошибаетесь, – перебил его Кристофер. – Насколько мне известно, отец собирался оставить Хаттон-Грейндж моему брату.

От недоброго предчувствия у Николаса болезненно сжалось сердце. Он догадывался,

что скажет поверенный.

– Нет, лорд Хаттон, я не ошибаюсь. Ваш отец завещал Хаттон-Грейндж вам, своему наследнику. – Джейкобс отбросил листок и развел руками. – Обычно когда старший сын получает все поместье отца, младший наследует собственность матери. Я, конечно же, имею в виду дом в Лондоне на Керзон-стрит, часть приданого Кэтлин Финн. Однако лорд Хаттон поступил вопреки правилам. Он передает дом на Керзон-стрит своему наследнику, Кристоферу.

Джейкобс посмотрел на братьев поверх очков и опустил глаза.

– Такова воля вашего отца: «Я отдаю, завещаю и вручаю все свое имущество, движимое и недвижимое, моему перворожденному сыну, Кристоферу Флинну Хаттону». – Он поднялся, переводя взгляд с одного близнеца на другого. – Я оставлю вас ненадолго, а потом вернусь, чтобы вы подписали кое-какие бумаги, лорд Хаттон.

Как только дверь за поверенным захлопнулась, Кристофер разразился смехом:

– Черт меня побери! Выходит, этот старый свин не так уж сильно меня ненавидел!

– Нет, Кит, он любил тебя, – сказал Николас.

«Но какой-то странной любовью», – подумал он.

– Однако на тебя этот вонючий горшок явно имел зуб. До последнего часа винил тебя в смерти нашей матери. Поверить не могу. Он все оставил мне, а тебе ничего!

– Мое имя ни разу не упоминается в завещании, как будто меня вообще на свете не существует. – Ник был ошеломлен. Впрочем, удивляться тут нечему. Всю жизнь отец безуспешно пытался разорвать тесную связь между близнецами, и это завещание – не что иное, как последняя отчаянная попытка отдалить их друг от друга. Даже в могиле он никак не мог уgomониться. Ник сжал челюсти и поклялся, что отцу не удастся сделать их врагами.

– Если Хаттон-Холл, Хаттон-Грейндж и городской дом теперь мои, где же ты будешь жить, а? – выпучил глаза Кит.

– Может, у Чарли Шампань, – беспечно пожал плечами Ник.

– Я просто пошутил! – расхохотался Кит. – Хаттон-Холл, конечно же, на мое имя записан, но это и твой дом, Ник.

– Спасибо за щедрое предложение.

– И содержание тебе я тоже положу.

Николас, мастер скрывать свои эмоции, внутренне сжался. «Положишь мне содержание? Ты же это несерьезно, Кристофер?» Какое чудовищное оскорбление! Ник вскинул голову и с презрением уставился на брата:

– Я взрослый мужчина, Кит. Не надо опускать меня до роли попрошайки и разыгрывать из себя великодушного хозяина поместья, щедрой рукой подающего милостыню.

– Черт бы тебя побрал, Ник! Ну неужели ты не можешь польстить моему тщеславию? Я просто подумал, что смогу хоть раз, для разнообразия, оказать тебе услугу, ведь ты меня всю жизнь выручал!

«В отличие от тебя у меня слишком много гордости. Боже, помоги нам обоим!» – мрачно подумал Николас. Он не святой. Обида захлестнула его с головой. Он как проклятый вкалывал на Хаттон-Грейндже, под его умелым руководством ферма поднялась, расцвела и начала приносить доход, и вот теперь он не получит ни гроша. Ведь Кит там пальцем о палец не ударил, но денежки потекут ему в карман. Ник всегда считал земли Хаттон-Грейнджа своими. Там он планировал построить дом, когда женится. При мысли о браке на его губах заиграла ироничная усмешка. Кто согласится выйти за нищего второго сына?

Николас вдруг сообразил, что начинает жалеть себя, но стук в дверь отдалил его от опасной черты.

– Я не помешал, лорд Хаттон? – кашлянул Джейкобс.

– Нет, конечно, – ответил Кристофер. – Давайте покончим с формальностями. – Он снова сел к столу.

Поставив полагающиеся подписи, Кристофер поднял графин с виски и предложил Джейкобсу выпить на дорожку.

– Я никогда не употребляю крепких напитков, лорд Хаттон, – отказался тот. – Вы ведь понимаете, что человек моего положения должен все время иметь свежую голову.

Кит удивленно приподнял бровь и махнул стаканом.

– Я одно понимаю – человеку моего положения это совершенно ни к чему.

Его шутка не показалась Джейкобсу смешной. Поверенный поспешно собрал бумаги, застегнул портфель и вышел из библиотеки, настоятельно посоветовав наследнику посетить финансового советника отца, Джона Итона.

– У этого идиота напрочь отсутствует чувство юмора! Мозги ссохлись, настоящая пустыня!

«Прямо как твое горло в последние дни», – подумал Ник, но вслух ничего говорить не стал, прекрасно понимая, что иначе Кит нальет себе еще столько же.

– За первородство! – подмигнул ему брат, опрокинув бокал.

– Какой стыд, что отец не упомянул в завещании мистера Берка и Мег Райли, – возмутился Ник. – Ты должен срочно исправить эту ошибку.

– Правда? – осклабился Кристофер. – Какая же это нудятина, вступать в права наследования. Поскольку в «Барклиз бэнк» требуется мое личное присутствие, давай-ка лучше прямо завтра отправимся в Лондон, там и отпразднуем. Я Руперта приглашу. Хочу стряхнуть с себя мрачную атмосферу Хаттон-Холла.

– Только не завтра. Прежде тебе нужно навестить Джона Итона.

– За каким чертом? – Кит откинул со лба прядь волос.

– Обсудить дела, – ответил Ник. – Ты должен знать, как он распорядился деньгами Хаттонов. Какими суммами располагает и какой доход приносят инвестиции. Не думаю, что отец обсуждал с тобой подобные вещи. Ты блуждаешь в потемках, Кит.

– Ради Бога, не нагружай меня делами! Если тебе так интересно, поезжай сам и поговори с ним.

– Не будь идиотом! Итон не станет обсуждать со мной твои инвестиции. Это неэтично. Я ведь без единого фартинга остался. Подумай, как это будет выглядеть?

– Это ты идиот, а не я! Представишься Итону богатеньким лордом Хаттоном, и дело с концом. Позаботишься о делах, а я о веселье.

Николасу удалось совладать с собой в присутствии посторонних, но, оказавшись у себя, он дал волю гневу. Одновременно внутри поселилась пустота, угрожавшая поглотить его сердце. Он снова скорбел. Скорбел по несбывшимся мечтам и своему будущему. Царапанье за дверью отвлекло его от мрачных мыслей, он поднялся и впустил Лео.

Ник подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. В серых глазах плескалась ярость. Николасу вдруг стало смешно, и он расхохотался. Он все тот же Николас Хаттон, последние события несколько его не изменили. Пусть он младший близнец, но более сильный, чем старший. Вся жизнь он показывал судьбе кукиш и останавливаться не собирается. Ни смерть отца, ни завещание не могут выбить его из колеи. Он и только он в ответе за собственную жизнь. Никто не отберет у него будущее, тем более какой-то там мертвец.

Глава 7

Александра сидела, погрузившись в роман, и не кого-нибудь, а Джорджианы, герцогини Девоншир, которым снабдила ее бабушка, когда Алекс начала приставать к ней с вопросами о пресловутой матери Харта Кавендиша.

– Прочитай это, если жаждешь удовлетворить любопытство о печально известной Джорджиане. «Сильф» – немного переделанная автобиография, дань обуявшему ее пустословию. Обычные сердечные излияния по поводу мужа, брака, друзей и самой себя. Написала она его в отместку супругу, когда узнала, что у того есть любовница, – проинформировала ее бабуля.

Роман был построен в виде писем юной героини Джулии, невинного деревенского

создания, явившегося в Лондон, чтобы выйти замуж за богатого светского льва.

«Я от всей души надеюсь оправдать ожидания моего мужа. Мужа! Как звучит это слово в устах юной семнадцатилетней девы, знающей жизнь лишь понаслышке».

Джорджиана (Джулия) искала обожания и поклонения со стороны супруга, но не находила его.

«В его глазах не было любви, он пристально наблюдал за мной, точно боялся увидеть что-нибудь неприятное». Александра прекрасно понимала и разделяла чувства Джорджианы. Именно так смотрит на нее Николас Хаттон!

Джорджиана (Джулия) открыла для себя один из пороков мужа – азартные игры и вскоре сама заразилась тем же грехом, поскольку супруг абсолютно утратил к ней интерес. Отсутствие сентиментальной привязанности – вот что терзало Джорджиану, пришла к выводу Алекс. В поисках романтизма она обратила свой взор на принца Уэльского. Алекс была ошеломлена. Принц – настоящая пародия на мужчину, объект для насмешек. Нельзя же в самом деле быть такой глупой! Алекс захлопнула книгу и вернула ее Дотти.

– Вы правы, это пустая болтовня чистой воды. Еле дочитала.

– В романе Джорджиана решила проблемы героини, ее благоверный покончил с собой. К несчастью, в реальной жизни герцог Девоншир не оказал ей такой услуги.

– Признайтесь, вы дали мне этот роман, чтобы у меня пропала охота написать собственный, – улыбнулась Александра. – Ничего не выйдет, мой будет классом повыше.

– Да, милая, только никто не станет его публиковать. Посредственность – вот что прельщает массы. Учти это.

Пришел Руперт. Он только что вернулся с верховой прогулки со своим другом Китом Хаттоном. Сердце Александры пустилось вскачь, стоило ей увидеть красавчика Хаттона, но быстро успокоилось, когда она поняла, что это Кит приехал повидать Руперта.

Ее брат был человеком открытым – что на уме, то и на языке. Он бросил в холле бобровую шапку с кнутом и пошел напрямик в гостиную. Его прямо-таки распирало от новостей.

– Вчера поверенный Хаттона огласил завещание! – сообщил он. – Кристофер получил наследство!

– Наследники всегда получают наследство, – охладила его пыл Дотти.

– Нет-нет, вы не понимаете. Кристофер унаследовал абсолютно все! Титул, Хаттон-Холл, Хаттон-Парк, Хаттон-Грейндж, деньги, инвестиции и даже дом в Лондоне! Старик и словом о Николасе не обмолвился!

– Не может такого быть! – подозрительно прищурилась Алекс. – Ты выпил, что ли?

– Нет... ну да, мы с Китом перекусили в «Петухе и быке», выпили немного за его великое будущее. Но я сказал чистую правду. Кристофер получил абсолютно все!

Кровь отхлынула от лица Александры. Дотти поджала губы.

– Черного кобеля не отмоешь добела. Генри возненавидел второго сына еще до его рождения. Какая гнусная месть!

– Николас вообще ничего не получил? – пролепетала Александра.

– Ни сосиски! – заверил ее Руперт, сгорая от нетерпения выложить все как есть. – Кит пригласил меня в Лондон. У него срочные дела в «Барклиз бэнк», а потом он собирается поставить город на уши! Удача Кита – это недодача Ника. Уловили? Не-до-дача.

Попытка Руперта пошутить по этому поводу ужаснула Александру.

– Когда мужчина под мухой, ему все кажется смешным, милая.

– Не пытайтесь оправдать его, он омерзителен! – заявила Алекс.

– Увы, мужчины располагают целым арсеналом мерзостей, – вздохнула Дотти.

Руперт одарил бабушку задумчивым взглядом. Под действием спиртного он принял решение поднять вопрос о повышении своего содержания.

– Кстати, если виконт Лонгфорд намерен сопровождать лорда Хаттона в Лондон, ему неплохо бы набить карманы. – Руперт счел весьма забавным говорить о себе в третьем лице. – Виконту четыре месяца назад перевалило за двадцать, и он весьма удивлен, почему

его содержание до сих пор не выросло.

– Передайте виконту, что я буду счастлива обсудить с ним этот вопрос, когда он протрезвеет, – съязвила Дотти.

– Хорошо, мадам. – Руперт отвесил бабушке поклон. – Я должен найти своего камердинера, пусть начинает паковать вещи к отъезду.

«Это точно отрезвит тебя, поскольку камердинера у тебя больше нет», – вздохнула Дотти. Настало время посвятить Руперта в финансовые дела семьи.

– Господи, как мог лорд Хаттон обойтись со своими сыновьями подобным образом? Они ведь глотку друг другу перегрызут! – Алекс принялась нервно расхаживать по комнате. – Да он просто свинья! Омерзительная, гадкая, ничего не стоящая!

– Еще как стоящая, милая. Он оставил своему наследнику целое состояние.

– Но это же несправедливо! Николас, должно быть, вне себя! Чем он провинился, чем заслужил столь жестокое обращение?

– Может, тем, что застрелил своего отца? – напомнила ей Дотти.

– Не говорите так! Это отвратительно!

– Мужчины омерзительны, женщины отвратительны, такова наша природа.

– Я еду в Хаттон-Холл, – заявила Александра.

– Мудрое решение, – согласилась с ней Дотти. – Надо очаровать будущего мужа сейчас, потому как стоит богатенькому лорду Хаттону явиться в Лондон, каждая великосветская дама с мало-мальски смазливой дочуркой попытается завлечь его в сети брака.

Алекс яростно сверкнула глазами. Бабушка нарочно испытывает ее терпение. Она прекрасно знает, что внучка собирается повидаться с Николасом. Девушка побежала наверх переодеться в костюм для верховой езды, безуспешно пытаясь найти слова утешения для друга. Девушка взяла Зефира и поскакала в Хаттон-Холл. И когда мистер Берк сказал, что Николас уехал по делам к Джону Итону, Алекс осенило. Она рассмеялась. Ведь это идеальное решение!

Николас Хаттон оседлал Разбойника и направился в Слоу. Поначалу он не принял всерьез предложение Кита съездить вместо него к Итону, но когда утром брат наотрез отказался заниматься финансами, Ник решил, что просто обязан навестить кузена отца.

Выдавать себя за Кристофера он не собирался, по крайней мере до тех пор, пока не столкнулся на конюшне со своим троюродным братом.

– Привет, Кит. – Джереми одарил его презрительным взглядом. – Быстро же ты взял след папашиных денежек.

Николас пришел в ярость. Этот наглец никогда ему не нравился. Видимо, его выводил из себя тот факт, что Кит стал титулованной особой. Ник решил подсыпать соли на рану.

– Предпочитаю, чтобы ко мне обращались «лорд Хаттон», – надменно произнес он. – Будь хорошим мальчиком, Джереми, скажи отцу, что я приехал к нему по делу.

Глаза Джереми превратились в узкие щелки.

– Имя Харм Хаттон подходит тебе куда больше, чем лорд Хаттон. Отличный жеребец. – Он окинул взглядом Разбойника. – Насколько я понимаю, тот самый, на котором ты выехал на роковую охоту?

Ник тут же уловил в его словах скрытую угрозу и решил пресечь это в корне:

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

Не получив ответа, Ник повернулся к кузену спиной и передал Разбойника груму Итонов, а когда обернулся, Джереми и след простыл.

У парадного входа Ника встретил мажордом в настолько пышной ливрее, что гость едва сдержал смех. Он окинул взглядом холл, и веселье сменилось удивлением. Несмотря на то что Итон-плейс находится всего в нескольких милях к западу от их поместья, у Николаса много лет не было случая побывать здесь, и показная роскошь ошеломила его. Выходит, управление денежными средствами других людей – дело куда более прибыльное, чем ему

представлялось.

Джон Итон тепло принял его:

– Пройдемте в библиотеку, мой мальчик. Рад видеть, что вы оправились после похорон, Кристофер. Выглядите гораздо лучше.

– Спасибо, Джон. На днях я узнал, что отец назначил вас единственным доверительным собственником по завещанию. Его, я хотел сказать, мой поверенный, Тобиас Джейкобс, посоветовал мне немедленно проконсультироваться с вами.

– Спешить некуда, мой мальчик. Я позабочусь обо всех ваших делах, как заботился о Генри. По этому поводу можете не волноваться.

Слова любезные, вкрадчивые, а в глазах лед. Ник это сразу отметил. Да и в голосе явственно проскальзывают фальшивые нотки.

– А я и не волнуюсь. Просто хочу узнать, какие капиталовложения у меня имеются.

Джон Итон расплылся в улыбке и погрозил ему пальцем:

– Ах, Кристофер, я слышу в вашем голосе неодобрение. Вам неприятно, что отец не назначил вас доверительным собственником, но в сложившихся обстоятельствах так будет лучше.

– В сложившихся обстоятельствах? – Ник вскинул бровь.

– Вы унаследовали все, ваш брат – ничего. Поэтому лучше было не назначать вас доверенным лицом. Я строго блюду все ваши интересы, можете не сомневаться. Ваш отец советовался со мной, каким образом сделать вас единственным наследником.

Нику захотелось подпортить Итону высокомерный нос, чтобы не совал его, куда не просят.

– Значит, это вас я должен благодарить?

– Ни в коей мере, что вы, мой мальчик! Ваш отец терпеть не мог Николаса, ни для кого это не секрет. Уж очень ему не хотелось отдавать второму сыну доходную лошадиную ферму, Хаттон-Грейндж, вот я и посоветовал ему сделать вас единственным наследником.

– Тайный сговор. – Губы Николаса изогнулись в улыбке, но глаза оставались холодными. «Отцом двигала ненависть, а тобой – алчность. Могу поклясться, твои советы дорого ему обходились».

– Как я уже говорил вам, я строго блюду ваши интересы. Теперь вы понимаете, Кристофер, что вполне можете доверить мне свои инвестиции?

– Разумеется. – Николаса так и подмывало открыть сукину сыну свое настоящее имя и посмотреть на его реакцию. И он до боли сжал челюсти, чтобы не сделать этого. – Мне бы хотелось получить список моих инвестиций, узнать, какие проценты они приносят. Представьте мне полный отчет.

Эти слова застали мерзавца врасплох. Не ожидал он от наследника своего кузена такой прыти. Зато он хорошо знал, что мальчишка избалован и всегда добивается своего, как и его сыночек Джереми.

– Непременно предоставлю. Но подобные действия требуют времени. Я дам вам знать, когда все будет готово.

Ник не сомневался, что негодяй просто тянет время, но сделать ничего не мог.

– Спасибо, Джон. Не стану вас задерживать. Ответа жду через два дня. Отчет пришлите на Керзон-стрит – еще одно владение, коим я, вне всякого сомнения, обязан вам.

Прием, оказанный ему Джереми Итоном и его отцом, дал Николасу немало пищи для размышлений.

Дотти заглянула в покои внука. Там царил беспорядок. Кровать завалена рубашками и шейными платками, на ковре валяются сапоги и ботфорты. Сам Руперт трезвонит в колокольчик.

– Какого дьявола Уилсон не отвечает мне?

– Вряд ли он тебя слышит.

– Это еще почему?

- Лондон слишком далеко отсюда.
- Какого черта он делает в Лондоне?
- Ищет себе новое место, поскольку больше не работает на тебя.
- Черт побери, Дотти, вы обидели парня!
- Полагаю, это ты его обидел, когда перестал платить ему жалованье.

На лице Руперта мелькнуло виноватое выражение и тут же исчезло.

– Но последнее время у меня туго с деньгами. Я собирался исправить положение, как только мое содержание повысится.

– Сядь, мой мальчик. Я пришла обсудить с тобой именно этот вопрос. – Дотти поддела тростью шейный платок, откинула в сторону и опустилась на кровать. – Жизнь полна взлетов и падений... Все в мире имеет свои положительные и отрицательные стороны. Мы должны принимать и плохое, и хорошее. О, чума тебя побери, хватит сантиментов! Буду краткой. Ты унаследовал титул деда, виконта Лонгфорда...

– И старался вести себя соответственно, – заверил ее Руперт.

– Так и есть, мой мальчик. Рассел мог бы гордиться тобой. Ты пошел по его стопам, сумел с той же невероятной скоростью промотать немалые деньги.

Руперт выкатил от неожиданности глаза:

– Только не говорите мне, что я должен начать экономить именно теперь, когда ожидал прибавки! Хотите сказать, я вынужден разделить доходы на части помельче, чтобы протянуть подольше?

– Ты уже потратил все доходы, Руперт.

– Боже правый! Неужели я забрался в основной капитал?

– Лучше сказать, нырнул в него с головой.

– И сколько осталось?

– Ничего.

– Ничего?! – в панике вскочил он на ноги.

– Ничего, – подтвердила Дотти.

Он походил по комнате, стараясь осмыслить услышанное, затем пришел к заключению:

– Ну, значит, дед завещал сущие крохи, это очевидно. Мне остается лишь упасть вам в ноги и умолять выделить долю, более подходящую виконту Лонгфорду.

– Когда я вышла за Рассела Лонгфорда, он был богат. Половину состояния пропил и прокутил с женщинами. Вторая половина исчезла за карточными столами.

Загоревшаяся в глазах Руперта надежда погасла.

– К счастью, до наследства твоей матушки он не добрался.

Руперт снова воспрянул духом.

– Но твой отец Джонни Шеффилд спустил и его.

Внук опять приуныл.

– Хорошо еще, что вы у нас дама богатая, – тяжело вздохнул он. – Я отдаюсь на вашу милость, бабушка. Моя судьба в ваших руках.

– Нет, Руперт, твоя судьба в твоих руках. Мои деньги – это мираж, миф.

– Не может быть! Я столько лет был уверен, что унаследую баснословное богатство и буду жить, как король! Да из меня посмешище сделают! Как я посмотрю в глаза друзьям, уж лучше вышибить себе мозги!

– На твоём месте я бы и пытаться не стала, Руперт. Слишком маленькая мишень, – усмехнулась бабуля.

– Что же мне делать?

– Типичная мужская реакция! – зло расхохоталась Дотти. – Не «Что же теперь делать моей бабушке?» или «Как же теперь быть моей сестре Алекс?». Однако в твоём случае ответ лежит на поверхности: жениться на наследнице. Графство кишит подобными девицами.

В глазах молодого человека снова вспыхнула надежда.

– Ну, жертва не слишком велика, поскольку я в любом случае рано или поздно женился бы на деньгах. Только позже, а не раньше. – Руперт проявил удивительную практичность. –

Наши денежные затруднения следует держать в секрете, Дотти. Иначе мой дружок Кит тут же отшвырнет меня, как горячий каштан, стоит просочиться малейшим слухам.

– Голова твоя дубовая! Я буду нема как могила. Особенно в отношении юного Хаттона. Нищенке Александре никогда не стать леди Хаттон. Я даже больше тебе скажу, Руперт, сестре ни слова! Александра ни при каких обстоятельствах не должна узнать, что мы разорены. Если она будет считать себя наследницей и вести себя соответствующим образом, тогда все поверят в то, что она и вправду наследница.

Тем временем вышеупомянутая «наследница» покинула Хаттон-Холл и поехала в сторону Бат-роуд в надежде столкнуться с Николасом. Интересно, зачем ему понадобилось встречаться с Джоном Итоном, финансовым советником его отца? Может, он хватается за соломинку, рассчитывая на то, что Итон найдет какую-нибудь лазейку, или просто хочет денег занять? Как бы то ни было, сердце ее сжималось от боли.

Она пустила Зефира легкой трусой по сочным полям Грейнджа, но при виде жеребят с мамашами не устояла перед искушением понаблюдать за ними. Алекс спешила, забралась на деревянную ограду и протянула руку серой в яблоках кобылке. Лошадь подошла к ней, и девушка засмеялась, увидев, как жеребенок пытается на ходу пососать молока.

Кобылка внезапно наострила ушки, Алекс подняла голову и приложила ко лбу руку козырьком, вглядываясь в даль. Сердце ее подпрыгнуло от радости. Это Николас, никто другой в целом мире не держится в седле так уверенно. Она помахала ему рукой, возбуждение горячей волной прокатилось по венам, каждая жилка завибрировала от предвкушения встречи. Ей не терпелось поделиться с ним своим планом, который решит все его проблемы и навсегда изменит их жизнь.

Глава 8

Задумавшись о двусмысленных намеках Джереми Итона, Ник не сразу заметил Александру. Темные брови сошлись у переносицы, он пустил лошадь галопом – не случилось ли чего? И только увидев счастливое выражение на ее лице, Николас вздохнул с облегчением. Но когда спешился и направился к ней, улыбка ее померкла, а глаза наполнились слезами.

– Что случилось, Алекс?

Она соскользнула с ограды и смахнула слезы.

– Ник, у меня сердце разрывается, когда я думаю, как отец обошелся с тобой!

Ник остановился, ошеломленный.

– Значит, Руперт уже успел проболтаться. – Злость черным облаком за клубилась в его груди, хоть он и знал, что Александра рано или поздно узнала бы о его несчастье. Слухи распространяются, словно вспыхнувший огонь.

Александра вдруг улыбнулась – словно солнышко из-за тучки вышло.

– Не переживай, Ник. Не нужны тебе его поганые деньги, возьми у меня!

– У тебя? – переспросил Ник ледяным тоном.

– Я наследница. Если женишься на мне, станешь богатым!

Николас Хаттон отпрянул от нее. Облачко злости в мгновение ока превратилось в ураган ярости. Алекс пожалела его! Это было все равно что удар в солнечное сплетение. Сама того не желая, Алекс унизила его.

– Сделаем вид, что я ничего не слышал, Алекс, – натянуто произнес он.

– Чуть собачья! Это же идеальное решение всех твоих проблем.

На его щеках заиграли желваки, и он изо всех сил стиснул зубы, стараясь совладать с приступом бешенства.

– Какой дьявол навел тебя на мысль, что ты должна решать мои проблемы? – рявкнул он.

– Но ты мне не безразличен, Николас! – крикнула она.

Гнев сменился легким раздражением. Он не вправе злиться на Александру. Она такая трогательно наивная, такая сладенькая, не говоря уже о безграничной щедрости. Она даже не понимала, как унизила его мужское достоинство. Она видела в нем жертву, жалкое создание, нуждающееся в ее помощи.

– Как ты можешь предлагать мне роль охотника за приданым, когда всю жизнь боялась оказаться в этой ловушке?

Алекс шагнула к нему.

– Николас, ты мне дороже всех сокровищ мира! – Она взяла его за руку и с мольбой заглянула ему в глаза. – Я тебя люблю!

Он нежно взял ее за руку.

– Я от всей души благодарен тебе за щедрость, Александра, но брак между нами невозможен. Я всегда считал тебя своей маленькой сестренкой и относиться к тебе по-другому не смогу.

Его слова причинили Александре боль. Она еще раз убедилась в том, что Ник не питает к ней никаких чувств и видит в ней неразумного ребенка, а не любящую женщину.

Он выпустил ее руку.

– Это наваждение развеется, словно дым на ветру, стоит тебе приехать в Лондон и закружиться в водовороте балов и приемов.

Александра готова была провалиться сквозь землю от стыда. Боже правый, какое унижение!

– Я обещала помочь Дотти с обедом, – сказала она, потупившись, – одну кухарку мы уволили, а другую пока не нашли, – пробормотала она.

Ник видел, что причинил ей боль, и едва сдержался, чтобы не прижать ее к себе. Он не двинулся с места, пока она садилась на Зефира. Спина прямая, подбородок вздернут – Александра поскакала в сторону Лонгфорд-Мэнора. Он смотрел ей вслед, и лишь когда она скрылась из виду, оседлал Разбойника и отправился домой.

Мистер Берк и камердинер, один на двоих близнецов, собирали вещи Кита. Ник решил поговорить с братом после обеда и пошел к себе паковать вещи, понимая, что Кит не собирается делиться с ним слугами.

За обедом все мысли Кита были заняты исключительно предстоящей поездкой в Лондон.

– О, я совсем забыл, ты ведь сегодня к Итону ездил. Надеюсь, тебе не составило труда убедить его в том, что ты лорд Хаттон?

– Они сами себя убедили, когда увидели Разбойника.

– Узнал что-нибудь или зря время потерял?

– Узнал, что Джон Итон живет в роскоши. И что Джереми завидует твоему титулу.

Кит расхохотался:

– А кто не завидует? Вот он я, хозяин поместья в двадцать один год, сижу за столом, вкушаю свою собственную форель из своей собственной реки.

– Джереми намекнул, что владеет какой-то информацией в отношении несчастного случая на охоте. – Ник взглянул на брата, чтобы увидеть его реакцию.

Кит отложил вилку, нежнейшая форель вмиг потеряла вкус.

– Что именно сказал этот сопляк?

– Что имя Харм Хаттон подходит тебе гораздо больше, чем лорд Хаттон.

– У тебя просто богатое воображение, – напрягся Кит.

– Я тут же бросил ему вызов, спросил, в чем именно он меня обвиняет.

– И что он ответил? – затаил дыхание Кристофер.

– Ничего.

– Вот видишь! – рассмеялся Кит. – Зависть застит ему глаза, ведь у меня есть титул, а у него никогда не будет!

– Джон Итон снова и снова заверял меня, что строго блюдет твои интересы и позаботится обо всех твоих инвестициях, – сменил тему Николас.

– В таком случае мне не о чем беспокоиться.
– Я ему не верю, – заявил Ник.
– Отец не сделал бы его своим финансовым советником, если бы он не приносил ему доход.

– Что верно, то верно. У отца был нюх на деньги, Итону в голову не пришло бы водить его за нос. Я попытался создать впечатление, что новый лорд Хаттон тоже не лыком шит. Попросил его представить полный отчет, а когда он попытался потянуть время, сказал, что ожидаю ответа через два дня.

– Но через два дня я буду в Лондоне!

– Я велел прислать отчет на Керзон-стрит, – терпеливо пояснил Николас.

– Слишком уж ты подозрителен, старина. – Кит раздраженно бросил салфетку. – Отец мертв, Ник, а няньки мне ни к чему. И не надо намекать на то, что я не такой сообразительный, как ты, обидно, знаешь ли. Не важно, касается это денег или человеческой природы. Я вполне способен сам о своих делах позаботиться. Поскольку все теперь мое – включая слуг, – я был бы тебе очень признателен, если бы ты перестал вмешиваться. Не лучше ли тебе сосредоточиться на своих собственных проблемах? На твоём месте я нашел бы себе богатую невесту. – Ник хотел что-то сказать, но Кит жестом остановил его: – Прошу прощения за то, что имею наглость давать советы такому умудренному опытом человеку, как ты. Лев наверняка уже подыскал себе добычу.

Ник поднялся из-за стола. Нужно срочно убраться из столовой, вдруг его гордость не вынесет столько ударов за один день?

– Мир? Я не стану вмешиваться в твои дела, если ты не будешь лезть в мои.

Уже лежа в кровати, Ник сообразил, что обошелся с братом так же, как Александра – с ним. Попытка решить чьи-то проблемы – явный намек на то, что человек не в силах справиться с ними самостоятельно. Он не хотел обижать Кита, но брат обиделся, и Николас счел это хорошим знаком. Если он готов взять на себя ответственность за Хаттон-Холл, Ник может спокойно заняться своей жизнью.

Он сдержит слово, не станет больше вмешиваться в дела брата. Но вот выбросить из головы Александру оказалось не так просто. Она предложила ему себя, и он не мог не признать, что едва устоял перед искушением. Однако это не имело никакого отношения к деньгам. Александра искала приключений и спешила жить. Дерзость и смех были ее второй натурой. Она умна, образованна, так и светится внутренней красотой. Золотисто-рыжие кудри, стройные ноги! Такую красавицу еще поискать надо!

Он прикрыл глаза, представил, как комнату наполняет исходящий от нее аромат жасмина, и не заметил, как уснул.

Вот Николас входит в двери старинной церкви Хаттонов и понимает, что это день его бракосочетания. Сердце наполняется радостью. Однако ему предстояло пройти через языческую церемонию, и, приблизившись к невесте, он увидел, что спящая Александра голая лежит на алтаре среди свечей и цветов жасмина. Глаза жадно пробежали по ее белоснежному телу с золотистыми кудряшками на лоне, но ум отказывался поверить в то, что ее должны принести в жертву. Николас склонил голову и прижался губами к ее сердцу, скрепив тем самым их союз. Потом сбросил с плеч накидку, укутал ее, взял на руки и бережно перенес на кровать. Он уложил ее на льняные простыни, белее свежеевыпавшего снега. С благоговейным трепетом запустил пальцы в ее шелковистые кудри и поцеловал в губы, и в тот же миг она распахнула глаза, обняла его за шею и выгнулась ему навстречу. Они сплелись в жарких объятиях, первобытно-языческих, эротических, невероятно чувственных. Внезапно раздался стук в дверь. «Я пришел за своей невестой», – заявил его брат. Ник в отчаянии посмотрел на притихшее чудесное создание и увидел алые пятна крови на простыне. «Иуда! Что же я наделал?»

Ник очнулся и порывисто сел. Господи, опять! Он встал и принялся вышагивать из угла в угол, словно лев в клетке. Слава Богу, завтра он уедет в Лондон. Так будет лучше. Для них

обоих. Он не имеет права мечтать о ней, даже во сне!

Александр хотелось подняться к себе и зализать раны, но ей надо было готовить еду. Алекс с недоумением обследовала кладовую. Там почти ничего не осталось! Девушка взяла ветчину, овощи из собственного огорода и пошла в кухню готовить обед.

– Я помогу тебе, дорогая, – радостно заявила Дотти.

– В чем, в чем, а в кулинарии вы не сильны. – Александра решительно забрала у бабушки нож, пока та не порезалась.

В дверях кухни появился Руперт.

– Я в полной растерянности, Алекс. Ты должна помочь мне сложить вещи. Камердинер покинул меня, я погиб!

– Тебе придется немного подождать.

– Почему?

– Потому, Руперт, что меня назначили главной кухаркой и посудомойкой. Разве что ты мне поможешь.

Он в ужасе замахал руками:

– Дурдом какой-то, я рад, что уезжаю.

– Одним лунатиком меньше, – усмехнулась Дотти. «И одним ртом», – добавила она про себя.

Алекс справилась с обедом, но, оказавшись в комнате Руперта, приуныла. По комнате словно ураган пронесся, разметав все содержимое гардероба по ковру и кровати.

В попытке оказать посильную помощь Руперт собрал дюжину чистых шейных платков и протянул сестре:

– Их надо накрахмалить.

Алекс проглотила готовое сорваться с губ проклятие и взялась за работу.

– Их лучше накрахмалить, когда приедешь в Лондон. – Девушка окинула взглядом разверзнутые пасти саквояжей и послала брата на чердак. – Кроме этого, тебе понадобится большой чемодан, а то и два. У тебя здесь одежда на утро, на вечер и для верховой езды. Плюс пальто, сапоги, шляпы, парики, не говоря уже о рубашках и жилетах.

– Мне нужен камердинер, – всхлипнул Руперт.

– Тебе нужен хороший пинок под зад!

– Ну не злись, Алекс.

– Тогда перестань ныть. От тебя пользы, как от шоколадного чайника!

– Может, Дотти права, мне нужна жена. Она говорит, что брак решит все мои проблемы.

Александра поразилась тому, с какой легкостью брат говорит о свадьбе. На ум невольно пришло сравнение с Николасом Хаттоном. Руперт – зеленый юнец, а Ник – взрослый мужчина, именно это и привлекало ее в нем. Иначе она даже не взглянула бы в его сторону.

К себе Алекс вернулась уже поздно. Ей хотелось, не раздеваясь, броситься на кровать и выплакаться. Ее очень обидели, но рано или поздно ей придется примириться с реальностью. Ник Хаттон не отвечает ей взаимностью, и не его вина, что она впала от этого в отчаяние. Дотти с детства втолковывала ей – следуй разуму, а не сердцу; никогда не влюбляйся, ибо любовь ведет к катастрофе. Она твердила себе, что сможет его забыть, но в душе понимала, что это не так.

Александра села на кровать и обхватила руками колени. Если она хочет справиться с наваждением по имени Ник Хаттон, им нельзя встречаться. Утром она уговорит Дотти отпустить ее с Рупертом в Лондон.

Глава 9

Александра поднялась ни свет ни заря, к семи уже были собраны вещи, и она постучала в дверь Руперта. Брат стоял в окружении чемоданов и саквояжей.

– Когда спустишь свой багаж вниз, придешь за моим?

– Я что, похож на носильщика? – возмутился Руперт. – Позвони слуге.

– Нельзя же быть настолько ненаблюдательным. Дотти с неделю назад разогнала слуг, оставила только миссис Динуидди, экономку и конюха Неда. Ладно, я сама отнесу свои сумки.

– А кто возьмет мои? Кстати, ты куда собралась, Алекс?

– В Лондон. Дом на Беркли-стрит полон слуг, все сидят без дела. Не хочу, чтобы они тебе одному угождали, поэтому еду с тобой. Ты, насколько я понимаю, воспользуешься коляской Хаттонов, ведь наш экипаж в ремонте?

– Только для багажа. Сами мы поедем верхом.

– Значит, места для нас с Дотти хватит.

– Дотти? – встревожился Руперт. – Что, если она и в лондонском доме разгонит слуг?

– Тебе не все равно? В Лондоне ты целыми днями спишь, а ночами где-то пропадаешь.

Кроме того, ты можешь в любой момент перебраться к своему драгоценному другу лорду Хаттону на Керзон-стрит.

– У тебя на каждый вопрос есть ответ, – раздраженно фыркнул брат.

– Ха, я даже знаю, кто спустит ваш багаж вниз, виконт Лонгфорд, – проворковала Алекс.

В десять Руперт уехал в Хаттон-Холл, но только через два часа во двор Лонгфорд-Мэнора въехала огромная черная карета с гербом барона Хаттона на дверях. Кучер любезно уложил багаж и уже был готов помочь леди Лонгфорд сесть в экипаж, но та замахнулась на него тростью:

– Пошел прочь, дурень! Мне еще рановато на живодерню.

– Прошу прощения, мэм!

Дотти понаблюдала за тем, как Александра садится на Зефира, забралась в обложенный подушками экипаж и опустила окно.

– Тебе было бы гораздо удобнее здесь, со мной. Путешествие в Лондон вымотает тебя, дорогая. Может, передумаешь?

– Это всего шесть миль! – рассмеялась Алекс. – Лошади даже разогнаться как следует не успеют.

Дотти подняла окно и устроилась на подушках. Разве она может спорить с Александрой? Ведь внучка подала такую прекрасную идею – закрыть Лонгфорд-Мэнор на несколько месяцев и перебраться в Лондон, что сведет непомерные расходы практически к нулю. Миссис Динуидди и Нед – превосходные сторожа, к тому же бесплатные.

Столица заворожила Александру с первого взгляда.

– Добро пожаловать в Лондон, миледи. Все слуги рады приветствовать вас и счастливы снова служить вам.

– Радуйся, пока можешь, Хопкинс. Скоро по-другому запоешь, обещаю, – осадила его Дотти.

Привыкший к эксцентричным выходкам хозяйки, дворецкий лишь вежливо поклонился в ответ.

Алекс проскользнула в дверь следом за бабушкой.

– Привет, Хопкинс.

– Добрый день, госпожа Александра. Виконт Лонгфорд с нетерпением ждет вашего приезда.

– Виконт Лонгфорд? – улыбнулась Александра. – Не слишком ли почтительное обращение для Дерзкого Руперта? Как вам удается произносить это с невозмутимым видом, Хопкинс? К тому же он не нас ждет, а свои чемоданы.

Увидев, как Руперт торопится вниз по лестнице, Алекс съязвила:

– Ты как раз вовремя, можешь поднять наверх мой багаж!

– Оставь свои шуточки, Алекс. Мне срочно нужен вечерний костюм. Мы случайно встретились с Хартом Кавендишем в «Барклиз бэнк», и он пригласил нас отужинать в Девоншир-Хаусе.

– Надеюсь, ты и для нас с Александрой забронировал местечко? – заявила Дотти не терпящим возражений тоном. Идти она никуда не собиралась, ей был важен сам факт получения приглашения.

– Э-э, ну, поскольку там будет старушка леди Спенсер, вашему приезду наверняка обрадуются.

– Графиня Спенсер, деревенщина ты неотесанная! – возмутилась Дотти. – Держи, можешь отнести это наверх. – Дотти сунула ему в руки огромную шляпную коробку с париками. – Значит, когда речь заходит о помолвке, твой закадычный дружок Хаттон соблюдает траур, а развлечься в Девоншир-Хаусе – это он всегда пожалуйста. Идем, Александра, выберем тебе наряд, перед которым не устоит ни один мужчина.

К шести часам Александра облачилась в кремовое шелковое платье с глубоким декольте, открывающим ее соблазнительные груди, и синим бархатным пояском по высокой линии талии.

– Выглядишь просто чудесно, милая, но чего-то не хватает, – задумалась Дотти, глядя, как горничная Сара вплетает в золотисто-рыжие кудри Алекс синюю ленту. – Веера не хватает, вот чего! Он придаст ансамблю живости, драматизма!

Алекс заволновалась. У Дотти имелась целая коллекция вееров всех возможных оттенков, и она неизменно пользовалась ими, создавая эффект театральности. Бабушка исчезла за дверью и вскоре вернулась обратно с одним из своих сокровищ. Алекс взяла в руки огромный бирюзовый веер из перьев страуса и небрежно взмахнула им. Ей понравилось то, что она увидела в зеркале. Никакой эксцентричности, поистине сногшибательно!

– Черт побери, карета приедет в шесть, а я никак не управлюсь с этим шейным платком! – Руперт беспомощно застыл на пороге комнаты.

– Скоро шесть, Дотти, вам пора одеваться! – проигнорировала его Алекс.

– Брось, дитя мое, зачем мне какой-то там обед в Девоншир-Хаусе, когда у нас на Беркли-сквер есть превосходный повар? Он пообещал мне курятину в вине и бисквит с хересом и взбитыми сливками. Руперт о тебе позаботится, но не забудь, относись к лорду Хаттону свысока, побереги свои улыбки для Хартингтона. Это сведет его с ума!

– Карета подана! – объявил дворецкий.

– Передай им, что я скоро, Алекс, – приказал Руперт. – Хопкинс, помогите мне с этим проклятым шейным платком. Я пытался завязать восточный узел, но и «водопад» вполне сгодится.

Алекс подхватила накидку, чмокнула бабушку в щеку и сбежала с лестницы. Кучер поклонился ей и открыл дверцу, но девушка не сдвинулась с места. Ее словно молнией ударило, когда она увидела в экипаже братьев Хаттон.

Черные брови удивленно взлетели вверх.

– Алекс, ты выглядишь...

– Изумительно? Только без паники. Уверяю вас, вы оба в полной безопасности.

Близнецы обменялись восхищенными взглядами, высоко оценив ее внешность и острый язычок. Ник был потрясен не меньше Алекс, он понятия не имел, что она тоже в Лондоне. Молодой человек выругался про себя. Он-то думал: с глаз долой – из сердца вон, а она тут как тут. И сегодняшний вечер грозил необратимыми последствиями.

Александра уверенно села в карету, прекрасно осознавая свою красоту. Однако всю ее уверенность как ветром сдуло, стоило ей оказаться внутри. Облаченные в черные вечерние костюмы, братья выглядели абсолютно одинаково, ей ни за что не разобрать в полумраке, кто есть кто. Она села рядом с одним из них и сделала вид, что не замечает обоих. «Господи Боже мой! Я приехала в Лондон, желая сбежать от него, и вот сижу с ним колено к колену!» Она пересела на противоположное сиденье, сославшись на то, что не любит ездить спиной.

Ее прежнее место занял Руперт. Кучер тронул лошадей.

– Прямо как в старые добрые времена, – расплылся в улыбке Руперт. – Мы четверо снова вместе!

– Но ты теперь виконт, а я лорд. – Кит ткнул друга локтем в бок.

Александра похолодела. Оказалось, что она пересела к Николасу Хаттону, от которого пыталась сбежать! Девушка уставилась в окошко, притворившись, будто изучает пейзаж, а мысли были заняты исключительно близостью любимого. На повороте к Пиккадилли Александру качнуло в сторону Ника, краска бросилась ей в лицо. Жар его тела прокрался прямо под платье, грозя растопить лед сопротивления.

Николас сжал кулак, едва сдерживаясь, чтобы не накрыть своей ладонью ее пальчики. Как трудно устоять перед искушением коснуться этого восхитительного создания! Он с наслаждением вдохнул аромат ее духов, твердя себе, что запретный плод сладок. В этом и только в этом кроется причина притягательности Александры.

– Давайте потом заглянем в «Уайтс», – предложил Кит. – Наше членство уже должно быть подтверждено.

Харт Кавендиш выступил поручителем всей троицы перед старейшим мужским клубом Лондона, известным своими игровыми столами.

– Каков ежегодный взнос? – поинтересовался Руперт. – Я забыл.

– И не вспоминай, старина, я сам обо всем позабочусь, – махнул рукой Кит.

Александра вспыхнула. Какая бестактность говорить о деньгах при Николасе, у которого нет ни гроша.

Карета въехала в ворота Девоншир-Хауса, самого большого особняка на Пиккадилли. Руперт вспомнил о хороших манерах, выпрыгнул первым и подал руку сестре. Кит хотел отпустить экипаж, поскольку они собирались развлекаться всю ночь, однако Николас распорядился дожидаться Алекс и отвезти ее домой.

Возмущению Алекс не было предела. «Черт побери, жизнь несправедлива к женщинам!» Ну почему мужчины могут кутить ночи напролет, а она должна ехать домой? Она бросила на Николаса испепеляющий взгляд и увидела, что этот дьявол ждет не дожидается, когда она начнет протестовать и устроит сцену. Но такого удовольствия Алекс ему не доставит. Девушка задрала носик, взмахнула веером и взлетела по ступенькам Девоншир-Хауса.

С виду дом напоминал барак, но внутри все утопало в роскоши! Глаза Алекс распахнулись от восторга. Ливрейный лакей принял у нее накидку, и она изумленно уставилась на сверкающую толпу, задаваясь вопросом, как такая масса народу может усесться за одним столом?

Юный герцог Девоншир тут же заметил прелестницу и подошел к ней.

– Добро пожаловать в Девоншир-Хаус, Александра. – Харт Кавендиш поднес к губам ее руку. – Вы само очарование. Руперт, подлец ты эдакий, почему ты не сказал мне, что твоя сестра в городе? Я бы прислал ей цветы. Идемте, я вас представлю. – И он с торжественным видом увел девушку из-под носа троих красавцев.

Александра сказала первое, что пришло на ум:

– Я и не думала, что в это время года в Лондоне столько людей.

– Осенью и зимой ожидается немало развлечений. Сегодняшний обед будет дан в честь графа Ливерпуля.

– Вы имеете в виду Роберта Бэнкса Дженкинсона, нового премьер-министра Англии? – удивилась Александра.

– Неужели столь юные создания тоже проявляют интерес к политике? – Он одарил ее насмешливой улыбкой.

– Разумеется. Я слежу за деятельностью политиков, в особенности за их промахами. Покажите мне, пожалуйста, Дженкинсона. Хотелось бы получше рассмотреть человека, который в прошлом году служил под началом Спенсера Персиваля в качестве военного министра и, движимый своими неумными амбициями, столкнул старого Персиваля с кресла

ударом в ухо!

– Полагаю, удар пришелся в другую часть тела! – расхохотался Харт.

Столичная элита позабавила Александру. От нее не укрылось, что мамыши выгуливали своих дочек на выданье среди самых завидных женихов, и стайка дебютанток тотчас окружила Кита Хаттона и ее брата, стоило им перешагнуть порог особняка.

Александра поискала глазами Николаса. Он весьма выразительно дал ей понять, что она не в его вкусе, и ей захотелось посмотреть, каких барышень он предпочитает. Однако, к ее удивлению, Ник вел беседу с одним из своих друзей, при этом ни одна молоденькая девушка не горела желанием привлечь к себе его внимание. Прикрывшись веером, Алекс понаблюдала за ним некоторое время. Как ни странно, к нему подходили только женщины постарше, многоопытные особы, их улыбки красноречиво свидетельствовали о том, что они хорошо друг друга знают. Даже слишком хорошо. Алекс позеленела от ревности, хоть и старалась убедить себя в том, что ей безразличны его победы. Она с облегчением вздохнула, лишь когда Николас завел беседу с премьер-министром.

Алекс вновь одарила вниманием своего провожатого и только теперь заметила, что двое молодых людей терпеливо ожидают, когда их представят прекрасной спутнице Харта. Их имена польстили Александре – лорд Фицморис, Тависток, и Берлингтон. Вскоре все имена и титулы перемешались у нее в голове, и она уже не могла отличить графа от виконта.

Харриет, сестра Харта леди Гренвилл, для друзей просто Хэри-Оу, радушно встретила Александру:

– Я так рада снова видеть вас. Надеюсь, леди Лонгфорд тоже в городе. Поскольку наши бабушки лучшие подруги, мы наверняка будем часто встречаться. Не возражаете, если я украду у вас своего брата? Он нужен мне в банкетном зале, если мы желаем когда-нибудь усадить всю эту толпу за стол.

Харт подвел Александру к группе знакомых дам и откланялся. В глазах дебютанток и их мамаш загорелся огонек зависти. Английские герцоги на дороге не валяются, а Харт Кавендиш по богатству и положению числился на втором месте после самого короля.

Вскоре лакеи в ливреях Девонширов распахнули двойные двери столовой. Девушки устремились вперед, в надежде занять местечко рядом с достойным кавалером, а их мамыши подталкивали дочек в спину.

Александра решила повременить. Обмахиваясь веером, она со стороны наблюдала за тем, как гости локтями прокладывают себе путь к яствам. Размеры роскошного зала и длина столов – футов сорок, не меньше! – произвели на Александру неизгладимое впечатление. На скатертях из дамаста сверкали серебряные приборы и венецианский хрусталь, за каждым вторым стулом стоял лакей, готовый услужить прикрепленной к нему паре.

Руперт и Кристофер Хаттон сидели в компании юных наследниц, а стул рядом с Николасом остался пустым. «Неужели он приберет местечко для меня?» – мелькнуло в голове, но тут ее осенило. Для матрон высшего света он стал персоной нон грата. Ни одна добропорядочная мать не позволит дочери сесть рядом с человеком, замешанным в скандале с происшествием на охоте.

У Александры болезненно сжалось сердце. Откуда в них столько высокомерного лицемерия? Девушка вздернула носик и решительно направилась к Николасу Хаттону. Он тут же поднялся и с показной галантностью отодвинул для нее стул. Она устроилась поудобнее и одарила его лучезарной улыбкой, ожидая вспышки ярости.

Однако Николас с печальной усмешкой произнес:

– Ты слишком добра, Алекс. Не нужно меня жалеть.

– Не могу поверить, что с тобой так обращаются, – процедила она сквозь зубы. – Ведь это был несчастный случай!

Эти слова позабавили Николаса.

– Да ты не просто добра, ты восхитительно наивна. Богатенькие мамыши отвернулись от меня вовсе не потому, что я застрелил отца, меня подвергли остракизму из-за того, что я больше не имею никакого отношения к наследству Хаттонов.

Девушка потеряла дар речи. Но по некотором размышлении пришла к выводу, что это чистая правда.

– Мамаши и дочери прямо-таки бешеные суки! Мужчины более цивилизованны. Я видела, как с тобой разговаривал Роберт Бэнкс Дженкинсон.

– До того как занять пост премьер-министра, граф Ливерпуль был министром военных дел. – Ник хотел что-то добавить, но передумал.

– Похоже, амбиции графа не знают пределов.

– Амбициозность – похвальная черта в характере мужчины, Алекс.

– А какие черты характера восхищают тебя в женщинах? – приподняла бровь Александра.

– Преданность. У тебя в избытке. Смелость. Ты проявила ее, сев рядом со мной.

– Чепуха! Просто я дерзкая от природы и не упущу случая плюнуть бомонду в наглые глаза.

– Бесенок! – улыбнулся он.

«О, Ник, ради Бога, не смотри на меня так! Ну почему бы тебе не поступиться своими глупыми принципами и не жениться на мне?» Алекс прогнала прочь греховные мысли и опустила ресницы. Сидящий справа джентльмен сказал ей что-то, но она не разобрала его слов и ответила вежливой улыбкой. В течение всего обеда противоречивые эмоции разрывали ее на части.

Ник был рад, когда Александра сконцентрировала свое внимание на соседе. Ее близость будоражила его, а груди в глубоком вырезе платья в стиле ампир возбудили настолько, что бриджи грозили не выдержать и лопнуть под натиском восставшей плоти. К концу обеда тупая боль переселилась из паха в сердце.

Леди Харриет Гренвилл поднялась на возвышение и пригласила всех в музыкальную комнату отведать пирожных с ликером. Танцев сегодня не намечалось, но музыканты Девоншира развлекали гостей разнообразными мелодиями.

– Вот вы где, – подошел к ней Харт Кавендиш. – Я хотел пригласить вас за семейный стол, Александра. Хэри-Оу и я были бы рады вашему обществу.

– Мы с Николасом прекрасно чувствовали себя на местах подешевле, – поддела она его, лениво помахивая веером.

– Простите меня, я думал, вы Кристофер, – извинился Харт, обрадовавшись, что она сидит не со своим предполагаемым женихом.

– Благодарю вас за избавление. Хаттоны – настоящие Харм и Хазард. – Она взяла герцога под руку. – Пойдемте в музыкальную комнату?

Харт растерянно прикусил губу.

– Остаток вечера в Девоншир-Хаусе – скука смертная.

– Маленький бесенок безжалостно издевается над вами, Харт, – рассмеялся Ник. – Она знает, что мы собираемся в «Уайтсе». Если вы отыщете Кита и Руперта, обещаю проводить юную леди к карете.

Александра забрала накидку и нашла Ника на мраморной лестнице. Он взял ее под локоток, и они молча спустились к черной карете. Николас знаком велел Тодду оставаться на месте и сам открыл для своей спутницы дверцу.

– А ты ведь не из галантности это делаешь, – нарушила она молчание. – Просто хочешь удостовериться, что я действительно уехала домой и легла в кроватку.

– Да. – Он навис над ней, представляя ее в кровати. Его кровати.

Она даже не двинулась в сторону распахнутой дверцы, шум на улице стих, воцарилась тишина. Темнота окутала их на мгновение, укрыв от посторонних глаз. Они качнулись друг к другу и вновь отпрянули. Он порывисто обнял ее и запечатал на ее губах поцелуй.

– До свидания, Алекс.

Он исчез прежде, чем она успела прийти в себя. Словно во сне, она забралась в карету и лишь на полпути к дому сообразила, что он сказал ей «до свидания», а не «спокойной ночи».

Глава 10

Четверо игроков покинули Девоншир-Хаус и отправились на Сент-Джеймс-стрит. Клуб «Уайтс» с огромным стеклянным эркером располагался в доме номер 37, прямо напротив «Брукса». Харт Кавендиш отдал двадцать гиней, входную плату за четверых, швейцар принял у них цилиндры и шляпы, и они направились напрямиком к игровым столикам, слившись с толпой мужчин в вечерних костюмах. В ожидании свободного места они наблюдали за игрой сквозь сизое марево сигарного дыма.

Ник сел за баккара по левую руку от лорда Сефтона, раздающего, с тем чтобы «туфля», или раздаточная коробка, оказалась у него на следующий кон. Руперт вызвался быть крупье и принимать у игроков ставки, найдя благопристойный предлог не участвовать в игре самому. Целью баккара было набрать девять очков двумя-тремя картами. При первой же раздаче Нику выпали четверка и пятерка, он тут же открылся, и раздающий выплатил ему ставку. На второй раздаче Нику выпало три и шесть, и лорд Сефтон, фыркнув, снова выплатил его ставку. Большинство игроков сдались, однако Ник решил еще пару раз испытать судьбу.

– Сам дьявол на вашей стороне, Хаттон, – пробормотал лорд Сефтон, не зная, к которому из близнецов обращается, и передал Николасу раздаточную коробку.

Ник перетасовал колоду, снял, бросил ее обратно в «туфлю», поставил на кон только что выигранные пятьдесят гиней и раздал карты. Лорд Вустер тут же выкрикнул: «Банк!» – приняв вызов Ника. Одним указательным пальцем Ник скинул Вустеру карту рубашкой вверх, взял себе и повторил процедуру. Когда оба перевернули карты, у раздающего оказалось восемь очков, у Вустера всего семь. Николас снова выиграл. Он заметил свободное место за столиком, где играли в фараона, сгреб фишки и передал «туфлю» Харту Кавендишу.

Ник сел за фараона рядом со своим братом, Руперт встал у них за спиной. Он искренне восхищался дерзостью Ника Хаттона, всем сердцем желая последовать его примеру. Но денег у него по-прежнему не было, и хотя никто не догадывался об этом, рисковать несуществующими гинейми он не хотел – как бы в должники не попасть.

– Список наверняка уже вывесили. Пойду погляжу.

Харт Кавендиш представил на рассмотрение имена своих друзей, когда им исполнился двадцать один год, списки новых членов выставлялись на обозрение каждые три месяца.

Руперт вернулся с листочком в руках и горящими щеками. Его фамилия шла следующей за именем лорда Хаттона, а вот Николаса Хаттона он в списке так и не обнаружил.

Кит осушил стакан виски и бросил взгляд на Руперта.

– В чем дело, старина? – осклабился он. – Тебе что, дали пинка под зад?

– Да нет, я здесь, но... э-э... возможно, список неполный.

Кит, проигравший три раза подряд, взял у Руперта бумагу.

– Черт меня побери!

Ник перевел взгляд с одного на другого, выхватил листок из рук брата, быстро пробежал глазами список имен, вернул его и неспешно собрал свой выигрыш.

– Надеюсь, вы извините меня, господа? – без тени раздражения обратился он к партнерам.

– Ради Бога, сядь, Ник. Ты можешь остаться в качестве моего гостя. Нет нужды уходить, – заверил его Кит.

– Еще как есть, – спокойно ответил Ник.

Он обналичил фишки, выиграв более двухсот фунтов, забрал шляпу и трость и дал швейцару щедрые чаевые. На улице моросил дождик. Лихо сдвинув цилиндр набок, он медленно двинулся вниз по Сент-Джеймс-стрит, пройдясь тростью по железным прутьям ограды и беспечно насвистывая себе под нос.

Он свернул на Пэлл-Мэлл и направился к Чарли Шампань. Морось сменилась проливным дождем, однако Николас не прибавил шагу и вскоре промок до нитки. Не успел

он переступить порог заведения, как ему навстречу выпорхнула восхитительная нимфа. Ник наклонил голову, дабы получше рассмотреть ее груди, и окатил их водой, собравшейся на полях цилиндра.

– Брр, какой холод! Как насчет войти и погреться, милый? Я знаю одну игру, твоя кровь в огонь превратится, уж поверь мне!

– Я не для таких игр сюда пожаловал, – осклабился он. – Хочу покрутить рулетку.

Однако по пути в игровую комнату его поймала Чарли Шампань:

– Да с тебя течет! Ради Бога, немедленно отправляйся наверх, пока не испортил мои ковры! Беда с тобой!

– Ты догадалась, что я Ник?

– А мне и гадать не надо. Я ждала тебя. – Она забрала у него трость и махнула ею в сторону лестницы. – О тебе весь чертов город болтает.

Чарли провела Николаса в свою личную спальню, стянула с него камзол и повесила на высокую решетку у камина. Ник развязал муслиновый шейный платок, пока Чарли расстегивала пуговицы на его рубашке. Один взгляд на мускулистую грудь, покрытую зарослями черных кудряшек, возбуждал ее, но она отошла в сторонку и позволила ему раздеться самому. Сегодня не тот вечер, сегодня на первом месте должен стоять он и его нужды.

– Я принесу полотенце.

Вернувшись, Чарли застала его абсолютно голым. Ее Аполлон стоял спиной к огню.

– Как хорошо! – Он протянул к ней руки, она подошла к нему, накрыла ладонками его ягодицы и принялась массировать. – А так еще лучше!

Его пальцы запутались в ее волосах, шпильки и замысловатые украшения из перьев легли на каминную полку. Волнистые локоны цвета шампанского упали на плечи, он запустил в них руки и прижал ее к себе.

Она осторожно заглянула в его серые глаза, ожидая увидеть в них бурю, но не нашла ничего, кроме вселенского покоя, как будто он пришел к какому-то решению и обрел душевное равновесие.

– Так что же ты собираешься делать? Жениться?

– Это предложение? – приподнял он черную бровь.

Она рассмеялась, легко, непринужденно.

– У меня предложение иного рода. Мы можем стать партнерами по игорному бизнесу.

Его резкий, лающий смех прорезал воздух.

– Ха! Мое имя и без того уже достаточно опорочено!

Он сосредоточился на ее одежде, и она не стала противиться Хазарду Хаттону. Все равно бесполезно. Этот мужчина всегда знал, чего хочет, и ничто на свете не могло его поколебать. Чарли сомневалась, что он женится на деньгах, не даст он женщине подобной власти над собой. Лев никогда не склонит горделивой головы. Ему сам черт не брат, и, даже будучи голым, он уверен в себе на все сто. Особенно будучи голым.

– Так что же ты собираешься делать?

– Трахнуть тебя, конечно же. – Он поднял ее, усадил на свою восставшую плоть и отнес на кровать.

Намного позже Чарли вышла из гардеробной в пеньюаре. Ник лежал на спине в ее кровати, обернув вокруг талии полотенце и попыхивая сигарой. Теперь он был готов к разговорам.

– Я решил уйти в армию. – Он выпустил колечко дыма.

– Боже, только не это! – Она подошла к кровати и опустилась рядом с ним на колени. – Война с Францией в самом разгаре. Тебя отправят в Испанию!

– В этом и состоит мой план, Чарли. Ты же знаешь, что я люблю приключения, риск. Я тебе больше скажу – я стораю от нетерпения.

– Ты хоть офицерский чин себе купишь?

– Постараюсь.

– Любовница герцога Йорка торгует лицензиями, но после скандала в парламенте Фредерику пришлось оставить пост главнокомандующего.

– Регент назначил на эту должность своего брата. Фредерик теперь служит в гвардии. Мне посоветовали переговорить с его личным секретарем, сэром Гербертом Тейлором.

– О, Ник, есть ли способ отговорить тебя?

– Попробуй, милая. – Он раскрыл ей объятия.

Как только карета притормозила у дома на Беркли-сквер, вышколенный дворецкий выскочил из дому с зонтом.

– Спасибо, Хопкинс. Ты так заботлив. – Алекс хотела было сказать, что ей нравится дождь, но это свело бы на нет его благородный порыв.

Горничная еще не ложилась, ждала хозяйку, чтобы помочь ей подготовиться ко сну.

– В этом нет никакой нужды, Сара. Я вполне способна раздеться сама. Никогда больше не дожидайся меня, обещаешь?

Сара присела в реверансе.

– Ваша бабушка просила вас заглянуть к ней и рассказать о приеме в Девоншир-Хаусе.

Алекс надела приготовленную Сарой ночную сорочку и халат и пошла к бабуле. Дотти нежилась в кровати с книжкой в руках, обложившись кружевными подушками и потягивая мадеру.

– А-а, вот и ты, милая. Говорят, там небо opisалось. – Она подняла стакан. – Я поступила мудро, в Беркли-Хаусе чудесные винные погреба.

Взгляд Александры упал на картину над очагом. Она подошла поближе и присмотрелась. Так и есть! Зрение не обмануло ее. Комнату бабули украшало эротическое полотно, на котором обнаженная женщина в соблазнительной позе возлежала на леопардовой шкуре. Алекс поморгала, стараясь прогнать видение – золотисто-рыжие кудри обрамляли слишком знакомое личико и клубились внизу живота.

– Разрази меня гром, она вылитая я!

– Естественно, милая. Для картины позировала одна из твоих прародительниц.

– Кто? – Александра округлила глаза.

– Ну, вообще-то я, – призналась Дотти.

Алекс аж запинаться начала:

– Но... это так... непристойно.

– Непристойность вполне приемлема. Она еще ни одной женщине не повредила, напротив, делает ее неотразимой. Я плохо тебя воспитывала, раз ты этого не понимаешь. Художник оставил на моей ягодице татуировку «Дном вверх»!

Алекс резко повернулась к бабуле, но заметила в ее глазах озорной огонек и поняла, что та блефует.

– А я не знала, что цветом своих волос обязана вам.

– О да, когда-то я была столь же великолепно, как ты, дорогая. Я так давно ношу парики, что ты забыла, какие у меня волосы. Кстати, о великолепии... как тебе Девоншир-Хаус?

– Подобной роскоши я и представить себе не могла. Особенно поражают приемные, обставленные по-королевски. За столом уместилось более полутора сотен человек. Поистине королевский обед.

– Короли в подметки Девонширам не годятся, жалкие оборванцы! Надеюсь, ты не сидела с юным Хаттоном, поберегла свои улыбки для Харта Кавендиша?

– Я не сидела с Кристофером.

– Так и надо этому прохвосту! Соревнование с Хартингтоном заставит его попрыгать, помяни мое слово.

Алекс сменила тему:

– Что читаете?

– «Исповедь» Руссо, классика романтизма. Дам тебе, когда дочитаю, а пока возьми что-

нибудь попроще.

Александра пробежала пальцем по заголовкам, оставив без внимания любовные романы, и выбрала книгу по астрологии. Она гнала от себя воспоминания о Николасе, пока не оказалась в своей спальне, Алекс вспомнила его восхитительный, властный поцелуй и снова задалась вопросом – почему он попрощался с ней, вместо того чтобы просто пожелать спокойной ночи? Ну и ладно! Она отмахнулась от навязчивой идеи, забралась в постель и открыла страничку с описанием Стрельца.

«Вы – незабываемый, очаровательный человек, веселый и дружелюбный, притягивающий к себе внимание и любовь».

– Ха! Хотелось бы мне притянуть его любовь, – пробормотала Алекс.

«Ваши глаза всегда искрятся, вы часто смеетесь, озаряя все вокруг волшебным светом. Общительность и чувство юмора – вот в чем ваша сила, с их помощью вы найдете выход из любой ситуации. Однако вы натура мятежная и живете по своим собственным законам, кои требуют личной свободы».

– Ну, этого отрицать никак нельзя, – кивнула Алекс.

«Вы более романтичны, чем кажется. Ваша идеальная пара – человек сильный, который сумеет держать вас в руках, но в то же время достаточно гибкий, чтобы дать вам возможность расправить крылья».

Алекс быстро пролистала страницы и нашла знак Льва.

«Это король всех знаков. Эта большая кошка горделива и игрива. Среди Львов не найти интровертов или робких. Они сильные, властные и благородно, по-королевски нежатся на солнце в ожидании своего часа. Двигаются с кошачьей грацией. Львы неизменно деспотичны и величавы. Лев всегда в центре драматических событий, его команды эффективны, поскольку он мастер говорить начистоту. Он имеет привычку указывать окружающим, как им жить».

– Кит то же самое говорит про Ника, – буркнула Александра. – Он и со мной обращается подобным образом.

«Лев никогда не учится на чужих ошибках, только на своих собственных. Он необуздан, страстен и храбр, способен с достоинством вынести любые удары судьбы. Он удачлив в игре и делает ставки куда более высокие, чем остальные. Он верный друг, но сильный и опасный враг. Львы вспыльчивы и вполне могут убить».

Александра закрыла книгу, скользнула под одеяло и задумалась о Нике. Возможно ли, что он убил своего отца? Нет, нет, убийство – поступок труса, а Николас был самым смелым мальчиком, которого она знала, и превратился в не менее отважного мужчину. Она вспомнила его сегодняшней поцелуй, нежный и в то же время властный. Прощальный поцелуй!

В эту ночь Алекс приснилось, что Николас ее любит. Целует ее всеми возможными способами, которые она только могла себе вообразить. Его губы дразнят ее, касаются ее губ, легко, нежно, игриво, чувственно. И вдруг его поцелуй становится жадным, страстным, почти грубым. Но неожиданно он отстраняется от нее, и она слышит собственный голос: «Ник, пожалуйста, не покидай меня». Но он не слушает ее и уходит прочь. Потом она видит его в красном камзоле, с ружьем в руках. Алекс в отчаянии.

За несколько часов до рассвета Николас вернулся в особняк Хаттонов на Керзон-стрит. Времени переодеться, принять ванну, побриться, позавтракать, добраться до министерства военных дел в Уайтхолле и предстать перед секретарем принца Фредерика, сэром Гербертом Тейлором, было вполне достаточно.

Представившись, Николас упомянул имя премьер-министра и сообщил Тейлору, что весь прошлый год снабжал гвардию лошадьми. Проблем не возникло. Ник Хаттон стал лейтенантом Королевской конной артиллерии с жалованьем в двести фунтов.

Служить ему предстояло под командованием генерала Роланда Хилла в Испании на границе с Францией. Подкрепление каждую неделю отплывало из Портсмута в Бильбао и

Сан-Себастьян. Из министерства Николас отправился за униформой и оружием и наконец поехал домой.

Кристофер только что поднялся и собирался встретиться со своим другом Рупертом на Роттен-роу Гайд-парка. Очень удобно, аллея начинается прямо в конце улицы.

По утреннему костюму брата Кит понял, что тот возвращается не с ночного гулянья.

– Ты куда подевался вчера вечером?

– У друга был.

– Надо же, у тебя еще друзья остались? Просто удивительно, ты ведь теперь у нас персона non grata, – поддел его Кит. – Ничего не помню, начиная с полуночи. Должно быть, Руперт привез меня домой и уложил в постель. Кстати, почту только что доставили. Джон Итон прислал-таки обещанный отчет. Я вчера справился о нем у Харта Кавендиша. Похоже, у Итона столько богатых клиентов развелось, что он даже контору в Лондоне открывает. Его прозвали Штопором, поскольку он из чего угодно может вытянуть деньги. Так что успокойся, хватит бурчать, как сварливая старуха.

– Рад слышать, что ты способен обойтись без моих советов, – добродушно заметил Ник. – Меня все равно через день-два здесь не будет. Уезжаю.

– Куда?

– В Портсмут.

– Какого дьявола тебя несет в Портсмут?

– Оттуда корабль на Бильбао уходит. Я вступил в армию.

– Да ладно тебе! – недоверчиво хмыкнул Кит, но быстро понял, что Николас не шутит. – Эгоизм и тщеславие чистой воды. – Он ударил себя хлыстом по сапогу. – А как же Хаттон-Холл? Думаешь, я без тебя управлюсь? Быть землевладельцем слишком обременительная задача, столько обязанностей!

– Давай начистоту, Кит. От моих советов ты отказался, от моего вмешательства тебя коробит. У нас ведь соглашение – не вмешиваться в дела друг друга.

– Вообще-то ты умно поступил, ничего не скажешь. Высший свет питает слабость к военным. Форма придает мужественность. Честь, бесстрашие и грубая сила – вот черты, приписываемые офицерам. Военному бомонд готов простить любые прегрешения. – В голосе Кита звенела обида. – Какой полк?

– Я лейтенант Королевской конной артиллерии.

– Идиот! Тебя же на линию фронта пошлют, прямо под обстрел, – вздрогнул он. – Ну ладно, уж лучше ты, чем я. А форма какая? Голубая, как у Королевской гвардии?

– Синяя, бриджи, короткий мундир с золотыми пуговицами и эполеты.

– И высокие черные сапоги до середины бедра, да?

– Да, они колени защищают.

– А еще полированный нагрудный щит и шлем с черно-красным плюмажем? Боже, дамочки сами станут падать к твоим ногам и в штабеля складываться! – с завистью воскликнул Кит. – А парадная форма какова?

– Понятия не имею. Мне она не по карману. Дамочки тоже не успеют в штабеля сложиться, я уезжаю завтра или послезавтра.

Александра одолела Чарлз-стрит и перешла на Керзон-стрит. Сон не давал ей покоя, все утро она тщетно пыталась избавиться от неясного образа Ника в красном камзоле с оружием в руках. Она помнила его поцелуй. Случилось ли это во сне или наяву? Память услужливо подсказала то, что она предпочла бы забыть, – он попрощался с ней! В голове словно молния вспыхнула, и она сообразила наконец: да ведь он не в охотничьем жакете, а в военной форме! Господь милосердный, неужели он это имел в виду, когда говорил «до свидания»? Она должна остановить его! Чего бы это ей ни стоило.

Уже на подходе к высокому каменному особняку она увидела, как дверь распахнулась и на пороге, как ей показалось, появился Николас в сером костюме для верховой езды. Он заметил Александру и остановился.

– О, хвала небесам, я нашла тебя прежде, чем ты совершил опрометчивый шаг!

– Ты сегодня особенно хороша, Алекс. – Восхищенный взгляд скользнул по стройной фигурке.

– Не меняй тему! Скажи правду: ты собираешься вступить в армию? – Она посмотрела на него снизу вверх, дыхание перехватило. Какой же он все-таки красавчик!

– Слово чести, Александра, не собирался и не собираюсь. С чего ты взяла? Кто распускает такие сплетни?

– Слава Богу, Ник. Это не сплетни, мне приснился какой-то странный сон. Белоснежные зубы Кита сверкнули в улыбке. Он понял, что Алекс приняла его за близнеца, но не собирался просвещать девушку.

– Знаешь, Алекс, ты не должна разгуливать по улицам без эскорта или хотя бы горничной.

– Прекрати обращаться со мной как с ребенком!

– Я обращаюсь с тобой как с леди, Алекс. Спасибо за заботу, но я никогда не стану военным.

– Тогда почему ты вчера сказал «до свидания» вместо «спокойной ночи»?

– Правда? Сам не знаю. Я никуда не собираюсь, увидимся в пятницу в Берлингтон-Хаусе.

У Алекс камень с души свалился. Ну надо же быть такой дурочкой: примчалась на Керзон-стрит, как влюбленная идиотка!

– Ты собирался покататься верхом, не стану тебя задерживать.

– Почему бы тебе не попросить Руперта вывезти тебя на прогулку? А я присоединюсь к вам, – небрежно бросил он.

Алекс ушам своим не верила. Неужели Николас назначает ей свидание? Сердце ее пропустило удар, она еле слышно поблагодарила его и попрощалась.

Глава 11

Отчаянно нуждаясь в деньгах, Дотти решила посетить «Коуттс бэнк». В молодости Томас Коуттс был ее воздыхателем и, насколько она помнит, обещал ей карт-бланш. Поскольку «Барклиз бэнк» знал, что у нее и гроша ломаного нет, придется идти в «Коуттс». Все банки располагались на отдаленной Ломбард-стрит, она решила заглянуть в «Спинкс и К°» и проверить, не продал ли эта шельма Спинкс ее Лоуренса. Если нет, она потребует у старого негодника аванс, потом наймет экипаж до Ломбард-стрит.

– Вы уходите, Дотти? Можно, я с вами? Так хочется посмотреть Лондон!

– Нечего таскаться за старой вдовушкой, милая. Погуляй одна, только Сару с собой взять не забудь.

В душе Алекс порадовалась предложению бабушки. Служанка пойдет за хозяйкой, куда та ни пожелает. Горничная гладила на первом этаже юбки и накрахмаленные шейные платки Руперта.

– У меня есть для тебя более интересное задание, Сара. Я хочу, чтобы ты составила мне компанию.

– Идете по магазинам, госпожа? – присела в реверансе девушка.

– Нет. Просто хочу пройтись. Ты нужна мне скорее в качестве гида и подруги по тайному сговору, чем дуэньи. Не боишься?

Глаза Сары засияли.

– Я умею держать язык за зубами, если вы об этом.

– Именно об этом! Ты очень понятлива, Сара. Я только надену ботиночки поудобнее, альбом захвачу, и пойдём. Ты ведь не против пеших прогулок?

– Я служанка, госпожа, везде на своих двоих добираюсь.

– Тогда пошли. И поскольку это не последний раз, зови меня Алекс. – Она решила подготовить почву на будущее, но не стала сообщать Саре, что планирует иногда

переодеваться мужчиной.

Едва оказавшись за стенами дома на Беркли-сквер, Алекс заявила:

– Прежде всего покажи мне престижные мужские клубы, где джентльмены играют, обедают и все такое.

Сара захихикала, прикрыв рот ладошкой.

– Ближайший из них – «Альфредз». – Она направилась по Беркли-стрит в сторону Албермарл и показала на дом номер 23. – Говорят, это самое тоскливое место на земле.

– Не мудрено, – сказала Алекс, провозжая взглядом двух древних господ, переступивших порог клуба.

Сара засмеялась и повела хозяйку дальше, через Пиккадилли.

– Вон там, на углу Болтон-стрит, находится «Уотиерз». Его владелец когда-то служил шеф-поваром у принца Уэльского, здешняя еда славится на весь Лондон, хотя дамам она недоступна.

«Не зарекайся, Сара. Эти элитарные мужские заведения ждет небольшой сюрприз!»

Они свернули на Сент-Джеймс-стрит.

– Номер двадцать восемь – это «Будлз», а номер шестьдесят – «Брукс», оба расположены на западной стороне, прямо напротив «Уайтса», самого старого клуба Лондона.

– «Уайтс» меня особенно интересует, именно там мой брат провел вчерашнюю ночь со своими друзьями.

Полдюжины модно одетых денди окинули Алекс и Сару оценивающими взглядами, прежде чем войти внутрь, но Алекс не обратила на них внимания. Девушка вытащила альбом и стала рисовать знаменитый полукруглый эркер.

– Вам джентльмен машет, вон там, в окне.

– Боже правый, как будто меня может заинтересовать бездельник, который даже днем не в силах оторваться от карт.

– На самом деле вам не следует стоять здесь, госпожа. Респектабельные юные леди даже проезжать по Сент-Джеймс-стрит не решаются. Это исключительно мужская территория, если не считать...

– Не считать кого?

– Ну, знаете, уличных девушек.

– Уличных девушек? Тех, что торгуют на улице? – не поняла Алекс.

– По... потаскух, – прошептала Сара.

– Хочешь сказать, проституток? Забавно! Приятель принял меня за женщину легкого поведения, – рассмеялась Алекс. – Грязный негодяй!

Сара поспешила в сторону Кинг-стрит.

– Это «Олмакс». Сюда леди допускаются, но нужно, конечно же, иметь поручительство одной из клиенток.

– О да, моя бабушка наверняка за меня поручится. По средам, насколько мне известно, здесь проводятся балы с ужином, и, если ты их не посещаешь, высший свет тебя просто не признает. Это так?

– Пожалуй, вы правы. Это главная ярмарка невест Лондона. Здесь и комнаты для азартных игр есть, чтобы джентльменов привлечь.

– Ярмарка невест? Я бы сказала, это мясной рынок, где на продажу выставляется плоть! Более того, умных девушек выбраковывают, поскольку всем известно – юные барышни с радостью занимают подчиненное положение, а брак – естественное состояние знатной дамы.

– Вы не хотите туда попасть? – не поверила своим ушам Сара.

– Жду не дождусь! Ведь это неиссякаемый источник для карикатур.

Они неторопливо пошли по Пэлл-Мэлл. Алекс заметила уличного торговца и купила два пирожка. Сара была не прочь поесть на улице, но впервые видела, как это делает леди.

– Я хочу взглянуть на театры. Как нам попасть к «Ковент-Гардену» и «Друри-Лейн»?

Сара пришла в замешательство. Госпоже, конечно же, не полагалось бывать в сомнительных районах, но горничная не могла не признать, что перспектива побывать там

весьма заманчива. Актрисы и представители разных слоев общества, которых они привлекают своими представлениями, – впечатляющее зрелище. Сара решила на компромисс:

– Я не должна вести вас туда, но если вы обещаете уйти до темноты, не думаю, что мы попадем в беду.

«Разрази меня гром! Если она так неохотно ведет меня к театрам, что скажет, когда я пожелаю посетить тюрьмы и Бедлам?»

Постепенно пешеходов становилось все больше, а хорошо одетых среди них все меньше. Пахло дешевым элем, джином и табаком, со всех сторон неслись проклятия, хохот и визг. Вечер еще не настал, но многие мужчины уже напились и в непотребном виде заходили и выходили из борделей, плевали прямо себе под ноги и мочились в канавы.

Сара и Алекс подхватили юбки и поспешили прочь. В театрах на «Друри-Лейн» только что закончились дневные сеансы, и толпы народу вывалили на улицу, бросая на землю апельсиновые корки, скорлупу от орехов и прочие объедки. Шелудивые псы и облезлые голуби бились за пищу, вонь стояла такая, что Алекс заткнула нос.

– Не следовало приводить вас сюда, – покачала головой Сара.

– Нет, нет, все очень интересно! Лондон – это не только Мейфэр и «Олмакс», и я намерена увидеть его собственными глазами. Ладно, Сара, на сегодня хватит. Мы поздно вышли, в следующий раз на целый день пойдем. Я хочу пробраться в самое нутро старого города. Увидеть красоту Лондона, его оборотную сторону, но больше всего его людей. Давай вернемся обратно другим путем.

Дотти подъехала на наемном экипаже в тот момент, когда они подходили к Беркли-сквер.

– Ах, Алекс, ты так похожа на меня. Мы обе не можем устоять перед искушением побродить весь день по улицам.

Хопкинс одарил Сару неодобрительным взглядом, но она ответила ему ангельской улыбкой. Дворецкий обернулся к Александре:

– Вам цветы привезли, госпожа Александра. Я взял на себя смелость поставить их в воду.

– Какая прелесть! – Она вдохнула аромат роз и фрезий, стоявших на столике в холле, сердце ее пустилось вскачь, но сжалось от разочарования, стоило ей прочесть карточку. – Букет от Харта Кавендиша, – сообщила она Дотти. – Он приглашает меня сегодня на спектакль.

– Пойдешь?

– Непременно! Мне так хочется побывать в театре!

Меньше чем через три часа Алекс сидела перед туалетным столиком, а Сара застегивала крохотные пуговицы на спине ее желтовато-зеленого шелкового платья. Два часа Алекс потратила на зарисовку людей и мест, которые видела днем, быстро выпила чай с печеньями и наспех приняла ванну.

– Знаешь, милая, тебе не мешает парочка новых нарядов. К своему стыду, я совсем тебя забросила, твоя одежда никуда не годится. Этой зимой пышные рукава выйдут из моды. – Спинкс продал наконец картину Лоуренса, и Дотти могла на какое-то время пожить на широкую ногу. К тому же ей удалось обработать Томаса Коуттса, и он выдал ей заем на пять тысяч фунтов. Пришлось, конечно, заложить Лонгфорд-Мэнор, но это простая формальность, убеждала она себя. Дотти положила на туалетный столик банкнот в десять фунтов. – На непредвиденные расходы, милая. Нельзя ходить по Лондону с пустыми карманами. – Она встретила в зеркале глазами с Александрой. – Надеюсь, вы с Хартом будете не одни?

– В театре мы должны встретиться с Хэри-Оу, лордом Гренвиллом и еще одной сестрой Харта, графиней Карлайл, не знаю ее по имени.

– Ее окрестили Джорджианой, в честь матери. В детстве ее звали Малышка Джи, но

теперь она пользуется вторым именем – Дороти. В мою честь, как ни поразительно. Она вышла замуж за Джорджа Ховарда, графа Карлайла. Он немного не в себе, но гораздо интереснее Левесон Гауэра Гренвилла, жуткого зануды.

– Кажется, подъехала карета. – Алекс вскочила со стула и взяла накидку.

– Пусть остынет немного. Никогда не показывай своего нетерпения, это нехорошо. Думаю, мои нефритовые серьги очень подойдут к твоему платью. – Изумруды и бриллианты Дотти заложила года два назад, но со своими полудрагоценными камнями расстаться не могла, слишком дороги они были ее сердцу.

Харт ждал Александру внизу. Она поблагодарила его за цветы и приглашение. Их ждала черная карета с эмблемой Девонширов, латунными масляными фонарями, кучером и ливрейным грумом, который спрыгнул с облучка, чтобы открыть перед ней дверцу. Харт сел напротив Александры, чтобы не помять ее юбки, Алекс скромно опустила ресницы, изображая утонченную юную леди.

Однако долго это не продлилось. Внутри у Алекс все бурлило, она подняла на своего спутника глаза и таинственно улыбнулась:

– Мне так хочется посмотреть пьесу Голдсмита «Унижение паче гордости» вместо Шеридана. Как полагаете, ваши сестры не рассердятся, если мы не составим им компанию?

Харт быстро справился с удивлением и подмигнул ей:

– А нам не все равно?

– Абсолютно все равно, – рассмеялась Александра. – Я читала эту комедию Оливера Голдсмита и хочу посмотреть ее на сцене. Он так здорово высмеивает высшее общество! – Она вынула маску. – Надену на всякий случай, леди не положено быть одной с мужчиной.

Ночь скрыла многочисленные пороки района театров и добавила ему шика. Богато одетые горожане выходили из экипажей, не обращая ни малейшего внимания на стайки проституток и малышей-попрошак в дверях. На каждом углу стояли девчушки, предлагавшие цветы и спички джентльменам в вечерних костюмах. Мальчишки торговали театральными афишами и книжками с памфлетами.

Когда Алекс проявила интерес к буклету с карикатурами, Харт улыбнулся ей и заплатил крону за пару – больше, чем этот мрачный пацаненок зарабатывал за месяц. В фойе театра каждый представитель света счел своим долгом поздороваться с герцогом Девонширом и бросить взгляд на счастливицу с золотисто-рыжими волосами, державшую его под руку.

Они сели в отдельной ложе. Алекс от души хохотала над смешными сценками, чем привела Харта в неопишуемый восторг. В высшем свете такую непосредственную компаньонку днем с огнем не сыщешь. И он решил пригласить Алекс на постановку Шеридана «Соперники». Поскольку сестры уже видели ее сегодня, они не будут путаться у них под ногами.

После спектакля Алекс набралась храбрости и задала мучивший ее вопрос:

– Скажите, некоторые из этих шикарно одетых женщин – любовницы?

– Мне не следует обсуждать с вами подобные вопросы, Алекс.

– Да, я понимаю, но, поскольку мне срочно требуется образовательная программа, думаю, вы не откажетесь дать мне несколько уроков.

Ну какой мужчина устоит перед подобным предложением?

– Да, те, что покрасивее, любовницы, а те, что попроще, скорее всего жены. Вас вполне могут принять за мою любовницу, Алекс. – Тон у него был вполне серьезный.

«Хорошо, что не за куртизанку, как это было на Сент-Джеймс-стрит», – подумала Алекс.

– Сколько стоит любовница? – поинтересовалась она, не поведя бровью.

– Наряды, драгоценности, экипаж и лошади плюс дом в Челси.

– Почему улицы полны ночными бабочками?

– А-а, «герцогини "Друри-Лейн"»! После первого акта театры снижают цены, и бабочки залетают внутрь в поисках клиентов. Почему вас интересует столь непристойная тема?

- Потому что она непристойна, конечно же! – рассмеялась Александра.
- Весь этот район, от Стрэнда до Холборна, весьма непристойен и, уж конечно, не для незамужних барышень. – Харт попытался сменить тему: – Не желаете поужинать?
- В ближайшем заведении.
- Ну, я не могу гарантировать там хорошую компанию.
- В противном случае я бы отказалась.

На углу шарманщик крутил свою шарманку. Крохотная обезьянка протянула им жестянку, и когда Харт бросил в нее полкроны, забавная зверушка подняла свою красную шапочку. Они со смехом свернули на Рассел-стрит и вскоре оказались в одном оригинальном местечке, где подавали еду и выпивку. Клиенты могли на выбор постоять у бара с медным подножием или посидеть за маленькими круглыми столиками в обществе завсегдатаев.

Харт, по традиции, сделал для нее заказ. Алекс терпеть этого не могла и, хотя не стала возражать против лобстера, от дамского напитка хереса отказалась.

– Как насчет пари? Я съем настоящий мужской ужин. Закажите мне сырых устриц, коньяк. Потом я выкурю сигару. Если я достойно справлюсь со всем этим, на следующей неделе вы отведете меня туда, куда я пожелаю. Если не справлюсь, место выбирать вам.

Харт Кавендиш пришел в экстаз. Александра Шеффилд хотела, чтобы с ней обращались как с равной, а не возносили на пьедестал – желание, свойственное практически всем дебитанткам.

– Должно быть, ваше желание выходит за рамки приличий, раз вы готовы пойти на подобные жертвы.

– Все может быть, но я открою вам тайну только при следующей встрече.

– Весьма любопытно! Я принимаю ваше пари. – Он заказал им по дюжине устриц и по коньяку.

Алекс быстро разделалась с устрицами. С коньяком дело обстояло сложнее. Но когда Харт раскрыл свой золотой портсигар и предложил ей сигару, она без колебаний взяла ее. Близняшки Хаттон научили ее курить, когда ей было четырнадцать.

Алекс поняла, что выиграет пари. Она медленно затянулась, выпустила струйку дыма, окинула ленивым взглядом комнату и вдруг услышала аплодисменты.

– Это не та известная певица из Рейнла-Гарденз?

Харт повернул голову.

– Да, София Баддели. Нынешняя любовница Мельбурна, но сегодня мы с ним притворимся, будто не знаем друг друга, поскольку я с леди.

– Но я дымлю, как печная труба. Откуда ему знать, что я леди?

– Я сделаю вид, что не заметил его, и он все поймет.

– О, Харт, как же нелепы правила высшего света! Не обязательно ходить в театр, чтобы посмотреть комедию нравов. Мы в ней живем!

– Быть с вами – куда большее развлечение, чем посмотреть пьесу, Алекс. Вы выиграли пари, я отведу вас куда пожелаете, – улыбнулся он ей. – Я бы отвел вас, даже если бы вы проиграли.

– Знаю, – улыбнулась она в ответ. – Просто мне хотелось произвести на вас впечатление.

Харт расхохотался. Алекс тоже покатила со смеху. Коньяк все же ударил ей в голову. Свежий воздух немного отрезвил ее, пока они возвращались к ожидавшей их карете Девонширов.

Алекс нарочно разбросала на сиденье накидку, ридикюль и памфлеты, снова вынудив Харта сесть напротив нее. Пусть поймет, что она предпочитает держать дистанцию, и не лезет целоваться.

– Увижу ли я вас в пятницу в Берлингтон-Хаусе? – поинтересовался Харт, когда экипаж притормозил на Беркли-сквер.

– Да, мы получили приглашение. Наконец-то я познакомлюсь с вашей сестрой, леди Дороти Ховард, графиней Карлайл. Ни за что не упущу такой случай, – заверила она его, в то

время как перед глазами всплыл образ Ника Хаттона.

Харт проводил ее до порога и чмокнул в лоб.

– Спасибо за незабываемый вечер, Алекс.

В карету он вернулся в растрепанных чувствах. Наглядевшись на кошмарные склоки родителей, он поклялся себе никогда не жениться. Самый богатый дворянин Англии, он мог завести себе самую дорогую любовницу. Алекс сразила его наповал, но она – наследница и не польстится на деньги.

Глава 12

Кристофер Хаттон наблюдал за Николасом, который собирал вещи. Ему очень понравилась форма Королевской конной артиллерии, а отделанные серебром пистолеты с двенадцатидюймовыми стволами и рукоятями с витиеватым узором вызывали острое чувство зависти. На запорной планке красовалась королевская эмблема с инициалами GR – Georgius Rex.

– Ты берешь своего коня, Слейта?

– Да. Я знаю, на что он годится, сам его вырастил. Доеду на нем до Портсмута, а для багажа нанял вьючную лошадь.

– Тебе обязательно уезжать сегодня? – надул губы Кит.

– А какой смысл тянуть время?

Их взгляды встретились.

Кит первым отвел глаза. Поступок брата возмущал его до глубины души. Он не имел ничего против того, чтобы Николас ушел в армию, но ведь он мог выбрать Конную гвардию и остаться в Лондоне. Предстоящая разлука – вот что больше всего бесило Кита. Последние два дня он гнал от себя эти мысли, но пришел четверг, настала пора прощаться, и он не мог думать ни о чем другом.

Они близнецы, неразлучная парочка. Близнецы всегда поддерживают друг друга, полагаются друг на друга, соревнуются друг с другом. И вот теперь Ник бросает его на произвол судьбы, но при этом выглядит вполне счастливым. Киту потребовалось немало усилий, чтобы не поддаться охватившей его панике. Ну что он такого сделал, чем заслужил подобное обращение?

Николас же искренне полагал, что расставание пойдет Киту на пользу. Он слишком долго затмевал близнеца, и с его отъездом у Кита появится шанс встать на ноги и превратиться в настоящего мужчину.

Напоследок Ник решил показать брату, что нуждается в его помощи:

– Я на мели, Кит. Не подкинешь мне десяточку на дорогу?

– Чертов идиот! Почему ты раньше молчал? – Кит вывернул карманы, потом сбегал в свою комнату и принес еще двадцать фунтов – все имевшиеся в доме наличные.

– Спасибо, старина. За мной должок. – Ник обнял брата, посоветовал ему беречь себя и закинул чемодан на плечо. – Не провожай меня, не надо.

Кит еще долго стоял, уставившись на дверь. «Ну и ублюдок же ты, Ник! Всю жизнь все делал по-своему!»

К ночи Кристофер Хаттон налился до бесчувствия. Когда Руперт заглянул на Керзон-стрит, дворецкий сообщил ему, что лорд Хаттон никого не принимает. Руперт нахмурился, но в следующее мгновение лицо его просветлело.

– Дело в муслиновой юбочке, не иначе! Ну и ладно. Увидимся завтра на приеме в Берлингтон-Хаусе.

На следующее утро Кристофер Хаттон первым делом отправился в «Барклиз бэнк» и запасся довольно крупной суммой денег, полагая, что мотовство поможет ему развеять тоску. Уже на выходе он столкнулся лицом к лицу с Джереми Итоном.

– Привет, Харм. Очень надеялся застать тебя здесь.

Подобное обращение покорило Кита, но он сдержал раздражение, кожей почувствовав, что кузен не просто так возник на его пути.

– Откуда тебе знать, что я не Николас? – насторожился он.

Джереми зашелся от хохота.

– Какие дела могут быть у Николаса в «Барклиз», если все досталось тебе? Разве что ты заплатил ему за то, чтобы он взял вину на себя.

– Не понимаю, о чем это ты?

– Еще как понимаешь, Харм. Я, кстати, тоже охотился в день так называемого несчастного случая.

Кит побелел.

– Что за намеки?

– Какие уж тут намеки, Харм, впрочем, можно было бы намекнуть кому следует. Но я умею держать язык за зубами. Ни одной живой душе не скажу, что был поблизости от поля боя и слышал, как вы ругались с отцом.

Кита Хаттона охватило смятение, кровь бросилась в голову. Ник говорил ему о намеках Джереми, но Кит пропустил его слова мимо ушей. Смятение обернулось настоящей паникой, когда он вспомнил, что Ник уехал и не сможет вызволить его из жуткой передраги. Кит молча выругался.

– Кровь не водица, кузен, – расплылся в улыбке Джереми. – Можешь мне довериться. Кстати, не одолжишь мне деньжат? Я тут наткнулся на отличное вложение, но мне пятисот фунтов недостает.

Кит прекрасно понимал – это шантаж, но если пятьсот фунтов заткнут грязной свинье пасть, дело того стоит.

– Уладим как-нибудь, – процедил он сквозь зубы.

– Благодарю вас, лорд Хаттон. Я знал, что могу на вас рассчитывать.

– Забудь об этом, – проявил вежливость Кит.

– Непременно, – пообещал Джереми.

На следующее утро Дотти Лонгфорд отвела Александру к мадам Мартен, в самый шикарный парижский салон женского платья на Бонд-стрит.

Францию мадам Мартен видела только со скал Дувра в ясный день, но одежда у нее соответствовала последней моде.

Они выбрали лавандовое платье, к которому Дотти ухитрилась за ту же цену выторговать фиолетовую накидку с витрины и длинные перчатки.

Когда дамы вернулись на Беркли-сквер, Руперт как раз собирался на верховую прогулку в Гайд-парк. От Кита уже пару дней не было ни слуху ни духу, и он надеялся застать там друга. У Руперта глаза на лоб полезли, стоило ему увидеть коробку с обновкой.

– Мадам Мартен, черт побери! – Пораженный Руперт застыл на месте. – Ведь это самый дорогой магазин на Бонд-стрит!

– Я попросила бы тебя выбирать выражения в обществе дам. – Дотти осмотрела его с ног до головы, намеренно задержав взгляд на дорогих бриджах для верховой езды, жилете и жакете. – Между прочим, Бонд-стрит не дорожке Сейвил-роу. – Она махнула тростью в сторону комнаты для завтраков. – На пару слов, Руперт.

Внук безропотно подчинился. С бабулей не поспоришь!

Дотти прикрыла дверь и без обиняков спросила:

– Как у тебя дела на рынке наследниц? Положил на кого-нибудь глаз?

– Ну, нет пока... я же меньше недели провел в столице!

– Если верить Библии, Бог создал мир меньше чем за неделю, – сухо отреагировала та. – Мне удалось взять заем в банке, и я намерена выделить тебе тысячу на деловое предприятие.

– На деловое предприятие? – не понял он.

– Предприятие по поиску богатой жены, юный дуралей! Пятьсот даю сразу на расходы,

кольцо и подобную чепуху, еще пятьсот после помолвки.

– Тысяча фунтов на поиск богатой жены маловато.

– Прими это как вызов, Руперт. Ты молод, у тебя есть титул, смазливая мордашка и репутация. Что еще нужно девушке?

Руперт подумал о своих пустых карманах.

– А можно получить деньги сегодня?

– Я дам тебе пятьсот фунтов, если пообещаешь не влезать в долги, поскольку у меня нет ни средств, ни желания платить за тебя по счетам. И ни слова Александре. Я отложу ей тысячу на приданое, но леди Хаттон ей не стать еще минимум год, пока у Кристофера не закончится траур. Ступай. – Она указала ему на дверь. – Полови птичек в парке, да и в Берлингтон-Хаусе неплохие охотничьи уголья. Хватай удачу за хвост.

* * *

По мере приближения наемного экипажа к Берлингтон-Хаусу в груди Александры нарастало возбуждение. Она не разговаривала с Николасом с того самого дня, когда он пригрезился ей в военной форме, и она понеслась к нему на Керзон-стрит. Тогда Ник намекнул ей на сегодняшний вечер, и ни о чем другом она не могла думать.

Руперт повел их вверх по мраморной лестнице особняка – бабушка по одну руку, сестра по другую. Рыжий парик и черное, расшитое бисером платье Дотти резко контрастировали с лавандовым нарядом Александры.

Их приветствовала бабушка Харта, леди Спенсер. В последний раз подружки виделись на похоронах Генри Хаттона.

– Сегодня куда более приятный повод для встречи, Дотти. Я не нашла вас в Девоншир-Хаусе на прошлой неделе.

Руперт улучил момент и сбежал, но Алекс смиренно стояла рядом с бабулей, хотя внутри у нее все бурлило. Когда хозяин с хозяйкой вышли им навстречу, девушка от всей души надеялась, что Дороти, сестра Харта, не скажет о том, что их не было в театре, и вздохнула с облегчением, когда та сосредоточила все внимание на кашемировой накидке гостьи.

Харт присоединился к честной компании и вскоре увел Алекс под предлогом того, что жаждет показать ей Берлингтон-Хаус. Она жадно искала в толпе Николаса и с удивлением заметила в бальном зале Аннабель Хардинг с дочкой Оливией.

– Добрый вечер, леди Хардинг. Привет, Оливия.

– Значит, леди Лонгфорд уже привезла вас в Лондон? Как мило! – проворковала Аннабель, с трудом скрывая досаду.

Алекс отметила про себя, что обычно пышущая здоровьем Оливия выглядит неважно. Потускнела как-то, осунулась.

Наша парочка уже решила подняться на галерею, когда взволнованная Дороти поймала Харта за рукав:

– Карета регента только что подъехала! Я понятия не имела, что он собирается к нам сегодня. Помогите мне встретить его, Харт!

– Торопитесь! – отпустила своего кавалера Александра. – Я присоединюсь к Дотти.

Но вместо того чтобы отправиться на поиски бабули, Алекс пошла в игровую комнату, сгорая от желания увидеть единственного дорогого ей человека. Сердце ее затрепетало, стоило ей заметить в коридоре знакомую фигуру и черные кудряшки.

– Ник! – позвала она, кинувшись догонять его.

Он обернулся к ней с радостной улыбкой.

– Это Кит, Алекс. Но больше тебе не придется путать нас. Ник вчера уехал.

– Как уехал? – обомлела Александра.

– Вступил в армию и покинул Англию. Разве он не сообщил тебе, Алекс?

«Он же поклялся! «Даю тебе слово чести, Александра, не собирался и не собираюсь», – вот что он мне ответил, когда я спросила, не стал ли он военным. Ну и скотина же ты, Ник

Хаттон, обманул меня!»

– Нет, ни словом не обмолвился. Обещал встретиться со мной сегодня здесь, в Берлингтон-Хаусе. – Сердце ее болезненно сжалось.

– Выходит, он солгал тебе? Какая низость! Ник так торопился, точно бежал от чего-то. Сколько я ни пытался, не смог его отговорить.

«Он бежал от меня! Боже милостивый!»

– Ты превосходно выглядишь, Алекс. Мне хотелось бы запечатлеть тебя в этом наряде. Он переливается всеми цветами радуги при каждом твоём движении.

Кит осыпал ее комплиментами, но ее мысли были заняты Николасом.

«Значит, то, что он сказал мне, когда я предложила ему пожениться, правда. «Я всегда считал тебя своей маленькой сестренкой и не смогу относиться к тебе иначе». А я-то не поверила ему! Слепая тетеря. Господи, как же я ненавижу тебя, Ник Хаттон!»

– Вот ты где, Кит! – подошел к ним Руперт. – Прибыл его королевское высочество принц Уэльский. Алекс, слышала потрясающие новости? Ник вступил в Королевскую конную артиллерию! Вот бы мне хоть капельку его храбрости!

– Некоторые мужчины жить не могут без бахвальства, – фыркнула Алекс. – Хочу посмотреть на принца-регента. Говорят, он теперь что твой бегемот. Покажешь мне его, Руперт?

– Увидимся за карточным столом, Руперт. Может быть, я буду иметь удовольствие встретиться с вами за ужином, Алекс? – Кит постоял еще немного, глядя ей вслед. На губах его играла довольная улыбка.

По пути к игровому столу Кристофер столкнулся с Оливией Хардинг. Та смущенно переминалась с ноги на ногу у порога библиотеки.

– Привет, Оливия. Ваша семья рано пожаловала в Лондон.

– Не войдешь, Кит? – Девушка кивнула в сторону кабинета. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

Заискивающие нотки в ее голосе тут же насторожили его.

– У меня проблемы, Кит. – Она шагнула ему навстречу, личико бледное, в голубых глазах тревога.

– Что за проблемы? – еще больше напрягся он.

– Знаешь... о, прошу тебя, не заставляй меня произносить это. – Она дотронулась до своего живота. – Мы... кажется, у нас будет...

– Но я-то тут при чем, Оливия? А, ясно. Ник отправился воевать с французами, и теперь я понимаю, откуда такая спешка!

– Но это не Ник, – в отчаянии возразила Оливия. – Это ты, Кит!

– Ошибаешься, Оливия, – холодно осадил он ее. – Нас часто путают.

– Я не спутала вас, хотя совершила ужасную ошибку. Что я буду делать, если ты не женишься на мне, Кит?

– Ты же знаешь, Оливия, я женюсь на Александре Шеффилд. Такова последняя воля отца. Ни для кого не секрет, что мы обручены с детства.

Оливия вспыхнула, но усилием воли взяла себя в руки и прошла мимо Кристофера с высоко поднятой головой.

Улыбку Кита как ветром сдуло. Он дрожащей рукой откинул со лба прядь волос. «Господь всемогущий, Ник! Тебя всего день как нет, а стервятники уже со всех сторон накинулись на свою жертву. Сначала этот ублюдок Итон, теперь Оливия-черт-бы-ее-побрал-Хардинг! Каждая свинья норовит сожрать меня заживо!»

* * *

Чуть позже Кристофер явился в столовую и направился напрямик к Алекс и Харту.

– Я надеялся, что за ужином вы сядете со мной, Александра, – безапелляционно заявил

Кит.

Алекс нахмурилась. Что нашло на Кита, откуда эти собственнические настроения? Она перевела взгляд с Кристофера на Харта – ну чем не пара ощетинившихся псов?

– Я отказываюсь быть костью, – пробормотала она, а про себя подумала: «Или сучкой!» – и отправилась искать бабушку.

Алекс набросила на плечи кашемировую накидку, повернулась и снова увидела Харта.

– Позвольте отвезти Александру домой, леди Лонгфорд, – улыбнулся он Дотти.

– Позволю, мой мальчик, отчего же не позволить? Вы так галантны, предлагаете карету юной леди, у которой на хвосте висит бабуля.

Несмотря на невыносимую головную боль, Александра еле сдержала смех. Когда карета с гербом Девонширов прибыла на Беркли-сквер, Харт любезно проводил обеих дам до двери и тепло, но чинно пожелал им спокойной ночи.

– Все мужчины одинаковы, милая, у них только лица разные, чтобы нам было проще их различать, – рассмеялась Дотти, поднимаясь с внучкой по лестнице.

Алекс думала иначе. Близнецы Хаттон абсолютно разные, хоть и на одно лицо.

Глава 13

Николас Хаттон стоял на палубе, наблюдая за тем, как порт Плимут и Англия исчезают за горизонтом. Боль расставания с тем, что дорого сердцу – Хаттон-Грейнджем и Александрой Шеффилд, – была еще свежа, но ему ничего не оставалось, как посмотреть фактам в лицо и отпустить их. Николас вздохнул и перешел на нос фрегата, повернувшись спиной к прошлому и приветствуя будущее.

Корабль был переполнен пехотинцами, направляющимися в разные подразделения на линию фронта. Ник благополучно доставил Слейта на борт вместе с другими лошадьми, которых везли взамен убитых. Пока грузили провиант, он успел завести знакомство с дюжиной солдат своего полка и сержантом Тимом О’Нилом, недавно вернувшимся из Индии. Выходец из Корка, О’Нил до сих пор не избавился от ирландского акцента.

Непредсказуемый Бискайский залив встретил их на редкость приветливо, дорога до Бильбао заняла всего три дня. Ник вывел Слейта на берег, и когда О’Нил помог ему погрузить багаж на выючную лошадь, он вдруг осознал – вот все, что у него осталось в целом мире. Эта мысль пронзила его стрелой, но он прогнал ее прочь. Полевой командир сообщил рекрутам, что армия Веллингтона выиграла битву при Пиренеях у превосходящих сил противника.

– За последние две недели мы нанесли армии маршала Сульта урон в тринадцать тысяч человек и взяли в плен семнадцать сотен человек. – Это сообщение было встречено радостными возгласами. – Однако при взятии Сан-Себастьяна мы сами потеряли две сотни бойцов.

Новоиспеченные рекруты приуныли.

– Войска вели себя безобразно. Поголовное пьянство, мародерство, поджоги и насилие сопутствовали захвату города. Несколько офицеров, попытавшихся восстановить порядок, пали от рук своих подчиненных. Среди местного населения появились антибританские настроения, испанцы обвиняют генералов и даже самого лорда Веллингтона. Предупреждаю – подобное поведение впредь будет строго караться.

Над доком повисла гнетущая тишина. Полевой командир вкратце изложил военную обстановку на фронтах полуострова.

Лейтенант Николас Хаттон наряду с другими новыми офицерами получил карту местности, людей распределили по подразделениям.

Ник Хаттон, при содействии сержанта О’Нила, спешно собрал вокруг себя рекрутов, прикомандированных к Королевской конной артиллерии, организовал повозки и запаса провиантом. Им предстояло пройти восемьдесят миль по холмистой местности к Памплоне.

Лагерем в тот день расположились рано. Лейтенант Хаттон распределил обязанности, и

те, кто не разжигал огонь, не готовил еду и не ухаживал за лошадьми, учились обращаться с огнестрельным оружием и штыками. Некоторые никогда в жизни ружья в руках не держали, и Ник решил отправить их на охоту, вместо того чтобы попусту расходовать порох, стреляя по обычным мишеням. К ночи у них уже были и кролики, и дичь. Когда они снова двинулись в путь, лейтенант Хаттон не только знал каждого подчиненного по имени, но и причины, вызвавшие его уйти из дому.

Два дня спустя отряд наткнулся на засаду.

– Всем в укрытие! – скомандовал лейтенант Хаттон, а когда солдаты спрятались за телегами, прополз вдоль линии огня в поисках волонтеров. Храбрецов оказалось всего трое, но Ник мог бы поклясться, что стоит им с О'Нилом бесстрашно броситься в атаку на французских драгунов, и остальные последуют их примеру. Убили они лишь четверых, остальные бежали. Одним словом, первая стычка закончилась полным поражением врага, из воинов Ника лишь юный Джейк Смит был ранен в левую руку.

Они тут же остановились на ночлег. Ник сам вытащил ножом пулю из руки своего подчиненного, промыл и перевязал рану, разорвав одну из своих рубашек. Люди прониклись к нему доверием и признали в нем настоящего командира, который ставит благополучие подчиненных выше собственных интересов.

На следующий день они прибыли в Памплону. Ник отчитался перед генералом Роландом Хиллом, и тот передал под его командование не только тех рекрутов, которых Хаттон привел с собой, но еще полдюжины опытных бойцов – в общей сложности тридцать человек плюс осадные орудия и легкие пушки. Непосредственным начальником Ника стал капитан Трой Стенхоп. И Нику, и его людям предстояло многому научиться.

Вечером Ник возблагодарил судьбу за насыщенные будни, не оставлявшие ему времени на раздумья об Алекс.

А вот у Александры времени было хоть отбавляй, и она пыталась занять себя делом. Девушка обошла несколько издательств с предложением написать для них сатирический роман о бомонде, но везде получила отказ. Их интересовали исключительно душеспасительные излияния и разоблачительные признания дамочек высшего общества, причем не слишком пристойные. Алекс решила повременить с романистикой и взяться за альбом.

Через час Алекс закончила карикатуру на его королевское высочество принца Уэльского на приеме в Берлингтон-Хаусе – голова Георга покоилась на раздутом теле гиппопотама, плававшего в озере из еды и выпивки, причем яства сами текли рекой ему в пасть. Лебеди, павлины, фазаны, лобстеры и бутылки с шампанским пытались спастись бегством. Она задумалась на мгновение и подписала картинку: «Его высочество Гиппо на приеме в Беркли-Хаусе».

Алекс дождалась, когда Дотти вышла из дому, отправилась вместе с Сарой в комнату Руперта и подобрала себе одежду из его гардероба.

– Вы же не собираетесь выйти на улицу в мужском одеянии, госпожа? – ужаснулась Сара.

– Называй меня «господин»! – сказала ей Алекс, натягивая брюки со штрипками и застегивая рубашку. – Помоги мне с этим проклятым шейным платком. Вот видишь, я с каждой минутой становлюсь все больше похожей на Руперта, – улыбнулась она. – Боже, как мужчины терпят эти накрахмаленные воротнички до ушей?

– Зато они всегда могут сделать вид, будто не слышат, что им говорит женщина! – захихикала Сара.

Когда Алекс спрятала золотистые кудри под парик, Сара лишь покачала головой:

– Я бы ни за что не признала в вас девушку!

– Я не девушка, а дьяволица, – заверила ее госпожа. – Если бабушка вернется раньше меня, откинь кружевную занавеску на среднем окне второго этажа. Это будет знак.

Алекс пошла в контору Уильяма Кобетта, выпускавшего еженедельник под названием

«Политикал реджистер». Настроение у нее поднялось, когда редактор в голос заготовил над ее карикатурой.

– Беру, – решительно заявил он. – Четыре монеты.

– Четыре шиллинга? – не поверила своим ушам Алекс. – По-моему, это стоит гинеи, нет?

– Кем вы себя возомнили, Крукшенком?

Джорджа Крукшенка, известного карикатуриста, представители высшего света боялись словно огня. Алекс стала торговаться и опустила цену до пяти шиллингов.

– Четыре монеты, берите или убирайтесь прочь! Может, в другой раз я вам и пять заплачу, и вообще как насчет статьи о реформах? О мальчиках-трубочистах или детском труде. На какую-нибудь жареную тему, чтоб газета нарасхват пошла.

Алекс обдумала его предложение и согласилась на четыре шиллинга. «Жалкие гроши! – вздохнула она по дороге домой, перебирая в кармане монетки. – Хорошо, что не приходится зарабатывать себе на жизнь».

В тот вечер Харт Кавендиш, проигравший пари, должен был отвезти Алекс, куда она пожелает. Она снова позвала на помощь Сару. Алекс была нужна вечерняя одежда Руперта, но ей пришлось подождать его ухода. Алекс просунула голову в дверь его спальни и присвистнула от восхищения.

– Разрази меня гром, Руперт, на кого ты собираешься произвести впечатление?

Брат нарядился в новые черные атласные бриджи и камзол из синей парчи.

– Я-то знаю, а вот вам придется догадаться, мисс Любознательность.

– Шерше ля фам – ищите женщину, чего уж тут догадываться! – хихикнула Алекс.

Руперт покраснел. От Гарри Хардинга он узнал, что его сестра Оливия подыскивает себе мужа и ее семья готова принять виконта с распростертыми объятиями. Сегодня Хардинги собираются в «Олмаксе», и Руперт не хотел упускать представившейся возможности. Однако имелась одна загвоздка. Руперт знал, что Кит тоже неравнодушен к Оливии, и не хотел перебежать другу дорогу.

– Приятного вечера и удачной охоты! – крикнула ему вслед Алекс и, едва он исчез за входной дверью, прихватив цилиндр и трость, проскользнула в его покои и взяла из шкафа черный парадный костюм с черной вечерней накидкой.

Сара помогла госпоже застегнуть накрахмаленную рубашку и повязать шейный платок. Алекс была практически готова, когда к дому подкатил экипаж.

– Сара, спустись, пожалуйста, вели Харту Кавендишу подождать меня в карете.

Сара заморгала глазами.

– Я спущусь и спрошу герцога, не будет ли он так любезен подождать вас в карете.

– Не переживай, Сара, – рассмеялась Алекс. – Он будет любезен.

Алекс закуталась в накидку, спрятала под нее лучший парик Руперта и прихватила маленькое зеркальце.

– Я оставила Дотти записку. Пришлось солгать. Слава Богу, она припозднилась.

Харт открыл дверцу изнутри и помог ей забраться в карету.

– Куда едем? – спросил он с улыбкой.

– Подержите. – Она сунула ему зеркальце. – Сейчас скажу. – Девушка надела парик, убрала непокорные колечки волос, сбросила плащ и ответила: – Везите меня в «Уайтс».

– Вы шутите, Александра! – отшатнулся он.

– Никогда в жизни не была столь серьезна.

– Я не могу отвезти вас в «Уайтс», это же закрытый мужской клуб!

– А зачем я, по-вашему, оделась мужчиной? Харт, не будьте занудой, давайте позабудем.

– Если бы не пари, я отказал бы вам, Алекс.

Девушка рассмеялась. Александра и сама прекрасно понимала, что он ни за что не согласился бы исполнить ее просьбу, потому и заключила пари: джентльмен никогда не позволит себе нарушить данное слово.

Харт Кавендиш переступил порог клуба «Уайтс» с высоко поднятой головой, но лицо его пылало. Для начала он повел Алекс в столовую, но не потому, что был голоден, просто хотел потянуть время.

Александра тотчас заметила – герцога принимают совсем не так, как простых смертных. Портье и официанты улыбались, кланялись, шаркали ножками. Даже члены клуба и те спешили поприветствовать Харта, заискивая перед ним.

Алекс пробежала глазами меню. Официант сосредоточил все внимание на Харте, который заказал себе говядину с луком-шалотом и грибами и собрался было сделать выбор за свою сумасбродную партнершу, но наткнулся на ее предостерегающий взгляд.

– Утку, фаршированную устрицами и грецкими орехами.

Официант даже не посмотрел в ее сторону, принимая заказ. Когда Харт велел принести бутылку бургундского, Алекс добавила:

– Мне коктейль с ромом.

Она никогда не пробовала этот популярный напиток из рома, лимона и сахара с миндалем.

Вскоре Харт понял, что никто не обращает на Александру внимания, немного расслабился, даже повеселел, но вести Алекс в игральную комнату не решился. От десерта они отказались. Харт потянулся было за сигарой и хотел заказать бренди, но передумал. Эта девушка вполне может решить – что положено цезарю, то и быку подавай.

– Хочу полистать прославленную книгу пари, – обратилась к нему Алекс.

Харт выпучил глаза и притворно застонал:

– Есть ли предел вашему любопытству? Или вы вознамерились познать всю глубину мужских пороков?

– Пока мне известны лишь некоторые мужские пороки.

Харт повел ее к эркеру, где на высоком столике лежала книга пари. Алекс пробежала пальцем по кожаному томику, задаваясь вопросом, будет ли она первой женщиной, получившей возможность ознакомиться с этой книгой. Большинство пари представляли собой банальные ставки на бега в Эпсоме и Ньюмаркете, игры в крикет и боксерские матчи, но некоторые буквально поражали своей нелепостью. К примеру, в один из дождливых дней апреля лорд Алингтон поспорил со своим другом на тысячу фунтов, какая из капель первой сползет по стеклу эркера!

Здесь имелись ставки на исход сражений на Пиренеях, и Алекс зажмурилась, вознеся молитву за спасение Ника Хаттона. Когда же она снова открыла глаза, ее взгляд упал на имя его королевского высочества, принца Уэльского.

– Боже правый! Даже Принни, и тот здесь!

Харт рассмеялся.

– Самое невероятное пари он заключил с покойным Чарлзом Джеймсом Фоксом. Они поспорили, на какой стороне Бонд-стрит будет больше кошек. Зная о том, как любят кошки тепло, хитрый Фокс выбрал солнечную сторону и выиграл тринадцать – ноль!

Алекс представила себе, как странная парочка рыскает по Бонд-стрит в поисках кошек.

– Поблагодарите Создателя, что я не собираюсь сделать запись в этой книге. Моим проказам есть предел. Но в игральную комнату я все же схожу.

Она не стала сопротивляться, когда Харт купил ей за свой счет фишек, поскольку у нее было при себе всего десять фунтов, выделенных бабушкой на карманные расходы. Поняв, что и здесь никто не обращает на Алекс внимания, Харт со спокойной душой уселся за баккара. Алекс постояла немного рядом, затем пошла бродить среди посетителей.

Она уже собралась испытать судьбу, когда кто-то ущипнул ее за ягодицу! Алекс обернулась. Позади нее с каменными лицами застыли два джентльмена. Она так и не поняла, кто из них позволил себе подобную вольность. Одним из мужчин оказался лорд Броум. Алекс вспыхнула, сердце ее учащенно забилося. Неужели он узнал ее?! Девушка снова уставилась на игровой стол. Броум что-то сказал, но она не расслышала, что именно, зато почувствовала, что он снова погладил ее по ягодице! Алекс едва сдержалась, чтобы не

залепить ему пощечину, и ускользнула под крылышко герцога.

Когда Харт сгрёб выигрыш и покинул столик, она горячо зашептала ему на ухо:

– Похоже, меня разоблачили. Лорд Броум ущипнул меня за ягодицу!

– Не думаю, что он узнал вас, Алекс, – разозлился Харт. – Но ради Бога, держитесь подальше от старого распутника.

– Но как же так, Харт? Он должен был признать во мне женщину, иначе зачем ему было меня щипать?

Харт пришел в замешательство:

– Ну как мне вам объяснить? Видите ли, некоторых мужчин привлекают мальчики, Алекс.

Она подумала и решила уточнить:

– Но не в сексуальном же плане?

– Именно в сексуальном, как бы шокирующе это ни звучало.

– У лорда Броума есть жена, – проговорила она. – Как по-вашему, она в курсе?

– Боже правый, нет, конечно! Такие пороки скрывают, Алекс. Это может вызвать настоящий скандал.

Алекс взяла информацию на заметку, радуясь тому, что получила возможность узнать о тайных пороках высшего общества. На обратном пути она от всей души поблагодарила Харта Кавендиша за то, что он был таким душкой, закуталась в накидку и спрятала парик.

– Вдруг бабуля еще не спит, – пояснила она, поправляя прическу.

– Позвольте мне. – Голос Харта сел.

Не успела она и глазом моргнуть, как он уже сидел рядом, пропуская меж пальцев ее огненные кудряшки.

– Ваша дерзость восхищает меня. – Он привлек ее к себе и хотел поцеловать.

Надо сказать ему, что она питает к нему только дружескую симпатию и ничего больше. Пусть не льстит себя надеждой.

– Вы слишком торопитесь, Харт. Давайте останемся просто друзьями, брак меня не интересует.

Он заглянул ей в глаза и улыбнулся.

– Меня тоже, сладкая моя.

Харт подарил ей долгий поцелуй. Сердце у нее не остановилось, как от поцелуев Ника Хаттона, но ей было приятно.

– Спокойной ночи, Харт. – Она выскользнула из кареты и побежала к дому.

В «Олмаксе» Руперт станцевал три танца с Оливией. Ничего особенного, конечно, но ее мать Аннабель тут же наострила ушки – у них появился шанс разрешить семейную проблему. Она пошла в игровую комнату за мужем и сыном.

– Внук леди Лонгфорд проявляет интерес к Оливии, – сообщила она мужчинам.

– Это я намекнул Руперту, что Оливия подыскивает мужа, и сообщил ему по секрету, что мы будем здесь сегодня, – сказал Гарри Хардинг.

Мать одобритительно кивнула.

– Руперт уже много лет назад унаследовал титул своего деда, а недавно ему исполнился двадцать один. Как полагаете, можем мы устроить брак виконта с Оливией?

– Надо поторопиться, иначе придется выдавать маленькую шлюшку за безродного нищего!

– Успокойтесь ради Бога, милорд! Только невинную девушку можно соблазнить и довести до подобного состояния. – В ее голосе послышались обличительные нотки.

– Хм, да-мм, – кашлянул Хардинг, припомнив прелести дебютантки Аннабель. – Давайте вернемся в бальный зал, дабы не упустить шанс. Виконта Лонгфорда послало само небо.

Глава 14

В испанском городке Памплоне лето плавно перетекло в такой же жаркий, сухой и пыльный сентябрь. Продовольствия не хватало, и Веллингтон неоднозначно намекнул, что солдатам следует самим о себе позаботиться. Лейтенант Николас научил всех своих подопечных охотиться и закрывал глаза на то, как сержант О'Нил подстрекает их воровать у населения птицу, яйца, овощи и фураж для животных. Но в то же самое время Хаттон и О'Нил велели бойцам ни на секунду не терять бдительности, рыская по близлежащим фермам и обходя патрулем стены осажденного города.

Хаттон установил свои собственные правила. Пьянство было под запретом, люди поделены на пары и четверки, с тем чтобы никогда не отправляться на охоту и не выходить в дозор по одному. После того как кто-то из его солдат получил пулю в плечо со стен крепости, Ник велел подчиненным быть глазами и ушами друг друга.

– Прикрывайте друг другу спину. Более сильный должен защищать более слабого. Если хотите выжить, берегите своих братьев.

Николас всю жизнь руководствовался этим правилом, солдаты же осознали его мудрость, когда один из лейтенантов капитана Стенхопа был сражен вражеской пулей из осажденного бастиона. Стенхоп без промедления передал людей погибшего под командование Хаттона, удвоив количество его подчиненных менее чем за полмесяца после прибытия в Памплону.

Тем временем в Лондоне Кристофер постоянно ощущал груз ответственности, обретенный вместе с титулом лорда Хаттона. Однако двойная порция виски поутру неизменно поднимала настроение, и визит Джона Итона, Штопора, на Керзон-стрит не выбил его из колеи.

– Надеюсь, мой отчет полностью удовлетворил вас, лорд Хаттон?

Кит, который даже не удосужился пролистать список акций и вложений, беспечно махнул рукой:

– Зовите меня Кристофер. Вы ведь и моего отца называли по имени, не так ли? В конце концов, вы были кузенами, Джон.

– Не только кузенами, но и добрыми друзьями, Кристофер. Он всегда полагался на меня в вопросе надежных капиталовложений, и вы тоже можете полностью довериться мне, мой мальчик. Вот почему я сегодня здесь. Война – золотая возможность для тех, кто желает поохотиться. Если изучить рынок и выбрать правильные инвестиции, можно увеличить капитал в сотни раз. Деньги должны работать.

– Обязанности лорда Хаттона не позволяют мне целыми днями изучать рынок, Джон. Мой брат бросил меня, решив снискать себе славу героя, что добавило мне проблем. Вам лучше знать, куда следует вложить мои денежки. Я полностью доверяю вам.

– Вместо того чтобы снимать деньги с банковского счета, я предлагаю взять заем под Хаттон-Холл и вложить его в новые инвестиции.

– К кому я должен обратиться по поводу займа? И какие проценты возьмет банк? – рассеянно поинтересовался Кит.

– Зачем вам идти в банк, мальчик мой? Я буду счастлив ссудить вам денег – причем под более низкий процент, чем любой банк – и сразу же пустить их в дело. Таким образом, вы внесете свою лепту в победу над французами. Войну выигрывают не только и не столько те, кто изображает из себя солдат, знаете ли.

– Ясное дело, Джон! Вообще-то я сильно потратился, и мой счет в банке заметно похудел.

– О деньгах не беспокойтесь. Я буду класть нужную сумму на ваш счет, как только она вам понадобится. – Итон извлек из кейса бумагу. – Просто подпишите доверенность на ведение ваших финансовых дел, и я обо всем позабочусь, как это было во времена вашего батюшки.

– Благодарю за заботу.

Итон протянул Киту руку:

– Если я вам понадобится, Кристофер, моя контора на Джермин-стрит.

Прежде чем завязывать серьезные отношения с Оливией Хардинг, Руперт решил переговорить с Китом и заглянул к нему домой на Керзон-стрит.

– Последние пару дней мы с тобой практически не виделись. Чем занимаешься?

– Да так, хожу по галереям и художественным салонам, картины подыскиваю. Отец никогда не интересовался искусством, считал мое хобби занятием для слюнтяев, и теперь я решил наверстать упущенное. Мне доставляет несказанное удовольствие тратить его денежки на полотна, Руперт. А ты что подделывал?

– Не смейся, но я решил выставить свою кандидатуру на ярмарке невест.

– Совсем обезумел? – ужаснулся Кит.

Руперт не мог признаться другу в том, что остался без гроша в кармане и вынужден жениться на богачке, особенно теперь, когда Кит стал лордом Хаттоном и заполучил целое состояние. Пришлось солгать:

– Я унаследовал титул деда, виконта Лонгфорда, но деньгами смогу распоряжаться только с двадцати пяти лет. Мои финансы поют романсы, Кит, надоело буквально на всем экономить.

– Какого черта ты мне не сказал, что у тебя временные затруднения? Не стоит ради этого совать голову в петлю. Надеюсь, ты не успел никому дать клятву, а, дружище?

– Ну... нет. Видишь ли, Кит, до того как надеть петлю на шею, я хотел убедиться, что ты не строишь планов в отношении Оливии Хардинг.

Кит Хаттон задержал дыхание. «Вот и решение проблемы, которая, по сути, и не моя вовсе. Придется сделать поворот на 180 градусов».

– Я и не подозревал, что ты имеешь в виду Оливию. Это совсем меняет дело! У меня с ней ничего не было, а вот у Николаса... Я даже думал, они поженятся. Такие прелестные наследницы, как Оливия, на дороге не валяются. На твоём месте, старина, я бы воспользовался ситуацией, пока мой братец в войну играет.

– По-твоему, Оливия была влюблена в Николаса?

– Наверняка. Ни одна девушка не устоит перед высоким черноволосым красавцем. Николас бросил ее и уехал. Она оскорблена в лучших чувствах и бросится в твои объятия.

– По правде говоря, Оливия относится ко мне весьма благосклонно, а вот ее отец очень требовательный тип.

– Ты же виконт Лонгфорд, твоя бабуля богата, словно Крез. Ты один из самых завидных женихов в Англии, не говоря уже о Лондоне. Да Хардинг в ногах у тебя должен валяться! Главное, не горячись, не показывай своей заинтересованности, вот тебе мой совет. Бьюсь об заклад, Хардинг удвоит приданое.

– Но я как раз очень заинтересован, Кит.

– Господи, Руперт, не рой себе могилу собственными руками! Хардинг-то об этом не знает! Притворись равнодушным. Это повысит твои акции. Вот увидишь.

– Ты прав, Кит. Так я и сделаю. Большое спасибо! Что бы я без тебя делал?!

– Для этого и нужны друзья, Руперт.

«Ты почешешь спинку мне, а я – тебе».

Сара помогла Алекс почистить черный костюм Руперта и убрать его в гардероб, после чего юная госпожа порылась в вещах брата и достала желтовато-коричневые брюки, шерстяной жакет и серовато-бежевый жилет.

– Я собираюсь в город, Сара. Пойдешь со мной?

– В этом наряде, сэръ? – окинула ее взглядом служанка.

Алекс расхохоталась:

– Ты все на лету схватываешь, за это я тебя и люблю!

– Куда планируете пойти?

– Подальше от центра, в бедные кварталы. Хочу написать статью на злобу дня и сделать зарисовки, способные тронуть самое черствое сердце.

– Ну, таких картинок в Лондоне пруд пруди, стоит только за угол свернуть. Нам повезло, что мы в Мейфэре живем.

Алекс натянула брюки, заправила в них рубашку Руперта.

– Да, Сара, знаю. Где ты родилась?

Сара замялась.

– На севере, за Сохо.

– Может, сходим туда?

– Нет, мисс! – поспешно выпалила Сара. – Давайте лучше вдоль реки прогуляемся. Посетим Уайтфраерс и дойдем до Блэкфраерс-Бридж. Оттуда можно вернуться на лодке.

– Отличная идея. Сэкономим время и возьмем кеб до Чаринг-Кросса. Оттуда и начнем свое путешествие. Главное, любимый фрак виконта не запачкать, а то его, не дай Бог, удар хватит.

Однако в этот момент фрак меньше всего заботил виконта. Он целый час мотался по парку в надежде встретить Оливию Хардинг, но, видимо, все же прозевал ее. Руперт уже пустил коня в сторону моста Серпентайн и Ротген-роу, когда увидел ее в открытом фаэтоне под зонтиком. Молодой человек снял шляпу и тепло поприветствовал девушку. Оливия, в свою очередь, велела кучеру остановиться, приятно удивив кавалера.

– О, Руперт, вы так романтичны! Не забыли, что я сегодня собиралась в парк. – Оливия сложила зонтик и передала служанке. – Не хотите ли прокатиться со мной? – Оливия провела рукой по сиденью, стыдливо опустила ресницы и вновь взмахнула ими.

– С преогромным удовольствием, леди Хардинг. – Руперт спешился. – Можно я привяжу лошадь к вашему экипажу? – Он забрался в фаэтон, сел рядом с Оливией, кивнул служанке и положил шляпу на сиденье.

– Руперт, называйте меня просто Оливией. Давним друзьям простительны подобные вольности. – Она робко улыбнулась и укрыла его своим пледом.

Он хотел было возразить, что в такой теплый день не нуждается в плече, но тут почувствовал, как рука Оливии легла ему на бедро. Он вспыхнул и бросил взгляд на служанку, но ту интересовали исключительно деревья Гайд-парка. Он поспешно накрыл ладонью пальчики Оливии и совсем растерялся – что же ему дальше-то делать?

Однако Оливия оказалась не робкого десятка. Она быстро повернула руку ладонь к ладони и многозначительно пожала пальцы Руперта.

Его тело тут же отреагировало, в паху стало жарко, член напрягся буквально в дюйме от их сомкнутых рук. Пытаясь соблюсти приличия, он отодвинул руку в сторону, но теперь она оказалась на бедре Оливии.

– Простите меня, – взмолился он.

Оливия сжала его пальцы.

– Мне нравится ваша пылкость, – горячо прошептала она, скользнув их сомкнутыми ладонями по своему бедру и водрузив их на свое лоно.

Кровь пульсировала внизу живота, и Руперт возблагодарил Бога за плед. Он имел несколько сексуальных связей с женщинами, но впервые преступил границы дозволенного с дебютанткой из приличной семьи. Ему вдруг пришло в голову, что порядочные девушки тоже бывают страстными. Эта мысль привела его в неопишуемый восторг и придала храбрости. Руперт легонько погладил большим пальцем лобок Оливии и с радостью заметил, как расширились ее зрачки. Ее жар проник в его пальцы, он еще крепче прижался к ней и сделал круговое движение. Наградой ему стала реакция Оливии – девушка выгнулась, сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Его петушок напрягся еще сильнее, грозясь порвать рейтузы.

Оливия раздвинула ноги, пропуская его дальше, и прошептала:

– Я хочу, чтобы вы вошли внутрь.

От столь откровенного предложения у Руперта пересохло во рту.

– Я хочу, чтобы вы вошли внутрь и выпили со мной чаю.

Руперт тряхнул головой и лишь теперь сообразил, что они подъехали к дому Хардингов на Кларджес-стрит. Справившись с минутной паникой, он прикрылся шляпой и помог Оливии выйти из фэтона.

– Вели груму позаботиться о лошади его светлости, Эмили, – приказала Оливия служанке, взяла Руперта под руку и не отпускала, пока они не оказались в гостиной. Там никого не было, и девушка прильнула к своему кавалеру.

Руперт нашел губами ее губы, они тут же раскрылись, мягкие, сладкие. Он чуть не выпрыгнул из штанов, когда услышал тихое покашливание у себя за спиной.

– Вы как раз вовремя, лорд Лонгфорд. Чай готов. Позволите ли вы называть вас Рупертом? – протянула ему руку Аннабель.

Он склонился над ее рукой и опустил шляпу, в которой больше не было нужды.

В ожидании чая Оливия без умолку болтала о прогулке по парку, и Руперт вздохнул с облегчением, когда в гостиную ввезли столик. При появлении лорда Хардинга он оказался в невыгодном положении – в одной руке чашка с блюдцем, на колене тарелочка с сэндвичами.

– Не вставайте, – сказал ему Хардинг. – Ухаживаете за моей дочкой, не так ли, мой мальчик?

– Да, сэръ. То есть собираюсь ухаживать, если позволите.

– Вы, случайно, не играете с Оливией, Шеффилд? – навис над ним Хардинг. Руперт готов был провалиться сквозь землю, когда услышал эти слова.

– Уверю вас, милорд, мои намерения абсолютно... – его язык присох к нёбу, – честны.

– Ха, еще бы, проказник вы эдакий! Так, давайте поглядим, вы унаследовали титул деда, правильно?

– Да, сэръ, я виконт Лонгфорд, – запинаясь, подтвердил Руперт.

– А вместе с ним и довольно значительное наследство, насколько я понимаю?

Не успел Руперт ответить, как Аннабель поднялась с дивана и увела дочку из комнаты, предоставив мужчинам возможность обсудить финансовые дела наедине.

Руперт вспомнил совет Кита Хаттона.

– Я вступил в права наследования в восемнадцать лет, сэръ. – Руперт не стал уточнять, что проглотил его, точно щепотку соли, как выразилась Дотти.

– Значит, вы выставили свою кандидатуру на брачном рынке, так, юный сэръ?

– Просто я подумал, что пора обзавестись невестой, лорд Хардинг, но не хочу лишать Оливию осенних и зимних развлечений. Спешка здесь ни к чему.

– Сезон уже начался, и я успел отклонить два предложения руки и сердца. Юную леди с годовым доходом в восемь тысяч схватят быстрее, чем рыба наживку.

– Просто удивительно, что даже небольшое состояние может привлечь охотников за приданым, но при таком умном отце, как вы, милорд, Оливия наверняка благополучно доберется до конца сезона.

Хардинг подозрительно прищурился. «Неужели юный дьявол знает о позоре моей дочери?» И он, и его жена винили в своих бедах Николаса Хаттона, сбежавшего за пролив сражаться с Наполеоном. До несчастного случая с отцом они приветствовали брак между Николасом и Оливией, но после фатальной охоты этот вопрос даже не обсуждался. Хардинг тяжело вздохнул.

– По-моему, Букингемский дворец и всякие там балы способны вскружить голову любой девушке и раздуть ее самомнение. Не хочу я этого для Оливии, что скажете?

Руперт сжал кулаки, до боли впившись ногтями в ладони, лишь бы скрыть свою радость. Нужно до конца следовать совету Кита.

– Уверен, Оливия огорчится, милорд.

– Вовсе нет. Она не из витающих в облаках вертихвосток. Дабы подтвердить свои слова, я могу увеличить ее приданое до десяти тысяч в год. Даже ваша бабушка, леди Лонгфорд, не сочтет эту сумму мизерной, несмотря на ее богатство.

Руперт медленно разжал ладони. «Кит оказался прав! Может, Дотти заставит его еще немножко раскошелиться. Да с таким доходом я заведу себе двухколесный экипаж с парой лошадей!»

– Моя бабушка не считает нужным обсуждать со мной свои дела, лорд Хардинг. Виконтесса держит рот на замке, когда речь заходит о деньгах и инвестициях.

– Да, да, конечно! – Хардинг вскочил на ноги. – Аннабель! Ах, вот вы где, дорогая моя. Нужно немедленно пригласить на обед леди Лонгфорд. Как знать, вполне возможно, мы скоро станем одной семьей.

Руперт не сомневался, что его быстрая победа произведет на бабушку впечатление. Он сам не верил в такую удачу. Более того, как только помолвка состоится, она даст ему вторую половину обещанных денег. Сейчас любой грош пригодится!

Он застал Дотти в столовой – старушка перед обедом потягивала аперитив.

– Ждите приглашения на обед от лорда и леди Хардинг. Я ухаживаю за их дочкой Оливией, и они, само собой, хотят получить подтверждение нашей состоятельности из первых уст.

– Отличная работа, мой мальчик. Вы превзошли самого себя, у Хардингов денег куры не клюют! В чем подвох?

– Ни в чем, Дотти. Они на меня польстились! Я сделаю Оливию Хардинг виконтессой Лонгфорд. Лорд Хардинг так торопится, что обещал увеличить приданое Оливии, лишь бы поскорее сыграть свадьбу.

Алекс поспела как раз вовремя, чтобы услышать новости. В мозгу яркой вспышкой промелькнуло воспоминание о бале-маскараде, когда арлекин сбежал к озеру с девушкой, по голосу похожей на Оливию.

– Надеюсь, ты не поставил ее в затруднительное положение? – обратилась к нему Алекс.

– В затруднительное положение? О чем это ты? – возмутился Руперт.

– Поспешный брак – обычно результат поспешных действий, – сухо пояснила Дотти.

Руперт вспомнил слова Кита: «У меня с ней ничего не было, а вот у Николаса было. Я даже думал, они поженятся».

«Подозревает ли что-нибудь Кит? Не потому ли он был так уверен, что Хардинг начнет швыряться деньгами, лишь бы поскорее сыграть свадьбу?» Руперт прогнал прочь неприятные мысли. Не желает он подвергать сомнению невинность Оливии, и точка. К тому же у нищих нет выбора.

– Я знаю, что все ожидали брака Николаса Хаттона с Оливией, и прекрасно понимаю, что высокие красавцы с черными кудрями способны свести с ума любую девушку, но, уверяю вас, Оливия не отдала ему своего сердца.

В столовой повисла гнетущая тишина. Дотти изо всех сил сдерживала циничность, а Алекс разочарование.

Глава 15

Алекс в одежде Руперта сидела в палате общин, лихорадочно делая заметки доклада о мальчиках-трубочистах. Прежде чем покинуть парламент, она успела набросать статью для «Политикал реджистер». За свои усилия Алекс получила невиданное вознаграждение в семь шиллингов. «Если статья хоть у одного человека вызовет возмущение, можно считать, что мои труды не пропали даром», – думала она по дороге домой.

Руперт заглянул на Керзон-стрит, желая поделиться с другом хорошими новостями.

– Можешь меня поздравить. Благодаря твоему совету я выбил из старика Хардинга прибавку к приданому. Теперь у меня десять тысяч годового дохода. Огромное тебе спасибо!

– Что же, прими мои поздравления! Я дал совет, ты ему последовал. Одна голова хорошо, а две лучше.

– Близнецам это хорошо известно! Кстати, ты очень скучаешь по Нику?
– Очень. Близнец – это не просто брат, это часть тебя самого. Жаль, что он сбежал, но у него были на то причины.

Руперт поспешил сменить тему:

– День свадьбы еще не назначен, но я хотел бы, чтобы ты стал моим шафером.

Кит покраснел. «Дела – хуже некуда, поскольку именно я обрюхатил невесту!»

– Предложение весьма лестное, но я бы на твоём месте обратился к Гарри, брату Оливии. Это упрочит твои отношения с будущим шурином.

– Мне в голову это не приходило! А ты не обидишься? Точно?

– Нет, конечно.

– Решено! Знаешь, куда я сегодня собираюсь? В «Таттерсоллз», посмотреть на лошадей. Увидел сегодня утром коней графа Джерси и представил себе фаэтон или двухколесный экипаж.

– Тогда поехали! Мы с тобой господа богатые, можем себе потрафить своим прихотям?

Через два часа придирчивого осмотра лошадей Руперт с завистью наблюдал за тем, как Кит покупает пару чистокровных гнедых. Еще два часа они провели в каретной мастерской, где Кит выбрал самый дорогой фаэтон.

– Это надо отметить! Почему бы нам не съездить домой переодеться, а потом встретиться в «Уайтсе» и пообедать там?

– Прости, Кит, но я обещал Оливии потанцевать с ней в «Олмаксе».

Кристофер похлопал друга по спине:

– Ничего, рано или поздно это случается с каждым из нас. Скоро я за твоей сестрой Алекс начну ухаживать. Бесенок заставит меня побегать, помани мое слово.

Ближе к вечеру Кит пошел в «Уайтс», пообедал и решил испытать судьбу за игровым столиком, но тут заметил Джереми Итона. Ему удалось выбросить кузена из головы, однако нынешняя встреча вывела Кита из состояния равновесия, и ему захотелось спрятаться. Но Джереми тоже заметил его:

– Привет, Харм! Надеялся застать тебя здесь.

«Точно такими же словами эта нахальная свинья встретила меня в прошлый раз!»
Сердце у Кита упало от недоброго предчувствия.

– Насколько мне известно, мой отец снабдил тебя надежной информацией о выгодных капиталовложениях, кузен?

– Полагаю, твой отец не настолько глуп, чтобы обсуждать с тобой мои личные дела, не так ли, Джереми? – высокомерно заявил Кит.

– Разумеется, отец не дурак. Он понятия не имеет о моем к тебе интересе. Об этом знаем только ты и я. Пока. – Он сделал ударение на последнем слове.

– Какого черта тебе от меня надо? – накинулся на него Кит, хотя в душе испытывал беспокойство.

– Поскольку мой папаша не столь щедр ко мне, как был твой, я снова малость поиздержался. Хочу во что-нибудь инвестировать деньги. По иронии судьбы Генри оставил все именно тебе.

«Негодяй знает, что отца убил я, а не Ник. Чтоб ему провалиться! Но у меня достаточно средств, чтобы заткнуть рот этой ненасытной пиявке».

– В последний раз, Джереми. Сколько?

– Всего пять тысяч.

Кит прищурился. С прошлой встречи его запросы возросли в десять раз.

– Встретимся в «Барклиз» утром. – Он повернулся на каблуках и направился к столу, где играли в фараон. Минут через десять Джереми Итон занял место за тем же столиком. Ему дьявольски везло, и вскоре все фишки Кита перекочевали к троюродному брату. Кристофер заказал себе виски.

«Вот когда я особенно по тебе скучаю, Ник. Вдвоем мы бы стерли этого ублюдка с лица земли, но одному мне не справиться, черт тебя побери!»

Лейтенант Николас Хаттон начал задумываться, не проклял ли его сам дьявол. В октябре погода внезапно ухудшилась, застав англичан врасплох. Казалось, небо решило излить на землю всю влагу, недоданную в сентябре. Ливень не прекращался ни на минуту, под ногами хлюпала грязь. Лагерь превратился в трясины, пришлось перейти на более высокое место.

На второй день после переезда Николас Хаттон обнаружил пропажу продовольствия, вина, фуража и оружия. «Сколько еще продлится эта чертова осада? Моим людям нужны действия. Запасы воды в Памплоне подходили к концу, и горожане уже были готовы сдаться, но тут зарядили эти проклятые дожди!»

Начались ежедневные обстрелы крепости, и следующие две недели с большим трудом удавалось поддерживать дисциплину среди подчиненных.

– Памплон скоро падет. Я в ответе за ваше поведение и не потерплю мародерства в отношении мирного населения. Если увижу, что кто-то из вас убивает, грабит или насилует, пристрелю мерзавца. Рука у меня не дрогнет. Я ясно выражаюсь?

Никто из подчиненных не сомневался в словах лейтенанта. Бойцы уважали его за неумную энергию и искреннюю заботу об их благополучии. Он лично обрабатывал их раны, лечил от дизентерии и утешал в минуты тоски по дому, даже писал письма за неграмотных. Хаттон был прирожденным командиром, второго такого среди офицеров Хилла не найти. Солдаты знали, что лейтенант Хаттон всегда держит слово.

Когда из Англии приходила почта, настроение у солдат поднималось. Ник послал письмо близнецу, но ответа так и не дождался. Десятки раз, сидя в своей палатке под Памплоной, он начинал послание Александре, но вовремя останавливал себя. Зачем обнадеживать девушку? Мысли о ней постоянно преследовали Ника, по ночам она ему снилась. Как ни странно, чем ужаснее выпадал день, тем лучше были сны. Сексуальные, эротичные, сказочные, от них дух захватывало.

Несказанно радостное возбуждение наполнило все его тело, каждая клеточка замерла в ожидании – скоро Александра приедет! И вот она бежит ему навстречу, счастливая, обнаженная. Он принимает ее в свои объятия, и ее ресницы стыдливо опускаются. Он трогает кончиком языка уголок ее рта. Она загадочно улыбается ему и, не открывая глаз, скользит по его голому телу и опускается на колени. Он садится рядом с ней, страсть пожирает его изнутри. Его пальцы пробегают по ее щеке, шее, плечу. Ладонь касается груди, и он чувствует, как лихорадочно бьется ее сердце.

Голова его опускается все ниже и ниже, и Ник обдает горячим дыханием розовый бутончик ее соска, наблюдая за тем, как он сжимается. Его рука прошла под ее грудью, затем по животу. Алекс задохнулась от возбуждения, стоило его пальцу скользнуть в заветную щелку. Его губы и язык принялись исследовать каждый сантиметр ее тела от шеи до пупочка, лаская и пробуя его на вкус, а пальцы поглаживали влажный бугорок, укравшийся в золотистых зарослях мелких кудряшек.

Ник мягко, но настойчиво разжал ее руки, обвившиеся вокруг его шеи, уложил любимую на ковер из цветов и травы, сжал ладонями ее ягодицы и поцеловал в лобок. Ресницы ее взметнулись вверх, и он увидел, что глаза ее затуманились страстью, когда его язык все глубже и глубже проникал в ее жаркое шелковистое лоно. Кончик его языка ощутил пульсацию ее мышц. Она раздвинула ноги. Он проник глубоко в нее, подстроившись под ритм ее сердца, и наслаждался ею несколько мучительно долгих минут. Она взлетела на вершину блаженства резко, неожиданно, растворившись в излившемся из него горячем потоке.

А в Лондоне тем временем готовились к свадьбе. Для Руперта время летело стрелой, для Оливии превратилось в медленный, тягучий поток и бесконечную череду зеркал, в которых она пыталась обнаружить перемены в своей фигуре.

Под предлогом того, что осенний сезон уже начался, Хардинги весьма мудро решили провести свадьбу в Лондоне, а не в родовом гнезде в графстве Бакс. На деле это означало, что предстоящая церемония не будет отличаться особой пышностью.

– Оливия сказала, когда свадьба? – спросила Дотти у Руперта.

– Когда я покончу с собой.

– Ну, значит, недолго, – сухо отреагировала Дотти. – Прекрати увливать, Руперт, это не по-мужски.

– Свадьба состоится через неделю. Я попросил брата Оливии стать моим шафером. – Руперт явно смирился со своей участью.

– Полагаю, выбора у тебя не было, ведь Кристофер Хаттон до сих пор в трауре. По правилам хорошего тона Оливия должна сделать ответный шаг и пригласить твою сестру в качестве подружки. Такие короткие сроки просто неприличны! – Дотти тут же пожалела, что не сумела вовремя прикусить язык, и добавила, пытаясь сгладить оплошность: – Что ж, ничего не остается, как отвести Александру к мадам Мартен на Бонд-стрит. – Она аккуратно отсчитала причитающиеся Руперту пятьсот фунтов и тяжело вздохнула, оплакивая предстоящие расходы на платье для Алекс. – Вот, мой мальчик, ты заслужил это, ухватив удачу за хвост. Я горжусь тобой, Руперт.

Дотти очень хотелось послать Аннабель Хардинг к чертовой бабушке, но ей пришлось сдерживать свои порывы и позволить леди Хардинг и Оливии сопровождать их в салон парижского платья, поскольку мадам Мартен трудилась и над свадебным нарядом невесты.

– Я всегда представляла подружек невесты в розовом. – Это был любимый цвет Оливии, выгодно оттенявший ее смуглую кожу.

– У тебя будет всего одна подружка, милая, но, уверена, Александра учтет твоё пожелание.

– Вообще-то нет! – отрезала Алекс. – Для розового у меня слишком яркие волосы.

– А как насчет лилового? – предложила Оливия.

– Лиловый не просто розовый, это неприлично розовый, – заявила Дотти. – Полагаю, вы будете великолепны в зеленом оттенка гусяного помета, Аннабель.

Оливия захихикала.

– Младенческий голубой не пойдет вразрез с цветом ваших волос, Александра, – сказала она, с тоской отбросив надежды на розовое.

Алекс едва не передернуло от отвращения.

– Вам не кажется, что цвет незабудок более насыщенный, к тому же создает нужное настроение для свадьбы?

Цвет выбрали, настал черед фасона.

– Я просто помешана на французском ампире, а вы, Александра?

– Я тоже, – улыбнулась Алекс.

– А вы знаете, что Жозефина Бонапарт ввела этот стиль в моду, дабы скрыть беременность? – не выдержала Дотти.

Аннабель густо покраснела, а Оливия побледнела, утвердив Дотти в ее подозрениях.

– Мадам особенно удаются наряды в стиле ампир, – поспешно затараторила Алекс. – Мое последнее платье просто прелесть.

«Значит, Руперт действительно стал козлом отпущения! Теперь, когда Аннабель знает, что я в курсе, можно выжать из этой гарпии утешительный приз», – усмехнулась про себя Дотти.

– Оливия, милая, вы не задумывались над собственным домом в городе? Виконтессе не пристало жить с мамочкой и папочкой.

Оливия с вызовом посмотрела на мать.

– Знаете, мама, на Кларджес-стрит есть пустой дом, совсем недалеко от нашего особняка. Может, папочка не откажется подарить нам его на свадьбу?

Поскольку папочка никогда ей ни в чем не отказывал, начиная с двухлетнего возраста, Оливия сочла дело решенным.

Дотти с видом победительницы взглянула на Аннабель. Леди Хардинг сдержанно улыбнулась. Чего не сделаешь, когда речь идет о чести дочери!

Алекс не только заметила их игру, но, что гораздо хуже, понимала ее смысл.

«Оливия ждет ребенка, и Дотти это знает! А Руперт? Он категорически отменил все инсинуации, но согласился на поспешную свадьбу, выходит, он тоже в курсе!» Алекс решила прогнать прочь эти опасные мысли.

После визита к модистке Алекс старалась избегать любой темы, прямо или косвенно затрагивающей тайну Руперта и Оливии.

Сообщение Оливии о том, что у нее есть для него сюрприз, раззадорило и встревожило Руперта. Это уже не первый сюрприз. Когда он сделал Оливии предложение, она бросилась ему на шею. Ее приятные округлости разожгли в его крови огонь. Он робко поцеловал ее, а она ответила ему с таким жаром, что он начал подумывать – может, брак вовсе не та вещь, которой стоит опасаться. Если бы не слоняющиеся по дому родители, Руперту наверняка удалось бы уговорить Оливию на нечто большее.

Отправляясь на Кларджес-стрит, Руперт решил захватить подарок для Оливии. Сначала он хотел купить ей цветы, но быстро отказался от этой идеи, остановив выбор на шоколадных конфетах. С коробкой под мышкой он легко взбежал по ступенькам и взялся за медный молоточек. Дверь открыл дворецкий, но Руперт увидел, что Оливия уже спускается по лестнице в розовом утреннем платье и шляпке, с сумочкой в руке. Значит, она ждала его и они куда-то идут.

– Руперт... – Она подставила ему щеку для поцелуя. – О, конфеты! Как мило! Я возьму их с собой. У меня для вас изумительный сюрприз.

– Я заинтригован, драгоценная моя! – улыбнулся Руперт.

Оливия взяла его под руку, они вышли из дома и направились вниз по улице. Прошли три дома, свернули к четвертому и поднялись по ступенькам.

Любопытства у Руперта поубавилось, когда он понял, что они собираются в гости. Похоже, у его невесты весьма странные представления о сюрпризах. Оливия вошла внутрь без стука, и Руперт подумал, что здесь живут ее друзья. И у него тут же пропала охота следовать за ней. Он шагнул на выложенный черно-белой плиткой пол холла и осмотрелся. Неплохо, однако, ее друзья устроились.

– Чей это дом? – недовольно буркнул он.

В глазах Оливии загорелся еле скрываемый восторг.

– Он наш, Руперт! Это папочкин подарок к свадьбе!

Руперт лишился дара речи. Вот это сюрприз! Мысль о совместном проживании с Хардингами приводила его в ужас.

– Ваш батюшка весьма щедр, Оливия.

– Пойдемте. – Она снова взяла его за руку, прижав коробку конфет к груди, поднялась по лестнице и завела в богато обставленную спальню. Конфеты поставила на туалетный столик, вынула из сумочки ключик. – Заприте дверь.

Руперт сразу понял, что все спланировано заранее, но тело его предательски отреагировало на намек. Он запер дверь, вернул ей ключ, снял с нее шляпку и раскрыл объятия.

Когда она шагнула к нему и подняла голову, приглашая к поцелую, Руперт уже знал, что не сможет устоять. Наедине с будущей женой, в запертой комнате с призывно распахнутой кроватью его твердое намерение сохранять благопристойность до первой брачной ночи развеялось как дым. Он нашел губами ее губы и не успел проявить настойчивость, как ее губы раскрылись, ее язык коснулся его языка, и он забыл обо всем на свете.

Заманчивые округлости потерялись о его мускулы, приглашая исследовать их поближе. Он накрыл ладонью нежное полушарие. Груды у Оливии полные, тугие, соски превратились в две твердые косточки. Она задохнулась от удовольствия, пальчики потянули за шнуровку, давая ему доступ к тому, что скрывается под платьем. Стоило ему коснуться ее обнаженной

кожи, как ее руки принялись лихорадочно раздевать его.

Через несколько секунд он стоял перед ней совершенно голый. Его первым порывом было прикрыться, уберечь ее взор от откровенного проявления мужской сексуальности, но он даже с мыслями собраться не успел. Оливия взялась за его петушок, да так сладко, что он окончательно лишился рассудка.

Трясущимися руками он поднял ее юбки и стянул через голову ее наряд. Оливия поспешно избавилась от шикарного нижнего белья – Руперту еще никогда в жизни не удавалось так быстро раздеть даму. Его белье полетело на ковер, смешавшись с ее кружевами. Оливия встала на цыпочки, обвила руками его шею и поднялась навстречу его естеству. Она не меньше его жаждала воссоединения.

Он отнес ее на кровать, взяв под ягодицы, и их тела сплелись в неистовой пляске. Оливия быстро приняла положение сверху, прижавшись к его груди своими мягкими полукружиями и обхватив ногами его бедра, затем нависла над ним и со стоном опустила вниз.

Руперт не отрываясь смотрел на Оливию. Он знал, что не сумеет ее удовлетворить, пока не окажется сверху и не возьмет ситуацию под контроль. Но прежде чем он успел перекатить ее на спину, она вознеслась на вершину блаженства, прихватив с собой и его. Он растворился в ней, излив в нее свое семя, и она рухнула на спину рядом с ним. Он закрыл глаза и почувствовал, как она потерлась о его бок.

– Руперт?

Он оторвал голову от подушки и увидел, как она кладет в рот шоколадную конфетку. Оливия взяла еще одну, впилась в нее своими маленькими острыми зубками, с наслаждением слизнула розовую начинку, провела языком по губам и одарила его чувственным взглядом. «Еще? Она хочет еще?» Руперт решил, что он умер и попал в рай.

Глава 16

За несколько дней до свадьбы Александра вызвалась помочь Руперту с отправкой вещей в дом на Кларджес-стрит. При поддержке Сары заговорщицы перетряхнули весь гардероб Руперта и отложили в сторону поношенную одежду, которая, по заявлению Алекс, не годилась новобрачному виконту. В итоге у Алекс появилась целая куча мужских рубашек, шейных платков, брюк и фраков на все случаи жизни.

Руперт мельком просмотрел свои чемоданы.

– А где мой черный выходной костюм? – спросил он Сару.

– Ты его в Лонгфорд-Мэноре оставил, вместе с кипой других вещей, – затараторила Алекс, прекрасно зная, что Сара ненавидит лгать.

– И пара париков пропала, – озадаченно хмыкнул Руперт.

– Я как раз хотела поговорить с тобой об этом, Руперт. Парики выходят из моды. Сейчас в моде собственные волосы.

– Что-то я не заметил этого в «Олмаксе». Ты точно их не брала, Алекс? – Он подозрительно уставился на сестру.

– Зачем мне мужской парик?

– Видимо, память сыграла со мной злую шутку. Ну ладно, придется съездить в деревню. У Кита новый фэтон и пара гнедых, заодно проверим их в деле.

– Не терпится взять бразды правления в свои руки, да?

– Иронизируешь по поводу моей свадьбы, госпожа Хитрюга? – добродушно рассмеялся Руперт. – Ничего, наступит когда-нибудь и твой черед.

Оставшись наедине с Сарой, Александра начала переодеваться.

– Я слышала о заведениях, называемых «притонами», где мальчишек обучают воровскому ремеслу. Тебе что-нибудь известно о них?

– Конечно. Там и девочки есть, но страх попасть в тюрьму толкает их на другую стезю. Повзрослев, они становятся проститутками.

– В каком именно возрасте? Уточни.
– Лет в двенадцать-тринадцать, если хотите знать правду, мисс.
– Хочу, несмотря на то что это горькая правда. Говорят, притоны располагаются в трущобах Сент-Джайлса. Где это?
– К северу от Сохо, возле Хай-стрит, – ответила Сара.
– Не там ли ты жила?
Сара вспыхнула и поджала губы.
– Ты не хочешь, чтобы я увидела район, в котором ты выросла? – не сдавалась Алекс.
– Нет, мисс. Моя мать была счастлива, когда мне удалось получить должность служанки в богатом доме и сбежать из этого жуткого места, от той несчастной жизни, которую влачит большинство тамошних обитателей. Я поклялась ей не появляться там чаще чем два-три раза в год.
– Мы непременно пойдем туда сегодня.
– Леди не следовало бы появляться в этом районе.
– В таком случае я оденусь женщиной, и ты будешь звать меня Алекс.
– Не надевайте ничего модного, иначе вас ограбят, не успеете вы ступить в Сент-Джайлс.

Алекс в старой одежде Руперта и Сара в потрепанной шали направились по Чаринг-Кросс-роуд. Постепенно улицы становились все более запущенными, а здания обшарпанными. В грязных переулках босые оборванные дети копались в отбросах вместе с бродячими псами и крысами. Мужчины спали прямо на порогах, по улицам шатались пьяные девицы. Казалось, каждая женщина была на сносях и при этом кормила недавно родившегося младенца.

Алекс взяла служанку за руку и пожала ее ладонь:

– Прости, Сара. Я понятия не имела.
«Понятия не имела, что такие трущобы вообще существуют!»
– Если Хопкинс узнает, откуда я родом, он тут же вышвырнет меня вон.
– Ты никогда не потеряешь место на Беркли-сквер, Сара, обещаю. И Хопкинсу ничего не скажу. Слуги обычно куда большие снобы, чем их хозяева.

Сара привела Алекс в ветхое здание с однокомнатными конурками. Вонь стояла такая, что пришлось зажать нос в ожидании, пока Сара постучит в облупленную дверь. Им открыла очень пожилая женщина. Алекс догадалась, что это мать Сары. Сорокалетняя женщина выглядела настоящей старухой.

– Божечка, ну зачем ты притащила сюда сваю молодова человека?

Сара пустилась в пространные объяснения на кокни, причем тараторила с такой скоростью, что из десяти слов Алекс понимала максимум одно.

Мать Сары была опрятно одета, комната чистая, аккуратная – яркий контраст по сравнению с остальными квартирками четырехэтажного дома.

– Ты единственный ребенок? – Алекс искренне не понимала, как подобный квартал мог произвести на свет Сару.

– Нет, нас у матери было семеро, я младшая. Мальчишки давно выросли и разбрелись кто куда, две старшие сестры умерли, упокой Господи их душу.

– Кто научил тебя правильно говорить? И откуда у тебя манеры леди, Сара?

– Мэгги, она напротив через коридор живет. Она взяла меня к себе крошкой, у матери и без меня слишком много ртов было. Мэгги – благородная дама, попавшая в затруднительную ситуацию. Я всем ей обязана. Я отведу вас к ней, только не подходите слишком близко, – предупредила Сара. – У нее чахотка.

Алекс заметила, что перед уходом Сара дала матери денег. «Надо будет поговорить с Дотти, чтобы повысила Саре жалованье», – подумала Алекс. Затем они пошли навестить соседку. При виде Сары лицо Мэгги осветилось радостью, но у Алекс ком в горле встал, когда она взглянула на запавшие глаза и щеки женщины, которая спасла Сару от ада.

– Это мой друг Алекс, Мэгги.

– Очень приятно, сэр. Рада познакомиться с джентльменом и другом Сары.

Была ли Мэгги когда-то красива? Если да, то от ее красоты остался только голос. Алекс постаралась представить ее высокой, стройной и элегантной, однако теперь она превратилась в ходячий скелет. Алекс отошла в сторонку, давая возможность женщинам поговорить. «Такая жизнь просто невыносима для дамы, рожденной в благородной семье. Как она это выносит?» Алекс вынула из кармана семь шиллингов, заработанных в газете, и положила на каминную полку над пустым очагом.

Когда они вышли, Сара показала ей четырехэтажное здание на противоположной стороне улицы:

– Это и есть притон, два верхних этажа.

Теперь Александра поняла, что дети не просто так становятся ворами. Поскольку обществу нет никакого дела до обездоленных, им ничего не остается, как самим о себе заботиться.

– Я тоже оказалась бы там, если бы не Мэгги Филд.

– Расскажи мне о ней поподробнее. Что с ней случилось?

Сара покачала головой.

– Скорее всего я заменила ей родную дочь, которую она потеряла при трагических обстоятельствах и винила в этом себя.

Дома, на Беркли-сквер, юных любительниц приключений застучала Дотти. Леди Лонгфорд окинула неодобрительным взглядом закутанную в шаль Сару и плохо одетую Алекс.

– Мне нужно поговорить с тобой, Александра.

Дотти направилась в свою комнату, Алекс последовала за ней.

– В прошлый раз я решила, что ты шутики ради переделалась мужчиной. В какие игры ты играешь, Александра?

– Я занимаюсь тем, что мне по душе, Дотти: изучаю общество и пишу статьи в газету. В мире столько несправедливости! С ней надо бороться! Хотите, я покажу вам свою заметку про мальчиков-трубочистов?

– Я читала ее в «Политикал реджистер». Впечатляет, конечно, но что случилось с твоим предполагаемым романом? Подобное занятие в утреннем платье за письменным столом куда больше подходит леди.

– Все романы – чушь несусветная! Нам нужны реформы, а правительство и не чешется. Мои статьи помогут воспламенить сердца публики, а она, в свою очередь, заставит правительство действовать. Следующая моя статья будет на тему притонов. В мужской одежде передвигаться по Лондону и проще, и безопаснее.

– А если я запрещаю тебе это? – с воинственным видом спросила Дотти.

– Умоляю вас! – взмолилась Алекс, сложив ладошки у груди. – Прогулки с Сарой дают мне долгожданную свободу и открывают глаза на то, что происходит за пределами высшего света. Я чувствую себя живой и нужной. Они также расширяют мой кругозор, ведь ни в одной книге не прочтешь о том, что я вижу собственными глазами.

– Бред! Думаешь, подобные аргументы способны меня убедить? Ты должна извлечь максимальную выгоду из пребывания в Лондоне, Александра. Вращаться в свете и пользоваться его благами. Мужчинам не нужны барышни, посвятившие жизнь благим деяниям, они считают их фанатичками!

– Обещаю не превращаться в фанатичку! Прошу вас, позвольте мне изведать жизнь до того, как приговорите меня к браку.

– Ты должна пообещать мне гораздо больше, Александра.

Готовая на любые уступки, Алекс ухватилась за соломинку:

– Что угодно в пределах разумного.

– Я позволяю тебе слоняться по Лондону, как того требует твое призвание, а ты клянешься в будущем году выйти замуж за лорда Хаттона.

– Я... а вдруг Кристофер не захочет на мне жениться?
– Что за чепуха, Александра! Не мужчины выбирают женщин, а женщины мужчин. Умная женщина способна приручить любого мужчину и заставить его плясать под свою дудку.

– И вы дадите мне полную свободу?

Дотти задумалась, не ограничить ли ее пределами разумного, но решила не делать этого.

– Полная свобода в обмен на клятву стать леди Хаттон.

Алекс вспомнила свою первую любовь, Николаса. Любовь, которая уже умерла. Она оплакала ее, освободилась и теперь стояла перед неизбежностью брака с Кристофером.

– Клянусь, Дотти.

– А я клянусь, что ты не пожалеешь об этом.

* * *

Несмотря на то что свадьба, по меркам высшего света, была довольно скромной, все горели желанием отпраздновать союз Оливии Хардинг и Руперта Шеффилда, виконта Лонгфорда. На невесте был свадебный наряд, подружка невесты выглядела сногшибательно в наряде цвета незабудки, а мать нарядилась в лиловое.

Леди Лонгфорд облачилась в изысканный серый костюм, но нацепила ярко-рыжий парик, надеясь оскорбить чувства Аннабель Хардинг. На выходе из церкви она окинула ироничным взглядом лиловое платье новоиспеченной родственницы и прошептала на ушко лорду Хардингу:

– Лучше бы она последовала моему совету и надела зеленое оттенка гусяного помета.

Александра с шафером Гарри Хардингом ехали на прием в карете жениха и невесты. «Могу поклясться, все четверо присутствующих знают о секрете Оливии. А она улыбается так, будто ей никакого дела до этого нет. Но в какое положение поставили меня, ведь Оливия стала моей невесткой!» Алекс посмотрела на брата и устыдилась подобных мыслей. «Чем жалеть себя, лучше посочувствовала бы Руперту!» Но почему брат все же решился жениться на Оливии? Видимо, он ее полюбил. Сердце Алекс наполнилось состраданием. Когда они выходили из кареты на Кларджес-стрит, Алекс пожала брату руку:

– Будь счастлив, Руперт.

В доме собралось огромное количество гостей, многие из них не присутствовали на церемонии в церкви. Леди Спенсер пришла, поскольку была старинной подругой Дотти. Ее сопровождал внук, Харт Кавендиш, явившийся из-за Александры. Его подарок порадовал воображение – набор георгианского серебра с гербом Лонгфордов в виде оленя-самца.

Руперт с облегчением вздохнул, заметив своего друга Кита, прибывшего поддержать его морально. Дар лорда Хаттона превзошел все ожидания. Он купил новобрачным карету и вручил Руперту карту «Таттерсоллз» на приобретение любой понравившейся ему пары лошадей.

Кристофер Хаттон произнес пламенный тост в честь новобрачных. Подарок, конечно, пробил большую брешь в банковском счете, зато его перестало терзать чувство вины.

Оливия наблюдала за Китом из-под опущенных ресниц. Вне всякого сомнения, он один из самых красивых мужчин, встречавшихся ей на пути, и его близость заставляла трепетать ее глупое сердечко. Однако жизнь преподнесла Оливии суровый урок. Теперь ею двигал разум, а не эмоции, она была уверена, что Руперт будет превосходным мужем. Из Кита Хаттона такой не получился бы. Руперта купили, и он будет танцевать под ее дудку и днем, и ночью. Особенно ночью!

Александру осаждали три кавалера. Харту Кавендишу не составило труда оттеснить Гарри Хардинга, но вот отмахнуться от Кита Хаттона было не так просто. Время близилось к ночи, и Харт решительно обнял Александру за плечи.

– Свадьбы оказывают благоприятный эффект на дам, – прошептал он ей на ушко. –

Может, поедem домой, дорогая?

Алекс рассмеялась ему в лицо:

– Вы, видимо, спутали меня с оперной певичкой, милостивый сэp. Сегодня я твердо намерена уйти с Дотти, но если на этой неделе вам захочется провести вечер с мистером Алексом, я подумаю над вашим приглашением.

Через некоторое время Кит предложил проводить ее:

– Траур не позволяет мне танцевать, но я бы не отказался прокатиться с вами по городу, Александра.

– Вы искушаете меня, лорд Хаттон. Но бабушка не позволит мне уйти с вами в столь поздний час.

Отвергнутые друзья, основательно заправившись спиртным, ушли вместе искать утешения в «Уайтс», «Брукс», потом «Уотиерз», где игра идет на серьезные ставки.

В два часа ночи жених и невеста покинули гостей. Когда жена уснула, Руперт принялся размышлять над тем, с каким нетерпением он ожидал первой брачной ночи и с каким вожделением увез Оливию в их собственный дом на Кларджес-стрит. Оливия же оказалась куда более требовательной, чем он предполагал. По правде говоря, ее аппетиты в плотских утехах не знали границ, и хотя он совершенно выдохся, сон бежал от него. Он припомнил герб Лонгфордов на георгианском серебре, подарке Харта Кавендиша. Олень-самец – чем не подходящий образ! У него не только имелись рога, он лежал – позиция, которую он будет занимать всякий раз, стоит Оливии щелкнуть пальцами. На ум пришло одно из высказываний Дотти: «Кто платит, тот и заказывает музыку».

Глава 17

Когда неделю спустя Харт Кавендиш заехал за Алекс Шеффилд, она снова оделась молодым человеком.

– Куда ваша беспутная фантазия влечет вас сегодня, старина? – поддел он ее. – Могу я предложить вам паб под названием «Ноубл рот» – «Благородное гниение»?

– Сегодня у меня нет беспутных фантазий, только распутные. Мне хочется посмотреть на проституток, – как ни в чем не бывало заявила Алекс. Ей срочно требовался материал для очередной статьи в «Политикал реджистер».

– Истинной леди не пристало интересоваться проституцией.

– А вот и зря! Каждой женщине следует знать, какие страдания выпадают на долю ее сестер. Проституцию нужно запретить.

Харт расхохотался.

– Алекс, любовь моя, – он взял ее за руку, – если вы выскажете свое мнение шлюхе, она скорее всего выцарапает вам глаза. Это их личный выбор, милая.

– Чушь собачья! В жизни не слышала большей белиберды! – «Господи, я превращаюсь в свою бабушку!» – Шлюхи становятся шлюхами, потому что у них нет выбора. Кстати, если будете обращаться ко мне «Алекс, любовь моя», вас сочтут одним из тех, кого влечет к мальчикам.

Он поднес ее руку к губам.

– Что поделаешь, если к этому мальчику меня и в самом деле влечет. – Он игриво прикусил кончик ее пальца.

– Прекратите это немедленно! – Алекс высвободила руку.

– Вы же сказали, что нынче ваши фантазии распутны, любовь моя.

Она задумчиво посмотрела на него, врожденный авантюризм не давал девушке покоя.

– У меня родилось пари.

– Ну, я человек азартный.

– Спорим, вы не сможете называть меня «любовь моя» весь вечер?

– Смогу, если вы позволите мне поцеловать вас.

Ее губы изогнулись в усмешке.

– Целуйте сколько хотите, но только на публике.
– Похоже, возмутительное поведение возбуждает вас. Я стану называть вас «любовь моя» на публике, поцелуи же будут тет-а-тет.

– Не поцелуи, а поцелуй. Один, – уточнила Александра.

Наступил черед Харта усмехнуться. Он постучал тростью с серебряным набалдашником по потолку кареты, а когда кучер опустил панель, приказал:

– Клуб «У Молли».

Экипаж притормозил в конце Пиккадилли. Харт велел кучеру подождать их, протянул швейцару пропуск, открыл дверь и придержал ее.

– Позвольте, любовь моя.

Алекс сняла цилиндр, отдала портье и с обожанием посмотрела на Харта:

– Спасибо, милый.

К ее удивлению – и разочарованию, – портье не просто не был шокирован, он вообще никак не отреагировал на их диалог.

Клуб был полон джентльменов в вечерних костюмах и леди в дорогих, но безвкусных платьях. Шум стоял невероятный. Парочки толпились вокруг игровых столиков, шутили, хохотали, пили, флиртовали.

– Видимо, им тут нравится.

Харт рассмеялся.

– Что здесь смешного? – прошипела она.

– Вы, любовь моя. Что желаете выпить, ромовый коктейль?

– Шампанского, милый, – процедила она сквозь зубы.

Алекс отпила глоток, пузырьки ударили в нос. Взгляд прошелся по утонувшей в полумраке комнате. Большинство дамочек в париках с перьями возвышались над своими партнерами, точно статуи. Некоторые были тощими, без всякого намека на округлости. Алекс восхищенно разглядывала бриллиантовое кольцо на женщине в черном, когда заметила у нее кадык.

Александра наклонилась к Харту и прошептала:

– Мне кажется, женщина за рулеткой мужчина.

Тот едва не поперхнулся бренди.

– У вас извращенный ум, любовь моя.

Мимо их столика прошла парочка из танцевального зала.

– Привет, Харт.

Оказалось, это зять Харта, граф Карлайл. Однако компанию ему составляла вовсе не Дороти, а очень милая дама с броским макияжем и тонкими запястьями и лодыжками.

– Его светлость с проституткой! Она же почти девочка!

– Приглядитесь повнимательнее к женщинам, Алекс.

Алекс последовала совету Харта, и у нее едва глаза не вылезли из орбит.

– Ты единственная дама в этом зале, Александра.

Она была шокирована до глубины души.

– Я ухожу! Я вовсе не это просила вас показать мне, Харт. Вы нарочно ввели меня в заблуждение!

– Половина из них проститутки. Только мужского пола.

Алекс вскочила и бросилась к выходу. Харт поспешил за ней:

– Не сердитесь, любовь моя!

Все головы повернулись в их сторону, Алекс вспыхнула и прошипела:

– Прекратите называть меня так!

Они вышли на улицу и направились к карете.

– Недаром говорят – не рой яму другому, сам в нее попадешь, – с досадой бросила Алекс. – Но это же омерзительно!

– Почему переодеваться в женское платье омерзительно, когда вы сами свободно разгуливаете в мужском наряде и не видите в этом ничего дурного?

Она остановилась и резко повернулась к нему:

– Решили преподать мне урок, да? Вы для этого меня сюда притащили?

Он обнял ее, привлек к себе и поцеловал.

– Да, любовь моя. У меня еще много уроков в запасе.

Она почувствовала на губах вкус бренди.

– Больше ни одного поцелуя, пока не выполните свою часть соглашения.

Харт вздохнул и открыл перед ней дверцу кареты.

– Ватерлоо-роуд, – приказал он кучеру. – Ладно, сдаюсь. Вы выиграли, Алекс. Я отвезу вас на «финиш».

– Что за «финиш»?

– Место, где финишируют лондонские проститутки после того, как закрываются театры. Это будет не просто урок, а настоящая лекция.

Они проехали через каменный мост у Вестминстера и вышли неподалеку от того места, где намечалось строительство нового моста через Темзу.

– Будь начеку, – предупредил Харт кучера.

Алекс огляделась. На улице было прохладно, но у каждого порога стояли едва одетые девицы легкого поведения. Окна в домах закрыты, словно все обитатели разом впали в спячку. Харт завел ее в маленькую дверку, покровительственно обняв за плечи. Свет бесчисленного количества газовых ламп ослепил Александру, и она поняла, что попала в джин-палас.

С одной стороны располагался ряд столиков, отделенных друг от друга деревянными перегородками, с сиденьями, похожими на кушетки. Напротив находился подиум, по которому дефилировали проститутки в броских нарядах. Девицы поднимали и опускали юбки, демонстрируя свои прелести, сопровождая каждое движение скабрёзными шуточками. Публика гоготала, глядя на представление сквозь голубую завесу дыма. В воздухе висел приторный запах дешевых духов и немых тел. Алекс, словно замороженная, наблюдала за тем, как проститутки одна за другой вели выбравших их мужчин к столикам, уставленным напитками. Вскоре она заметила, что она и Харт привлекают к себе внимание.

Юная дева с волосами цвета бургундского подмигнула Алекс:

– Хочешь, я пососу твой член, пока он не взорвется, милый?

Алекс в панике оглянулась на Харта. Тот лишь пожал плечами, не в силах сдержать смех:

– Ты ведь знаешь, что о рыженьких говорят!

– Не знаю! – тут же пришла в себя Алекс. – Но наверняка это не идет ни в какое сравнение с тем, что говорят о герцогах!

Бренди наверняка затуманил ему мозги, раз он привез ее сюда!

Время перевалило за полночь. Алекс с изумлением взирала на непрерывный поток посетителей, стекающихся в джин-палас. Судя по всему, это были завсегдатаи омерзительного заведения.

– Количество членов аристократического общества поражает воображение. Это просто возмутительно!

– Членов аристократического общества! – осклабился Харт. – Умеете вы подобрать слова, Алекс.

«Непременно напишу об этом безобразии!» – решила девушка.

Время шло, джентльмены постепенно освобождались от сюртуков, жилетов и шейных платков, разваливались на кушетках, проститутки садились на них верхом или устраивались между ног. «Никогда этого не забуду! У меня точно глаза открылись на мужчин из высшего общества!»

– Неужели этим животным действительно нравится накачивать девушек джином, пока они не свалятся замертво?

– Нравится. Это их забавляет.

– Отвезите меня домой, пожалуйста, – попросила она Харта.

В карете Алекс вдруг вспомнила слова Ника Хаттона: «Не хотелось бы мне, чтобы ты узнала обратную сторону жизни Лондона. И это касается не только бедных районов, Александра. Зло и скверна расцветают пышным цветом и среди бомонда». Алекс забилась в угол кареты. В этот момент ей не очень нравился Харт Кавендиш. Да и сама она, со своим неумным любопытством, тоже себе не нравилась.

Пару дней Александра практически не выходила из дому, писала статью о проституции.

За окном кружились первые снежинки, навевая меланхолию. Алекс решила выпить чаю с Дотти, она давно уже не проводила время со своей бабушкой. После переезда Руперта дом опустел и казался слишком тихим, Алекс скучала по брату.

Дотти стояла в холле и разбирала почту.

– «Гривз и Хокс», «Гогин Бразерс», «Хантсман и сыновья». Хвала Господу, всем херувимам и серафимам, что это счета Руперта! Дьявол его побери, надеюсь, он придет за ними.

– Я тоже по нему скучаю.

– Скучаешь? Тогда для следующей встречи советую запастись лопатой, да побольше!

Алекс засмеялась. На душе полегчало.

– Я с радостью отнесу почту на Кларджес-стрит. У него дел невпроворот, ведь он недавно женился.

Дотти открыла приглашение и бросила остальные письма на столик.

– Кстати, о дьяволе – или теще дьявола, – Хардинги приглашают нас на обед. Боюсь, Аннабель мне не переварить, даже с моим железным желудком.

– Железным желудком? Хорошо сказано!

– Секрет моего долголетия: железный желудок и каменное сердце.

– Вообще оно у вас не каменное, Дотти!

– Конечно, нет, милая. Я нарочно наговариваю на себя, чтобы услышать похвалу окружающих. Так что не старайся. – Дотти нацарапала на приглашении свои извинения. – На приеме нам собираются сообщить, что Оливия ждет ребенка, а мы должны изобразить удивление и поздравить ее. Мужчины будут курить сигары Хардинга, а ты знаешь, как я ненавижу мужчин с сигарами, выглядит так, будто они член собачий сосут! Передай им наш отказ, когда понесешь брату почту.

Алекс с Дотти пришли к выводу, что Оливия беременна. Возможно, они ошибаются. А если нет, вполне вероятно, отцом ребенка является Руперт, а значит, он совершил благородный поступок.

Алекс решила прогуляться под снежком. Брать с собой Сару не имело смысла, она сходит на Кларджес-стрит и к обеду вернется. Девушка надела теплую накидку и собрала письма со столика. Фонари вдоль Керзон-стрит горели, и Алекс со смехом подставила лицо снежинкам. Вскоре она уже стучала в дверь дома Оливии и Руперта. Открыла служанка.

– Простите, мэм. Леди Лонгфорд нет дома. Она ушла в гости к лорду и леди Хардинг, вернется к обеду.

– Вообще-то я пришла к Руперту. Я его сестра.

– Его светлость занят, мэм. Желаете подождать?

– Да, благодарю.

Алекс сняла накидку и, стряхнув с нее снег, повесила на вешалку. Прислуга сделала реверанс и испарилась. Алекс стало интересно, с кем у Руперта встреча, но загадка разрешилась сама собой – из гостиной доносились мужские голоса.

– Я думал, мы сегодня ходим к Чарли Шампань. Я там несколько месяцев не показывался, она, должно быть, уже решила, что я исчез с лица земли.

О, да это же Кристофер! Глубокий голос близнецов Хаттон ни с чьим другим не спутаешь. Она подошла поближе к двери.

– Только не Чарли! – простонал Руперт. – Может, ходим в «Уайтс» или в «Уотиерз»?

– За последнее время я целую кучу денег в «Уайтсе» просадил, надо мной там уже смеются. Надеюсь, у Чарли фортуна снова повернется ко мне лицом. Попытка не пытка.

– Ну, если мы только играть пойдем, а не за прочим...

– Да что с тобой, старина? Тебе же нравилось потискать девочек, неужели жена держит тебя на коротком поводке?

– Не в том дело, Кит. Ей все равно, куда я хожу и чем занимаюсь, лишь бы удовлетворил ее перед уходом и по возвращении.

– И ты еще жалуешься?

– Ежегодные подвиги выматывают. Почему бы нам не встретиться у Чарли?

– Почему бы мне не подождать тебя?

– Никогда не знаешь, сколько времени это займет. Она ненасытна в постели.

– Господи! – рассмеялся Кит. – Так это ее надо ублажать!

Александра готова была сквозь землю провалиться, когда молодые люди вышли из гостиной.

– Алекс, рад тебя видеть! Как ты, бесенок? – с обычной сердечностью поинтересовался Кит.

– Я замерзла. Только что с улицы, а там снег идет. – Лицо Алекс пылало, и она попыталась отшутиться, стараясь не смотреть брату в глаза. – Я принесла тебе почту, Руперт. Сообщи кредиторам свой новый адрес.

– Я собирался уходить. Смею ли я надеяться увидеть вас на премьере новой оперы в «Ковент-Гардене» на следующей неделе? – осведомился Кит.

– Возможно, – уклончиво ответила девушка.

Кристофер взял ее руку и поднес к губам.

– Труднодоступные женщины притягательны. До свидания, Алекс.

Как только Кит ушел, Алекс обратилась к Руперту:

– Мы тебя со дня свадьбы не видели.

– Скоро получите официальное приглашение на обед, – сухо отреагировал он, перебирая письма.

– Уже получили, – Алекс протянула ему конверт, – и приносим Хардингам свои извинения.

Руперт вскрыл одно из посланий и нахмурился.

– Это для Дотти.

Алекс положила письмо в сумочку и обернулась на звук шагов.

– Привет, Александра! – прозвенел голосок Оливии. – Уже уходишь?

– Да.

– Прости, что не предлагаем тебе отобедать с нами, у нас с Рупертом другие планы. – Оливия одарила мужа жарким взглядом.

В ответном взгляде Руперта Алекс не заметила ни пыла, ни страсти.

– Понимаю.

«Ничего я не понимаю. Я думала, Руперт любит тебя такой, какая ты есть... Зачем ему было на тебе жениться?»

Перед возвращением на Беркли-сквер Алекс заглянула к Хардингам и передала через дворецкого их с Дотти извинения. Свернув с Кларджес-стрит на Керзон-стрит, она вспомнила разговор Руперта с Китом Хаттоном. Они собираются пойти поиграть в заведение под названием «У Чарли». Она никогда о нем не слышала, но из разговора поняла, что там играют не только в фараон. Несмотря на откровенную мерзость, джин-палас не отбил у нее охоту к приключениям, и она решила побывать у Чарли Шампань. Но прежде надо узнать, где это заведение находится. Вернувшись на Беркли-сквер, Алекс тут же бросилась разыскивать Сару:

– Ты слышала что-нибудь о Чарли Шампань?

Сара поджала губы.

– Обещаю не брать тебя туда.

– Его называют тайной королевской академией. Это на Пэлл-Мэлл.

– Ты просто кладешь информации, Сара! Попрошу Дотти повисить тебе жалованье. Сара расцвела.

– Ее милость просили передать вам, что будут обедать сегодня в постели, читая книгу о пресловутой связи лорда Нельсона с леди Гамильтон, и намерены проглотить ее вместе с бисквитом, сливками и хересом.

На следующее утро Алекс переписала статью, получила за нее семь шиллингов и приняла заказ редактора на карикатуру на принца-регента.

– Чертов регент почти всех карикатуристов купил, а людям подавай материал о нем.

Теперь, когда у нее в кармане зазвенели монеты, можно и к Чарли Шампань сходить. Привлекала ее, конечно же, не игра. Ей было интересно, что еще там происходит. Пэлл-Мэлл вполне достойный район, ничего страшного с ней не случится.

Ближе к вечеру Алекс с независимым видом вошла в заведение Чарли Шампань. Первое, что бросилось ей в глаза, – непомерная роскошь. Второе – девушки, которых она там встретила. Они совершенно не похожи на уличных проституток. Красивые, ухоженные, куртизанки весело смеялись и выглядели вполне счастливыми.

Завидев молодого человека, две девушки прервали разговор. Младшая подошла к Алекс, одарив ее ослепительной улыбкой.

– Привет, милый. Ты не наш постоянный клиент, но, надеюсь, скоро им станешь. Меня зовут Регги, добро пожаловать к Чарли.

– Имя-то мужское, – пришла в замешательство Алекс.

– Ну, если Шарлотта может быть Чарли, почему бы Регине не назваться Регги?

– Верно, а я Алекс... – Она чуть не добавила «Шеффилд», но вовремя прикусила язык.

– Без сомнения, нас порекомендовал вам хороший друг?

– Да, да, – занервничала Алекс, – Кит Хаттон.

– Вы знакомы с близнецами, братьями-близнецами?! – Улыбка Регги стала еще шире. – Друг Харма и Хазарда – мой друг!

«Братья-близнецы?!» Алекс лишилась дара речи. Когда Регги потянулась к ней, Александра поспешно спрятала свою женственную ладошку за спину. Блондинка не растерялась и взяла ее под локоток.

– Я пришел поиграть! – выпалила Алекс и, чтобы девушки не поняли ее превратно, уточнила: – В карты. Увидимся позже.

– Надеюсь, милый, но предупреждаю заранее: к ночи у Чарли будет не протолкнуться, и вряд ли ты найдешь меня.

– Представляю себе, – буркнула Алекс.

Игральная комната выглядела, как хорошая приемная, только зеркал не было. Внимание игроков отвлекают лишь изображения нимф в соблазнительных позах. «Придают пикантности», – хмыкнула Алекс, усаживаясь за карточный стол. К счастью, удача сопутствовала ей, и количество ее фишек быстро увеличилось в десять раз.

Часов в комнате не было, но время наверняка близилось к шести, когда в дверях появилась сногшибательная дама. Невероятно красивая, с волосами цвета шампанского, забранными в целомудренный овальный пучок, в черном вечернем платье с глубоким вырезом, на шее и запястьях – топазы. Алекс догадалась, кто это, прежде чем дама успела обменяться любезностями с завсегдатаями заведения, назвавшими ее Чарли. Алекс почувствовала зависть и даже ревность. Эта женщина наверняка знала Ника Хаттона... или, лучше сказать, познала в библейском смысле этого слова!

Публика радостными возгласами приветствовала юную диву в короткой пышной юбочке. Красотка направилась к буфету за ночной вазой. Алекс глазам своим не могла поверить. Блондиночка поднесла горшок прямо к игровому столу и подала его сидящему справа от нее джентльмену. Тот встал и без стеснения справил малую нужду. Алекс заглянула в горшок и увидела нарисованные на дне глаза, один из них многозначительно

подмигивает. Она вскочила с места, чуть не опрокинув стул, и раздающий подвинул к ней фишки. Алекс сгребла выигрыш и убежала.

В приемной она замедлила шаг, ругая себя за трусость. Она пришла сюда узнать, как живут проститутки в первом классе борделя, и, не поговорив хотя бы с одной из них, она ничего не добьется. Собравшись с духом, Алекс присела на диван в алькове и поискала глазами Регги. Теперь на девушке было белое муслиновое платье-накидка, полностью открытое спереди. Под ним виднелись белый корсет и белые чулки на черных подвязках. Алекс махнула ей рукой, и Регги с улыбкой подошла к ней:

– Повезло сегодня, милый?

– Да, тридцать фунтов выиграл!

– Можешь купить целых пять минут моего времени, дорогой!

– Ты меня дразнишь или говоришь всерьез? – ужаснулась Алекс.

Регги села, закинула ногу на ногу и погладила Алекс по бедру:

– Вот теперь я тебя дразню.

Алекс накрыла ее руку ладонью.

– Сколько же ты получаешь за то, чтобы ублажить мужчину?

– По-разному. Обычно сто гиней, а если останешься на всю ночь – пять сотен.

– И тебе нравится здесь работать?

– Уж лучше, чем прислуживать за нищенское жалованье. Вообще-то я тоже прислуживаю, но условия труда у меня замечательные, в Лондоне такие еще поискать. Пойдем в номер, милый?

– Э-э... у меня слишком маленький...

– О-о, милый, по этому поводу можешь не волноваться. Сюда приходят мужчины со всякими формами и размерами. Не стесняйся.

– Нет-нет, я имел в виду сегодняшний выигрыш, – робко пояснила Алекс.

– А, понятно! – добродушно рассмеялась Регги. – Что ж, милый, приходи, когда наскребешь нужную сумму. Буду ждать тебя.

Алекс словно во сне вернулась на Беркли-сквер. Ее представление о куртизанках и их несчастной судьбе сильно пошатнулось. Выходит, проститутки проституткам рознь. У них явно существует иерархия, умные поднимаются на самый верх и процветают.

Глава 18

Дом встретил ее тишиной. Она побежала к себе и нашла в своей комнате книгу и записку от бабушки:

Ушла в загул. Не жди меня. Наслаждайся подвигами Эммы.

Алекс улыбнулась – Дотти оставила ей книгу о леди Гамильтон и лорде Нельсоне. Она решила поработать над заказом для газеты и попросила Сару принести ей обед наверх. Перед глазами встал образ Шарлотты Кинг в потрясающих топазах. «Выходит, плата за грех вовсе не смерть, а драгоценности!»

Набросав карикатуру, Алекс приняла ванну и забралась было с книжкой в постель, но тут вспомнила о письме для Дотти, которое так и лежало со вчерашнего вечера у нее в ридикюле. Алекс вылезла из-под одеяла, нашла сумочку и достала вскрытый конверт. Послание было адресовано леди Лонгфорд и пришло из «Коуттс бэнк». Читать чужие письма нехорошо. Алекс заколебалась было, однако любопытство взяло верх.

Ставим вас в известность, что выплаты по вашему займу не поступали и просрочены. Это третье и последнее предупреждение «Коуттс бэнк» относительно вашей непогашенной задолженности. Если вы и далее будете игнорировать нас, ваше дело будет передано в руки адвокатов. С уважением...

Алекс никак не могла разобрать подпись, но ей показалось, внизу стоит имя «Томас Коуттс». В полной растерянности девушка выронила листок. Почему, при всем своем богатстве, Дотти прибегла к займу в «Коуттс бэнк»? Разве ее обслуживает не банк «Барклиз»? Но если даже она взяла деньги на удовлетворение какой-нибудь экзотической прихоти, почему не платит по процентам? Надо с ней серьезно поговорить. Алекс взялась за книгу и так увлеклась, что обо всем забыла.

Утром, едва проснувшись, Алекс вспомнила заведение Чарли Шампань. Затем перипетии Эммы, ставшей любовницей Нельсона. И наконец, письмо из «Коуттс бэнк». Накинув халатик поверх ночной сорочки, Алекс постучала в дверь Дотти. Бабушка все еще нежилась в постели, наслаждаясь горячим шоколадом.

– Как загул? – спросила Алекс.

– Великолепно! После обязательной белиберды мы предались безрассудным шалостям, высовывали задницы в окно и все такое.

– Дотти, пожалуйста, я серьезно!

– Ах, ну разве можно быть серьезной после наших проказ с леди Спенсер! Нас пригласили поиграть в маджонг в Мельбурн-Хаусе. Оказалось, Лиз Мельбурн просто желала похвастаться своим новым китайским декором. Абсолютная безвкусица, принц Уэльский наверняка почувствовал бы себя там как дома. Я с трудом сдерживала смех, фишки маджонга ходили ходуном у меня в руках. Пустая болтовня едва не свела с ума, а сколько лицемерия! Носорог и тот задохнулся бы!

– Рада, что тебе понравилось. – Алекс протянула ей письмо. – Это было среди почты Руперта. Он случайно вскрыл конверт, а потом вернул его мне.

Дотти с невозмутимым видом прочла послание.

– Может, нам все же стоит пойти на обед к Хардингам, милая? Будет просто божественно, если мы обе явимся в лиловом. Что скажешь?

– Будет просто божественно, если вы перестанете менять тему разговора. Что это еще за бред с займом?

– Ты попала прямо в точку, Александра. Это шутка. Томас Коуттс – мой старинный приятель. Дал мне однажды карт-бланш, в детство, видимо, впал.

Александре очень хотелось верить ей, но интуиция подсказала копнуть поглубже.

– Никакая это не шутка, Дотти. Это требование вернуть деньги, и, если нужная сумма не поступит на счет, банк угрожает прибегнуть к законным действиям.

– Брось, милая! Не забивай свою прелестную головку подобной чепухой. Я сама обо всем позабочусь.

– Дотти, вы, конечно, старше и мудрее меня, но и я уже не ребенок. Прошу вас, поговорите со мной как женщина с женщиной.

Дотти задумчиво посмотрела на внучку. Задумчивость сменилась согласием и полной капитуляцией:

– Лучше бы тебе этого не знать, милая. Но коль скоро ты превратилась в юную даму, правда тебя не убьет. Надеюсь, ты не впадешь в отчаяние, которое иногда грозит поглотить меня.

Алекс коснулась руки Дотти.

– Расскажите мне.

– Мое богатство – миф, мираж. Когда-то оно было реальностью, но давно кануло в Лету. Ваш дед пропил и проиграл свое состояние. Надо отдать ему должное, приданого вашей матери он не тронул, но безродный бродяга, за которого она вышла замуж, доделал начатое ее отцом. Как только денюжки исчезли, он оставил ее с двумя детьми, и она не нашла ничего лучше, как сбежать с очередным оборванцем. Детей, к счастью, с собой не забрала.

– К счастью?

– Разумеется. Она оставила мне истинное богатство – чистое золото. Что-то я расчувствовалась, гром меня разрази! От Рассела мне досталось поместье Лонгфорд-Мэнор, и когда колодец в «Барклиз бэнк» иссяк, настала пора расставаться с мебелью, картинами, а

потом и со слугами. Твое предложение переехать в Лондон пришлось как нельзя кстати, мы выиграли немного времени. Я закрыла загородный дом, оставив там надежных смотрителей. Потом взяла заем в «Коуттс», чтобы помочь Руперту найти богатую невесту и отложить небольшое приданое в тысячу фунтов для тебя, милая, к которому я не притронусь.

Александра почувствовала себя птичкой, налетевшей на каменную стену. Оказывается, сумасбродное поведение Дотти имеет весьма серьезные основания. Как она раньше об этом не догадалась!

– Решение наших проблем очевидно. Нужно продать этот особняк, за него наверняка дадут хорошую цену, и мы спасем Лонгфорд-Мэнор. Вполне можно обойтись без такой роскоши, как дом в столице!

– Ах, милая, – смех Дотти походил на собачий лай, – если бы все было так просто! Наш городской особняк принадлежит лорду Стейнсу. Он содержит слуг и даже платит по счетам за еду и вино. Но это секрет за семью печатями, Невилл великодушно позволяет окружающим считать этот дом моим. – Из груди Дотти вырвался тяжкий вздох. – Хорошо, что хоть Руперт решил свои проблемы.

Александра округлила глаза.

– Руперт женился на Оливии из-за денег? Ну конечно же! Вот и ответ на все вопросы. А я-то по наивности полагала, что он женился на ней по любви.

Ужасная мысль поразила ее в самое сердце, колени подогнулись, и девушка опустилась на краешек кровати.

«Я предлагала Нику Хаттону жениться на мне и разделить со мной мое состояние! Господь всемогущий, как бы я опозорилась, согласись он на мое предложение! Хорошо, что он не питает ко мне никаких чувств, кроме дружеских».

– Любовь, Александра, еще больший миф, чем мое богатство. Я пыталась внушить тебе это с тех пор, как ты появилась под моей крышей. Я думала, что влюблена в Рассела Лонгфорда, твоя мать вообразила, будто влюблена в Джонни Шеффилда, и посмотри, куда привели нас наши мечты. Мужчины никогда не влюбляются, милая. Они женятся ради выгоды, а потом ищут приключений на стороне. Умная женщина поступит так же. А ты умница, Александра.

– Так вот почему ты взяла с меня обещание выйти за Кристофера Хаттона! Дело не только в титуле, дело в деньгах и стабильности.

– Верно! Слава Богу, ты поняла меня. Но ты должна свято хранить эту тайну, как храню ее я. Для общества деньги – это все. Свет накинется на нас, точно свора гончих, и разорвет на клочки, если станет известно, что я бедна.

«Ник сказал то же самое, когда я единственная села рядом с ним за обедом!» В ушах отчетливо прозвучали его слова: «Да ты не просто добра, ты восхитительно наивна. Богатенькие мамы отвернулись от меня вовсе не потому, что я застрелил своего отца; меня подвергли остракизму из-за того, что я больше не имею никакого отношения к наследству Хаттонов».

Алекс собралась с мыслями. Нужно как-то решать вставшую перед ними проблему.

– Мы должны заплатить по процентам. Я выиграла тридцать гиней, получу деньги за последнюю карикатуру. Как маджонг? Принес доходы?

– Пару фунтов, не больше. Отнесу их в «Коуттс», дабы заткнуть им глотку. Ничего, милая, выкрутимся как-нибудь.

– Предлагаю заложить ваши драгоценности.

– Ха, драгоценности! Я их давным-давно продала. Пришлось заложить Лонгфорд-Мэнор, а что мне еще оставалось?

Сердце Александры ухнуло вниз. «Иуда Искариот, Дотти! Вы не просто эксцентричны, вы психопатка!»

В очередной раз нарядившись Алексом Шеффилдом, Алекс отнесла карикатуру в газету, но получила всего пять шиллингов. Волна отчаяния захлестнула ее. Ей никогда не заработать сумму, необходимую на покрытие долгов Дотти. Им даже не прокормиться на ее

гонорары, и уж тем более не уберечь Лонгфорд-Мэнор от кровожадных волков. Обстоятельства лишили Алекс дома в детстве, и угроза вновь потерять кров ужасала ее. Она даже не поинтересовалась, сколько Дотти взяла займы и каковы выплаты по процентам.

Добравшись до дома, она тут же побежала к бабуле, но птичка уже упорхнула из гнездышка. Девушка постаралась справиться с охватившей ее паникой. Она посмотрела на портрет бабушки и прошептала:

– Что же ты натворила?

Обнаженная рыжеволосая красotka взирала на нее с невозмутимой улыбкой на устах, в памяти всплыли слова Дотти: «Немного греха ни одной женщине не повредит, напротив, это делает ее неотразимой». Только сейчас Алекс сообразила – эта картина принадлежит Невиллу Стейнсу, потому и висит здесь, над камином.

Алекс вернулась в свою комнату и принялась листать книгу об Эмме Гамильтон, пока не нашла нужные главы. В глубине сознания начала оформляться идея. Она отложила книгу, разделась, встала перед зеркалом и осмотрела свое тело критическим взглядом. От ее плана пахло полным безрассудством. Все остальные шалости не шли ни в какое сравнение. Ей придется завязать свои моральные принципы в узелок и забросить его на чердак.

Александра тщательно оделась. Она должна выглядеть сногшибательно. Девушка остановила выбор на кремовом платье с глубоким декольте, открывающим ее упругие груди, позвала Сару и попросила ее вплести в кудри бирюзовую бархатную ленту.

Когда Сара поинтересовалась, отчего госпожа облачается днем в вечерний наряд, Алекс осадил ее строгим взглядом:

– Не задавай лишних вопросов, Сара, тебе не понравятся ответы.

Она накинула на плечи черный плащ и в последний момент решила снова воспользоваться веером Дотти из страусовых перьев для создания драматического эффекта. Алекс взяла кеб и поехала на Пэлл-Мэлл.

Александра знала, что нужно отбросить все колебания и действовать, пока безрассудство не покинуло ее. Она закрыла глаза, глубоко вдохнула и переступила порог здания. Все куртизанки в приемной тут же обернулись на нее, в каждом взгляде – понимание. Женщина приходит сюда только по одной причине: она проститутка и надеется получить место в первом классе борделя.

– Я хочу поговорить с Шарлоттой Кинг, – сказала Александра подошедшей к ней девушке.

Алекс старалась не смотреть на джентльменов, перебрасывавшихся шуточками с девицами. Слава Богу, она никого из них не знает! Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Чарли появилась в приемной. Хозяйка обменялась любезностями с господами и лишь после этого подошла к незнакомке.

Александра смело посмотрела ей в глаза:

– У меня есть к вам деловое предложение, миссис Кинг.

Чарли подняла безупречную бровь:

– Предложения – моя работа.

Александра не сдержалась и нервно хихикнула. Чарли окинула ее с ног до головы оценивающим взглядом, не упускающим ни малейшей детали.

– Следуйте за мной. – Чарли поднялась по ступенькам в личные покои и закрыла за собой дверь, наблюдая за тем, как Александра снимает плащ.

– Что привело вас ко мне?

– Деньги, конечно же.

– Конечно, – рассмеялась Чарли. – Вы хороши в нашем ремесле?

– Не знаю, никогда не пробовала.

Брови Чарли взлетели вверх.

– Вы девственница? Мне нужны опытные девушки. У некоторых из моих клиентов весьма специфические сексуальные наклонности. Здесь не любительский театр, милая, наша задача доставлять мужчинам удовольствие.

– То, что я предлагаю, наверняка доставит им удовольствие, но не физическое.

– Разве есть какой-то иной способ? – Чарли усмехнулась.

– Есть масса иных способов. Но я говорю о визуальном. Я хочу давать представления. Это своего рода маленькая пьеса за тонким занавесом. В свете ярких ламп публика увидит немного больше, чем просто силуэт, но тайна останется тайной. Обычно девушка начинает представление полностью одетой, а заканчивает обнаженной. Она может раздеться и лечь в постель или принять воображаемую ванну. Каждая поза полна грации и эротизма. Возбуждающим стимулом становится штора, отделяющая ее от публики, создающая иллюзию недостижимости.

– Раздевайтесь.

У Александры пересохло во рту, и она судорожно сглотнула. Однако шестое чувство подсказало – стоит проявить малейшее колебание, и Чарли укажет ей на дверь. Александра взяла себя в руки, задрала носик и начала медленно разоблачаться. Если она не сможет показать свое тело одной-единственной женщине, как она сделает это на глазах у представителей противоположного пола, отделенных лишь тонким занавесом?

Когда Чарли велела ей повернуться, Александра проявила необычайную грацию, потом взяла веер и принялась обмахиваться им, то скрывая, то открывая свое тело.

– Одевайтесь. Вы само очарование и прекрасно знаете это. Фигурка у вас превосходная, но я не потому вас беру. Ваше отношение – вот что импонирует. Вы леди до мозга костей – редкое качество для борделя. Как вас зовут?

– Каприс, – решительно заявила Александра, с невиданной скоростью натянув на себя одежду.

– Что ж, Каприс, я стану платить вам две с половиной сотни за пять вечеров в неделю плюс комната и стол.

Алекс пришла в замешательство. Она рассчитывала давать представление раз в неделю.

– Две сотни за один вечер в неделю. Иначе публике это быстро наскучит. Комната и стол мне ни к чему, я не могу здесь жить.

– Двести гиней за представление? Мои лучшие девушки получают не больше сотни!

– За сто гиней они ублажают одного мужчину, я буду доставлять удовольствие многим.

В комнате повисла тишина.

– Сто. Не хотите, как хотите. Плюс испытательный срок. Если мой бизнес пойдет вверх, получите надбавку. Можете начать в пятницу.

– В субботу. Я стану приходить по субботам, чтобы джентльменам было что вспомнить на воскресной службе в церкви.

Чарли Шампань расхохоталась.

– А ты девушка с мозгами – качество, которое я ценю.

– И которым, вне всякого сомнения, обладаете. – Алекс взяла плащ. – До свидания, миссис Кинг.

На ватных ногах она еле добралась до дома. Сегодня она переплюнула саму Дотти. Это уже не просто эксцентричность, это настоящее сумасбродство!

Глава 19

Александра еще раз обдумала свой шаг, потом еще и еще. Тревога не покидала ее. Она знала, что не сможет выступить перед публикой совершенно обнаженной, ее единственная надежда – тончайшее белье телесного цвета, в которое Дотти облачалась, изображая леди Годиву. Алекс порылась в сундуке и извлекла на свет одеяние Дотти и ее длинный белый парик. Как только появится другая возможность заработать, она непременно бросит это занятие. Завтрашнее представление надвигалось со скоростью и неотвратимостью летящего на нее экипажа с обезумевшими лошадьми, и, чтобы немного отвлечься, она решила принять приглашение Харта Кавендиша и сходить с ним в оперу.

Получив ее согласие, герцог Девоншир набросал записку секретарю принца Уэльского

Абердину с просьбой предоставить ему ложу Принни в «Ковент-Гардене». Когда Абердин дал свое добро в память об отце герцога, Харт отправился по магазинам. Он знал, чего хочет, и тщательно готовил свой план.

В условленное время Харт прибыл на Беркли-сквер. Александра спустилась к нему, на ее губах играла снисходительная улыбка. Ему наверняка будет приятно для разнообразия вывести ее в свет в женском платье.

– Как вы прелестны! У меня дыхание перехватывает. Ваше лавандовое платье просто чудо, я надеялся, что вы выберете именно его для нынешнего вечера.

Алекс протянула ему фиолетовую кашемировую шаль.

– Вы так любезны, ваша светлость!

Укутывая ее плечи шалью, он наклонился и прошептал ей на ушко:

– Куда подевалась «любовь моя»?

– Это было пари, и, если вы станете напоминать мне о том вечере, я больше не буду считать вас любезным.

– Обещаю исправиться и загладить свою вину, Алекс.

Алекс вздохнула с облегчением, когда Харт сел напротив нее, изображая из себя истинного джентльмена. Но надолго ли его хватит? Улицы в округе «Ковент-Гардена» были забиты экипажами представителей высшего света. Казалось, весь город возжелал посмотреть новую оперу, точнее, показать себя в опере. Мало кто по-настоящему любил оперу, не говоря уже о том, чтобы понимать ее.

В фойе «Ковент-Гардена» было не протолкнуться. Александра искала глазами сестер Харта, но не нашла.

– Идите за мной. – Харт взял спутницу под руку и, к ее удивлению, пошел вверх, в ложу принца Уэльского.

– Как же так, Харт? Я думала, мы идем с вашей семьей.

«Я не должна находиться с ним наедине в личной ложе принца Уэльского, на обозрении публики! Пойдут слухи, свет будет ждать от нас определенных шагов!»

Харт подвинул ей стул.

– Я хотел сделать этот вечер особенным.

Александра села, окинула взглядом театр и похолодела. Все глаза с галереи уставились на нее. На них. Дамы перешептывались, закрываясь веерами. Выставив ее в ложе регента, герцог Девоншир объявил их парой. Перед тем как погас свет, она поймала на себе изумленный взгляд Кристофера Хаттона. Ее будущий суженый глазам своим не верил.

Занавес поднялся, и Алекс отодвинулась внутрь ложи. «Пора привыкать к тому, что на тебя глазают. Завтра ты сама окажешься на сцене!» – одернула она себя. Правда, она не увидит своих зрителей, но эта мысль не утешала. Они-то ее увидят. Всю, целиком!

Вскоре она уже смеялась над женихом и невестой из оперы Россини, над ценой, которую им пришлось заплатить за свою любовь. И вдруг ей стало не до смеха. «Особенный вечер? Что имел в виду Харт? Неужели решил сделать мне предложение!»

Она скосила на него глаза и увидела, что он смотрит на нее, а не на сцену. Он поймал ее взгляд, улыбнулся, достал из кармана длинную бархатную коробочку и протянул ей:

– Это вам, Александра.

Сердце ее пустилось вскачь, сцена померкла, она не могла отвести глаз от бархатной коробочки. В голову полезли непрощенные мысли. Алекс обещала бабушке выйти за Кристофера Хаттона, потому что Дотти старалась обеспечить ей титул и стабильность. Но герцог Девоншир богат и сделает ее герцогиней. Дотти не станет возражать!

Занавес опустился под оглушительные аплодисменты. Начался антракт. Большая часть публики пошла прогуляться, но Александра и Харт остались в своем гнездышке. Она со вздохом открыла коробочку. Бриллианты и лиловые аметисты ожерелья лучились на фоне черного бархата. Девушка замерла.

Харт подвинулся поближе и наклонился к ней:

– Я хочу, чтобы вы стали моей любовницей, Александра.

Он действительно сделал ей предложение. Непристойное предложение! Она не знала, плакать ей или смеяться. Нельзя сказать, что он не предупредил ее. Когда он поцеловал ее в первый раз, она заявила ему, что брак ее не интересует, и он ответил, что его тоже. Теперь он просил ее стать его любовницей, подругой.

В глубине души Александра знала, что не должна на него обижаться. Сама виновата, накликала на себя беду своими безобразными выходками. Разве мог он относиться к ней как к леди, если она вела себя самым неподобающим образом? Она посмотрела на бриллиантовое ожерелье и поняла – вот оно, решение всех их финансовых проблем, плюс защита со стороны герцога Девоншира. К тому же он недурен собой. Соблазн слишком велик. Если она позволит ему застегнуть на ее шейке ожерелье, ей не придется идти к Чарли. Она вновь посмотрела на Харта и нехотя призналась сама себе – не может она сделать этого мужчину своим любовником, поскольку любовью здесь и не пахнет.

Александра захлопнула коробочку и вернула ее Харту.

– Черт побери, Алекс, я знаю, вы в состоянии позволить себе любые драгоценности, какие только пожелаете, но почему я не могу сделать вам подарок?

– Конечно, можете, – беззаботно улыбнулась она ему, – но только не бриллианты. Я не продаюсь, Харт.

– Я не собирался вас покупать, я только хотел...

– Уложить меня в постель? – кокетливо взмахнула она ресницами. – Вы и тысячи прочих, встаньте в очередь.

Харт рассмеялся, напряжение спало. Огни погасли, занавес взлетел вверх, заиграл оркестр. В конце представления актеров несколько раз вызывали на сцену.

На площади «Ковент-Гардена» Александра остановилась полюбоваться милыми безделушками, выставленными на продажу.

– Разрешаю подарить мне маску, ваша светлость.

– Зачем вам скрывать свое милое личико, Александра? – поинтересовался он, расплачиваясь за покупку.

– Чтобы скрыть краску стыда при непристойных предложениях, зачем же еще!

– Привет, Кит! Как тебе опера?

Увидев Кристофера Хаттона, Алекс ощутила неловкость.

– Отлично. Обожаю итальянский язык. Итальянцы – превосходные актеры и художники. Я недавно приобрел картину Каналетто «Регата на Большом канале». И хотел бы показать ее вам, – обратился он к Алекс.

– Видимо, ты перепутал название, старина, – нахмурился Харт. – «Регата на Большом канале» висит у меня в Чатсворте.

Лицо Кита превратилось в маску, но в серых глазах полыхнуло пламя. Это не укрылось от Алекс, и она поспешила вмешаться. На сегодня ей уже достаточно внимания общества, не хватало еще, чтобы эти двое вступили в перепалку.

– Было приятно повидаться с вами, Кит. Спокойной ночи.

Кристофер Хаттон был зол на весь мир. Фортуна от него отвернулась. Встреча с Александрой в обществе Харта Кавендиша стала последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Предыдущие несколько дней превратились в настоящий кошмар, деньги утекали от него рекой. Сначала эта ненасытная пиявка Итон вытряс из него еще десять тысяч, теперь этот чертов негодяй, торговец картинами! «Завтра первым делом верну ему Каналетто и потребую назад свои денежки. Потом отдам ублюдка под суд!» Он пошел бы сегодня, но салон уже был закрыт. Единственное, что оставалось Кита, – это отправиться в «Хупс и Грейпс» и выпить. Когда ему предложили опиум, он не стал отказываться.

К субботнему вечеру Александра смирилась со своей судьбой. Она облачилась в белье Дотти, облегаящее тело, словно вторая кожа, надела пару нижних юбок и два комплекта подвязок. Чем больше предметов одежды ей придется снимать, тем меньше времени она

пробудет обнаженной.

– Сегодня маскарад? – удивилась Дотти, заметив на кровати внучки свой белый парик и новую маску.

Пришлось солгать любимой бабуле:

– Да.

«Впрочем, в определенном смысле это и в самом деле маскарад!»

– С кем ты идешь и кто устраивает прием?

– Оливия и Руперт пригласили меня к друзьям Хардингов, не припомню их имени. – Эта ложь должна отбить у Дотти охоту пойти вместе с ними.

– Лучше ты, чем я, милая. Я предпочту быть похороненной заживо.

Час спустя Алекс собрала волю в кулак, распрямила плечи и перешагнула порог заведения Чарли Шампань. В комнате с подиумом все было готово для вечернего представления. Прекрасно зная, какую атмосферу она желает создать, Шарлотта Кинг повесила занавес из золотистого газа. Теплый свет ламп будет подсвечивать его изнутри. Таким образом, Александра окажется в круге света, а зал погрузится в полумрак. «Хорошо, что есть занавес», – подумала Александра. Можно себе представить, что в зале нет мужчин и она одна.

– Что вам сегодня понадобится? – спросила Чарли.

Алекс много над этим думала и пришла к выводу – чем проще, тем лучше.

– Кровать и стул, и еще небольшая ширма, чтобы было куда повесить одежду.

Двое слуг установили на сцене белую кровать, принесли перину, простыни и подушки.

– Простыни из черного атласа? – поразилась Алекс.

– Других нет. На черных женское тело смотрится особенно эротично и соблазнительно, вам так не кажется?

Закончив со сценой, слуги принесли стулья для публики. Целых три дюжины! Алекс рассчитывала максимум на полдюжины, но, когда одна из девушек показала ей приглашение, которое Чарли разослала своим клиентам, она была ошеломлена.

Шарлотта Кинг желает засвидетельствовать свое почтение лорду и берет на себя смелость сообщить, что в субботу, ровно в восемь часов вечера, прекрасная дева Каприс дает свое знаменитое представление поз в стиле прославленной артистки леди Эммы Гамильтон.

В семь тридцать Алекс встала за дверью у сцены, на голове парик, лицо скрыто под маской. Девушка плотнее укуталась в плащ, сердце трепетало, как овечий хвост. Она готова была провалиться сквозь землю. Зажглись газовые лампы. Представление началось. Алекс точно парализовало, несколько нескончаемо долгих мгновений она не могла двинуть ни рукой, ни ногой, потом прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и шагнула в пустоту.

Каждое ее движение было томным, но тщательно продуманным. Девушка вошла в спальню и медленно, грациозно закрыла за собой дверь. Застыла в соблазнительной позе, прежде чем сбросить накидку. Когда первый предмет одежды полетел прочь, зрители дружно вдохнули. Она повесила накидку на ширму и сделала реверанс. Затем выпрямилась и покружилась немного. Юбки взмыли вверх, превратившись в распутившийся цветок и обнажив лодыжки. Алекс сознательно вызвала в воображении публики таинственный образ дебютантки, только что вернувшейся с бала-маскарада.

Неожиданно она зевнула и потянулась, словно устала и собирается лечь в постель. Дюйм за дюймом она стянула лайковую перчатку и, когда рука ее обнажилась, услышала столь же дружный выдох. Алекс расстегнула пуговицы на платье, спустила его с плеч и снова замерла. Шагнула из платья и повесила его на ширму, взмахнув нижними юбками. Села на стул и принялась расчесывать волосы – неперменный ежевечерний ритуал каждой женщины. Затем подняла ногу и застыла, прежде чем снять подвязку. То же самое проделала со второй ногой. Поднялась, сняла первую нижнюю юбку. Снова села, сняла туфельки, затем

второй комплект подвязок и чулок. «А-ах!» – пронеслось по залу, когда она медленно спускала с ноги чулок.

По одобрительным возгласам и шепотку Алекс поняла, что пока все идет хорошо. Осталось самое трудное – избавиться от короткой сорочки. Изображая скромность, Алекс повернулась спиной к залу, сняла сорочку, положила на стул и сбросила панталоны. Из зала донесся свист. Да, там не полдюжины зрителей, а во много раз больше! Пора заканчивать представление.

Она прикрыла груди ладонками и повернулась. Боже! Почему ей это раньше не пришло в голову? Просвечивающие сквозь сетчатое одеяние золотистые кудряшки лона не совпадали по цвету с белым париком! Она убрала руки, желая переключить внимание публики на грудь, еще раз зевнула и потянулась, легла на кровать и застыла на черных атласных простынях. Газовые лампы сжалились над ней и погасли.

Послышались оглушительные овации. Сгорающей от стыда Алекс показалось, будто в зале целая толпа. Мужчины что-то кричали, и только через некоторое время до ее сознания дошел смысл.

– Бис! Бис! – вопила публика.

– Выйди на сцену! – прошипел кто-то за подиумом. Алекс вскочила с кровати, накинула плащ, убедилась, что парик и маска на месте, шагнула за занавес и поклонилась. К ее немалому удивлению, все места были заняты. Многие мужчины стояли в проходе! Она попятилась, поклявшись себе никогда больше не появляться перед публикой.

Страшась стать объектом насмешек, Кристофер Хаттон забился в угол. Салон, в котором он купил Каналетто, опустел, его владелец словно испарился. Кит потратил на картину целое состояние, а его провели, как мальчишку. Счета в конце года текли к нему рекой, в довершение ко всему он получил уведомление из «Барклиз бэнк» о том, что у него не осталось средств. До сих пор Джон Итон исправно пополнял казну. Кит послал своему финансовому советнику устное проклятие и записку с просьбой заглянуть на Керзон-стрит.

Джон Итон приехал в самый разгар ненастья. На дворе стоял декабрь, за окном бушевала непогода. Он стряхнул с пальто снег, протянул его дворецкому и предстал перед Китом.

– Ах, лорд Хаттон, вы мудрый человек. В такую пору лучше всего сидеть у огня с графинчиком виски.

Кит налил Итону виски и сразу перешел к делу:

– На моем счету одни нули, Джон. Как вы могли это допустить?

– Этот факт не укрылся от моего внимания, уверяю вас. Меня очень тревожит состояние ваших дел, милорд.

– О чем это ты? – хмыкнул Кит.

Итон кашлянул.

– Видите ли, ваши расходы явно превышают доходы.

– Но я унаследовал капитал моего отца, где он?

– Вам лучше знать, милорд.

– Позвольте не согласиться с вами, сэр! Вы отвечаете за мои инвестиции, так что это вам лучше знать!

– Ваш отец дальновидно вложил деньги в судоходство и морские грузоперевозки. К несчастью, во время войны с Соединенными Штатами многие корабли были захвачены. Генри также сделал ставку на Америку, однако с тех пор мы потеряли все тринадцать колоний.

– Я полагал, мы воюем с Францией!

– Так и есть, милорд. – Итон вытаращил глаза. – И войны, между прочим, выкачивают из страны деньги. Войны привели к тому, что регент и военщина подмяли под себя парламент и привели его к краху.

Для Кита все эти разговоры были все равно что китайская грамота.

– Вы же говорили, что на войне можно сделать деньги.
– Только в случае победы, милорд, – бросил Итон. – Две последние войны опустошили английскую казну. Они привели к повышению цен, непомерным налогам и безработице.
– Меня заботит моя казна, а не английская! Мне деньги нужны!
– Я предупреждал вас, чтобы вы не тратили наличность, не так ли?
– Так, – признал Кит, – но еще вы обещали ссудить мне столько денег, сколько понадобится, и под более низкий процент, чем в банке, два процента, насколько мне помнится.

Итон снова кашлянул.

– Два процента в месяц.
– Но это же двадцать четыре процента годовых!
– Банк берет двадцать шесть, милорд.
– А как насчет этого? – Кит ткнул в кучу бумаг у графина с виски. – Я выписал вам доверенность на ведение всех моих финансовых дел.

Джон Итон взял бумаги и внимательно изучил.

– Это ежегодные траты: налоги на Хаттон-Холл, земельный налог, налог на столичный дом, ежегодное жалованье прислуге. – Итон даже не стал упоминать счета за одежду, еду и спиртное.

– Боже мой, я же могу потерять всю свою собственность! Ты бы хоть налоги оплатил!
– Я финансовый советник, а не нянька.
– Тогда дай мне совет, черт бы тебя побрал!
– Ваши инвестиции пошли прахом. Я выдам вам еще один заем на уплату ежегодных расходов, но за это вы отдадите мне правоустанавливающие документы на поместье Хаттон, и они останутся у меня, пока вы со мной не расплатитесь.

Кит скрепя сердце поплелся в спальню и вернулся с документами на Хаттон-Холл.

– Я хочу получить их назад, ясно? – предупредил он, протягивая Итону листочки с красной печатью.

– Вы без труда выплатите заем, если урежете свои расходы и перестанете потакать всем своим прихотям.

– Я английский лорд, – процедил Кит сквозь зубы.
– В таком случае рекомендую вам поступить так же, как поступают другие титулованные господа, попавшие в затруднительное положение, – женитесь на наследнице!

После ухода Итона Кит не стал ломать голову над своими счетами, все его мысли занял куда более соблазнительный образ Александры.

Алекс в это время смотрела, как Дотти читает послание от лорда Стейнса.

Моя драгоценная Дороти! Очень сожалею, что не смогу встретиться с вами Рождество. Доктор приковал меня к постели, утверждая, что у меня сердечный приступ. Не могу же я сказать ему, что лучшее лекарство – это вы, любовь моя. Ваши навеки, Невилл.

Дотти быстро побросала в сумку вещички:

– До Рождества всего три дня, милая, но я еду ухаживать за Невиллом. Куда более заманчивая перспектива, чем праздник в компании твоего брата и Хардингов. Не забывай о своей репутации, Александра. Пусть Руперт сопровождает тебя на все увеселительные мероприятия, а днем непременно бери с собой Сару.

– Не волнуйтесь за меня, – улыбнулась она бабушке, вздохнув с облегчением. Хвала Господу, ее деятельность в заведении Чарли Шампань пройдет незамеченной!

Глава 20

Бойцам Королевской конной артиллерии на линии фронта с Францией было не до

Рождества. Люди бывшего лейтенанта, а ныне капитана Хаттона преследовали армию Сульта, в то время как другие подразделения получили более безопасное задание – блокировать Байонну.

Медленно, но верно они занимали холм за холмом, вынудив врага отступить и занять новую линию обороны.

Во время переправы через реки несколько бойцов Ника утонули. Он оберегал их, как мог, но теперь под его командованием был целый батальон в тысячу человек.

С каждым новым сражением возрастала уверенность Николаса в скорой победе.

– По сведениям наших разведчиков, в окрестностях шатается более пяти тысяч французских дезертиров. Маршал Султ защищает свою последнюю высоту. Он знает, что конец близок! – сообщил Николас своим подчиненным.

Люди капитана Хаттона поверили ему, когда был взят Сан-Северо. Отряды Сульта ретировались с такой скоростью, что даже не успели уничтожить боеприпасы. Среди солдат начались разговоры о победе над Наполеоном и планах на будущее. Большинство желало оставить службу и вернуться в Англию. К удивлению Николаса, находились и такие, кто выбрал военную карьеру.

Сам Николас Хаттон больше всего на свете хотел вернуться домой. Как только закончится война, он уйдет в отставку. Если останется жив.

В начале года Алекс отнесла в «Коуттс бэнк» первый взнос. Дотти с Невиллом Стейнсом еще не вернулись из деревни, и она взяла на себя решение семейных финансовых проблем. Алекс узнала, что бабушка заняла пять тысяч фунтов и задолжала по процентам триста фунтов, и сердце у нее упало. Сколько же ей придется выступать у Чарли Шампань, чтобы выплатить не только проценты, но и полную сумму займа! Однако выбора у нее не было: нельзя забывать, что Дотти заложила Лонгфорд-Мэнор.

Дома Александру ждал сюрприз. Оказывается, к ней заезжал Кит Хаттон и оставил записку. Ее удивлению не было предела – Кит приглашал ее в театр! Он извинялся за столь позднее уведомление и явно горел желанием увидеться с ней. Она набросала ответ и послала лакея на Керзон-стрит.

Алекс понравилась и пьеса Шеридана, и компания Кита. После спектакля Кит повел ее ужинать.

– На Рождество я ездил домой, в Хаттон-Холл, но там так мрачно и одиноко. Еле дождался возвращения в Лондон.

Его внимание польстило Алекс, однако она подозревала, что это неспроста. Он видел ее с Хартом Кавендишем, и если не приревновал, то в нем наверняка разыграло чувство соперничества. Вероятно, Кит пришел к выводу, что Харт решил сразиться с ним за нее. И она не стала его разубеждать.

– Вы с Рупертом теперь нечасто видитесь?

– Рождество он праздновал со своей семьей, однако брак фактически не повлиял на его образ жизни. Мы, как и прежде, выезжаем в свет. Оказывается, быть мужем не такая уж тягостная обязанность. Я и сам изменил свое отношение к женитьбе.

Алекс пристально всмотрелась в его лицо, стараясь понять, не ерничает ли он, но его серые глаза лучились искренностью. Ее взгляд скользнул по черным густым бровям, прошелся по скулам и остановился на квадратном подбородке с ямочкой. «Он и в самом деле один из самых красивых мужчин, которых мне доводилось встречать. Вот бы и мне взглянуть на брак иначе!»

Той ночью в ее сны ворвался мужчина с густыми черными бровями и высокими скулами. Алекс ощущала жар его тела и видела голубую тень щетины на квадратном подбородке. Она протянула руку и с трепетом коснулась ямочки. Но это был не Кит Хаттон. Во сне к ней приходил его близнец, Николас.

Где-то далеко, на границе с Францией, Николас Хаттон проверил посты и вернулся в свою палатку. Он чувствовал себя измотанным и физически, и духовно, одиноким и опустошенным. В последнем бою он потерял своего коня и проклинал всех богов войны, вместе взятых. И Господа Бога, беспощадного и жадного до крови.

«Когда я приехал сюда, у меня был только Слейт, всего остального я лишился. Но ты не угомонился, пока не забрал и его!» Лежа в темноте и глядя в пустоту, он постепенно успокоился, и на него снизошло небывалое умиротворение. За исключением Слейта, ему было не о чем больше жалеть и не на что пожаловаться. Война научила его вещам, которых он не узнал бы нигде и никогда. И хотя цинизма у него прибавилось, его вера в себя стала несокрушимой, да и самооценка выросла. Он закрыл глаза и погрузился в мечты об Александре и далеком доме.

– Прибавка в пять шиллингов в неделю изменила всю мою жизнь, госпожа! – присела в реверансе Сара.

– Зови меня Алекс и не идеализируй. Я не святая. – Алекс пообещала ей повисить жалованье еще в те времена, когда считала свою бабушку богатой вдовушкой, и теперь ей приходилось отдавать Саре часть заработанных у Чарли денег.

– Я просто хотела, чтобы вы знали, как я вам благодарна. У меня появилась возможность покупать маме вещи, каких она никогда не могла себе позволить.

– Как она, Сара?

– В прошлый раз пребывала в добром здравии. А вот к Мэгги зима была не так добра. Она совсем плоха. Теперь весна на дворе, будем надеяться, ей станет лучше.

– Да, ты права, весна на дворе. Почему бы нам не прогуляться немного и не навестить их?

– А можно? Я куплю маме чаю, он такой дорогой!

Алекс задумалась над высокой ценой импортного продукта и возблагодарила милого Невилла Стейнса за его щедрость, ведь именно он оплачивал счета за еду на Беркли-сквер. Да продлит Господь его дни и дарует ему полное выздоровление! Дотти вернулась пару недель назад и сообщила, что Невилл фактически полностью оправился. Но вчера снова уехала к другу, дабы лично убедиться в этом.

На сей раз Алекс не стала переодеваться мужчиной. По пути они зашли в магазин. Сара купила матери две унции чаю, а Алекс прибавила к нему горшочек меду. Затем купила мед и для Мэгги Филд.

Они побыли в гостях полчаса, распрощались с матерью Сары и постучали в дверь напротив.

– Она велела войти, – сказала Сара, подняла щеколду, и девушки переступили порог. – Это Сара. Вам лучше?

Мэгги, лежавшая на узкой софе, попыталась сесть. Однако стоило ей увидеть, что Сара не одна, как улыбка сползла с ее лица, а запавшие глаза округлились от ужаса.

– Нет... нет... уведи ее! – задохнулась больная.

– Все в порядке, миссис Филд. Я уже приходила к вам с Сарой. Но тогда на мне была одежда брата. – Алекс невольно коснулась своих рыжих волос, с которых Мэгги не сводила потрясенно-испуганного взора. – Я вам меду принесла.

– Александра, убирайся прочь, – выдохнула Мэгги.

– Она боится, что вы заразитесь, – пояснила Сара.

– Она знает, как меня зовут? – поразилась Алекс. – Мэгги, вы знаете меня или, может, мою бабушку?

– Нет! – выпалила та.

«Мэгги Филд, вы знаете меня. Мэгги Филд... Маргарет...» Алекс прижала ладонь к губам, потом к сердцу.

– Ваша фамилия Шеффилд... Маргарет Шеффилд, не так ли?

Женщина рухнула на кушетку.

– Убирайся, не смотри на меня!

– Простите, – попятилась Алекс. – Я не хотела вас расстраивать.

– Нам лучше уйти, – дернула ее за рукав Сара.

Алекс кивнула и вышла следом за ней из комнаты.

– На вас лица нет. Вы знаете Мэгги?

– Знала когда-то. – Алекс поджала губы. Ноги сами несли ее прочь от грязных улиц.

Она была не в силах поделиться с Сарой свалившейся на голову проблемой, для начала нужно привести свои растрепанные чувства в порядок. Мысли скакали, точно бешеные лошади, противоречивые эмоции разрывали ее на части, нарушив покой и безмятежность.

По мере приближения к Мейфэру в голове у Алекс немного прояснилось. У дома на Беркли-стрит девушка остановилась.

– Мне нужно кое-куда сходить, – сообщила она Саре.

Служанка замялась:

– Хотите, чтобы я пошла с вами?

– Нет, – покачала головой Алекс, – спасибо.

Она пошла в направлении Керзон-стрит, потом свернула на Кларджес. Знакомый слуга открыл ей дверь.

– Мой брат дома?

– Дома, Алекс, но скоро уйду. – Руперт как раз спускался с лестницы в одежде для верховой езды.

– Ты едешь на прогулку, это вполне вписывается в мои планы.

– К сожалению, ты в мои планы не вписываешься. Я еду на весеннюю встречу в клуб «Четверка лошадей».

– Без тебя обойдутся! – отрезала Алекс. – Мне нужно, чтобы ты свозил меня кое-куда, Руперт.

– Неужели, мисс Деловитость? А что случилось, если не секрет?

– Сказать не могу, только показать.

Из гостиной появилась Оливия.

– Привет, Алекс. – Она перевела взгляд с гостыи на мужа. – Если ты везешь сестру в парк, я тоже поеду. Поездки в экипажах приближают появление ребенка на свет.

Алекс с ужасом уставилась на ее огромный живот:

– О нет, не в вашем положении разъезжать по городу в открытом экипаже! Идем, Руперт!

– Ты с каждым днем становишься все больше похожей на Дотти, – сквозь зубы процедил Руперт, выходя вслед за сестрой через парадную дверь.

– Для меня это комплимент.

Грум передал Руперту вожжи, Алекс забралась в экипаж.

– В Сент-Джайлс, – скомандовала Алекс.

– В Сент-Джайлс?! – не поверил своим ушам Руперт. – Я не поведу своих коней в трущобы! Ты совсем спятила?

– Тогда убирайся прочь, я одна поеду.

Они обменялись недружелюбными взглядами.

– Я не стала бы тебя просить, если бы это не было так важно.

По глазам сестры Руперт понял, что выбора у него нет.

– Вижу, ты серьезно.

– Никогда в жизни не была серьезнее.

Руперт повернул коней на Оксфорд-стрит.

– Послушай, если ты вбила себе в голову блажь спасти какого-нибудь несчастного, полагаю, тебе следует понять, что милосердие начинается дома.

– То есть?

– Пришла пора рассказать тебе, что Дотти никакая не богатая вдовушка, коей ты ее

считаешь. Ты не можешь швырять деньги на благотворительность, у нее их попросту нет.

– Я в курсе наших финансовых проблем, Руперт. Каждый из нас решает их так, как считает нужным.

– Осуждаешь меня за брак по расчету, да?

– Нет, конечно! – Она тронула брата за руку. – Я собираюсь последовать твоему примеру.

– Черт побери, Алекс! Выйти за Кита Хаттона не то же самое. Вы знаете друг друга с детства.

– Сверни на эту улицу.

– Она такая узкая. Господи, ничего удивительного, что здесь такая вонь. Это же Рукери – место сборища бродяг! Не стоило мне ее показывать, могла бы просто сказать.

– Остановись.

Руперт ехал очень медленно, и лошади встали, как только он дернул поводья. Он поставил фэтон на тормоза и замахал руками, когда Алекс вышла и вопросительно взглянула на него, ожидая, что брат последует за ней.

Алекс направилась внутрь здания, без стука вошла в комнату Мэгги и опустилась на колени перед софой.

Руперт шел за ней по пятам.

– Кто это? – Он посмотрел на зашедшуюся в кашле женщину, пытаясь скрыть отвращение.

– Это наша мать, Руперт.

В комнате повисла гробовая тишина. Через секунду Руперт в ужасе попятился:

– Ты ошибаешься, Алекс. Нашей матери чуть за сорок, а этой все шестьдесят.

– Нет никакой ошибки, Руперт. Я добуду одеяло, и ты отнесешь ее в экипаж. Я везу ее домой.

На обратном пути Алекс села сзади рядом с матерью, чтобы избежать расспросов Руперта. У Мэгги, или Маргарет, как называла ее про себя Александра, не нашлось сил воспротивиться переезду, но в промежутках между приступами кашля на ее лице читалось смятение.

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы поправились. Вы не можете жить одна, кто-то должен позаботиться о вас.

Вскоре фэтон притормозил на Беркли-сквер.

– Думаю, тебе снова придется нести ее, – сказала Алекс брату.

– Алекс! – с подозрением и тревогой посмотрел он на сестру. – Дотти знает?

– Пока нет. – Девушка старалась не думать об этом.

– Я туда не пойду! Она свалит вину на меня, разорвет на клочки.

– Дотти нет дома, она в деревне.

Руперт с облегчением закатил глаза. Алекс посмеялась бы над ним, если бы не разделяла страх брата перед гневом бабушки.

– Что скажут Хардинги, когда узнают об этом?

– А зачем обсуждать с ними наши семейные дела, Руперт?

Он отнес тщедушное тельце в свою бывшую спальню, стараясь не обращать внимания на потрясенные взгляды прислуги. Хопкинс последовал за ним наверх и передал записку:

– Лакей только что доставил это, милорд, вам надо срочно возвращаться домой.

Прочитав записку, Руперт запаниковал:

– Оливия... ребенок... мне надо домой. Прости, Алекс.

После ухода брата Алекс позвала Сару и разъяснила ей ситуацию. Открытие потрясло служанку до глубины души, но она возблагодарила судьбу за то, что Мэгги Филд, женщина, которая вызволила ее из Рукери, спасена и вновь обрела свою дочь.

– Чем я могу помочь? Может, искупать ее?

– Ванна подождет, Сара. Сначала нужно ее покормить. Сходи вниз, попроси кухарку подогреть бульон и приготовить хлеб с сыром. А я застелю кровать Руперта свежим бельем.

Затем пошлем за доктором.

В этот момент внизу хлопнула дверь. Дотти вернулась домой, и, судя по голосу, не в настроении. Алекс с трепетом спустилась поприветствовать ее.

– Слава Богу, я снова в атмосфере здравомыслия и благоразумия! Сиделка лорда Стейнса никуда не годится. Пока я не устроила ей разнос и не выгнала из дому, там был настоящий хаос!

Хопкинс забрал у Дотти саквояж и бросил на Алекс красноречивый взгляд: «Вы доведете бабушку до апоплексического удара!»

Дотти пошла наверх, Алекс за ней.

– Как лорд Стейнс? – поинтересовалась она.

Дотти обожгла ее свирепым взглядом.

– Может, он и превратился из баламута в апатичного меланхолика, но в ящик сыграть пока не готов. – Ей на глаза попалась Сара, вид у нее был растерянный. – Чего это все скачут?

Из спальни Руперта донесся надрывный кашель, Дотти распахнула дверь и застыла на пороге. Лицо бабушки словно окаменело. Алекс сжала руки, облизнула пересохшие губы.

– Оставь нас, – приказала Дотти тоном, не терпящим возражений.

Женщины долго смотрели друг на друга, молчание затянулось.

– Вы простите меня, мама? – прошептала Маргарет.

Через мгновение Дотти, обливаясь слезами, обнимала дочь.

– Мне нечего прощать тебе, милая, кроме того, что ты не пришла раньше.

Глава 21

Когда на горизонте показались утесы Дувра, сердце Николаса Хаттона наполнилось радостью. Он стоял на палубе, вспоминая события прошедшего месяца. После победы у Тулузы этот город, как и Бордо, встретил армию захватчиков с распростертыми объятиями. Наполеон отрекся от престола в Фонтенбло и был сослан на остров Эльба. Веллингтон стал героем.

Нику предлагали остаться во Франции или повоевать в Америке, но он отказался. Он был сыт по горло и сражениями, и кровопролитием. Николас знал, чего хочет. Заработанные деньги он предложит близнецу за Хаттон-Грейндж, поселится там и займется разведением лошадей. Ник задумчиво уставился на белые утесы. «Все, что мне нужно, – это мирная жизнь».

Александра была вне себя от радости, узнав об окончании войны. «Скоро вернется Ник!» Однако радость ее померкла, стоило ей подумать о том, что Нику она не нужна. Оливия родила девочку. Все пришли к выводу, что смуглой кожей и темным цветом волос она пошла в мать, а Руперт с отцовской гордостью объявил о решении назвать малышку Амандой. Но Алекс никогда не забыть ледяного тона брата, обвинившего Николаса в трусости. «Сбежал, поджав хвост, – с презрением сказал он. – Я ненавижу тебя, Ник Хаттон!»

Лондон ликовал, празднуя победу над сумасшедшим Наполеоном. Каждая хозяйка спешила устроить праздник, в парках проводились гулянья.

Александра приняла приглашения Харта Кавендиша и Кристофера Хаттона, но на последний вечер идти отказалась, разочаровав обоих кавалеров. В субботу ей придется выступить у Чарли Шампань, ибо теперь, когда нашлась ее мать, деньги нужны как никогда. Они с Дотти и Сарой по очереди ухаживали за больной, но от расходов на доктора никуда не денешься. К тому же перед возвращением в Лонгфорд-Мэнор Алекс решила выплатить годовые проценты в «Коуттс бэнк».

– У меня есть план, милая, – сообщила ей бабуля. – Мы освободим оба крыла дома от

мебели и запрем их. Оставим одну богато обставленную гостиную для приема гостей, и никто ничего не заподозрит. Ни Аннабель с Оливией, ни Кристофер Хаттон, когда будут приезжать с визитами. Если я не ошибаюсь – а я никогда не ошибаюсь! – лорд Хаттон без ума от тебя.

На самом же деле лорд Хаттон впал в отчаяние. В безумной попытке вернуть хоть часть состояния он последние две недели не вылезал из «Уайтса» и таскал Руперта за собой. Однако фортуна так и не улыбнулась ему, он лишь наделал новых долгов. Кристофер с напускной легкостью выписывал расписки, прекрасно понимая, что ни в коем случае нельзя открывать другу своих финансовых проблем. Женитьба на сестре Руперта – его последняя надежда.

В дополнение ко всем прочим несчастьям скоро должен вернуться Ник. От близнеца ничего не утаишь. Слишком уж он умен и проницателен. Единственный способ выкрутиться – это придумать мало-мальски убедительное оправдание безрассудному мотовству. Каждую ночь, возвращаясь на Керзон-стрит, Кит топил свои печали в крепких напитках, а расшатавшиеся нервы успокаивал опиумом.

Николас Хаттон поставил лошадь в глинобитной каретной позе заведения Чарли на Пэлл-Мэлл и улыбнулся, глядя в темноту. Здесь почти год назад он провел свою последнюю ночь, сюда и вернулся по прибытии в Лондон.

Он вошел в позолоченную приемную, и Шарлотта тут же узнала его, несмотря на длинные волосы, черную бороду и потертую униформу.

– Хазард Хаттон, гром меня разрази! Наш герой-завоеватель явился! Как я рада твоему возвращению!

– Привет, Чарли. Ты услада для моих утомленных глаз. По-прежнему самая элегантная женщина Лондона. Нет, не трогай меня, мне нужно помыться и побриться.

– И не только это, могу поспорить!

– А где все остальные? Только не говори, что твой бизнес рухнул!

– Что ты, дела идут – лучше не бывает, особенно по субботам. Клиенты смотрят представление Каприс. – Она махнула рукой в сторону зала с подиумом. – Загляни и скажи, что ты об этом думаешь.

Заинтригованный Николас открыл дверь и шагнул в полумрак. В комнате стояла звенящая тишина, слышалось только дыхание мужчин. И потом он увидел ее. Божественное создание за прозрачным занавесом в ореоле золотистого свечения, легкое и воздушное. Элегантность, молодость, красота и невинность заставили его сердце биться быстрее. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы разжечь в мужчине страсть.

Ник восхищенно следил за тем, как она села, подняла ножку, медленно растянула подвязку и вновь застыла, подняв другую ножку. Во рту пересохло. Таких длинных ног он в жизни не видывал. Когда она начала дюйм за дюймом стягивать чулок, петушок Николаса налился такой твердостью, что можно было колоть им орехи.

«Просто у меня давно не было женщины. Она создает иллюзию, снимая с себя одежду, но оставаясь недоступной. – Он посмотрел на окружающих мужчин. – Да я тут не один такой, они тоже сидят словно замороженные. Она держит их в напряжении». Николас был поражен впечатлением, которое произвела на него эта женщина.

Он выругался. Цена на нее наверняка баснословная, она – жемчужина этого заведения. Не может он потратить доставшиеся кровью и потом деньги на проститутку, пусть даже самую соблазнительную в мире. Ник посмеялся сам над собой. Нужно быть полным идиотом, чтобы стоять здесь и смотреть на нее, похотливым самцам без проблем с потенцией это просто ни к чему. Он повернулся, поправил грубую ткань, обтянувшую его восставший член, и вышел из комнаты.

– Ну, что скажешь? – поинтересовалась Чарли.

– Ты выгащала счастливый лотерейный билет.

– Каприс так заводит мужчин, что некоторые себе сразу двух девочек заказывают.

– Дурное дело не хитрое... – пожал он плечами.
Она подошла поближе и заглянула ему в лицо.
– Иди в мои покои. Я велю приготовить ванну.

Как только лампы погасли, Алекс мгновенно собрала вещи. Она наловчилась молниеносно исчезать за дверью и стремительно взлетать вверх по лестнице. Чарли позволяла ей одеваться в своей комнате, после чего Алекс уходила, не снимая маски и закутавшись в плащ. На последней ступеньке с ножки Алекс слетела туфелька. Девушка наклонилась, чтобы поднять ее, а когда выпрямилась, то увидела, что она не одна. Прямо через холл к ней направлялся высокий мужчина в выцветшей военной форме, волосы длинные, лицо заросло черной кудрявой бородой. Николас! Стены сомкнулись, пытаясь раздавить ее, и она чуть не рухнула в обморок. Алекс глубоко вдохнула и сосредоточилась на единственной мысли: «Он не должен узнать, кто я такая!»

Его губы изогнулись в улыбке.

– Каприз, – произнес он ее сценическое имя, словно пробуя его на вкус, – позволите ли вы мне сказать, что вы длинноногая кобылка?

– Non! – Она вытянула руку ладонью вперед, останавливая его. – Я никогда не гаварю с пассетителями! – Она надеялась сбить Николаса с толку французским акцентом.

– Вообще никакого общения?

«Да ты дьявол во плоти, Николас Хаттон! Играешь словами в надежде привести меня в трепет».

– Позвольте, месье.

Он шагнул вперед и навис над ней, как хищник над жертвой. Ноздри его затрепетали, почувствовав аромат ее тела. «Запах дичи», – пришел ему на ум полный чувственности охотничий термин, но он осадил себя. «Французы больше не интересуют меня, на войне насмотрелся». Он поклонился и позволил ей сбежать.

К ее ужасу, он повернулся и исчез в покоях Чарли Шампань. Алекс двинулась дальше по коридору и открыла первую попавшуюся дверь, от всей души надеясь, что там никого нет. Трясущимися руками она кое-как напялила на себя одежду. «Чертов распутник! А я вообразила, будто влюблена в тебя!»

На следующее утро Ник приехал на Керзон-стрит – вымытый, чисто выбритый, с модной стрижкой, волосы зачесаны назад. Он поставил лошадь в конюшню и осмотрел сверкающий фазтон с парой гнедых. Слуги искренне обрадовались возвращению Николаса и приветствовали его. Он взбежал по лестнице, перескакивая через ступеньки, горя желанием сменить поношенную униформу на одежду для верховой езды. По пути в свою комнату Ник тихонько приоткрыл дверь спальни брата и заглянул внутрь. Кит еще спал. Николас с улыбкой прикрыл дверь, чтобы не разбудить близнеца.

Ник переоделся в лосины и темно-зеленый жакет, отметив, что лосины стали велики ему в талии и натянулись на бедрах. Год, проведенный в седле, не прошел даром. В конюшне его ждала верная лошадь. Он с любовью погладил ее по лощеному боку. Ник нашел ее на поле боя, удивившись тому, что это кобыла, а не жеребец. Судя по всему, прежний владелец ценил ее за силу и выносливость, а не за красоту, но, смыв с нее грязь и кровь, Николас обнаружил под ними атласную черную шкуру. Он так и назвал ее – Атлас.

Ник неторопливо проехался по Гайд-парку, радуясь зеленой травке и свежим листочкам. В пруду плавали лебеди, в синем утреннем небе резвились жаворонки. Ник по-новому взглянул на английскую весну и оценил ее утонченную прелесть. Он радушно приветствовал джентльменов и приподнимал шляпу, здороваясь с дамами в экипажах. Большинство наверняка приняли его за близнеца, но это не так уж и важно. Он снова дома, и ничто не может омрачить его счастья.

К его возвращению на Керзон-стрит Кит уже встал и оделся. Когда слуги сообщили ему о приезде брата, Кит запаниковал и решил немедленно вернуться в Хаттон-Холл. Ник застал

его в столовой. Вглядевшись в лицо близнеца, как две капли воды похожее на его собственное, Ник рассмеялся.

– А я и забыл, как ты чертовски хорош собой, – хлопнул он брата по спине.

– Да и тебя война не изменила, – расхохотался Кит.

«Боюсь, что изменила».

– Война научила меня ценить дом и семью. У меня к тебе предложение, Кит. Хочу потратить свое офицерское жалованье на Хаттон-Грейндж. Буду жить там и разводить лошадей. – Он взял сосиску с тарелки брата.

– Сколько? – живо заинтересовался Кит.

– Около двух тысяч, но как только начну продавать животных, выплачу тебе реальную стоимость фермы.

– Две тысячи? Это все, что ты заработал на чертовой войне? Да я вчера больше в «Уайтсе» проиграл! – Кит осекся. Ну кто его тянул за язык?

Ник пропустил бестактность брата мимо ушей.

– О твоём невезении в картах ходят легенды. Благодаря Бога, что это не вошло у тебя в привычку.

Киту вдруг захотелось признаться во всем как на духу:

– Вообще-то вошло. Последнее время я раздаю расписки, словно конфетти.

– Черт возьми, где твоя голова! – У Ника возникло такое чувство, будто он обращается к одному из своих молоденьких солдат. – Карточные долги нужно платить наличными. Очень отрезвляет. – Он хлопнул Кита по спине. – Я не позволю испортить мне настроение. Скажи спасибо, что ты богатый человек. Почему бы нам не пойти сегодня вместе? Я постараюсь отыграть хоть некоторые из твоих долгов.

– Я собрался в Хаттон, слуга уже пакует вещи, но твоя идея мне нравится. Я был бы тебе весьма признателен, Ник.

Николаас покачал головой. Ничего не изменилось. «Кит по-прежнему ждет, что я выручу его из любой беды».

– Дай мне список тех, кому ты должен, – вздохнул он.

Час спустя Ник проводил Кита, обратив внимание на впряженных в фаэтон гнедых. Он надеялся, что брат не переплатил за них, поскольку гнедые не составляли пару. «Нельзя уподобляться отцу и критиковать каждый его шаг».

В тот вечер Николаас собрался в «Уайтс». Членства в клубе у него нет, придется выдать себя за Кристофера. Услышав голос Руперта, он решил испытать на нем свое перевоплощение.

– Ты рано! – крикнул он, выпустив на лоб прядь волос.

– Ничего подобного. Это ты, как всегда, опаздываешь.

Ник спустился с лестницы, отметив про себя, что Руперт похудел.

– Думаешь, я могу исправиться?

– От осинки не родятся апельсинки. Ты никогда не изменишься, Кит.

– Интересное выражение. – Ник надел цилиндр. – Ты что, старина, взялся за книжки?

– Нет, конечно, это одно из изречений Дотти. Кстати, о дьяволице, она просила как-нибудь намекнуть тебе, что Александра идет сегодня с Хартом Кавендишем на прием в Берлингтон-Хаус.

В душе Николааса шевельнулась ревность.

– Правда? Предлагаю заглянуть в Берлингтон-Хаус после «Уайтса».

Руперт открыл дверь и бросил через плечо:

– С удовольствием! Жена с тещей превратили дом в ясли!

«Ты женился?» Хорошо, что Ник шел следом за Рупертом, и тот не заметил его изумления. «И кто же твоя жена?»

– После рождения малышки мать Оливии практически поселилась у нас. Еле дождалась, когда я сегодня уйду из дому.

«Ты женился на Оливии, и у вас уже ребенок?» Это известие окончательно сбило Николаса с толку. Перед его отъездом в Испанию за Оливией ухлестывал его брат. Выводы напрашивались сами собой. «Но это смешно! Если мой брат сделал ей ребенка, он и должен был прикрыть грех».

Завсегдатаи «Уайтса» уже собрались в клубе, трое из них владели расписками Кита. Ник пребывал в мрачном расположении духа. Определив свою первую жертву, он сел за баккара напротив лорда Броума.

– Ха, юный Хаттон! За добавкой вернулись, да?

– За добавкой. И немалой. – Его серые глаза впились в Броума. Ник рисковал своими кровными и не собирался проигрывать. Он быстро очистил Броума, встал из-за стола и сгреб фишки. – Думаю, я могу рассчитывать на то, что вы порвете мою расписку, милорд.

Ник попросил Руперта обналичить выигрыш и направился к следующему столику. Меньше чем через два часа три расписки Кита Хаттона канули в Лету, а Ник стал богаче на сто гиней.

– Здесь нам больше нечего делать, – сказал он Руперту. – Нас ждет Берлингтон-Хаус.

Они поехали на Пиккадилли. Руперт направился поздороваться с хозяйкой, а Ник обошел все залы в поисках рыжеволосой чаровницы. К его разочарованию, Александры здесь не было.

Когда же он увидел ее за игровым столиком рядом с Хартом Кавендишем, ревность захлестнула его. Николас не ожидал такой реакции и постарался взять себя в руки.

Алекс улыбнулась ему холодно и безразлично. Лев снова поднял голову, не желая уступать. Николас тоже сел за игру и лишь после этого заметил графа Карлайла. Судя по лежавшей перед ним горе фишек, хозяин дома выигрывал. Ник перемешал и сдвинул карты, на это имел право каждый игрок.

– Я собираюсь выиграть у вас сумму, указанную в моей расписке.

– Вы сильно рискуете, Хаттон! – высокомерно заявил Карлайл.

Все взгляды были прикованы к ним.

– Вы не с зеленым юнцом имеете дело.

Александра округлила глаза. Неужели Кит намекает на пристрастие Карлайла к зеленым юнцам? Хозяин вспыхнул и сдвинул карты. Двойка, ее любая карта побьет. Николас кивнул и, не сдвигая, передал колоду раздающему.

Ник каждой клеточкой ощущал присутствие Александры, однако виду не подавал. Проиграв два следующих раунда, Алекс перестала испытывать судьбу и сосредоточила внимание на Харте Кавендише. Ник решил, что герцогу уже достаточно ее внимания. Он поднялся, обогнул столик, встал у Кавендиша за спиной и положил руку ему на плечо.

– Я хочу украсть у вас Александру и потанцевать с ней. Надеюсь, вы не станете возражать?

Харт едва не лишился дара речи от неожиданности.

– Конечно, нет. – Он возражал, и еще как, но был слишком хорошо воспитан, чтобы показать это.

Алекс тоже поразило поведение Кита. Она извинилась перед Хартом и вышла с лордом Хаттоном из комнаты.

– Я полагала, вы в трауре и не танцуете.

– Я решил, что период траура закончен. С сегодняшнего вечера.

Его глубокий голос больше походил на рык. Не намекал ли он на то, что теперь начнет ухаживать за ней? Алекс задержала дыхание, стараясь не поддаваться панике. В голове всплыла масса вопросов, а вместе с ними и образ Николаса. Странно, почему Кристофер не сообщил ей о приезде брата?

– Ник еще не вернулся?

Николас кивнул.

– Так радуется возвращению в Лондон, что я его почти не видел.

Алекс мысленно отругала себя. Не стоило даже упоминать имени этого грязного

развратника!

В бальном зале он обнял ее. Алекс сосредоточилась на ритме вальса. Ей нечего бояться. Похоже, Кит прекрасный танцор. Он вел ее твердой рукой, неистово кружил и снова прижимал к себе на каждый третий такт.

Мелодия проникла в самое сердце Александры, она опустила ресницы и вообразила, будто это Николас обнимает ее. Ласковое теплое море понесло ее на волнах, и она прижалась к мускулистому телу партнера.

Он смотрел ей в лицо, ощущая, как складки ее платья касаются его бедер. Боль в груди стала невыносимой. Он представил ее в своей постели – она распростерлась под ним, прикрыв глаза, затуманенные любовью.

– Почему ты никогда не флиртуешь со мной? – выдохнул он.

Она распахнула глаза. «Я флиртвала с тобой много лет», – чуть не сорвалось с ее губ. Но тут Алекс вспомнила, что танцует с Китом, а не с Николасом, и устыдилась.

– Мы старые друзья, зачем же я стану с тобой флиртовать?

– Не слишком лестный ответ, – усмехнулся Ник. Если он еще хоть минуту подержит ее в объятиях, то не совладает с собой и вопьется губами в ее соблазнительный розовый ротик. – Жарко здесь, не желаете ли выйти на свежий воздух? Весенняя ночь восхитительна.

Она что-то буркнула в знак согласия и вышла следом за ним из зала. Ник повел ее на Пиккадилли. Берлингтон-Хаус был залит огнями, и они спрятались в тени его колонн. Наступило молчание, и Алекс решила, что сейчас самое время признаться ему в том, что она нашла свою мать. Слушая ее исповедь, он пошел вперед, и Алекс подстроилась под его шаг. Алекс ждала его неодобрения, но реакция будущего мужа удивила ее.

– И ты привезла мать домой, восстановив мир между Дотти и ее блудной дочерью? Очень благородный поступок, Алекс. – В его взгляде сквозило восхищение. – Твоя душа так же прекрасна, как и твое тело, Александра.

Его похвала польстила ей. Он понимает ее. Может, он не такой уж легкомысленный.

– Спасибо, Кит. – Она решила перевести разговор на другую тему: – Надеюсь, твой Каналетто оказался не подделкой.

– Каналетто?

– Ну, помнишь тогда, в опере, Харт сказал, что у него уже есть картина, которую ты недавно приобрел?

– Недоразумение вышло. – Ник не стал развивать эту тему, но сам факт взял на заметку. – Харт Кавендиш частенько сопровождает тебя. – Он постарался скрыть раздражение.

– Мне нравится его общество, – призналась Алекс.

– Ничего удивительного. Какой леди не понравится общество английского герцога?

– Титул здесь ни при чем, – фыркнула Алекс.

– Герцогский титул ставит его во главе бомонда, остальные ему не чета. У него денег и привилегий больше, чем у самого короля. Признайся, что именно это привлекает тебя.

– Разумеется! А что в этом плохого?

– Ничего, если ты не ждешь, что он сделает тебя герцогиней. Харту не нужна жена, Алекс. Он ищет любовницу. Разве это не унижительно для тебя?

Правда задела Алекс за живое.

– Харт был честен со мной, предложил мне стать его любовницей.

Ник резко остановился и схватил ее за плечо.

– Да я об него кнут сломаю!

Александра заглянула ему в глаза и содрогнулась.

– Мне не нужна нянька! – Она высвободилась и пошла дальше. – Я сама способна позаботиться о себе.

Он нагнал ее.

– Я не хочу, чтобы ты появлялась с ним в свете, Алекс!

– Да ты ревнуешь! – бросила она ему в лицо.

– С чего бы мне ревновать тебя к самому богатому герцогу Англии, который к тому же похож на античного бога?

Она встала под газовым фонарем и посмотрела на него. Ее взгляд задержался на бездонных серых глазах, скользнул по высоким скулам и остановился на ямочке на подбородке.

– Ты один из самых красивых мужчин на земле. – Она оглянулась, поняла, что они уже на Беркли-стрит, которая выходит на Беркли-сквер, и расхохоталась.

– Не вижу ничего смешного! – прорычал он.

– Признайся, ты нарочно увел меня от Харта Кавендиша и проводил до дома, дьявол ты эдакий!

– Признаюсь. У моего соперника нет ни единого шанса на успех. Ты находишь это смешным, Алекс?

– Мне смешно, потому что Харт тебе не соперник... никогда не был и не будет. У тебя другой соперник – твой брат-близнец. Я много лет была в него влюблена.

– А теперь?

Он сказал это с такой болью, что Алекс не осмелилась нанести ему еще одну рану.

– Это были девичьи фантазии, только и всего. Перед отъездом Ник сказал, что относится ко мне, как к сестре.

– Ник идиот. У него всегда было гипертрофированное чувство гордости. – Он привлек Алекс к себе и запечатлел на ее губах поцелуй, соблазняя, искушая, умоляя открыться ему.

Алекс попыталась уклониться от поцелуя, но Кит оказался не менее искушенным любовником, чем танцором. Она закрыла глаза, вообразив, будто целует Николаса. По телу прошла восхитительная волна наслаждения.

– Ник, – прошептала она, но тут же высвободилась из его объятий. – Спокойной ночи, Кит.

Алекс побежала к дому. Ей оставалось лишь надеяться, что ее суженый не слышал, каким именем она назвала его.

Николас смотрел ей вслед, благодаря Бога за то, что она произнесла его имя, и в то же время терзаясь чувством вины. Он еще долго стоял на углу Беркли-сквер, раздумывая над тем, как решить эту дилемму.

Глава 22

Вернувшись на Керзон-стрит, Николас обнаружил, что дворецкий еще не ложился.

– Нет нужды ждать меня, Фентон, у вас и так длинный рабочий день. Я сам все запру и погашу лампы.

– Да, сэр. – Фентон двинулся было по коридору, но вдруг вернулся. – Не хотелось бы беспокоить вас, сэр, вы только что из Франции. Я полагал, лорд Хаттон позаботится об этом перед отъездом.

– В чем дело?

– Виноторговец, сэр. Он оставил счет два дня назад и сказал, что придет завтра. Я отдал счет вашему брату, но он выбросил его в корзину для мусора.

Ник взял счет и внимательно просмотрел его.

– Три сотни фунтов за виски? Невероятно! Здесь, должно быть, какая-то ошибка.

– Счет скорее всего раздут, сэр. Виноторговец человек не слишком приятный. Я бы и сам заплатил, сэр, но еще не получил жалованья.

– Вам задолжали с декабря? – разозлился Ник. «В какие чертовы игры играет Кит?» – Никому из слуг не заплатили?

– Боюсь, что нет, сэр.

Внутри у Ника все кипело, но он взял себя в руки.

– Здесь более сотни фунтов. – Ник протянул Фентону свой выигрыш. – Этого должно хватить. Прошу вас, извинитесь за меня перед прислугой. – Он помахал счетом за виски. – И

не волнуйтесь об этом, Фентон. Я завтра сам встречу с виноторговцем.

Ник поднялся в комнату Кита и поискал в столе домашнюю конторскую книгу. С уст его слетело проклятие. Кит вообще не вел никаких записей, а неоплаченных счетов – хоть отбавляй. Среди бумаг обнаружилась квитанция за Каналетто на девять тысяч фунтов. «Господь Вседержитель!» Он припомнил слова Алекс насчет поддельной картины. Ник обвел взглядом комнату, заглянул под кровать. Ничего! Открыл гардероб Кита, сдвинул в сторону одежду и нашел полотно.

Ник забрал и картину, и квитанцию. Разделся, распахнул окно. «Брату нужна нянька, он ни на что не способен». Ник подумал о расписках, которые отыграл сегодня вечером. «Ничего удивительного, что Кит сбежал в Хаттон-Холл прежде, чем я обнаружил все это!» Николас полной грудью вдохнул свежий весенний воздух. Нужно брать дела в свои руки. Начнем с владельца художественного салона.

* * *

На следующее утро Николас нанес визит в «Спинкс и К°». Старый торговец картинами был одним из самых сведуших людей в своем деле и знал, что происходит по обе стороны закона.

Спинкс изучил квитанцию.

– Его настоящее имя Уиклоу. Закрывает лавку и переезжает каждый месяц. Поищите на Уорик-лейн, у собора Святого Павла.

Ник понял, что попал по адресу, когда продавец поспешно ретировался в подсобку, едва завидев его. Ник прошел за ним в просторное складское помещение и навис над Уиклоу. Двое подмастерьев предпочли сбежать через задний вход.

– Ты продал мне поддельного Каналетто. Я пришел за своими деньгами.

– У вас нет никаких доказательств, – заверещал тот. – Выберите другое полотно.

Ник взял одну из картин, вытащил спички и поджег.

– Деньги! Или к утру от этого места один пепел останется.

– Боже, остановитесь! – Уиклоу затоптал пламя. – Идемте в лавку, милорд. Мы с вами оба стали жертвами обмана. Давайте найдем компромисс.

Ник Хаттон шагнул ближе и навис над ним, лицо мрачное, серые глаза холодны как сталь.

– Ты еще смеешь торговаться!

Уиклоу тщетно пытался скрыть страх. Он отпер железный сейф и отсчитал девять тысяч фунтов.

– Тысячу фунтов процентов, – потребовал Ник. И добавил, заметив, что Уиклоу колеблется: – Я сказал, что в золе найдут твои косточки?

Через пять минут Николас уже направлялся к виноторговцу на Темз-стрит. Маленький магазинчик являлся частью большого склада в доке.

– Я пришел уладить дело с этим чеком. – Ник знал, что в Лондоне дела ведутся по принципу «не обманешь – не проживешь». – У меня есть все основания полагать, что счет раздут.

Его угрозы сработали и здесь, со счета списали сто фунтов.

К возвращению на Керзон-стрит Николас понял, что выбора у него нет. Завтра он отправится в Хаттон-Холл и хорошенько потряхнет братца. Наплевать на то, что он лорд, Кит не имеет никакого права вести себя подобным образом.

Дотти постучала в дверь комнаты внучки и тихонько отворила ее:

– Мне нужно поговорить с тобой, милая.

– Входите, пожалуйста. Я тут работала над статьей в газету.

На самом деле не было никакой статьи. Алекс подсчитывала проценты, которые должна внести завтра в банк.

– Это касается Маргарет. Мы обе знаем, что она в ужасном состоянии. Нужно отвезти ее в Лонгфорд-Мэнор, пусть посидит на солнышке в саду. Не знаю, поможет ли это, но там она будет окружена красотой и покоем.

– Великолепная идея! Я так рада, что вы не сердитесь на меня за то, что я нашла ее и привезла сюда.

– Так распорядился Господь, милая. Скольким из нас выпадает шанс простить – и быть прощенным?

Алекс понимала, что им не по карману наемный экипаж.

– Завтра схожу к Руперту и попрошу его перевезти нас.

На следующее утро Алекс заглянула в «Коуттс бэнк» и выплатила проценты по займу Дотти за весь год. Основную сумму она покрыть пока не могла, однако надеялась, что им удастся сохранить права на Лонгфорд-Мэнор. Чтобы сэкономить, от банка до Кларджестрит она прошла пешком.

– Конечно же, я отвезу вас в Лонгфорд-Мэнор, – заверил ее Руперт. – Найдите пару слуг. Я заплачу им. Вы с Дотти не можете все взвалить на свои плечи. Вам и так нелегко приходится.

– Спасибо, Руперт, ты очень щедр.

Николас взял армейские пистолеты, упаковал свою любимую одежду и пошел седлать Атласа. По пути он решил поздороваться с Разбойником Кита. Конь беспокойно метался по стойлу и бил копытом.

– Привет, старина. Похоже, тебе нужно побольше бегать.

Ник поговорил с грумом.

– Я просто чищу его, сэр. Ездить на нем не отваживаюсь.

Ник решил поехать в Хаттон на Разбойнике. Оседлал коня и взял Атласа на поводок. Пробежка в шесть миль – как раз то, что нужно чистокровному жеребцу, и когда впереди замаячили земли Хаттонов, он уже вполне адекватно реагировал на команды Николааса. Нужно будет спарить этих черных красавцев. Жеребенок, конечно, получится не чистокровный, но кровь у него будет хорошая.

На дворе перед конюшнями он столкнулся с Китом, возвращавшимся с охоты со связкой фазанов через плечо. Кит явно не обрадовался приезду близнеца и тут же пошел в наступление:

– Я был бы тебе очень признателен, если бы ты уважал мою собственность. – Он кивнул в сторону Разбойника.

– Уважение нужно заслужить! – прорычал Николаас. Он вспомнил Слейта, и сердце его сжалось от жалости. – Если ты ценишь животное, должен его выгуливать.

Кит повернулся к брату спиной и зашагал в сторону черного хода.

Не успел Кит открыть дверь на кухню, как мимо пронеслась черная молния, чуть не сбив его с ног.

– Лео! – Ник спешился, пес с залиvistым лаем встал на задние лапы и водрузил передние на плечи своего обожаемого хозяина, облизывая его. Ник зарылся лицом в густую черную шерсть. – Я тоже тебя люблю.

Волкодав проследовал за ним на конюшню и сидел, подметая хвостом каменный пол и терпеливо ожидая, когда Ник расседлает Разбойника и напоит обеих лошадей.

Мег Райли встретила своего любимчика со слезами радости на глазах.

– Я так и подумала, что это вы, когда пес выскочил на улицу точно ошпаренный. Я каждый день молилась за вас. Слава Богу, вы вернулись живой и невредимый.

Ник поставил седельные сумки и обнял старую нянюшку.

– Спасибо, Мег. Вытри слезы и улыбнись.

– Добро пожаловать, Николаас, – кивнул ему мажордом.

– Как здорово снова очутиться в Хаттон-Холле!

– Это ваш дом, – от всего сердца заверил его мистер Берк.

Кита он нашел в библиотеке. Брат, по своему обыкновению, чистил ружье. Он всегда занимался этим в трудную минуту, в то время как Николас предпочитал смотреть фактам в лицо. Ник извлек из сумки список тех, кому задолжал брат, и положил его на стол. Четыре из шести имен были зачеркнуты.

– Тебе всегда чертовски везло, – пробурчал Кит, испытав облегчение.

Ник молча выложил перед ним кипу просроченных счетов.

Кит тут же воспользовался своей излюбленной тактикой, которая всегда безотказно срабатывала. Он решил отдаться на милость брата:

– Ник, клянусь, это не моя вина! Я думал, Джон Итон обо всем позаботится, поэтому потратил деньги на Каналетто, но тот оказался подделкой. Владелец салона обманул меня, мне нужна твоя помощь. Найди его, пожалуйста!

– Я нашел его, он вернул деньги плюс проценты.

– Как ты узнал о картине? И каким образом выбил деньги из этой свиньи?

– Не важно, Кит. Важно другое – ты должен положить конец безрассудным тратам и взять на себя ответственность за оставленный тебе капитал. Это деньги на содержание Хаттон-Холла. Огромное поместье требует огромных расходов. Будь серьезнее и научись управлять им.

– Ты абсолютно прав! Господи, Ник, какое счастье, что ты вернул деньги. – Кит потянулся к виски. – Это нужно отметить!

Ник отодвинул графин в сторону.

– Нет. Я только что оплатил счет за спиртное – триста фунтов. Еще один нам ни к чему. Я также выплатил жалованье городским слугам.

– Боже, Ник, ты просто чудо! Что бы я без тебя делал! – Дурное настроение Кита испарилось без следа.

– Сел бы в долговую тюрьму «Флит».

– Ты прав! Каждое твое слово – откровение Господне! Я усвоил урок. Управление поместьем – дело серьезное. С этого дня я буду свято выполнять свои обязанности и стану аккуратнее с деньгами.

Ник поднес седельные сумки к сейфу в стене.

– Я кладу твои деньги сюда плюс две тысячи за Хаттон-Грейндж. Можешь написать договор о продаже Хаттон-Грейнджа и квитанцию на полученную сумму.

Кит рассмеялся:

– Ты мне не доверяешь! – Он придвинул к себе листок и начал писать. – Вот увидишь, Ник. С этого момента я буду все делать как надо. Ты будешь гордиться мной. Как только Александра Шеффилд вернется в Лонгфорд-Мэнор, я попрошу ее стать моей женой и остепенюсь.

Это было как удар в солнечное сплетение.

– Ты не сказал мне, что Руперт женился и стал отцом.

– Да, он признался мне, что давно влюблен в Оливию. Именно тогда я понял, что влюблен в Александру. Отец хотел, чтобы мы сочетались с ней браком.

Ник отвел глаза. Отец действительно прочил Александру в жены своему наследнику. Но любил ли ее Кит? Ник в этом сильно сомневался. «Неужели война сделала меня настолько циничным, что я не могу принять слова брата на веру?..» Он прошелся взглядом по полкам библиотеки.

– Завтра перееду в Грейндж и возьму с собой книги о коневодстве. – Он забрал договор и квитанцию. – О моем возвращении знают только слуги. Пусть и дальше так будет.

На следующее утро Ник перевез пожитки в Хаттон-Грейндж и переговорил с Томом и Бриджит Калхоун.

– Я решил выкупить у брата Грейндж и снова разводить лошадей.

– Мы очень рады вашему возвращению, сэр. Лорд Хаттон не интересуется фермой, простите за вольность.

– Лео тоже намерен здесь поселиться. – Николас посмотрел на Бриджит. – Вы его не боитесь?

– Пес совсем не так страшен, как кажется. Лео часто навещал нас в ваше отсутствие. Как хорошо, что вы будете здесь жить, сэр! Дом большой, весь второй этаж и половина комнат на первом пустуют. Мы с Томом устроились рядом с кухней.

– Бриджит великолепная кухарка, – добавил Том.

– Я помню. Она часто кормила меня, когда я слишком устал, чтобы ехать домой, – улыбнулся Ник. – Жеребята уже подросли. Вы хорошо за ними ухаживали, Том. Мы потеряли целый год, но я постараюсь раздобыть еще пару кобыл, и на следующий год они принесут нам потомство.

Весь день Ник бродил с Лео по земле, которую любил больше всего на свете. Он отнес цветы на могилу матери, прогулялся вокруг озера. Ник чувствовал себя самым счастливым человеком во вселенной.

Глава 23

Кристофер Хаттон понимал, что время работает против него. Николас весьма проницателен, и если Кит хочет скрыть от него истинное положение вещей – по крайней мере до того, как прикарманит денежки наследницы, – ему нужно быть начеку.

Кит оставил графин с виски в библиотеке и ни разу не прикоснулся к нему. Деньги, которые брат положил в сейф, тоже трогать нельзя. Николас может прийти проверить наличие купюр и спиртного. Надо любой ценой завоевать доверие близнеца.

На следующее утро Кит надел лосины и сапоги для верховой езды и направился в конюшню седлать Разбойника. Пусть Ник видит, что он заботится о состоянии гунтера.

Ник очень удивился, увидев брата в такую рань, и радушно приветствовал его.

– Я привез эту кобылку из Франции, Кит. Она не чистокровная, но очень выносливая и, вполне возможно, неплохих кровей. Не позволишь ли Разбойнику покрыть ее?

– Лично у меня никаких возражений не имеется. А вот у него могут возникнуть, уж очень она страшная.

– Брак по расчету, – рассмеялся Ник.

Кит подозрительно прищурился. Не намекает ли Ник на его собственный брак?

– Можешь взять жеребца в любое время. Ну ладно, я поехал. Нам с Разбойником надобно поразмяться.

Ник помахал ему рукой.

«Он специально сюда заехал, хотел показать, что следует моим советам. Наверняка что-то замышляет».

Встречей с братом Кит остался доволен. Видимо, Ник пока ничего не подозревает. Ему повезло, что близнец любит его. Кит всегда этим пользовался. Он пустился галопом через поля, проехался вдоль речки Крейн и направился в сторону поместья Хардингов. К своему удивлению, на тисовой аллее он встретил Руперта, управлявшего экипажем. Кит махнул рукой, окликнул друга, и тот натянул вожжи.

– Не знал, что ты вернулся.

– Привез вчера свою семью, теперь еду в Лондон за Дотти и Алекс.

– Чудесная новость! Не думаю, что в этом есть необходимость, но по обычаю я обязан испросить твоего дозволения, прежде чем начать ухаживать за твоей сестрой Александрой.

– Давно пора, старина! Последнее время Харт Кавендиш так и вьется вокруг нее, ни на шаг не отходит. Как бы она герцогиней не стала!

Кит расхохотался.

– Ты настоящий друг, Руперт! Любой на твоём месте предпочел бы видеть в зятях не меня, а герцога Девоншира!

– Хочу тебе сообщить, что несколько недель назад Алекс нашла нашу мать. Она в ужасном состоянии, и Дотти с сестрой везут ее в Лонгфорд-Мэнор. Ни одна живая душа не

знает о нашей тайне, но я не хочу, чтобы это стало для тебя сюрпризом, когда ты нанесешь им визит.

И хотя ему была противна сама мысль о присутствии Маргарет Шеффилд в поместье Лонгфордов, Кристофер был рад, что Руперт предупредил его.

– Спасибо за доверие.

– А как же иначе, мы ведь одна семья! – искренне удивился Руперт.

Перед поездкой в Лонгфорд-Мэнор Дотти накачала Маргарет настойкой опия и попросила Сару провести с ними лето в деревне. Руперт отнес спящую Маргарет в свою бывшую спальню, затем помог перенести багаж. Алекс отвела Зефира в стойло.

– Кстати, пока не забыл, Кристофер вернулся в Хаттон. Я сообщил ему, что еду за вами в Лондон, так что не удивляйтесь, если он к вам заявится.

– Разрази меня гром! Мы не готовы его принять! – воскликнула Дотти.

– Но он приедет в качестве жениха! Надеюсь, вы не раздумали выдать за него Александру?

– Разумеется, нет, тупица ты эдакий, но лорда следует принимать в достойной гостиной. Сними-ка сюртук, закатай рукава, будем переставлять мебель.

– Боже правый! Стоит мне оказаться рядом с вами, вы тут же находите для меня работу. Я похож на мула, Дотти?

– Мул все равно что осел. Кстати, нам нужна кухарка. За Маргарет мы с Сарой сами будем ухаживать, а вот без кухарки не обойтись.

– Я позабочусь об этом, если обещаете избавить меня от тяжелого физического труда.

– Надеюсь, ты скоро отправишься на охоту. Что проку от кухарки, если в доме нет продуктов?

Через два часа Алекс, Дотти и Руперт окинули взором гостиную и остались довольны. Теперь здесь не только лорда, саму королеву принять не стыдно!

– Если бы у нас имелась на примете достойная королева, – добавила Дотти. – Посторонним не обязательно знать, что оба крыла Лонгфорд-Мэнора пусты.

– Кстати, о крыльях, ты просто ангел, Руперт! – Алекс помогла ему надеть сюртук и чмокнула в щеку. – Спасибо, милый.

Не успела Алекс подняться наверх, принять ванну и смыть с волос дорожную пыль, как прибыл Кристофер Хаттон.

– Входите, лорд Хаттон! – Дотти провела его в шикарно обставленную гостиную. – Прошу прощения, у нас полный хаос, мы только что приехали.

– Я лишь хотел поприветствовать вас, леди Лонгфорд.

– Какая благовоспитанность – поприветствовать вдову по возвращении домой!

«Слишком уж ты красив, отсюда все проблемы. Моя внучка просто обязана выйти за тебя, если мы желаем спасти Лонгфорд-Мэнор, но не думай, что ты можешь запросто явиться сюда и увезти Александру с собой!»

Кит галантно поклонился.

– Алекс дома?

Брови Дотти взлетели вверх, она подняла лорнет и уставилась на непрошеного гостя.

– Александра сегодня не принимает. Если вы оставите свою карточку, я сообщу ей о вашем визите, милорд.

Слова Дотти застали Кита врасплох. Никаких карточек у него с собой не было. Видимо, тяга к соблюдению этикета проистекает из несметного богатства леди Лонгфорд. Он думал, отец уладил с Дотти все формальности, но, оказывается, ему следует заручиться одобрением бабушки, прежде чем начать ухаживать за Александрой.

– Вы позволите мне заглянуть к вам завтра, миледи?

– Ах, милости просим, мой мальчик! Знаете, в мое время джентльмены не ходили в гости с пустыми руками. Речь идет не о дорогих подарках, конечно, а так, о небольших презентях в виде дичи или связки птиц. Вы охотитесь, лорд Хаттон?

– Охочусь, леди Лонгфорд. Значит, до завтра?
«Старая сука решила подвергнуть меня испытанию, ей-богу!»

Утро выдалось безоблачным. В саду Лонгфорд-Мэнора расцвели розы, и Дотти решила вывести Маргарет на солнышко. Алекс помогла матери спуститься вниз и устроиться на лужайке, где они с Сарой установили плетеный шезлонг с подушками. Сама Алекс присела рядом на траву.

– Нам надо поговорить, – прошептала Маргарет.

– Вам вредно разговаривать, опять начнется приступ кашля...

– Не важно. Я сделала ужасный выбор и сломала себе жизнь. Разбила матери сердце и, что гораздо хуже, причинила немало горя своим детям. – Она закашлялась и закрыла рот платочком.

– Все в прошлом, не терзайте себя.

– Я не хочу, чтобы ты повторила мою ошибку. Я отказалась выйти замуж за человека, которого выбрала для меня Дотти. Сбежала в Лондон и вела себя самым непристойным образом. Слово «долг» было для меня пустым звуком. Я связалась с плебеем, превратившим мою жизнь в ад. Он растранил все мои деньги, и моим родителям пришлось выплачивать его долги. – Маргарет снова закашлялась.

– Не говорите больше ничего. Я знаю, что случилось потом.

– Хорошо, но, умоляю тебя, послушайся Дотти! Дорога долга – это дорога счастья, Александра.

– Я уже дала бабушке честное слово.

Маргарет улыбнулась и вскоре задремала.

В саду появилась миссис Динуидди, их старая экономка.

– К вам тут джентльмен пожаловал, Александра. Идите, я посижу с Маргарет.

Александра прошла в дом через кухонную дверь и заметила на столе дичь. В приемной Дотти и Кит смеялись над какой-то шуткой.

– Вот, Кристофер явился к нам с визитом. Милый мальчик принес дичи на неделю.

– Привет, Кит. Дотти наверняка прозрачно намекнула тебе.

– Не намекнула, а дала ему поручение, и он достойно справился с ним. Чем и завоевал мое доверие.

– Доброе утро, Алекс. Не желаете прокатиться верхом?

Она проглотила готовую сорваться с губ отговорку и улыбнулась:

– С удовольствием. Только переоденусь.

Пока она надевала костюм для верховой езды, Сара принесла ей сапоги.

– Лорд Хаттон такой красавчик! У меня даже колени дрожат.

Алекс тут же вспомнила Ника, но прогнала прочь его образ и присоединилась к Кристоферу.

Несмотря на ее протесты, Кит сам оседлал Зефира.

– Мне приятно что-нибудь сделать для тебя, Алекс. – Он бросил на нее взгляд. – Тебе пора к этому привыкать.

Кит помог ей сесть в седло. «Мне пора привыкать ко всему, что ты делаешь!» Глядя на то, как ловко он запрыгнул на Разбойника, она почувствовала укор совести. «Я не должна обижаться на Кита. И не должна смотреть на брак с ним, как на смертный приговор». Он всегда ей нравился, почему бы не дать ему шанс завоевать ее сердце?

– До леса наперегонки! – крикнула она.

К ее удивлению, она приехала первой. Ник никогда бы не позволил ей выиграть. На душе у нее потеплело, настроение поднялось. Они пустили лошадей шагом и по зеленым зарослям добрались до берега реки. Кит снял ее с седла и предложил присесть на бревно, пока лошади пили воду.

– Руперт очень обрадовался, когда я попросил у него твоей руки, Алекс. Да и бабушкиным согласием я тоже, кажется, заручился, нелегкая это была задачка. А ты что

скажешь?

В ее глазах заплясали веселые искорки.

– Ты просишь разрешения поухаживать за мной?

– Нет, я прошу выйти за меня замуж!

Веселье тут же покинуло Александру.

– Но ведь по правилам сначала нужно поухаживать за девушкой, не так ли, Кристофер?

– Черт побери, Алекс, да вопрос о нашем браке был решен еще в детстве! Руперт хочет этого, Дотти тоже, мой отец этого хотел. Ты ведь не станешь отрицать?

– Нет, но прежде всего этого должны хотеть мы с тобой, Кит.

– Ты пытаешься сказать мне, что не хочешь меня? – набычился Кит.

– Нет, нет, ничего подобного. – Алекс накрыла ладонью его руку, помертвев от страха. Он почувствовал ее сопротивление! «О, Кит, почему бы тебе просто не обнять меня, как тогда, в Лондоне?»

– Ради Бога, Алекс, не играй со мной! Я твердо намерен решить этот вопрос здесь и сейчас. Я боюсь потерять тебя, если не заручусь твоим обещанием.

– Дай мне немного времени, Кит. Я должна подумать.

– Конечно, и мы проведем это время вместе. Завтра я покатаю тебя на своем фэртоне. И устрою прием. Только для своих, чтобы они привыкли к мысли о том, что ты скоро станешь леди Хаттон. Дату пока назначать не обязательно.

«Я не могу поехать с тобой завтра, вечером я выступаю у Чарли!»

– Можешь покатавать меня на своем фэртоне в понедельник, а обед устроить на следующей неделе, если тебе это так нужно.

– Нужно. Во вторник вечером. Ты даже не представляешь, как я счастлив, Александра!

Его настроение менялось, как погода весной. Ничего удивительного. Кристофер всегда был таким. Он очень раним, ничего не стоит его обидеть. Ей следует выбирать слова.

Кит проводил Александру до дома и на обратном пути в Хаттон-Холл дал волю эмоциям: «Мало того что мне пришлось лебезить перед сумасшедшей старухой, так я еще должен валяться в ногах у ее самодовольной внучки, которая возомнила, будто слишком хороша для меня!» Кит как огня боялся брака, считая супружество ловушкой. Но в сложившихся обстоятельствах у него не было выбора. Больше всего его злило, что он вынужден подчиниться воле отца. Генри Хаттон добился своего!

Кит направился в библиотеку и взялся за графин. Ему нужно выпить. Срочно. Но он знал – стоит выпить рюмку, и он не остановится. Дрожащей рукой он вернул графин на место. Хлопнула дверь, Кит резко повернулся.

– Ваша почта, сэра. – Мистер Берк протянул ему два письма.

Одно из «Барклиз бэнк», а второе – от Джона Итона. Киту стало дурно, и он бросил их на стол.

– Я как раз собирался вызвать вас к себе, мистер Берк. Во вторник вечером у нас состоится праздничный обед. Случай особый, гостей немного: Алекс и леди Лонгфорд, Руперт с виконтессой, Хардинги, брат Оливии Гарри и Невилл Стейнс. Все должно быть достойно, изысканно, со вкусом. Это помолвка, мистер Берк. Александра дала согласие стать леди Хаттон.

– Мои поздравления, сэра. Хаттон-Холлу нужна хозяйка. Николас приглашен?

– Нет, конечно! Он не хочет, чтобы кто-нибудь знал о его возвращении. Собирается торчать у себя в Грейндже.

Через несколько минут Берк наверняка поставит в известность всю прислугу. Если повезет, слухи долетят до слуг Лонгфорд-Мэнора и Хардинг-Хауса. Чем больше людей узнают об их помолвке, тем лучше. Тогда Алекс не сможет ему отказать. За обедом он подарит ей одно из колец своей матери. Все формальности будут соблюдены.

Кит с вождением взглянул на виски, с губ слетело проклятие в адрес всех, кто толкнул его на этот скорбный путь. Он схватил ружье и помчался на улицу. Если он сейчас же не пристрелит какую-нибудь зверушку, то взорвется!

В Хаттон-Холле полным ходом шли приготовления к приему гостей. Мистер Берк разработал особое меню. Копченая форель из собственной реки, молодой барашек с собственной фермы, фрукты из сада Хаттонов. Даже цветы на стол срезаны в домашней оранжерее.

Кристофер Хаттон весь день рисовал именные карточки с кельтскими рунами, указывающие на место за столом, желая сделать их в том же стиле, что и приглашения, разосланные три дня назад. Он принес их в столовую и по достоинству оценил работу мистера Берка. На длинном столе и камине – высокие восковые свечи. На тяжелой дамасовой скатерти сверкали хрустальные фужеры для воды, бокалы для вина и георгианское серебро с монограммами.

– Я поставил охладиться шампанское, но выбор вин оставляю за вами, сэр.

– Я не слишком большой знаток вин. Без вашего совета мне не обойтись, мистер Берк.

Мужчины спустились по каменным ступенькам в подвал и прошли в винный погреб. Кит смахнул паутину. Видно, никто не заходил сюда со дня смерти отца.

– К первому блюду рекомендую подать белое бургундское; это вино изготовлено из винограда сорта шардонне. К главному блюду подойдет бордо из Лангедока.

– Полагаюсь на ваш вкус, мистер Берк. – Кит двинулся вдоль деревянных стеллажей.

– А это что такое? Да это же бренди! – Он взял с полки две бутылки. – Хардинг обожает бренди.

Кит дошел до конца ряда, рассматривая содержимое погреба, уперся в тяжелую дверь в древней стене и содрогнулся от нахлынувших воспоминаний. За дверью скрывался подземный туннель к конюшням. Они с Ником обнаружили его, когда им было лет по шесть. Внутри было так темно, что они не осмелились сделать больше трех-четырёх шагов. Однако отец застучал их и в наказание запер дверь.

Кит до сих пор помнил навалившийся на него страх, гнетущий, парализующий. Он вцепился в Ника и заплакал. Услышав, как в темноте скребутся крысы, он затрясся и описался. Ник хотел пойти на поиски выхода, но Кит словно приклеился к двери и наотрез отказался двинуться дальше. Он чуть с ума не сошел, когда Ник бросил его одного. В панике он принялся царапать дверь, пока из-под ногтей не пошла кровь. Воображение услужливо рисовало демонов из преисподней, высасывающих из его легких воздух и лишивших его способности кричать. Потом вернулся брат с фонарем из конюшни, и Кит успокоился.

Кит поспешил к мистеру Берку, нагруженному бутылками.

– Давайте я помогу вам, – выдохнул он.

– Не нужно, сэр.

Кит подхватил бренди, пулей выскочил в кухню и перевел дыхание. По спине катились струйки пота. До приезда гостей оставалось два часа. Кит поднялся к себе, чтобы принять ванну. Слуга уже приготовил ему парадную одежду. Кит поставил бутылки на прикроватный столик, выдвинул ящичек и достал маленькую коробочку с кольцом матери.

Он вспомнил слова отца: «Я беседовал с Дотти Лонгфорд, и мы пришли к соглашению по поводу вашей с Александрой помолвки. Объявим о ней сегодня на обеде в честь охоты. Можешь подарить ей мамино кольцо с бриллиантами и сапфирами».

– Ну что, доволен, отец? Ты всегда хотел этого брака, – процедил он сквозь зубы. – Даже кольцо сам выбрал. – Кит бросил коробочку на столик рядом с бренди. – Из-за этого брака мы и поспорили с тобой в тот роковой день. Смерть положила конец твоим планам насчет меня. В тот день я выиграл, а ты проиграл, отец!

Кит развязал шейный платок и снял рубашку. Похоже, от Генри Хаттона никуда не деться. Он достал его даже из могилы и вынудил покориться своей воле. Выхода нет! Как только он женится на Алекс, отец победит! Кит откупорил ближайшую бутылку и поднес к губам.

Глава 24

Через два часа мистер Берк стучал в дверь Грейнджа. По его обеспокоенному виду Николас сразу понял – случилось нечто ужасное. Мистера Берка трудно вывести из равновесия.

– Входите, мистер Берк.

– Сэр, может быть, вы в курсе, что его светлость планировали сегодня праздничный обед? – решил прощупать почву управляющий.

– Нет, мне ничего не известно, мистер Берк. У меня своих дел невпроворот.

– Все уже готово, сэр, гости вот-вот должны подъехать, но... лорд Хаттон под градусом.

– Кит любит выпить, это не новость. Извинитесь перед гостями, мистер Берк. Нам с вами не привыкать прикрывать ему спину.

– Видите ли, сэр, это не совсем обычный обед. Приглашены леди Лонгфорд и лорд Стейнс, Хардинги, Руперт и виконтесса. Лорд Хаттон собрал все семейство, дабы объявить о своей помолвке с госпожой Александрой.

Сердце Ника пропустило удар. Знает ли об этом Алекс, или Кит хотел сделать ей сюрприз?

– Полагаю, мне нужно поговорить с ним, мистер Берк. – Увидев сомнение на лице управляющего, Николас добавил: – Может быть, окунуть его головой в ледяную воду.

Проходя мимо столовой, Ник уловил краешком глаза блеск хрусталя на скатерти из дамаста. Аппетитно пахло жареной бараниной, мятным соусом и вишневым фламбе. Они поднялись на третий этаж и прошли по восточному крылу в спальню Кристофера.

Кит лежал на полу в компании двух пустых бутылок из-под бренди.

– Боюсь, ледяная вода ему не поможет, мистер Берк.

– Да, сэр, – обреченно вздохнул тот. – Обеду нужен хозяин.

– Не смотрите на меня так!

– Им не обязательно знать. Вы единственная надежда лорда Хаттона, сэр. Мне даже думать невыносимо о предстоящем позоре господина и разочаровании госпожи Александры. Мы с вами знаем, что она по праву будущая леди Хаттон. Этот вечер должен стать для нее одним из самых счастливых в жизни. – Мистер Берк с мольбой заглянул в серые глаза Николаса. – Гости могут пожаловать в любую минуту, сэр. Я принесу вам горячей воды, чтобы вы побрились.

При мысли об Александре решимость Ника поколебалась. Ее счастье волновало его больше, чем свое собственное. Она выросла с мыслью о том, что станет леди Хаттон, и если она этого хочет, ее желание для него закон.

Кит, разумеется, ей не пара, нет на свете мужчины, достойного Алекса. Ник был в этом уверен. Но его мнение никого не интересует, выбирать ей. Брак с Китом принесет ей не только титул, но и Хаттон-Холл со всеми его богатствами и красотами. Мысль о том, что поместье будет принадлежать ей и ее детям, казалась ему справедливой. Мистер Берк прав. День помолвки должен стать одним из самых счастливых в жизни леди!

Александра сидела за туалетным столиком, пока Сара укладывала ей волосы в модную прическу, выпуская золотистые локоны на висках и шее. На ней было бледно-розовое платье, старенькое, но подчеркивавшее женственность ее фигуры. Нашитые на юбку шифоновые лоскутки взлетали вверх при каждом движении. Шею украшало ожерелье из мелкого жемчуга.

Алекс взяла приглашение и пробежала кончиком пальца по причудливым завиткам кельтских рун, и вдруг ее осенило – это Кристофер нарисовал брачный узел! Значит, сегодня он собирается надавить на нее, на этот раз публично, а она не готова дать ему ответ.

– Ну, Сара, ты превратила взбалмошного бесенка в наивную дебютантку. Как тебе удалось?

Алекс грустно улынулась бабушке.

– А вы в этом серебристо-сером наряде похожи на настоящую богатую вдовушку. Где вы раздобыли парик в тон?

– Это не парик, а мои собственные волосы, нахальная обезьянка! Невилл уже здесь, специально приехал в закрытой карете, чтобы нашу красоту ветром по полю не разнесло. Оторвись от зеркала, дорогая, теперь уже поздно исправлять этот целомудренный вид.

– Я быстро. Только маме покажусь.

Алекс и Сара прошли в спальню Маргарет.

При виде дочери глаза ее наполнились слезами радости.

– Ты унаследовала внешность бабушки, Александра. Сегодня в воздухе витает волшебство, я это чувствую.

Алекс чмокнула Маргарет в щеку и поспешила вниз. Вскоре экипаж въехал во двор Хаттон-Холла. Гости уже прибыли и поднимались по лестнице к парадному входу.

– Все, как полагается – самые важные персоны всегда запаздывают, – заявила Дотти, принимая помощь Невилла.

Мистер Берк встретил первых гостей, забрал у дам накидки и проводил их в украшенную свечами приемную. Хозяин появился в тот момент, когда Александра переступила порог комнаты. Их взгляды встретились, и у девушки перехватило дыхание. В вечернем костюме Кристофер Хаттон был просто сногшибателен, казался выше, темнее и могущественнее любого другого мужчины. Он очень отличался от Кита, которого она знала и к которому привыкла. Сегодня он больше походил на Николаса, и ее глупое сердечко неистово забилося в груди. Алекс заворожено наблюдала за тем, как легко он управляет с гостями. Сначала подошел к Дотти, поцеловал ей руку и прошептал какую-то вольность, чем тут же завоевал ее сердце. Затем повернулся к Аннабель:

– Леди Хардинг, не можете ли разлить шампанское?

Аннабель зарделась от удовольствия: Кристофер избрал ее неофициальной хозяйкой вечера!

Лорд Хаттон поклонился Оливии, чье лицо превратилось в маску холодности, и подружески положил руку на плечо Руперта:

– Нет нужды напоминать вам о том, что вы избрали самого достойного мужчину Англии.

От этих слов у Оливии потеплело на душе.

Кристофер приветливо кивнул Гарри, пожал руку лорду Хардингу и подмигнул ему:

– В библиотеке вас ждет виски, милорд.

Он обеими руками взял ладонь лорда Стейнса:

– Рад снова видеть вас в добром здравии, милорд!

Невилл, в свою очередь, поведал хозяину дома о своей недавней болезни и отдал должное Дотти, сказав, что обязан своим выздоровлением только ей.

Проследив за тем, чтобы каждому подали шампанское, Кит сосредоточил все внимание на Алекс.

– Предлагаю выпить за Александру, мою особую гостью, – произнес он, не сводя с нее взгляда. – С самого детства мы были преданными друзьями. На моих глазах она превратилась в настоящую красавицу, и я от всей души надеюсь, что наша дружба окрепнет и будет длиться до конца дней. – Он поднял бокал. – За Александру!

Какая проникновенная речь! На секунду Алекс почудилось, будто перед ней Ник. Все присутствующие, и особенно Алекс, ощутили его искреннюю любовь. Его слова казались материальными; они словно коснулись ее кожи, а теплый взгляд ласкал и гладил. Неужели страсть к Николасу ослепила ее и она не заметила врожденного очарования Кристофера?

Он умело манипулировал гостями, создав непринужденную обстановку и завязав светскую беседу. После этого он снова одарил Александру своим вниманием, совершенно очаровав ее и сбив с толку. И словами, и поступками он слишком напоминал Ника!

Хозяин провел всех в столовую и усадил Александру рядом с собой во главе стола. Три

пары расселись друг напротив друга согласно именным карточкам. Юный Гарри Хардинг попал на другой конец стола. Алекс улыбнулась про себя – очень мудрое решение! Дороживший Александрой Невилл Стейнс сидел по левую руку от нее, а Дотти приняла как комплимент место по правую руку от хозяина дома.

Сервис мистера Берка был безупречен, еда восхитительна, вино подчеркивало вкус каждого блюда. Непринужденная беседа затронула интересующие всех вопросы. И все это благодаря мастерству ее кавалера. Гости наслаждались десертом, когда хозяин подбросил им весьма противоречивую тему: политика.

Ее партнер с улыбкой вытащил из букета розовую розу, протянул цветок Александре, поднялся и отодвинул ее стул.

– Надеюсь, вы нас извините.

Он решительно обнял девушку за талию и увлек из столовой. За дверью вторая рука подхватила ее под колени. Он прижал ее к сердцу и вынес на улицу.

– Я хочу показать тебе кое-что, Алекс.

– Но мы не можем уйти! – воспротивилась она.

– Еще как можем. Они говорят о политике и скоро так разгорячатся, что не заметят нашего отсутствия. Хозяин должен убедиться, что гостям весело. Я исполнил свой долг – они развлекаются. Теперь настал твой черед.

Его слова заворожили Алекс. Сегодня Кит вел себя в точности как Ник. Сквозь тонкую материю своего платья она чувствовала его стальные мускулы, и это приводило ее в экстаз. Она поднесла розу к лицу, вдохнула ее нежный аромат, потом взмахнула ресницами и заглянула в его серые глаза.

– Что ты хотел мне показать?

– Как всходит над озером луна. Будь на то моя воля, Алекс, я бы каждый вечер носил тебя любоваться восходом луны. Поначалу она не больше, чем бледное пятно, но чем выше поднимается, тем становится ярче, превращая небо в черный бархат и заливая Хаттон-Холл своим волшебным сиянием.

Она провела лепестками розы по ямочке на подбородке, Николас наклонился и легонько коснулся губами ее губ.

– С наступлением темноты тепло ушедшего солнца наполняет воздух благоуханием лилий, роз и ночных растений. Они напоминают мне о тебе. – Он поставил ее на ноги и сплел свои пальцы с ее пальчиками. С озера донесся крик ночной цапли. – Чувствуешь, как вода манит нас к себе? Идем со мной, Алекс.

От его низкого голоса у нее мурашки по спине побежали. Его романтические слова, так похожие на слова Ника, околдовали ее. Они брели к озеру, держась за руки, и это прикосновение доставляло Алекс несказанное удовольствие. Он держал ее так, словно имел на это полное право и хотел уберечь от всех невзгод жестокого мира. Чувства ее обострились. Она вдруг заметила, что платье касается ее ног и его ног тоже, что пронизанный мягким лунным светом воздух мягко окутывает ее плечи, а дурманящий аромат цветов проникает в легкие. Казалось, Кристофер специально создал эту романтическую обстановку. Алекс положила голову ему на плечо, стараясь продлить волшебный миг. «Это ты манишь меня к себе».

Ник посмотрел на нее. Какая же она маленькая по сравнению с ним! Маленькая и беззащитная. Сердце замирало от нежности и боли при виде ее утонченной красоты.

Они вышли к знакомому деревянному настилу. Алекс не стала протестовать, когда он подхватил ее на руки и отнес в лодку.

Ник сел рядом и взялся за весла.

– Хаттон – самое красивое место в Англии. Ему уже более двух веков! Ты наверняка гордишься своим поместьем.

– Я всем сердцем его люблю. – В его голосе сквозила неподдельная страсть.

«Любая женщина что угодно отдаст, лишь бы и ее так любили».

– Ты можешь полюбить его, Алекс?

– Но я уже его люблю, всегда любила.
– Я хочу подарить тебе луну и звезды!
Она показала на мерцающее отражение в воде:
– Сегодня ты подарил их мне.

– Посмотри на меня, Алекс, я хочу открыть тебе свое сердце. – Он провел пальцем по ее щеке. – Ты и только ты можешь стать хозяйкой Хаттон-Холла, леди Хаттон. Никакая другая не нужна ни мне, ни поместью. Я хочу, чтобы его красота и сила защитили тебя. Хочу видеть, как твои дети со смехом бегают по лужайкам Хаттон-Холла. Потом Хаттон достанется твоим внукам. Надеюсь, любовь к Хаттон-Холлу перейдет к будущим поколениям.

Алекс понимала – он говорит не только о своих чувствах к Хаттон-Холлу, но и о своей искренней, беззаветной преданности ей. Он признается ей в любви! Чары были настолько сильны, что она запомнила, кто сидит рядом с ней.

Ник достал из кармана маленькую коробочку и открыл ее. Лунное сияние утонуло в драгоценных камнях, бриллианты и сапфиры полыхнули внутренним светом.

– Это кольцо очень дорого мне, Александра, но не из-за камней. Оно принадлежало моей матери. Если примешь его, сделаешь меня самым счастливым человеком на земле.

Из груди Алекс вырвался вздох.

– Носить его – большая честь для меня. Я буду его беречь. – Алекс протянула руку, и он надел ей на палец кольцо. В глубине своего сердца она знала, что любит только Николаса, и верила, что именно ему дает обещание.

– Помолвка состоялась? – Ник ждал ответа, затаив дыхание.

– Да, – выдохнула Алекс.

Ник проклял себя, понимая, что одурачил ее. Дату свадьбы он назначать не стал, пусть близнец сам это сделает.

– Может, вернемся в дом, пока гости не поубивали друг друга?

Алекс рассмеялась.

Она с облегчением вздохнула. Кит не испортил волшебства, настаивая на немедленной свадьбе. Он угадывал каждое ее желание, стремился сделать ее счастливой, и она была благодарна ему за это. Он снова взял ее на руки, вынес из лодки и замер на долгий миг, как будто не хотел отпускать. Наконец поставил ее на траву, обнял за плечи и медленно двинулся в сторону дома, прижимая Алекс к себе.

Рано утром Ник пришел в Хаттон из Грейнджа.

– Мистер Берк, когда брат проснется, передайте ему, пожалуйста, что я в библиотеке.

В ожидании Кита Ник осмотрел его коллекцию оружия, отметив появление новой пары дуэльных пистолетов с серебряными рукоятками и гравировкой: «XX. Харм Хаттон». Нику не показалось это смешным. Он сел за стол, припоминая, какими словами гости вчера встретили их с Алекс возвращение. Не успели они войти, как на него посыпались поздравления. Алекс попросили показать кольцо. Все ждали официального объявления о помолвке. Ник с тяжким вздохом достал из кармана пустую коробочку и положил на стол.

Кит появился в библиотеке со слезами раскаяния в глазах, рухнул в кресло и нервно пробежал рукой по волосам.

– Берк рассказал, что вчера ты возглавил обед. Мне так жаль, Ник, мое поведение непростительно! Экскурсия в подвал – вот что выбило меня из колеи. Стоило мне увидеть ту дверь в подземный ход, и детские страхи вернулись. Пришлось хлебнуть бренди. Надо же было успокоить нервы и набраться храбрости перед тем, как попросить Алекс стать моей женой.

Ник толкнул в его сторону маленькую бархатную коробочку:

– Ты официально помолвлен. Остальное за тобой.

– О, Ник, как мне...

– Не стоит благодарности! – рявкнул Ник. – Я не ради тебя это сделал, черт побери! Я

сделал это ради Александры! День помолвки должен быть самым счастливым в жизни женщины. Не вмешайся я, произошла бы катастрофа! Но давай поставим все точки над i, Кит: это последний – самый последний! – раз, когда ты загребаешь жар моими руками! – Ник стукнул кулаком по столу.

Кит с ужасом увидел, как кулак брата приземлился на злополучные конверты. Он в панике вскочил с кресла и ухватился за письма.

– Какого черта ты себе позволяешь? Читаешь мою личную почту? Все время суешь нос, куда тебя не просят. Похоже, пора тебе напомнить, что это я лорд Хаттон, а ты здесь только благодаря моей милости! – в отчаянии завопил он, пытаясь выдернуть конверты из-под кулака Николаса.

Ник взял нож для разрезания бумаг и занес его над пальцами брата. Кит тут же отдернул руку. Ник вскрыл первое письмо и прочел. В нем «Барклиз бэнк» сообщал лорду Хаттону о нулевом балансе на счету.

– Что это значит, Кит? – не понял Ник.

– Это значит, что денежек нет... потрачены... уплыли... тью-тью, все, до последнего шиллинга!

– Хочешь сказать, что за год моего отсутствия промотал все состояние? – вкрадчиво проговорил Николас.

– Я не виноват, Ник! – взвизгнул Кит. – Этот ублюдок Итон заставил меня подписать бумагу, дающую ему право на ведение моих финансовых дел!

– Заставил? – приподнял бровь Ник.

– Я в этом ничего не смыслю, Ник! Он одолжил мне денег на прибыльные инвестиции, они прогорели, а он заявил мне, что вложения отца тоже обесценились. Он надул меня и прижал к стенке! Ты был прав, нельзя было ему доверять!

Ник жестом остановил его.

– Давай разберемся во всем до конца. Ты не только растранил все деньги с банковского счета, но и лишился инвестиций, так?

Ответом послужило гробовое молчание.

Ник распечатал второе послание. В нем Джон Итон уведомлял лорда Хаттона, что пришла пора платить по счетам.

Как вам известно, у меня имеются документы на Хаттон-Холл, и в случае, если вы до конца текущего месяца не вернете ссуду в размере пятидесяти тысяч фунтов, ваша собственность на законных основаниях переходит ко мне.

Ник поднял глаза. Из серых они превратились в черные. Он встал из-за стола и медленно подошел к брату.

– Ты отдал ему правоустанавливающие документы на Хаттон-Холл?

Кит с мольбой шагнул ему навстречу:

– Я покрою ссуду деньгами Александры!

Первый удар пришелся Киту в челюсть, оторвав его ноги от пола, второй сложил его пополам. Кит завалился на пол, изо рта хлынули на ковер остатки вчерашнего бренди.

– Жалкое зрелище! – презрительно скривился Николас.

Он отошел к окну, распахнул его и уставился невидящим взглядом на сад. Перед мысленным взором предстали молодые ребята, служившие под его началом, честные, благородные, храбрые, проливавшие кровь за свою страну, умиравшие за родину, в то время как презренные щеголи вроде его братца пускали по ветру состояние отцов.

В дверях библиотеки вырос мистер Берк. Безобразная сцена ужаснула мажордома.

– Я принесу ведро и швабру, сэр.

– Можете принести воды, мистер Берк, но с этого дня Кристофер Хаттон будет сам за собой убирать.

Глава 25

Ник открыл сейф. Деньги чудесным образом остались целы. Почти двенадцать тысяч фунтов. Он забрал их и поднялся в свою спальню собирать вещи. Много ему не понадобится, почти вся его одежда хранится в Лондоне. План действий у него еще не созрел, но запереться в Грейндже он не мог. Одно он знал точно: Итону не удастся наложить свои жадные лапы на Хаттон-Холл. Только через труп Николаса.

Деньги он возьмет с собой. Здесь их держать нельзя, слишком большой соблазн для брата. Рядом Эпсом с лошадиными бегами, Крисуик с боксерскими боями, а до «Петуха и быка», что в Хаунслоу, вообще рукой подать. Там дважды в неделю проводятся петушиные бои. Ник решил положить деньги на депозит в «Коуттс бэнк», где ни Киту, ни Итону до них не добраться. Он выдвинул ящик стола и увидел в нем черную кожаную маску. Воображение тут же нарисовало множество безрассудных вариантов. Он прогнал их прочь, но, подчиняясь внезапному порыву, сунул маску в карман.

На обратном пути Ник задержался на пороге библиотеки. Брату удалось подняться и сесть в кресло, Мег Райли умыла его. Ник удовлетворенно хмыкнул, заметив, что на скуле брата расплывается безобразный синяк, а глаз затек.

– Ты не можешь уехать! – взвился Кит, но тут же поморщился от боли. – Как я покажусь Александре в таком виде!

– Рекомендую послать ей цветы и записку с извинениями. Придумай что-нибудь. Скажи, что у тебя срочные дела в Лондоне. С недельку поваляешься в постели, зализывая раны.

По прибытии в Лондон Николас немедленно отправился в «Коуттс бэнк» и положил большую часть сбережений на имя Флинна Хаттона. Сотню он приберет на игру, прекрасно понимая, что иного способа быстро собрать нужную сумму у него нет. Ник поставил лошадь в конюшню позади дома на Керзон-стрит и пошел в комнату близнеца. Он методично перетряхнул все ящики письменного стола и в итоге нашел то, что искал, – отчет, присланный Джоном Итоном перед отъездом Ника в Испанию.

Он пробежал его глазами, в душе шевельнулось подозрение. Документ представлял собой обыкновенную отписку, но не только. Такой опытный бизнесмен, как Генри Хаттон, не стал бы делать подобные инвестиции. В судоходство отец, конечно, мог вложить деньги, но только не в американское – в британское. Да и вряд ли он делал ставку на урожай табака в колониях, с которыми Англия ведет войну. Совсем другое дело британская промышленность, такой выгодной инвестиции он бы не упустил. Николас сложил отчет, сунул в карман и решил навестить Тобиаса Джейкобса, бывшего поверенного отца.

Чансери-лейн кишел адвокатскими конторами, но Николасу все же удалось отыскать контору Джейкобса в одном из старинных зданий. Он поднялся по деревянным ступенькам и очень удивился, увидев за столом в приемной знакомое лицо. Ник нахмурился, припоминая имя молодого человека.

– Джейк... Якоб Смит... вы здесь работаете?

Молодой человек расплылся в улыбке.

– Капитан Хаттон, сэр, я Якоб, это верно, но Смит – имя вымышленное. Помните, я рассказывал вам, что отец прочил мне карьеру служащего, поэтому я и сбежал в армию?

– Помню. Только не говорите мне, что Тобиас Джейкобс ваш отец! – воскликнул Ник.

– Так и есть, сэр. Узнав, почему фунт лиха, я был чертовски рад вернуться домой и стать клерком. Сейчас позову отца.

Через минуту Тобиас Джейкобс вышел из внутренних покоев.

– Вы и есть капитан Хаттон? Тот самый, который вынул пулю из руки моего сына и взял его под свое покровительство? Но вы же получили в наследство огромное поместье! Зачем вам понадобилось идти на войну?

– Я второй близнец, мистер Джейкобс. Я Николас, лишенный наследства. – Ник

протянул поверенному бумагу, согласно которой Кит – не без его давления – передавал ему права на ведение дел.

– Ну, тогда все понятно. Не думаю, что смогу быть вам полезен, капитан Хаттон. Ваш отец, конечно же, поступил несправедливо, но действовал он согласно букве закона, к его решению не придерешься.

– Я здесь не для того, чтобы оспаривать завещание, мистер Джейкобс. Я подозреваю, что финансовый советник моего отца скрывает истинное положение вещей в отношении унаследованных моим братом инвестиций. Вы, случайно, не составляли список акций лорда Хаттона? Это моя единственная надежда.

– Вполне возможно. Давайте поднимем дело вашего батюшки.

Через десять минут Джейкобс снабдил Николаса необходимой информацией. Ник сравнил список Джейкобса с отчетом Итона. Так и есть! Итон сфальсифицировал отчет.

– Мне нужна эта бумага, – заявил Ник.

– Сын сделает вам копию, а я заверю ее. Если затеете судебный процесс, имейте нас в виду, капитан.

– Надеюсь, до этого дело не дойдет, Джейкобс. Суды нынче дороги. Но я искренне благодарен вам за помощь.

– О нет, капитан, это мы должны вас благодарить.

Ник вышел, перескакивая через ступеньки. Гнев пожирал его изнутри, готовый вырваться наружу яростным пламенем, сжигающим все на своем пути. Он давно знал, что Итон – человек жадный, а теперь удостоверился в его нечистоплотности. Он не сможет спокойно спать, пока не встретится с этим ублюдком! На Стрэнде Ник взял кеб до Джермин-стрит. Под номером десять числился кирпичный особняк. Выходит, Итон держит контору на дому. Он дважды постучал, прежде чем дверь открыл невзрачный человек в очках.

– Да, сэр.

Ник заметил на его пальцах пятнышки от чернил и пришел к выводу, что это помощник Итона.

– У меня дело к Джону Итону.

– Простите, сэр, но вы опоздали. Мистер Итон закрыл столичную контору на лето, он переезжает в Итон-плейс, что в Слоу.

Николас сдержал приступ ярости, надев на лицо бесстрастную маску.

– Итон наверняка согласится принять меня, если вы будете так любезны объявить ему о моем приходе.

– Это невозможно, сэр. У мистера Итона встреча, он ушел. Прошу прощения, сэр, кажется, дождь собирается, я должен перенести папки в экипаж до того, как ливень начнется.

Дверь захлопнулась перед носом Николаса. Он выругался, пальцы горели огнем от желания покопаться в бумагах Итона. «Будь у меня оружие, я бы избавил тебя от твоих чертовых папок!» Он вдруг сообразил, что на Керзон-стрит у него есть пистолет. И маска тоже. Ник перешел на противоположную сторону улицы и внимательно осмотрел дом. У черного хода действительно стоял экипаж, но не запряженный лошадьми. Если Итон отправился на какое-то мероприятие, в Слоу он скорее всего отправится не раньше, чем завтра утром. Интуиция подсказывала ему, что покопаться в бумагах Итона после полуночи не составит особого труда.

На его разгоряченное лицо упала холодная капля дождя. Сейчас всего три пополудни. Оставшиеся десять часов надо провести с пользой, не мокнуть же здесь под дождем!

Чарли Шампань наблюдала за игрой в безик на четверых – развлечение, ставшее последнее время очень модным. Завидев высокого темного мужчину, она бросила пустое занятие и с ослепительной улыбкой пошла поприветствовать его.

– Поскольку Руперт за тобой не тащится, ты – Ник.

– Привет, Чарли. Я пришел воспользоваться твоими мозгами.

– А я думала, побриться заглянул! – с сарказмом протянула она.

– Прости! – бросил он. – Я не в настроении. Мне нужны деньги, и чем больше, тем лучше. Не знаешь местечка, где играют по-крупному?

– Ну, точно не здесь, мои клиенты на безике помешались. Вообще-то играть сегодня будут в клубе «У Молли», но это не в твоём стиле. Лучше подожди до субботы. Накачанный бренди принц Уэльский, его слоноподобный брат Фредерик и их транжира-кузен герцог Глостер соберутся в «Лисьей норе», чтобы просадить свои тысячи коварным герцогам Ратленду и Бедфорду.

– «Лисьья нора»?

– Игорный притон Чарлза Джеймса Фокса неподалеку от Карлтон-Хауса. Отсюда до него рукой подать.

– Я думал, его закрыли после смерти Фокса.

– Официально да. Всякий раз перед игрой Принни поднимает бокал за Фокса. Иногда они просят меня прислать пару девчонок, и те неизменно возвращаются, задыхаясь от смеха. Вот где действительно можно попытать судьбу.

– Ты просто чудо, Чарли! – Ник поднес ее руку к губам.

Клуб «У Молли» – место, где гомосексуалисты и переодетые женщинами мужчины ужинают в отдельных номерах, заказывая устриц и другие деликатесы. Но прежде чем подняться наверх и развлечься, они предаются азартным играм в роскошных залах. Клуб находится на Пиккадилли, прямо за углом дома Итона. Вот куда он пойдет играть в карты!

Дома Ник поел, полистал «Политикал реджистер» и пошел одеваться.

Одежду он подбирал с особой тщательностью – черный вечерний костюм, черный шейный платок, черные сапоги для верховой езды. Только рубашка была белой, но ее он снимет, прежде чем совершить налет на коляску Итона. Черная кожаная маска отправилась в карман сюртука, не забыл он и про черную накидку с черной треуголкой. Они защитят его не только от дождя, но и от любопытных глаз. Список, который ему дал Джейкобс, Ник убрал в бумажник и решил не расставаться с документом.

Ник зарядил армейские пистолеты, оседлал свою любимую кобылу и положил оружие в седельную кобуру. Доехав до Пэлл-Мэлл, он оставил лошадь в каретном доме позади заведения Чарли, к Пиккадилли пошел пешком.

Вход в клуб «У Молли» охранял устрашающего вида портье. Вместо пропуска Ник протянул ему пять гиней. Народу собралось много в связи с высокими ставками, к гардеробу было не протолкнуться. Ник просто снял шляпу, сложил плащ и перекинул его через руку. Он переходил от столика к столику, стараясь держаться в тени и обращая внимание на игру, а не на раскрашенных кукол в кричащих нарядах. Больше всего денег обещала принести рулетка. Николас глазам своим не поверил – на кону стояло тысяч двадцать или тридцать! Ноздри его затрепетали, и он уже собрался было шагнуть к колесу фортуны, когда заметил нечто такое, что буквально пригвоздило его к полу. Обретя способность двигаться, он быстро попятился назад.

– Джоан, дорогая, ты наверняка сорвешь банк!

– О, Джоан, давай я поглажу тебя на удачу!

– Можешь погладить меня просто так! – игриво повела глазами женщина по имени Джоан.

Ник не мог оторвать взгляда от «девицы» в ярко-красном платье и парике цвета воронова крыла. «Это невозможно, воображение сыграло со мной злую шутку!» – уверял он себя, но чем дольше всматривался в лицо дамы, тем больше убеждался в своей правоте. Агатовые глаза и длинный нос явно принадлежали одному из его знакомых. Полной уверенности у Николаса не было, но, похоже, Джоан вовсе не Джоан, а Джон... Джон Итон!

– Делаем ставки, леди! – объявил крупье.

Когда колесо остановилось, толпа взорвалась радостными криками. Восторженные посетители оттеснили Николаса, чуть не сбив с ног и загородив собой удачливую даму в красном.

Николас понял, что пора уходить. Если он прав, эта информация куда дороже любого

возможного выигрыша. Закутавшись в накидку и надев треуголку, Николас шагнул в ночь. Гроза уходила на запад, унося с собой дождь. Он пересек дорогу и спрятался в тени тихого здания, приготовившись к долгому ожиданию. Выбора у Николаса не было, нужно получить доказательства того, что дама в красном и есть Джон Итон.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и часа, как Джоан вышла из клуба в сопровождении дородного портье. В черной кожаной сумке скорее всего лежал ее выигрыш, и эскорт наверняка вооружен. Ник затаил дыхание. Вдруг сейчас прибудет карета и умчит их прочь! Но парочка быстро свернула за угол и направилась в сторону Джермин-стрит. Ник воспрянул духом. Он досчитал до двухсот и лишь после этого последовал за ними, держась на безопасном расстоянии. Когда Джоан вошла в городской особняк под номером 10, Николас поверил в свою счастливую звезду.

Наверху зажегся свет. Ник чуть не согнулся пополам от хохота, представив, как Итон снимает корсет с кружевными панталонами, но одернул себя – сейчас не время для веселья. У него в запасе примерно час, раньше обитатели дома Итона вряд ли погрузятся в глубокий сон. Ник пошел за лошадей, надеясь на то, что документы Итона уместятся в седельных сумках.

Дом Итона встретил его тишиной и молчанием. В окнах ни огонька. Ник соскользнул с Атласа – черная тень в темноте. Белая рубашка лежала в сумке, лицо закрывала кожаная маска. Он привязал лошадь к дереву и осторожно прокрался к задней двери.

Иуда Искариот! Чертова карета исчезла! Он привалился к стене, пытаясь понять, что же произошло. Выходит, Итон поднялся наверх, переоделся и тут же поехал в Слоу. Ник отвязал кобылу и погладил ее по холке.

– Идем, красавица моя, нам предстоит нелегкая работенка.

Ник прыгнул в седло, снял маску, чтобы не мешала обзору, и поскакал по Пиккадилли в надежде нагнать Итона. Из-за ненастья всадников было мало, но поток экипажей иссяк лишь в районе Кенсингтона. Только в Чисвике он заметил гроыхающий экипаж, который искал.

– Значит, так. Если эта колымага свернет на Грейт-Уэст-роуд, наш драгоценный советник будет у нас в руках.

Свернула молния, выхватив экипаж из пелены дождя, и губы Ника изогнулись в ухмылке. Кучер свернул на тракт!

– Теперь главное – добраться до Хаунслоу, опередив их, красавица моя!

Николас точно знал, в каком месте карета съедет с большака. Другого пути к Слоу нет. Николас пришпорил лошадь и не снижал темпа, пока не очутился на перекрестке у Шутерс-Хилл. Густой лес по обеим сторонам проселочной дороги являлся идеальным укрытием.

Николас привязал Атласа к дереву и завалил дорогу дубовыми ветками там, где начинался резкий подъем. Тяжелому экипажу такое препятствие, конечно, не помеха, но лошади испугаются, наткнувшись на неожиданное препятствие. Он снова сел в седло, надел маску, вытащил пистолеты и проверил наличие сухого пороха.

Стук копыт Николас услышал задолго до того, как в темноте появились бледные пятнышки фонарей. В такую погоду проку от них кучеру маловато, а вот человеку, молча наблюдавшему за экипажем из-под развесистого дуба, они ох как пригодились. Николас терпеливо ждал, сердце его билось ровно. Страх он не испытывал. Вор не он, а Итон. Он просто намерен восстановить справедливость. Экипаж прошел самое топкое место под названием Собачья Яма, сбавил скорость и начал подъем. В этот момент лошади заржали от страха и попятнулись. Кучер выругался, спрыгнул с облучка и взял ведущего под уздцы.

Дверца кареты распахнулась.

– Какого черта ты делаешь? Почему остановились? – послышался раздраженный голос Итона.

– Не волнуйтесь, сэр. Ничего страшного. После бури дорогу завалило ветками, только и всего.

– Ну так расчисти ее, идиот!

Всадник в маске ухмыльнулся, заметив, что кучер оставил мушкет на облучке. Ник поднял пистолеты и направил лошадь к открытой дверце кареты.

– Встать! – Глубокий грозный голос не терпел возражений. Джон Итон с тоской заглянул в двенадцатидюймовые дула пистолетов и повиновался. Кучер резко выпрямился, судорожно сжимая в руках ветку. Разбойник с большой дороги сделал знак пистолетом, пальцы кучера разжались, ветка выпала, а сам он присоединился к хозяину.

– Давай барахло! – Ник навел на них оружие.

Итон вытащил из кареты огромный саквояж и бросил на дорогу. Но выигрыш-то лежал в кожаной сумке!

– Все барахло! – Ник прицелился Итону в голову.

Итон неохотно достал из-под сиденья сумку с деньгами.

– Тебе не уйти с этим!

– Ты угрожаешь мне?

Итон швырнул сумку на дорогу рядом с саквояжем.

– Ты! – обратился Николас к кучеру. – Я сказал – все барахло!

Когда мужчина полез в карету за металлической коробкой с папками, Итон запротестовал:

– Нет, остальное – мои личные бумаги. От них вам никакого проку.

– Выгружай или умрешь!

Кучер аккуратно спихнул коробку на землю, не отрывая взгляда от пистолетов. Итон замолк.

– А теперь пошли вон! – приказал разбойник.

Не успели злополучные путешественники пройти двадцати пяти ярдов, как Николас уже перекладывал бумаги и документы в свои седельные мешки. Кожаную сумку он приторочил к луке седла, саквояж и пустой короб спрятал за дубом. Ник сел в седло, пальнул из пистолета и скрылся под покровом ночи.

Глава 26

Ник находился менее чем в двух милях от Хаттон-Холла. К несчастью, Джон Итон тоже. Ник понимал – как только Итон с кучером вернутся к экипажу, они направятся напрямик в Хаттон. Николас черной молнией летел навстречу ветру и остановился только у конюшен. Он завел кобылу в стойло, накрыл ее попоной, зажег фонарь и сдвинул в сторону копну сена, скрывающую люк в деревянном полу. Через несколько минут всадник с лошастью исчезли в туннеле.

Добравшись до другого конца, выходящего к подвалам Хаттон-Холла, Ник избавил Атласа от седельных мешков и кожаной сумки Итона, снял с нее седло вместе с пистолетами, вытер лошадь когда-то белой рубашкой, снова укрыв ее теплой попоной и почесал животное за ушами:

– Без тебя я бы не справился, красавица моя.

Позабывшись о лошади, Николас снял с себя мокрую одежду, устроился на полу, прислонившись спиной к стене, поставил рядом фонарь, вытряхнул содержимое сумок и начал просматривать папки Итона.

Через час Джон Итон уже стучал в дверь Хаттон-Холла. Мистер Берк наспех оделся и пошел открывать.

– Чем могу помочь, мистер Итон? – озадаченно уставился он на полуночного гостя.

– Поможете, если перестанете загораживать мне путь. – Он оттолкнул Берка и ворвался в дом. – Я срочно требую Хаттона!

– Лорд Хаттон нездоров, сэр. Он рано лег.

– Ему станет еще хуже, когда он увидит, что я последовал за ним в его логово! Час

тому назад на мой экипаж напал разбойник и ограбил меня меньше чем в двух милях отсюда! Хаттона сюда, быстро!

– Как скажете, сэр, но, уверяю вас, лорд Хаттон весь вечер провел дома. – Многострадальный мистер Берк поспешил сообщить Кристоферу о взбешенном посетителе.

Кит Хаттон в наброшенном на пижаму халате спустился за мистером Берком в холл.

– Что за бред вы тут несете про ограбление? Последнего разбойника на пустоши лет десять назад видели!

Вид заспанного Кристофера Хаттона с синяком во всю скулу и раскальвающейся от похмелья головой отрезвил Итона.

– Говорю же вам – мой экипаж остановили и ограбили! Мы сразу же поехали на постоянный двор в Хаунслоу и попросили вызвать власти, но они отказались предпринимать какие-либо действия до утра.

– «Петух и бык»? – усмехнулся Кит. – Да это настоящее криминальное логово! Вполне вероятно, петушьи бои отменили из-за плохой погоды, и вы стали жертвой какого-нибудь разочарованного игрока, которому срочно потребовались деньги.

– Прикажите груму расседлать моих лошадей. Мы с кучером останемся здесь на ночь, а утром вызовем полицию.

– Нет у меня никаких чертовых грумов, благодаря вашим усилиям, Итон! Вы еще имеете наглость являться сюда среди ночи и распоряжаться как у себя дома!

– Скоро это будет мой дом, Хаттон. Надеюсь, твой пропитой мозг не упустил из виду тот факт, что у меня два твоих займа под Хаттон-Холл и выплатить их надо до конца месяца?

– В таком случае предлагаю вам продолжить ваше злосчастное путешествие в Слоу и воротиться в конце месяца, – с вежливым сарказмом проговорил Кит. – Покажите ему дверь, мистер Берк.

Итон снова сорвал злость на кучере:

– Этот чертов разбойник уже лежал бы на пустоши, если бы ты добросовестно исполнял работу, за которую я тебе плачу! Прежде чем уехать, я намерен заглянуть на конюшню Хаттонов. Потная лошадь – все, что мне нужно. Этого доказательства вполне достаточно, чтобы вернуться сюда завтра с властями и предъявить официальное обвинение!

Кучер слез с облучка, сжимая в руке бесполезный мушкет, и поплелся за Итоном через двор. Они порыскали по углам в поисках фонаря и потратили много времени на то, чтобы его зажечь. Озарившее конюшню желтое сияние высветило всего трех лошадей. Разбойник находился в первом стойле, и Итон приказал кучеру осмотреть норовистого жеребца.

– Сухой, как песок в пустыне, сэр. Весь день на улицу носа не казал. – Кучер проверил пару гнедых и фазтон. – Эти тоже, как и упряжь. Они бы до самого крупа грязью забрызгались, если бы побывали на Хаунслоу-Хит в такую ночь.

– Ну ладно, больше нам тут делать нечего. Владелец постоянного двора наверняка покрывает вора. Я затребую имена всех посетителей, побывавших там сегодня. Вези меня домой, да кнута не жалеи!

– Домчу, глазом моргнуть не успеете, сэр. Слоу всего в лиге отсюда по Бат-роуд.

Мистер Берк выждал время, спустился в погреб и отпер дверь в подземный туннель.

– Подумал, что это должны быть вы, сэр, – спокойно заявил он.

Николас оторвался от бумаг и удивленно уставился на мажордома:

– Но откуда вы узнали, что я здесь?

Тот показал большим пальцем на потолок:

– Моя комната прямо над этим местом, а вы единственный, кто осмеливается спуститься в туннель. – Хотя было понятно, что Николас Хаттон и есть разбойник с большой дороги, мистер Берк позволил себе лишь одно замечание. Он со вздохом поднял грязную рубашку и сказал: – Вряд ли ее можно будет отстирать, сэр.

– Помогите мне, мистер Берк, – улынулся Ник. – Нужно перенести вещи в спальню.

– Надеюсь, вы не потащите лошадь по лестнице?

Улыбка Николаса стала еще шире.

– Обещаю до рассвета доставить ее в Грейндж и накормить. Сегодня она заслужила свой овес, мистер Берк. К вам, случайно, неприятные визитеры не забредали?

– Забредали, сэр. Джон Итон чуть дверь не раздолбил, нес какую-то чушь о разбойниках с большой дороги, но когда ваш брат выбрался из кровати – в гроб краше кладут, – его подозрения растаяли, словно снег летом. Лорд Хаттон отказал ему в гостеприимстве, пришлось Итону с лакеем отбыть в Слоу.

– Бедный Кит, дела его все хуже день ото дня! Я собираюсь помириться с ним, но не сейчас, мистер Берк. Пусть поспит.

Добравшись до своей спальни, Ник битых два часа копался в бумагах, и усилия его были вознаграждены – он нашел не только правоустанавливающие документы на Хаттон-Холл, но и доверенность Кита Итону на ведение всех его дел. Николас убрал документы в ящик стола и запер его. Достал бумажник из внутреннего кармана сюртука, разделся, развел огонь в камине, принял теплую ванну и лишь после этого раскрыл кожаную сумку и сосчитал выигрыш Джоан.

– Вот это да, более сорока тысяч фунтов! – присвистнул он. Ничего удивительного, что Итон взбесился. Ник положил деньги в тот же ящик. Как только появится возможность, он отвезет их в банк.

До рассвета оставалось чуть больше часа, но Нику еще предстояло вернуть бумаги Итона в металлическую коробку и бросить рядом пустую кожаную сумку из клуба «У Молли».

Ник посмотрел в зеркало – не пора ли побриться? – и увидел, как в его серых глазах пляшут задорные искорки.

– Что ж, Хазард Хаттон, веселая у вас была ночка! – Он потер пальцами покрытую черной щетиной щеку и усмехнулся: – А сколько еще веселья впереди!

Александра открыла глаза с первыми солнечными лучами, проникшими в ее спальню. Вчера из-за дождя она весь день просидела дома, и теперь девушке не терпелось оседлать Зефира и прокатиться верхом. Но вместо того, чтобы встать, она полежала еще немного, припоминая свой сон. Ей пригрезились близнецы, и во сне она не могла отличить их друг от друга. Когда оба брата предстали перед ней, она смутилась. Находясь с Кристофером, она приняла его за Николаса.

«Когда ты с Кристофером, ты хочешь, чтобы на его месте был Николас», – подсказал ей внутренний голос. «Но это ложь! В ту ночь на озере Кит был таким романтичным, Николасу до него далеко. Он тронул меня за душу, подарив кольцо матери, и когда сказал, что хочет видеть меня леди Хаттон, я знала – он действительно жаждет этого. Он поведал о горячей любви к Хаттон-Холлу и украл мое сердце. Я почувствовала себя с ним единым целым, чего со мной никогда не бывало. А когда он поцеловал меня, мне хотелось, чтобы он не останавливался!»

Алекс выскользнула из-под одеяла, взяла записку, которую Кристофер прислал ей накануне, и перечитала. На губах заиграла улыбка.

Моя драгоценная Александра!

Сегодня утром, поглощенный мыслями о вас, я, выходя из спальни, натолкнулся на дверь. Поскольку мне не хочется показываться перед вами с подбитым глазом, следующие несколько дней я воздержусь от посещения. Как только обрету презентабельный вид, надеюсь, вы сходите со мной в церковь, дабы назначить дату свадьбы.

С любовью, Кристофер.

Алекс решила сама навестить Кристофера, раз тот не может приехать к ней. Проведает суженого и заодно назначит дату оглашения в церкви Хаттон их брака. Теперь, когда они с Кристофером официально объявили о помолвке, тянуть с бракосочетанием нет смысла. Она

посмотрела на кольцо и улыбнулась. Оно напоминало ей о той волшебной ночи и объявляло всему миру – теперь она принадлежит Кристоферу!

Нежась в ванне, Александра приняла важное решение. В субботу, после представления в заведении Чарли Шампань, она скажет Шарлотте Кинг, что больше не придет. Из груди вырвался вздох облегчения. Она не жалела о содеянном, другого способа заработать денег и помочь Дотти с матерью не было, но мысль о том, что скоро все кончится, принесла радость и облегчение.

Алекс надела светло-серую юбку для верховой езды и желтый жакет, проглотила завтрак и поспешила в конюшню. Ее удивлению не было предела, когда она застала там Дотти и Руперта с двумя незнакомцами.

– Чушь! В Лонгфорд-Мэноре одни дамы! Неужели вы действительно подозреваете одну из нас в разбое на пустоши? Нет, я категорически против того, чтобы вы обыскивали дом и конюшню! – безапелляционно заявила бабушка, испепелив мужчин взглядом.

– Он вас ни в чем не подозревает, Дотти, – заверил ее Руперт. – Офицер Торп просто хочет убедиться, что грабитель не спрятался на конюшне без нашего ведома. Они уже осмотрели конюшни Хардингов, и я приехал сюда с ними, дабы вы не волновались понапрасну.

Дотти поднесла к глазам лорнет и пристально всмотрелась в незваных гостей.

– А вы, по всей видимости, кучер Джона Итона? Мои соболезнования! – Она повернулась к Торпу: – Вы представляете власти графства Мидлсекс? – Как только Торп кивнул, она продолжила: – А это – графство Бакс, и у вас тут нет никаких полномочий!

– Леди Лонгфорд, вы предпочитаете видеть в своем поместье полицейских из Лондона? Они перевернут здесь все вверх ногами, ни дюйма не пропустят.

– Столичная полиция не станет терять время, гоняясь по полям за мифическими разбойниками. А вам я рекомендую заглянуть в клуб «Петух и бык», что в Хаунслоу. Наверняка окажется, что это была пьяная шутка!

Руперт наконец-то сообразил – Дотти хочет, чтобы он увел отсюда нежелательных посетителей.

– Джентльмены, я знаю владельца гостиницы. Почему бы нам не поехать туда и не докопаться до сути дела?

Не успели мужчины и на пару шагов отойти, как Дотти сказала Алекс:

– Избавьте меня от деревенских ослов из Слоу!

Алекс рассмеялась:

– Я еду в Хаттон навестить Кита. Если вдруг обнаружу разбойника в стойле Зефира, обещаю проткнуть его вилами!

– Нет, милая, пришли его в дом. Я не прочь встретиться с опасным ночным всадником.

По пути в Хаттон Александра припомнила бал-маскарад и Николаса в костюме разбойника. Картинка была настолько яркой, что у девушки перехватило дыхание.

«В ту ночь я любила его до безумия. Это просто чудо какое-то, что мне удалось избавиться от наваждения».

Проезжая по сочному лугу Хаттон-Грейнджа, она увидела мужчину с черной лошадью. Сердце ее лихорадочно забилось в груди. «Это не может быть Ник! Это просто игра воображения! Я думала о нем, вот он мне и привиделся». Однако это не мог быть и Кит, он никогда не работал с лошадьми. Она подъехала поближе и поняла, что зрение не обмануло ее. Девушка пошатнулась в седле, земля качнулась ей навстречу.

– Алекс! – Сильные руки Николаса подхватили ее на лету и держали, пока она не открыла глаза. – С тобой все хорошо?

– Да, – еле слышно выдохнула она. «Господи, нет, со мной не все хорошо!» – Просто я не ожидала увидеть тебя. – «А очень хотела!» – Кит говорил, что ты благополучно вернулся из Франции. – «Я видела тебя собственными глазами у Чарли Шампань! Боже мой, я думала, что преодолела свою страсть, но поняла, что это выше моих сил».

Ник осторожно опустил Алекс на землю, проклиная себя за то, что стал причиной ее

обморока.

– Ты можешь стоять, Александра?

– Конечно. – Она заметила, что он смывает грязь с ног кобылы. «Боже мой, Николас, неужели ты и есть тот самый разбойник?» Она знала, что он нуждается в деньгах. Отец не оставил ему ни пенни, в армии платили сушие гроши. К тому же он человек безрассудный, ему ничего не стоит рискнуть головой. В груди у нее все перевернулось. Если с ним что-нибудь случится, она умрет.

– Я... я еду навестить Кристофера.

– Разве ты не получила его записки? – нахмурился Ник.

– Получила... он налетел на дверь... я просто хотела убедиться, что с ним все в порядке. – Она помолчала в нерешительности. – Мы помолвлены.

– Знаю. – Он взял ее за руку и посмотрел на кольцо. – Алекс, я больше всего на свете хочу, чтобы ты стала леди Хаттон.

– Спасибо. – Она опустила глаза, опасаясь, как бы он не прочел в них боль. – Мне пора. – Ее ресницы взлетели вверх, стоило ему шагнуть к ней. – Нет-нет, не надо подсаживать меня. Я пройду. – Она чувствовала себя настолько хрупкой, что боялась рассыпаться от его прикосновения на тысячу осколков.

Александра медленно побрела в сторону Хаттон-Холла. В голове царил полный хаос, сердце вывернулось наизнанку, навещать Кристофера расхотелось. Ее так и подмывало сесть на Зефира и умчаться прочь, но она взяла себя в руки. Нельзя же, в самом деле, быть такой трусихой! У нее обязательства перед Кристофером и перед семьей, она должна сдержать слово. Алекс привязала лошадь и постучала в резную дверь.

– Доброе утро, госпожа Александра. Лорд Хаттон в столовой, завтракает. Я принесу вам чашку шоколада.

Радужный прием мистера Берка успокоил ее, а при виде синяка на лице Кита нежелание встречаться с ним испарилось без следа.

– Ты сказал, что не сможешь выезжать из дому несколько дней, но мне хотелось убедиться, что с тобой все в порядке. Очень больно?

– Только когда дышу, – пошутил Кит.

Мистер Берк принес Алекс шоколад. Она отпила глоток и обратилась к Киту:

– В записке ты упоминал, что нам нужно сходить в церковь и назначить дату церемонии. Насколько мне известно, имена вступающих в брак оглашают в церкви три воскресенья подряд, так что свадьба может состояться через месяц.

– Нет, я бы хотел раньше! – отрезал Кит. – Я возьму лицензию, обойдемся без оглашений. Две недели вполне достаточный срок.

Алекс пришла в замешательство. Он сегодня совершенно другой. Но Кристофер всегда был таким, может надуться ни с того ни с сего, а отказов вообще не терпит. И Алекс не стала с ним спорить.

– Бери лицензию. Ты прав, две-три недели – вполне достаточный срок.

По крайней мере у них не будет времени на подготовку дорогостоящего приема и не придется приглашать на свадьбу половину графства.

– Кит, почему бы нам не прокатиться по солнышку? – предложила она. – Это пойдет тебе на пользу.

– У меня голова раскалывается, Алекс. Схожу к озеру, порисую немного. Хочу побыть один. Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Конечно, понимаю! Живопись неизменно доставляет мне удовольствие и настраивает на умиротворенный лад. Тебе и впрямь надо побыть одному. Увидимся через несколько дней, когда тебе станет лучше.

Алекс скакала вдоль берега реки, размышляя над замкнутостью и нездоровым видом Кита. В то же время он торопил ее со свадьбой. Алекс вздохнула. Не стоило нарушать его покой. Он же ясно дал понять в записке, что не хочет показываться ей на глаза с синяком. Ну почему она не прислушалась к его пожеланию?! Если бы она не поехала сегодня в Хаттон, не

осознала бы, что все еще безумно и безнадежно любит Николаса.

Ник Хаттон не спешил в гости к Джону Итону. Отложил визит в Слоу на вторую половину дня. Итон наверняка с первыми лучами солнца сообщил властям о налете на Хаунслоу-Хит, и те, в свою очередь, выслали офицера. Полиция обнаружит вещи и документы Итона в Собачьей Яме и вернет их владельцу. Николас предпочел увидеться с ним уже после этого.

Пряча улыбку, Ник кивнул кучеру, мывшему экипаж во дворе Итон-плейс, которого он до смерти напугал нынче ночью. Ник передал своего серого годовалого жеребчика груму и направился в дом.

– Простите, сэр, мистер Итон сейчас занят, – сообщил дворецкий.

– Я подожду. – Ник решительно прошел внутрь и устроился в шикарном холле. Судя по доносившимся из конторы Итона голосам, он правильно выбрал время.

– Я пришел к выводу, что ваша злополучная встреча не что иное, как пьяная выходка, мистер Итон. Молодые люди, собравшиеся в Хаунслоу на петушиные бои, решили поразвлечься немного, только и всего. Такие безобразия хоть нечасто, но случаются.

– Другими словами, Торп, вы никого не подозреваете?

– У вас нет свидетелей, сэр, багаж обнаружен там, где остановили карету, следовательно, это пьяная шутка, только и всего.

– Может, вы и нашли мой саквояж с бумагами, Торп, но в кожаной сумке было полно денег! Их украли – украли нагло, – а вы не желаете расследовать дело!

– У вас имеются доказательства того, сколько денег находилось в сумке, сэр?

– Доказательства? Вы что, не понимаете? Я же финансовый советник многих важных персон, в том числе и герцога Девоншира! Мое слово – вот мое доказательство!

– Я не подвергаю сомнению правдивость ваших слов, сэр. И тем не менее факт остается фактом – сумка провалялась на пустоши всю ночь, любой прохожий мог запросто обчистить ее.

– Ваша некомпетентность возмутительна! Я непременно сообщу об этом вашему начальству, Торп. И не местному, а столичному!

– У меня есть все основания полагать, что столичные власти не станут гоняться по полям за мифическими разбойниками с Хаунслоу-Хит. Вас поднимут на смех, а кое-кто начнет сомневаться – стоит ли вам вообще доверять свои сбережения. Доброго вам дня, сэр.

Офицер ушел, и Николаса проводили в контору. Итон кипел от злости, и это ставило финансового советника в невыгодное положение.

– Добрый день. Я здесь от имени своего близнеца, лорда Хаттона. – Ник говорил властным тоном, который приобрел в бытность капитаном Хаттоном, когда в его подчинении находилось более тысячи человек. Он достал из кармана дорогого синего сюртука послание Итона Киту и положил на стол. – Что все это значит?

Итон схватил письмо и пробежал глазами.

– А то и значит! – взорвался он. – Кристофер не может выплатить заем, который я ему дал! Поскольку у меня имеются в залоге документы на Хаттон-Холл, поместье переходит ко мне.

– Полагаю, вы шутите! – Губы Ника изогнулись в ухмылке. – Мой близнец слишком умен, чтобы закладывать земли предков.

– Умен? – пренебрежительно фыркнул Итон. – Не падайте в обморок, но, к вашему сведению, вместе с поместьем он спустил все свое состояние. У меня есть его доверенность и все необходимые документы.

– Не падайте в обморок, но, к вашему сведению, у вас их нет. Мой брат никогда бы не выпустил из рук документы на Хаттон.

Итон бросил взгляд на металлическую коробку, стоявшую на полу, там, где ее оставил Торп, и уверенность внезапно покинула его. Кровь отхлынула от лица, в душу прокрались сомнения.

Николас Хаттон достал из кармана еще один листок:

– Вот настоящий список инвестиций моего отца, заверенный Тобиасом Джейкобсом, его адвокатом. Лорд Хаттон желает забрать их у вас.

Итон сделался пунцовым и открыл было рот, но Ник жестом остановил его:

– Прежде чем выслушать ваши возражения, я хочу объяснить вам причины, Джоан, дорогая. Лорд Хаттон не желает иметь дело с психически нездоровым финансовым советником, который является завсегдатаем такого нелицеприятного заведения, как клуб «У Молли». Очень сомневаюсь, что наш друг Харт Кавендиш оставит у вас свои дела, как только узнает, что на самом деле означает ваше прозвище – Штопор.

Итон посерел, на лбу выступила испарина. Стоит взять мужика за яйца, его сердце и голова тоже ваши.

– Я человек разумный, Итон, моему долготерпению святой позавидует. Я посижу здесь тихонько, пока вы будете искать акции и облигации моего брата. Взамен я откажу себе в удовольствии поведать о вашем скандальном секрете всем лондонским газетам.

Глава 27

Ник торжествовал победу. Никогда еще поместье, его изумрудные пастбища и безмятежное озеро не казались ему такими красивыми и не значили больше. Он едва не потерял все это и твердо верил, что риск стоил того.

Нику не терпелось поделиться хорошими новостями с братом и успокоить его. Джон Итон не сумеет наложить на Хаттон-Холл свои грязные лапы. Им предстоял серьезный разговор по поводу инвестиций и выбора нового финансового советника, который сможет строго контролировать все расходы Кита, но это подождет. Сегодня Нику хотелось отпраздновать удачу.

– Кит, ты дома? – крикнул Ник, распахнув дверь.

– Он на улице, весь день рисует. Вернется только с наступлением сумерек, – доложил мистер Берк.

– У меня чудесные новости, мистер Берк. Мы можем больше не волноваться по поводу Джона Итона, вряд ли он в скором времени почтит Хаттон-Холл своим визитом.

– А я и не волновался, сэр. Знал, что Итон не чета человеку, победившему Наполеона.

Ник расхохотался:

– Веллингтон немного помог мне, мистер Берк.

Он побежал наверх, вытащил из седельных сумок акции и облигации, уже в который раз восхитившись пронизательностью отца. Отец совершил только одну ошибку – доверился кузену. Дорогостоящие ценные бумаги и некомпетентность Кита стали непреодолимым искушением для ослепленного жадностью Итона.

Николас положил бумаги в ящик, где уже лежали сорок тысяч фунтов, и, прежде чем запереть его, еще раз взял в руки документы на Хаттон-Холл и доверенность Кита. Губы его изогнулись в улыбке. Николас представил, как удивится Кит, когда он вернет их ему! Николас убрал синий сюртук в шкаф, снял накрахмаленный шейный платок и расстегнул вышитый жилет. Услышав шаги брата, он поспешил вниз, прихватив с собой драгоценные документы.

– У меня для тебя сюрприз. Давай зайдем на минутку в библиотеку.

Кит поставил полотна и устало побрел за Ником.

– Я не забыл, каким сюрпризом ты угостил меня в прошлый раз!

– Прости, – рассмеялся Ник. – Мне очень жаль, что я ударил тебя, я никогда в жизни так не злился. – Он всмотрелся в лицо Кита и с облегчением отметил, что синяк почти не виден. – Кристофер, если бы у тебя появилась возможность исполнить одно желание, что бы ты загадал?

Кит задумался.

– Хочешь правду?

– Как всегда. – Ник уже пожалел о том, что задал этот вопрос.

– Мне хотелось бы уехать в Италию и изучать там живопись. Тебе известно, что Флоренция – мировой центр художественного искусства?

– В Италию? А как же Хаттон-Холл?

– Хаттон у меня камнем на шее висит! – в сердцах воскликнул Кит.

– У Джона Итона больше нет документов на Хаттон-Холл, они у нас! Кит изумленно уставился на бумаги с красными печатями.

– Как тебе удалось вырвать их из рук продажной свиньи?

– Ограбил его экипаж на пустоши.

– Так ты и есть тот самый разбойник? – не поверил своим ушам Кит.

– Я не только эти бумаги добыл. – Он с улыбкой протянул Киту доверенность на ведение финансовых дел. – Думаю, ты с удовольствием ее сожжешь.

Кит запрыгал от радости.

– Боже, Ник, ты чудо! Стоило тебе уйти в армию, как я попал в переделку. Когда мы вместе, нас никому не победить! – Он зажег свечу, поднес к ней доверенность и бросил горящий листок в пустой камин.

– Я отвезу документы на Хаттон-Холл в Лондон и положу в банковский сейф, где до них никому не добраться.

– Ну ты и наглец, Ник! Забыл, что это я лорд Хаттон и документы принадлежат мне?

– Готов сразиться со мной, Кит? – Ник сунул бумаги за пазуху. – Уверяю вас, милорд, это единственный способ забрать их у меня.

Их взгляды встретились. В библиотеке повисла гнетущая тишина.

– Я просто пошутил! – не выдержал Кит. – Черт, ты даже не представляешь себе, какое это облегчение. Надо поехать с Рупертом на скачки в Эпсом, отпраздновать победу!

Ник решил, что сейчас не время сообщать брату о ценных бумагах. Нужно срочно увезти все содержимое ящика в Лондон.

– Я не поеду. У меня есть кое-какие дела в городе.

– Можешь воспользоваться моим фаэтоном. Лошади почему-то все время сбиваются с шага. Может, ты сумеешь решить эту проблему.

«Проблема в том, что они не пара».

– Хорошо, проедусь, посмотрю. – Нику не терпелось узнать, чем закончился утренний визит Александры. – Кстати, вы уже назначили день свадьбы?

– Я сказал Алекс, что хочу сочетаться браком не позже чем через две недели, мне ведь были нужны деньги на Хаттон-Холл, но благодаря тебе я могу дать ей месяц, о котором она просила.

– Ты сообщил ей о своих финансовых затруднениях?

– Господь Вседержитель, нет, конечно! Не хочу, чтобы она думала, будто я женюсь на ней из-за денег. Она и так скоро об этом узнает.

Ник сжал кулаки и поклялся возместить растроченное братом состояние. Он сделает все возможное, чтобы Кит женился на Алекс не из-за денег.

На следующее утро, когда Кит еще сладко спал, Николас переложил акции, облигации и четыре пачки двадцатифунтовых банкнот в саквояж. В сумку упаковал тщательно вычищенный мистером Берком черный костюм, черную кожаную маску и армейские пистолеты. Запряг гнедых в фаэтон, привязал Атлас к экипажу и отправился в Лондон.

* * *

Александра все откладывала разговор с Дотти, не в силах сообщить ей о том, что они с Китом договорились пожениться через две недели. А в пятницу от Кита пришла записка:

Моя драгоценная Александра!

Прости меня, пожалуйста, за недостойное поведение в день твоего визита. Я буду счастлив исполнить твоё желание. Для сгорающего от нетерпения жениха месяц – это целая вечность, но я понимаю, что невесте нужно время, чтобы подготовиться к свадьбе.

С любовью, Кристофер.

P.S. В субботу мы с Рупертом едем на скачки в Эпсом.

Гоня прочь мысли о Николасе, Алекс вышла в сад к Дотти и Маргарет.

– Мы с Кристофером поженимся через месяц. Следующие три субботы в церкви Хаттон будут оглашать наши имена, а еще через неделю состоится сама церемония.

– О, милая, это же чудесно! Ты должна заказать себе новое платье.

– Мы не можем позволить себе таких расходов, – возразила Алекс.

– Чушь и бред! Тебе предстоит стать леди Хаттон. Поезжай к Руперту, скажи ему, пусть отвезет нас завтра в Лондон.

– Боюсь, ничего не получится. Руперт и Кристофер собираются на скачки в Эпсом. Я съезжу в столицу верхом, как в прошлые выходные. Заодно отвезу статью в «Политикал реджистер», – соврала Алекс.

– Ты не можешь отправиться в Лондон одна, это неприлично! Не знаю, о чем я думала, отпустив тебя на прошлой неделе.

– Я надена костюм Руперта и его парик. Никто не заподозрит, что я женщина, это последний раз, клянусь! У нас ведь соглашение, Дотти! Вы обещали мне полную свободу, если я соглашусь стать леди Хаттон, и я согласилась!

– М-м... – Дотти бросила укоризненный взгляд в сторону Маргарет. – Мне ли не знать, что случается с молоденькими девушками, если их окружить запретами. Поскольку я не желаю, чтобы ты сбежала с недостойным плебеем, полагаю, лучше дать тебе возможность еще разок хлебнуть «полной свободы», как ты это называешь. Хотелось бы знать, о чем ты там написала?

Алекс судорожно сглотнула.

– Статья еще не закончена, надо срочно ее доделать.

Стоило ей взять в руки перо, и слова сами собой потекли на бумагу. Вскоре на свет появилась заметка о принце-регенте и его недостойном отношении к герою Англии, Веллингтону. Александра осталась довольна заметкой и решила заглянуть в издательство и представить ее на суд редактора. Затем нарисовала карикатуру на Принни и его приятелей за карточным столиком, стонущих под грудой купюр.

В субботу утром Руперт заехал в Хаттон-Холл за Китом, и они помчались в Эпсом. Там проводились ежегодные скачки «Оак рейсиз», вторые по значимости после Дерби.

Кристофер всячески избегал говорить с будущим шурином о своих финансовых проблемах, но не видел ничего дурного в том, чтобы подоить друга и воспользоваться его щедростью. В первом забеге Руперт сделал ставки за обоих, и, когда лошадь Кита пришла первой, он без зазрения совести сунул весь выигрыш себе в карман.

Настроение их улучшалось по мере того, как количество гиней в карманах росло; с каждым походом в закусочную смех становился все громче и громче. Однако где-то в середине дня у Кита состоялась весьма неприятная встреча. Руперт пошел делать ставки на предпоследний заезд, а Кит задержался, допивая свой виски, когда услышал голос, от которого у него мурашки по спине побежали. Улыбка тут же сползла с его лица, в голове прояснилось.

– Привет, Харм, я так и знал, что ты в Эпсоне.

– Убирайся к чертовой матери, Джереми Итон! Вы с твоим чертовым папочкой высосали из меня все, до последнего пенни!

– Очень сомневаюсь, кузен. Ты ни в воде не утонешь, ни в огне не соришь. Мы с тобой очень похожи. Проблемы с отцами – это, должно быть, семейное. Мой выгнал меня вшаей из дома предков. Хорошо, что я предпочитаю Лондон, мне куда комфортнее в «Уайтсе».

– До тебя что, доходит, как до утки, на десятые сутки? Еще раз повторяю – нет у меня денег; были, да все вышли. Даже такая пиявка, как ты, не способна высосать кровь из камня!

– Я разве про деньги? Жилье – вот что мне требуется. Насколько я помню, твой особняк на Керзон-стрит всего в нескольких минутах ходьбы от «Уайтса», верно? Сдай его мне на год бесплатно, и дело с концом.

– Я бы на твоём месте поостерегся, – попытался запугать его Кит. – Если брат узнает, что ты меня шантажируешь, он тебя так прижмет, мало не покажется!

Джереми рассмеялся.

– Твой братец виноват не меньше тебя, он тоже сокрыл от властей истинную причину смерти вашего папеньки. Уверен, отважный капитан никогда не простит тебя, если ты позволишь правде выйти наружу. Подумай над этим, дорогой кузен, цена за молчание всего ничего. Я буду во вторник в «Уайтсе».

Джереми неспешно пошел прочь. Кит стоял и смотрел ему вслед. «Мне никогда от него не избавиться! Этот сукин сын до самой смерти будет меня шантажировать!» Кристофер кинулся на поиски Руперта, раздумывая над тем, как навсегда избавиться от алчной свиньи. Каждая безумная идея заканчивалась одной картинкой – он пускает пулю в лоб Джереми Итону. Кит отбросил все планы как слишком рискованные, и тут в голову ему пришла отличная мысль. А ведь есть способ застрелить кузена и покончить с кошмаром! Дуэль – вот идеальное решение проблемы!

– Где тебя носит, черт побери? Ты только что выиграл! – обратился к нему Руперт.

– И сколько? – равнодушно поинтересовался Кит, размышляя совсем о другом.

– Двадцать к одному, то есть двести гиней! – радостно воскликнул Руперт.

– Похоже, фортуна повернулась ко мне лицом, – заявил Кит. – Давай съездим на следующей неделе на пару дней в Лондон и прошвырнемся по клубам! Гульнем в последний раз перед тем, как я буду связан по рукам и ногам!

* * *

Одетая в мужское платье Александра первым делом зашла в издательство. Заметка и карикатура так понравились редактору, что он заплатил за них целых десять шиллингов. Это был самый большой гонорар за всю ее журналистскую карьеру. Настроение Алекс улучшилось. Стране нужны реформы, и если ее статьи хоть на шаг продвинут общество в этом направлении, можно считать, что ее усилия не пропали даром. Может быть, после свадьбы ей удастся уговорить Кристофера заняться политикой. Как английский лорд, он имеет право голоса и просто обязан воспользоваться им для устранения несправедливости.

Она поставила Зефира в конюшню на Беркли-сквер и побежала вверх переодеваться.

По дороге в салон мадам Мартен Алекс решила не покупать белое платье из практических соображений. К моменту свадьбы траур Кристофера официально завершится и они начнут получать приглашения на всевозможные мероприятия. Значит, новое бальное платье ей не помешает. Она запишет его на счет Дотти, а потом оплатит.

Алекс не стала сообщать модистке о предстоящем бракосочетании, француженка непременно будет настаивать на том, что невеста должна быть в белом и только в белом.

– Хочу от всей души поблагодарить вас за то, что рекомендовали мой салон сестрам герцога Девоншира. Леди Гренвилл и леди Карлайл пришли ко мне за кашемировыми шальями, такими же, как ваша, а также купили много других вещей.

– Очень рада за вас! Я хочу купить себе платье, а бабушке кашемировую шаль. Она обожает красивые вещи.

Мадам Мартен показала ей платье цвета морской волны, и Алекс оно очень понравилось. Длинные прозрачные рукава, глубокий вырез украшен розовыми бутонами и листочками из зеленого шелка в виде любовных узелков. Алекс примерила его, платье оказалось ей впору.

– Я в нем такая женственная, не могу устоять!

Девушка и шаль выбрала с первого взгляда. Дотти наверняка понравится кремовый кашемир с черной шелковой отделкой.

– Заверните, пожалуйста, я заберу покупки с собой.

Александра неторопливо возвращалась обратно на Беркли-сквер, наслаждаясь видами Лондона, стараясь не думать о том, что через несколько часов ей предстоит идти к Чарли Шампань. Когда куранты пробили семь, Алекс начала готовиться к финальному представлению. К ее ужасу, прозрачное белье телесного цвета расплозлось – слишком часто его стирали! Что ж, придется выступать голой. «Надо надеяться, что Шарлотта Кинг не очень рассердится», – думала Алекс, шагая по Пэлл-Мэлл. Миссис Кинг всегда была к ней великодушна, позволяла пользоваться после представления своими личными апартаментами и неизменно приходила наверх с сотней гиней до того, как Алекс уйдет. Девушка сделала глубокий вдох, вздернула подбородок и переступила порог борделя. «Еще три часа, и я вернусь на Беркли-сквер. И ни одна живая душа не узнает моей тайны!»

Глава 28

Ник положил деньги в «Коутс бэнк», на счет, открытый им ранее на имя Флинна Хаттона. Теперь за ним числилась весьма внушительная сумма – более пятидесяти тысяч фунтов. На то же имя он зарезервировал сейф для документов на Хаттон-Холл. Акции и облигации отправились туда же до лучших времен, пока они с братом не найдут подходящего финансового советника.

Потом Николас навестил Харта Кавендиша и узнал от него, что принц-регент действительно будет играть сегодня в «Лисьей норе», но сначала отобедает в Карлтон-Хаусе. Ник прогулялся до конюшен Карлтон-Хауса и выудил необходимую информацию из грума, притворившись, будто собирается приехать на прием с герцогом Девонширом. Оказалось, принц-регент сотоварищи всегда уезжали в одно и то же время, дабы успеть на еженедельную игру, которая начиналась ровно в девять.

Расстояние до «Лисьей норы» не превышало полумили. План Ника был прост и дерзок. На его исполнение отводилось несколько минут, далее быстрый отход через ближайший Сент-Джеймс-парк. Он несколько раз проверил маршрут, просчитывая каждый шаг, и с уверенностью рожденных под знаком Льва вернулся на Керзон-стрит дожидаться темноты.

Около восьми часов Александра вошла в комнату со сценой. Зал был пуст, но девушка все равно старалась не смотреть на стулья, сосредоточившись на красно-черном ковре под ногами. Обычно, оказавшись за шторой, отделявшей ее от зрителей, Алекс немного расслаблялась, но сегодня напряжение не отпускало ее. При мысли о том, что придется выступать абсолютно голой, ей становилось дурно. Видимо, судьба распорядилась так, что в последний раз зрители получат сполна.

Она проверила реквизит. И ванна, и кровать на месте. Расческа для волос на туалетном столике, а вот ширму, куда она вешает одежду, нужно немного поправить.

Едва дыша, Алекс притаилась на лестнице. Ночь выдалась жаркой, и ей было ужасно душно под несколькими слоями одежды и накидкой. Ладони вспотели. В зале послышались шаги и стук отодвигаемых стульев – клиенты Чарли начали собираться на представление. Трясущимися руками Алекс надела маску и закрепила парик. В тот самый момент, когда лампы вспыхнули, Алекс почувствовала приступ тошноты и испугалась, как бы ей не стало плохо. «Да что это с тобой? Ты же много раз проделывала этот трюк!» – услышала она внутренний голос. «Но мне от этого не легче!» – ответила она. «Ничего, чем раньше начнешь, тем раньше закончишь!» Алекс глубоко вдохнула, повернула ручку двери и шагнула на ярко освещенную сцену.

Николас оставил Атласа в стойле. Лошадь вычислить нетрудно. Стояла такая теплынь, что он не стал надевать ни накидки, ни рубашки, только черный костюм, не сковывавший

движений. Поскольку стрелять он ни в кого не собирался, то прихватил с собой только один пистолет и кожаную маску.

Ник спрятался в тени во дворе Карлтон-Хауса, где красовались три закрытые экипажа с превосходными лошадьми, кучерами и грумами. Он надел маску, уверенный в том, что незаметен под покровом ночи. Три толстяка королевского рода ни за что не пойдут пешком, хотя до «Лисьей норы» менее восьми сотен ярдов. Они попросту будут не в состоянии удержаться на ногах после двухчасовой пирушки. И поедут в одной карете в сопровождении одного из придворных регента.

Около девяти распахнулись французские окна и на террасу вышли их королевские высочества – Георг, Фредерик и кузен Уильям. Троица спустилась по каменным ступенькам и застыла в ожидании экипажа. Регента сопровождал офицер конной гвардии с атташе-кейсом. Губы Николаса скривились в презрительной усмешке: офицеры личного полка регента – все как один маменькины сынки, из которых выходят чудесные лакеи.

Дородным принцам потребовалось несколько минут, чтобы погрузиться в карету. Кучер закрыл за ними дверцу, сел на облучок и взялся за вожжи. Карета сделала широкий круг и выехала со двора. Лошади шли медленной рысью, и Нику не составило большого труда подстроиться под темп экипажа. За четыреста ярдов от «Лисьей норы» Ник осторожно открыл дверцу и незаметно для кучера проник внутрь.

Пассажиры не успели опомниться, как двенадцатидюймовое дуло пистолета уперлось прямо в сердце принца-регента.

– Ни слова, джентльмены. – Незнакомец говорил с ними вежливо, но абсолютно серьезно. – У меня для вас послание от Чарлза Джеймса Фокса: «Не рискуйте, ваше королевское высочество, ведите себя осмотрительно».

Герцог Йоркширский был слишком пьян после дня в Эпсоме и вечера в Карлтон-Хаусе, чтобы осознать происходящее. Глостер тихо застонал, а сам регент хлюпнул носом, по пухлой щеке скатилась слеза.

– Деньги из атташе-кейса переложить сюда. – Ник протянул черный бархатный мешок и внимательно наблюдал за тем, как офицер отпирает кейс и достает купюры – на вид около двадцати тысяч.

Глостер вытащил кошелек и вытряхнул его содержимое в мешок. Жабоподобный Фредерик не двинулся с места, тогда кузен Уильям поспешил избавить его от эпсомского выигрыша.

– Джентльмены, вы оказали мне огромную честь. – Ник распахнул дверцу, спрыгнул на ходу и помчался в сторону Сент-Джеймс-парка. Карета притормозила, так и не добравшись до «Лисьей норы», из нее выскочил гвардеец с криками:

– Держи вора! Держи вора!

Внезапно перед Николасом вырос всадник конного патруля с Боу-стрит. Ник вполне мог застрелить его, но личный кодекс чести не позволил ему сделать это. Проклиная злополучную судьбу, он резко повернулся и бросился в противоположную сторону, к Пэлл-Мэлл. Однако констебль оказался не столь щепетильным и не замедлил воспользоваться оружием. Ночную тишину прорезал оглушительный выстрел, затылок Николаса обожгло огнем, но он собрался с силами и продолжал бежать, прекрасно понимая, что, если бы пуля вошла в голову, он уже лежал бы мертвым. По шее потекла теплая струйка крови, и Нику оставалось лишь надеяться, что ткань ее впитает и его не вычислят по следу.

Ник свернул за угол Пэлл-Мэлл, и ноги сами собой понесли его в сторону знакомого заведения Чарли Шампань. Шляпы он уже лишился и, ввалившись в дверь, сорвал с лица кожаную маску и сунул ее в мешок.

Стайка прелестных искусительниц с изумлением взирала на то, как близнец Хаттон пронесся стрелой через приемную в сторону лестницы. В это самое время Чарли Шампань в шикарном парчовом платье цвета бургундского спускалась вниз. Зрители уже рукоплескали Каприс, и Чарли предстояло поприветствовать клиентов после представления.

– За мной гонятся, – предупредил ее Ник, пробегая мимо.

– Бог мой, да ты ранен! – Чарли последовала за ним в свои личные покои.

Они зашли в комнату и закрыли за собой дверь. Ник сунул мешок с деньгами и пистолет под огромную кровать и снял пропитанный кровью черный сюртук.

В конце представления Алекс трясло как в лихорадке. Обычно она выступала около часа, но сегодня ей показалось, что время тянется бесконечно. Когда газовые лампы погасли и публика взорвалась аплодисментами, по ее телу пробежала волна облегчения. Слава Богу, с этим покончено! Она накинула на плечи плащ, дрожа от холода, хотя в самом начале ей показалось, что тут невыносимая жара. Ноги были словно ватные, руки не слушались, она роняла вещи. Алекс наклонилась, подняла с пола чулок и поспешила к двери. Остановилась на освещенной площадке, проверила, все ли на месте, сделала глубокий вдох и вспорхнула по лестнице.

Добравшись до покоев Чарли, Алекс открыла дверь, влетела внутрь и едва не лишилась сознания. Голый по пояс Николас Хаттон и невероятно красивая Шарлотта Кинг стояли так близко друг к другу, что тела их практически соприкасались. Причем стояли в футе от широкой кровати.

– Это всего лишь Каприс! – с явным облегчением выдохнула Чарли.

– Нет, это не Каприс! – Алекс бросила на пол одежду, сорвала с себя маску и парик. Рыжие кудряшки волной упали на плечи, зеленые глаза с вызовом уставились на дьявола во плоти. – Это Александра!

Ник смотрел на нее словно замороженный, не в силах шевельнуться или отвести взгляд. Видимо, он потерял слишком много крови, вот ему и мерещится.

– Так вы знаете друг друга? Вот и отлично! Быстро в кровать, оба. Я спущусь вниз и попробую воспрепятствовать обыску.

– Алекс! Ради всего святого, что ты делаешь в этом месте? – взвился Николас. Рука непроизвольно коснулась затылка в попытке умирить пронзившую голову боль. На ладони осталась кровь.

– О, мой Бог! Ник, ты ранен! – Приступ гнева тут же сменился заботой о человеке, который был для нее дороже жизни.

– В меня стреляли. Ты должна спрятаться, Алекс, полиция будет здесь с минуты на минуту.

– Ты истекаешь кровью, Ник! – всхлипнула Александра.

– Нет-нет, пуля прошла вскользь, такие раны всегда сильно кровоточат. Делай, что я приказываю, беги отсюда и спрячься где-нибудь. – Он покачнулся.

Алекс схватила сюртук и стерла кровь с его рук и плеч. Потом откинула покрывало и толкнула его на черные атласные простыни.

– Прижмись головой к подушке, на черном кровь не заметна. – Алекс сбросила накидку и голая скользнула в кровать, накрыв его своим телом. Она прижала палец к губам.

– Ш-ш, любовь моя, молчи, я сама все скажу.

Алекс больше не могла скрывать свою любовь к Нику. Ее слова и поступки говорили сами за себя.

Через несколько секунд дверь распахнулась, и на пороге появился тот самый полицейский с Боу-стрит с ружьем в руках.

Алекс приподнялась и одарила его соблазнительной улыбкой.

– Тебе придется подождать, милый, хоть я и люблю мальчиков с большими пушками.

Николас, не отрывая головы от подушки, пригвоздил его ледяным взглядом серых глаз.

– Какого черта здесь происходит? Я купил ее на всю ночь!

Констебль глянул на обнаженную парочку, на руку мужчины, властно сжимающую обольстительно-круглые ягодицы девицы, бегло осмотрел комнату и кивнул:

– Продолжайте, милорд.

Когда он ушел, Алекс рухнула на лежавшего под ней мужчину.

– О, Николас, что ты натворил?

– Ограбил карету Принни, но вопрос не в этом, бесенок. Какого черта ты делаешь в борделе?

– Деньги зарабатываю.

– Деньги зарабатываешь! – Он с такой силой сжал ее, что она поняла – умирать он пока не собирается.

– Не так, как ты думаешь, Ник. – Она провела рукой по своему телу. – Я даю представления.

– Каприс! – процедил он сквозь зубы. – Видел я твое скандальное представление! Давно надо было отшлепать тебя, упрямое создание.

Ник посмотрел на нее. Притворяться бессмысленно.

– О Боже, Алекс, я так тебя люблю! Ты рискнула своей безопасностью и своей репутацией, чтобы спасти меня! – Он нежно погладил ее по щеке.

– Ник, я всегда тебя любила. Тебя одного. Ты должен был это знать!

– Я знал, конечно же. Но ты была обещана Киту, и я думал, что со временем ты переболеешь мной, хоть моя любовь и не померкла бы с годами.

Ей очень хотелось поверить его словам, но она боялась, что он просто потерял много крови и бредит. Алекс поцеловала его пальцы и прижалась к ним губами.

– Тише, любовь моя, не двигайся.

Чарли вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Ушел, но может вернуться, так что вам лучше полежать еще немного.

– У него кровотечение, и оно не прекратится, если не зашить рану.

– Не смотри на меня! – замахала руками Чарли. – Я не белошвейка, и у меня тут не кружок кройки и шитья.

– О, я сама все сделаю, если вы дадите мне нитку с иголкой.

Николас прикрыл глаза и застонал:

– Поверить не могу, что вы знаете друг друга!

– Тебе очень повезло, что мы знакомы, Хазард Хаттон! – парировала Чарли. – Мы только что спасли твои чертовы яйца! Сейчас принесу нитку с иголкой.

Как только Чарли исчезла, Алекс выбралась из кровати, надела рубашку, потом зажгла лампу и поставила ее на прикроватный столик.

– Дай-ка посмотреть.

Он осторожно сел.

– Скажи, что там.

Алекс призвала на помощь все свое мужество и осмотрела его голову. Чудесные черные кудряшки пропитались кровью, которая до сих пор текла из глубокой раны. Она подняла волосы, а вместе с ними и кусочек скальпа. Алекс ясно увидела белую кость, схватила подушку и прижала к ране.

– Все гораздо лучше, чем я думала. – «Боже, все гораздо хуже, чем я предполагала!» – Пуля прорезала полоску в пару дюймов. – «Да она дюйма три в длину и очень глубокая!»

– Откуда ты вообще узнала про заведение Чарли Шампань? – не унимался Ник. – И почему раздеваешься за деньги?

– Если ты не будешь сидеть смиренно, кровотечение не остановится, Ник. А ты и так уже потерял много крови!

– Ладно, замолкаю на время, но тебе придется объясниться, Александра.

– А тебе, значит, нет? – сверкнула она глазами.

Ник, как обычно, нашел ситуацию забавной.

– А мы с тобой милая парочка – бесенок и разбойник. К счастью, ситуация больше смахивает на фарс, чем на трагедию.

Чарли вернулась с иголкой и катушкой черных ниток, положила их на столик и налила Николасу бренди:

– Выпей, поможет.

Уголок его рта приподнялся.

– Вряд ли. Боль, возможно, утихнет, но я потерял много крови и должен пить воду. У меня во рту сухо как в пустыне.

Несмотря на протесты, Ник выпил бренди, а Чарли принесла кувшин с водой из своей гардеробной.

– Офицер обыскивает другие здания на Пэлл-Мэлл, значит, он не видел, как ты сюда вошел.

– Не дергайся, Николас. Процедура довольно долгая и неприятная, – предупредила Алекс, устраиваясь на коленях у него за спиной.

– Процедуры – они всегда такие, любовь моя, – произнес Николас.

– А вы, как я погляжу, довольно близко знакомы, – заметила Чарли.

– С детства, – признался Николас.

– Он до сих пор считает меня ребенком, – с укором произнесла Алекс, делая первый стежок.

– Мои глаза говорят мне, что ты уже женщина, в этом нет никакого сомнения, но, к несчастью, леди тебя не назовешь.

– А мои глаза говорят мне, что ты мужчина, Ник, но отнюдь не джентльмен.

– Это точно, душа моя.

Чарли наблюдала за тем, как Алекс делает последний стежок и завязывает узелок.

– Я велела приготовить тебе ванну, как обычно. Это уже входит в традицию, горничная бежит ставить воду на плиту, как только видит тебя, – сухо бросила Чарли. – Позволь убрать с постели кровавые простыни. Чистые найдешь в гардеробной, – сказала она Алекс. – Ник, у меня дела, оставляю тебя в надежных руках твоей дамы сердца.

– Я не его дама сердца! – возмутилась Алекс, но Чарли уже вышла из комнаты с кипой белья в руках и закрыла за собой дверь.

– Нет, ты моя дама сердца.

От его глубокого голоса у нее закружилась голова.

Глава 29

Николас сидел в расписной ванне Чарли, а Алекс стояла у него за спиной и осторожно смывала кровь с волос. Его признание потрясло ее до глубины души, но она не успела никак отреагировать. Слуги принесли горячую воду, и это дало ей время понять, что в нем, вполне возможно, говорит бренди. Алекс сконцентрировалась на мытье его головы, удостоверившись, что рана больше не кровоточит.

– Выглядит неплохо, Ник, кровь остановилась. Вот, – она протянула ему кувшин, – допей. Он мне нужен, чтобы сполоснуть тебя.

– Спасибо, сердце мое. – Он поймал ее руку и пожал. – Точь-в-точь как во снах, которые я видел во Франции; правда, в них мы принимали ванну вместе.

Александра вспыхнула.

– Ты выпил слишком много бренди.

– Нет, любовь моя, я совершенно трезв.

Ей отчаянно хотелось верить в это. «Я поверю ему, только на одну ночь. Ничего страшного не случится, правда ведь?» Она забрала у него пустой кувшин, улыбнулась и начала поливать его водой, смывая мыльную пену. Вода каскадами стекала по широкой спине и покрытой черными кудряшками груди, мускулы играли и перекатывались под влажной кожей. «Какое у него красивое тело. Меня так и тянет к нему». Она поставила кувшин и провела кончиками пальцев по ключице. Внезапно его петушок поднялся и высунул из воды бархатную головку.

– О! – выдохнула она, опустив ресницы. Как такое могло случиться? Ведь он ранен. – Боль отступила?

– Я сейчас только об одной голове могу думать, о той, что между ног, и она чертовски болит, – печально признал он.

Ей вдруг захотелось взять его пенис в ладонь и облегчить боль. Она потянулась было к нему, но тут же отдернула руку, шокированная своим распутным поведением.

При одной мысли о том, что она хочет коснуться его члена, Ник чуть из кожи не выпрыгнул. Его губы изогнулись в предвкушении, ему нужно лишь преодолеть ее застенчивость. Он заметил румянец на ее щеках, и сердце его запело от радости. Несмотря на неодолимое стремление познать мир, Александра была невероятно наивна, и разбудить ее может именно он.

– Не пытайся выбраться из ванны самостоятельно, – сказала Алекс. – Я возьму полотенце и сразу же вернусь.

Она встала перед ним в тоненькой промокшей рубашке, еще больше возбуждив его. Ему показалось, что он умер и попал на небеса. Из горла вырвался резкий смешок. Разве он не сатанинское семя, которому одна дорога – в ад?

Алекс вернулась из гардеробной с чистыми простынями из черного атласа и двумя сухими полотенцами, перестелила постель и лишь после этого подошла к ванне.

Она развернула полотенце и приказала:

– Обопрись на меня, не то упадешь.

Ник встал, но не подошел к ней.

– Я никогда в жизни ни на кого не опирался и не собираюсь. Но давным-давно пал, этого, боюсь, уже не исправить.

«Не намекает ли он на то, что давным-давно влюбился в меня, невзирая на все запреты?» Сердце сжалось от радости, сладостное волнение опустилось в живот и поселилось между ног. Она смотрела, как он выходит из ванны, берет у нее полотенце и энергично растирается. Во рту у нее пересохло.

«Если он и голову будет так же вытирать, рана снова откроется!»

– Волосы я сама тебе вытру, Ник. – Алекс вдруг поняла, что слишком мала и ей попросту не дотянуться. Она поискала глазами скамеечку для ног и побежала за ней.

Стоило Алекс наклониться, и короткая рубашка задралась, обнажив ее очаровательный зад.

– Алекс, Богом клянусь, ты нарочно искушаешь меня, ты прирожденная кокетка!

Девушка резко выпрямилась.

– Нет, это ты искушаешь меня, дьявол во плоти!

– Хочу, чтобы это был твой единственный покров, любовь моя.

Она взяла второе полотенце, придвинула скамеечку и встала на нее, опираясь на плечи Николаса.

– Я не сделала тебе больно?

– Чуть не поставила меня на колени, и наверняка поставишь, бесенок.

– Ты можешь хоть на минуту стать серьезным? Замри и не шевелись, пока я буду вытирать затылок. – Она прижала полотенце к ране, дожидаясь, пока пушистая ткань не впитает воду. – Ну вот, почти как новенький, – промолвила она наконец.

Николас повернулся к Алекс, забрал у нее полотенце и бросил на пол. Потом стянул с нее мокрую рубашку и отправил следом за полотенцем. Взял ее личико в ладони, восхищенно заглянул в зеленые глаза, привлек ее к себе и нежно поцеловал.

– Ты просто богиня, Алекс.

У нее ком подкатил к горлу. Как нежны его руки и губы! Его поцелуи становились все более требовательными, ладони скользнули по мягким изгибам ее тела. Между ними не осталось ничего, кроме его восставшей плоти, и она судорожно вдохнула.

– Так будет лучше, доверься мне.

Он просунул член между ее ножек, коснувшись горячего влажного бутончика. Она поднялась на цыпочки, устраиваясь поудобнее. Ник застонал.

– Ты словно на пьедестале стоишь, любовь моя. Теперь всякий раз при виде скамеечки для ног я буду вспоминать тебя.

Его поцелуй лишил ее последних сил, и она задохнулась от желания. Когда ее соски

касались кудряшек на его груди, ей хотелось кричать от восторга. Его сильные, властные руки ласкали ее тело, глубокий, охрипший от страсти голос нашептывал ей на ушко сладкие глупости, серые глаза затуманились.

Ее реакция на Николаса была настоящей катастрофой, и она знала, что это не имеет никакого отношения ни к романтической обстановке борделя, ни к поджидающей за дверью опасности. Целых пять лет она мечтала об этом смуглом красавце, но реальность не шла ни в какое сравнение с наивными девичьими фантазиями. От его ласк у Алекс подкашивались ноги. Она буквально сгорала от страсти, грудь налилась и прижалась к его стальным мускулам.

У Ника голова шла кругом от прикосновения к ее шелковой коже, аромата золотистых кудрей и медового вкуса губ.

– Боже, меня трясет от тебя, – выдохнул Николас.

– Не от меня, тебя знобит от потери крови! Ложись в постель, Николас. – Она пристально всмотрелась в его лицо, опасаясь, как бы он не впал в беспамятство.

– Может, нам действительно лучше лечь, ведь до полуночи все равно не удастся выйти отсюда.

Алекс отодвинулась от него, пенис скользнул по ее животу и игриво уперся в пупок.

– Я хочу отнести тебя, сердце мое.

– Вот поправишься, тогда будешь меня хоть день и ночь на руках носить. Если захочешь.

– Захочу. – Он провел кончиком языка по ее губам, взял за руку и помог сойти с пьедестала.

Когда Николас направился к кровати с балдахином, Алекс застеснялась и попятилась, но он не выпустил ее руки, задернул полог, растянулся на черных простынях, положил ее на себя и поцеловал.

– Поднимись, я хочу полюбоваться тобой, – прошептал он.

Она села рядом с ним на колени, и его восхищенный взгляд заскользил по ее телу, не пропуская ни одной детали.

Алекс тоже не сводила с него глаз. Смуглый красавец на черном атласе был само искушение, сама мужественность, темные ресницы обрамляли два серых озера, таких глубоких, что в них можно было утонуть.

Он взял ее за запястье.

– Дотронься до меня, – попросил Николас.

Она погладила мускулы на его широкой груди. Ник направил ее руку вниз, к животу и чреслам. По учатившемуся дыханию она поняла, что ее прикосновение сводит его с ума. Он положил ее ладонь на восставшую плоть, Алекс провела по ней кончиком пальца, и ее глаза распахнулись от удивления – пенис увеличился и стал твердым как камень.

– А теперь возьми меня за руку и веди.

Она сомкнула пальцы на его запястье и поднесла его руку к своим губам. Потом опустила ниже.

– Слышишь, как бьется мое сердце?

Он кивнул, и она накрыла его ладонью свою грудь. Он провел пальцем по соску, и с ее губ сорвался полустон-полувздых. Набравшись смелости, Алекс перенесла его руку на вторую грудь и тут же получила вознаграждение. Затаив дыхание, она положила его руку на живот и задрожала, когда он провел пальцем вокруг ее пупочка и пощекотал ямочку. Она судорожно вцепилась в его запястье, не решаясь опустить его руку еще ниже, но сгорая от желания сделать это. Затем раскрыла ладонь, предоставив ему полную свободу.

Николас запустил пальцы в рыжие кудряшки, окутавшие ее лоно.

– Ты хоть представляешь себе, сколько раз я проделывал это в мечтах? Я хочу, чтобы ты села на меня верхом, любовь моя.

Алекс не могла раздвинуть ноги настолько, чтобы выполнить его желание. Она села сначала на одно бедро и почувствовала, как ее колена коснулся тяжелый мешочек. Ник

застонал.

– Тебе больно? – встревожилась Алекс.

– Нет, любовь моя, я на пределе, но, молю тебя, не убирай колено! А теперь откинься немного назад.

Она исполнила его просьбу, завороченно наблюдая за тем, как он играет ее кудряшками и запускает в них палец.

– Николас! – воскликнула она, когда он коснулся чувствительного бугорка.

Он двинулся дальше, поглаживая ее горячее лоно. Она решила было воспротивиться, но его палец сотворил чудо – ей захотелось чего-то большего.

– Николас, нет!

Он тут же убрал палец, накрыл ее лоно ладонью, сжал его, преодолевая боль, потом протянул к ней руки:

– Иди ко мне, любовь моя.

Она прижалась к нему, подставила ему губы, и он запечатлел на них страстный поцелуй. Одна его рука скользнула по ее спине, вторая обхватила грудь, горячая плоть вжалась в ее живот.

– Ник... пожалуйста!

Он посмотрел на нее, не веря своим ушам.

– Александра, любимая, я не собираюсь лишать тебя девственности в борделе, на черных простынях!

Однако Алекс забыла обо всем на свете. Здесь, на занавешенной со всех сторон огромной кровати, в волшебной атмосфере любви и сказки, никто не мог их разлучить. В объятиях этого смуглого властного мужчины Алекс окончательно потеряла способность здраво мыслить. Она поцеловала его в ямочку на подбородке.

– Откуда у тебя такие странные понятия о благородстве?

– За последний год мой кодекс чести претерпел катастрофические изменения. Но тебя это не касается, Александра. Благородство либо есть, либо его нет. Это в крови.

Александра еще крепче прижалась к нему. Долгие годы благородство заставляло Ника держаться от нее на расстоянии, поскольку она была предназначена другому. Неужели он и дальше будет вести себя подобным образом? Алекс охватило отчаяние. «Если он снова меня отвергнет, я умру».

Однако Николас развеял ее сомнения. Он нежно погладил ее грудь, и волны наслаждения понесли ее к райским берегам. Ее лоно касалось его бедра, и с каждым его движением возбуждение нарастало. Его губы коснулись ее шеи, превратив кровь в поток расплавленного золота. Осыпав поцелуями ее грудь, он устремился к животу и ниже, к сокровенному местечку. Алекс изогнулась и потерялась о его ногу.

Ее чувственность ошеломила Ника. Нужно продержаться в таком состоянии, пока они не доберутся до его кровати на Керзон-стрит. Только там он даст волю так долго сдерживаемой страсти. Язык Николаса проник в горячую пещерку. Пальцы раздвинули золотистые кудри, вошли в розовую шелку, нащупали крохотный бутончик и принялись поглаживать его, призывая раскрыть лепестки.

Наконец Алекс взлетела на вершину блаженства и закричала.

Николас накрыл ее лоно ладонью, наслаждаясь ее судорожной пульсацией. Он хотел, чтобы это происходило каждую ночь всю оставшуюся жизнь – он погружается в нее, она извивается под ним в неистовстве. Изнывая от желания, он уткнулся в ее грудь, провел языком по затвердевшему соску и обхватил его губами.

Затем стал покусывать. Алекс почувствовала жар между ног и поняла – а ведь он вполне может снова доставить ей наслаждение. Алекс захотелось понять, что заставит Николаса стонать от желания и кричать от страсти, каким образом она может утолить его голод. «Женские штучки, всякие хитрости, их наверняка неисчислимое множество!» Алекс смело потянулась к его чреслам, однако Ник перехватил ее руку:

– Не надо, любовь моя, иначе я приду к финишу.

- А ты не хочешь? – прошептала она.
- Конечно, хочу, но не сейчас и не здесь. – «Как же ей объяснить?» – Мне понадобятся все мои силы, – придумал он на ходу.
- О, Ник, я такая бессовестная, думаю только о собственном удовольствии. Могу ли я что-нибудь сделать для тебя?
- Он сжал зубы, стараясь не излить семя прямо на нее.
- Поговори со мной, это поможет. Расскажи, что делаешь у Чарли Шампань.
- Алекс набрала в легкие воздуха и пустилась в объяснения, пытаясь представить свои действия в наиболее выгодном свете.
- Ты был прав, потешаясь над моим желанием стать писательницей, Ник. Я очень быстро поняла, что продать роман практически невозможно. Правда, переодевшись мужчиной, я сумела получить работу в «Политикал реджистер» и написала несколько статей для газеты, но, даже когда я добавляла к ним карикатуры на Принни, мне платили гроши.
- Переодевшись мужчиной? Бред какой-то.
- Так проще бродить по трущобам Лондона, где царят бедность и порок. Ты был прав, Лондон имеет свою оборотную сторону, теперь я поняла, почему ты не хотел показывать ее мне.
- Бродить по трущобам Лондона, где царят бедность и порок? – Николас ушам своим не поверил.
- И еще маскарад позволил мне посетить такие места, как «Уайтс» и заведение Чарли Шампань.
- Ник приподнял ее и заглянул ей в лицо.
- Ты приходила к Чарли в мужском платье?
- А как еще я могла поговорить с первоклассной куртизанкой?
- Действительно, как еще? Продолжай, сердце мое.
- Оказалось, здесь очень прилично зарабатывают, и это стало для меня настоящим откровением. До Чарли я видела только уличных проституток, обычно в сопровождении сутенера.
- У меня нет слов, Александра! – «Это чудо, что ее не изнасиловали и не убили!» Николас прижал ее к себе. «За ней действительно нужен глаз да глаз, хотя бы затем, чтобы защитить ее от нее самой!» Однако он не мог не восхищаться ею. Она не сидела дома и не вышивала с подружками салфеточки, пока он воевал с Наполеоном!
- А потом я нашла свою мать в доме на Рукери в Сент-Джайлсе. Она была очень больна и нуждалась в уходе. Я перевезла ее домой к Дотти и все расходы взяла на себя. Именно тогда я и пришла к Чарли со своим предложением.
- Что же, поступок вполне благоразумный.
- Я знала, что леди Эмма Гамильтон занималась этим, и подумала, что заведение Чарли только выиграет от таких представлений. Чарли согласилась, и вот я здесь.
- Да, здесь, голая, с мужчиной, который не знает, то ли отшлепать тебя, то ли уложить в постель, и, вполне возможно, до восхода солнца сделает и то и другое!
- Я никогда не выступала голой. У меня было белье телесного цвета, закрывавшее тело от шеи до колен, – часть костюма, в котором Дотти изображала Годиву. Но со временем белье развалилось, и сегодня мне пришлось выйти на сцену обнаженной.
- Значит, само провидение привело меня к Чарли!
- Никакое это не провидение, Николас Хаттон! Это чистой воды риск и безрассудство! Неужели ты действительно ограбил принца Уэльского?
- Да, – признался Ник, – вместе с Фредериком и их кузеном Глостером. Мой нечестно добытый барыш лежит в мешке под этой самой кроватью.
- Александра зашлась хохотом.
- Мы с тобой два сапога пара! Безумцы, у которых дерзости больше, чем ума.
- Где-то часы пробили полночь.
- Принеси вещи, я тебя одену. – У него пересохло во рту при мысли о том, как он

натягивает чулки на ее стройные ноги и застегивает подвязки.

Чарли застала их при полном параде.

– Без рубашки я обойдусь, но придется попросить у тебя сюртук, моя драгоценная Шарлотта.

Она окинула его оценивающим взглядом.

– Если только у слуг одолжить. Не могу же я стянуть сюртук у одного из моих клиентов, как бы он ни спешил избавиться от него.

Когда Чарли вернулась с бордовым фраком, Ник вежливо поблагодарил ее. Но когда она протянула Александре сотню гиней, Ник помрачнел.

– Каприс больше не вернется, – заявил он.

– Я уже поняла, да и тебя теперь не дождешься, Хазард Хаттон, – спокойно проговорила Чарли. – Похоже, ты нашел свою половинку!

Николас первым вышел на Пэлл-Мэлл и позвал Александру, лишь удостоверившись в том, что никто не собирается его арестовывать.

Оказалось, Николасу Хаттону не стоило волноваться. Принц-регент и его спутники сурово отчитали и гвардейца, который выбежал на улицу с криками «Держи вора!», и офицера конной полиции, который стрелял в грабителя, а потом устроил на него охоту. Принци не желал привлекать внимание к собственной персоне, тем более по пути в игорный притон под названием «Лисья нора», куда они обычно вызывали девочек Чарли Шампань. Если бы все это было предано огласке, призывы к проведению реформ превратились бы в настоятельные требования.

Глава 30

Николас сел в уголок экипажа и прижал к себе Александру. Рука пробралась под накидку и замерла на пышной груди. В голове стучало, но близость любимой утоляла боль, наполняя душу чистой радостью. Он коснулся губами ее виска, поцеловал глаза, кончик носа и впился в сладкие уста.

С ее губ слетел вздох сожаления, когда экипаж притормозил у высокого особняка на Керзон-стрит. В карете было так тепло и уютно, что Алекс не хотелось из нее вылезать.

Фентон открыл дверь.

– Вы свободны, идите спать, – с порога заявил ему Николас.

Алекс спряталась у него за спиной, не желая показываться на глаза дворецкому Хаттонов, но тот ушел к себе, даже не взглянув на спутницу Ника.

– Надо было надеть маску, – прошептала она.

– Поздновато для масок, любовь моя. Слуги непременно увидят тебя утром, если, конечно, я выпущу тебя из кровати.

Он повел ее наверх, не забыв прихватить армейский пистолет и мешок с деньгами их королевских высочеств. Заперев оружие и добычу в ящик стола, Ник зажег лампу и посмотрел на Александру, гоня прочь мысль о том, что она вскоре должна выйти за Кита.

– Клянусь, я самый счастливый дьявол во всем мире. Отправляясь в Лондон, я понятия не имел, какой приз ждет меня. Сама судьба привела тебя ко мне. Ты хоть понимаешь, насколько ты мне дорога, Александра?

Сердце ее пело от радости.

– Правда, Николас?

– Ты сама убедишься в этом, душа моя, прежде чем покинешь мою спальню. – Он подошел к камину и зажег свечи в двух серебряных канделябрах. Комнату залило теплое сияние. – Позволь мне посмотреть на тебя, никак не могу налюбоваться.

Александра застыла на месте, разрываясь между любовью к этому мужчине и долгом перед Китом. Она ведь обручена с братом Ника. От глубокого голоса Ника у нее мурашки по спине побежали. Выбор сделан, Алекс сняла накидку, бросила в кресло вместе с маской и

ридикюлем. Их взгляды встретились.

– В этот раз я сам тебя раздену. – Ник попытался улыбнуться, но мышцы свело от желания. Он снял взятый взаймы сюртук, повесил в шкаф рядом с выцветшей формой и протянул к ней руки: – Иди ко мне, Алекс, я всю жизнь тебя ждал.

Ей хотелось броситься ему на шею, но, помня о его ранении, она осторожно прильнула к нему. Он обнял ее и прижал к сердцу.

– О, Николас, я так тебя люблю, всегда любила! – Она закрыла глаза, погружаясь в море блаженства.

Он легонько коснулся губами ее локонов, прошелся по виску и щеке. Их губы слились в жадном, горячем поцелуе. Ника трясло от страсти, но он попытался взять себя в руки, понимая, что не может обрушить на неискушенную Алекс всю мощь своих чувств. В силу своей неопытности она полагала, что все знает. Николас намеревался насладиться каждым мгновением, каждой минутой. Он сел на кровать, усадил ее к себе на колени и стал раздевать.

Алекс выбрала для представления у Чарли платье со множеством пуговиц, чтобы расстегивать их медленно, одну за другой, испытывая терпение публики. Теперь же роли переменились, и пуговицы расстегивал мужчина, доводя ее до безумия. Он обнажил ее плечи и дотронулся губами до нежной кожи, точно жемчуг сияющей в теплом свете свечей. Ласковые пальцы опустили лиф, губы припали к полной груди. Язык принялся играть с соском, который тотчас же затвердел. Ник покусывал и целовал сосок, пока Алекс не застонала от удовольствия.

Он уложил ее на кровать, зарылся лицом в ее золотые локоны, вдыхая их упоительный аромат. Когда же он поднял голову и заглянул в зеленые глаза, у него перехватило дыхание. Ее лицо дышало страстью.

Алекс дрожащей рукой провела по его угольно-черным бровям, высоким скулам и губам. Он раскрыл уста, приглашая ее внутрь, и облизал ее пальчик. Жаркая волна прошла от пальца вверх по руке и дальше, к груди и животу, поселившись между ног.

– Николас... пожалуйста!

Он приподнял ее и избавил от одежды, оставив лишь черные чулки с подвязками. Затем покрыл поцелуями шею, грудь, живот и потаенные местечки. Она изогнулась и снова выкрикнула его имя. Чресла налились болью, он поспешно стянул с себя узкие рейтузы, сжимавшие плоть, и его петушок тут же поднял головку. Нику удалось снять с нее один чулок, но больше он ждать не мог.

– Раздвинь ножки, милая, – прошептал он, – и сомкни их на моей спине.

Он прижался восставшим членом к ее потаенной пещерке. Медленно опустился, вжимая ее в кровать, поцеловал в ушко и стал нашептывать ласковые слова, объясняя ей, что собирается сделать. Поведал ей о тех ощущениях, которые ей предстоит испытать, о том, как безумно хочет ее. Рассказал, как долго и сколько раз собирается заняться с ней любовью и какими способами. Его руки исследовали каждый изгиб ее тела, пока она не застонала от желания.

Николас потерялся членом о ее мокрые губки, и она задохнулась от удовольствия. Он взял пенис в руку, погладил головкой крохотный розовый бугорок. Она заметалась по подушке, он поймал ее губы своими губами и просунул язык, изображая действие, которое намеревался совершить.

Ник вошел в нее, затем вышел, снова вошел, снова вышел, с каждым разом погружаясь все глубже и глубже, возбуждая ее. Когда Алекс, обезумев от страсти, вскрикнула и впилась зубами в его плечо, он резким движением прорвал оборону и остановился.

– Ты в состоянии вынести это, любовь моя? – Его голос сел от страсти.

«Так вот что испытывает женщина, когда мужчина входит в нее и делает ее своей». Она и представить себе не могла ничего подобного. Он нависал над ней, такой большой, мускулистый, властный.

– Люби меня, Николас!

Александра прижалась к нему, стараясь не обращать внимания на боль и сосредоточиться на удовольствии. Николас увлек ее на вершину блаженства. Они двигались в одном ритме, в старом, как мир, танце влюбленных.

Николас вскрикнул, ощутив, как вырывается семя из чресел. Они прижались друг к другу и замерли в своем гнездышке, счастливые и умиротворенные.

Алекс не могла отвести от него глаз. Этот красавец навсегда изменил ее, ей уже не стать прежней. На ее губах заиграла улыбка. Не только она, весь мир изменился! Тут ее взгляд упал на капли крови на белоснежной простыне.

– У тебя снова открылась рана! – ужаснулась Алекс.

– Мне кажется, это твоя кровь, сердце мое.

Она не сразу сообразила, о чем он толкует.

– А-а, пожалуй, ты прав. Совсем забыла!

Изнывая от нежности, он прижал ее к сердцу. Алекс принадлежит ему. Только ему!

Вскоре Алекс уснула в объятиях любимого. Ник лежал и смотрел в темноту. Сон бежал от него. Он не раскаивался в поступках, совершенных им за последние несколько дней. Грабежами он лишь восстановил справедливость. Теперь его преступная деятельность подошла к финалу. Совсем другое дело Александра. Он нарушил кодекс чести в отношении брата, чего не позволял себе ни разу в жизни, и, хотя не сожалел о том, что произошло между ним и Алекс, чувство вины его не отпускало.

Николас проанализировал свои чувства к лежавшей рядом женщине. Он искренне, всем сердцем любит ее. Кристофер может дать ей все, чего Николас дать ей не может. Кристофер подарит ей титул, Хаттон-Холл. При мысли, что Алекс пожертвует буквально всем из любви к нему, Ник испытывал боль. И все же он не отпустит Алекс. Николас поклялся себе любить и лелеять эту женщину отныне и во веки веков.

Кристофер проспал в Хаттон-Холле до полудня. Похмелье было тяжелым. «Неужели я только вчера был на скачках в Эпсоме?» Взгляд упал на деньги, валявшиеся на прикроватном столике. Видимо, удача сопутствовала ему. В то же время ему пришлось пережить какой-то неприятный момент. Кит сдвинул брови, силясь вспомнить, что произошло, и тут его осенило – Джереми Итон! Колени у Кита подкосились, и он в изнеможении опустился на кровать.

В своем нынешнем состоянии он совершенно беспомощен, но от виски в ближайшее время нужно отказаться, если он хочет избавиться от этой мерзкой пиявки. После обеда он пойдет постреляет. Разумеется, он превосходный стрелок, но даже ему тренировка не повредит. Дуэль не прощает промахов.

Кит так и не вспомнил, предлагал ли он Руперту съездить на следующей неделе в Лондон. Поскольку присутствие друга являлось одной из главных составляющих его плана, стрельбу по мишеням придется заменить на визит к Хардингам. Как только пройдет похмелье. Кит дернул за колокольчик. Мистер Берк не замедлил явиться.

– Намешайте мне той мерзости, которую вы давали отцу от похмелья. И заприте на замок виски, мистер Берк. Мне никогда еще не было так плохо!

Александра распахнула глаза, увидела Николаса и одарила его лучезарной улыбкой.

– Это самое счастливое утро в моей жизни! – Она подставила ему губы, и он запечатлел на них поцелуй. – Как твоя голова?

– Болит не больше, чем при похмелье; к счастью, лекарство у меня под рукой, – поддразнил он ее.

Ему выпало счастье посмотреть, как она спит. Александра была восхитительна. Веки у нее такие прозрачные, что каждую венку видно. Густые черные ресницы с рыжеватыми кончиками полумесяцами лежат на щеках. Носик маленький, прямой, уголки чувственных губ приподняты.

– Я всегда была лекарством от всех твоих недугов, Николас, ты просто не замечал.

Он посмотрел на нее.

– Я знал об этом, сердечко мое. Как, по-твоему, мне удалось пережить год на войне? В самый трудный час мысли о тебе спасали меня от безумия. До сих пор ты была моей тайной.

Его слова опьянили ее. Она коснулась его груди и почувствовала, как тяжело бьется его сердце.

– Все тайное становится явным. Что мы теперь будем делать?

На его губах заиграла улыбка.

– Займемся любовью, конечно. Всеми возможными способами, о которых я рассказал тебе вчера ночью.

Она обвила его шею руками и выгнулась ему навстречу.

– Мне нравится быть женщиной, особенно твоей, – прошептала она. – Поставь на мне еще одну свою печать.

– Непременно, мой длинноногий жеребенок.

Любовники выбрались из постели только к полудню. Ник никогда в жизни так поздно не поднимался. Когда он позвонил в колокольчик и велел принести горячей воды, Алекс спряталась за дверью и вышла только после того, когда ванна была готова. Она погрузилась в воду и застонала от удовольствия.

– Ты суший дьявол! Я понятия не имела, что занятия любовью отнимают столько сил. Полагала, что женщина просто лежит, устремив взгляд в потолок.

Ник засмеялся.

– Рад избавить тебя от иллюзий, милая.

Он шагнул в ванну, чтобы воплотить в жизнь еще одну свою фантазию.

– Удовольствие делить с тобой кровать и ванну превосходит все ожидания.

– Мы здесь не уместимся! – притворившись испуганной, воскликнула Алекс.

– Еще как уместимся, и я докажу тебе это, как доказал, что мы подходим друг другу. –

Он поднял ее и усадил к себе на колени.

– Я ошиблась, оба раза. Мы подходим друг другу, как валлийские ложки, – радостно прошептала она, потеревшись задом о его мужское достоинство.

И лишь когда пришла пора одеваться, Алекс вспомнила, что у нее нет свежего белья.

– Мне придется сходить на Беркли-сквер за одеждой. Где мой второй чулок?

– Посмотри в кровати. Он определенно был на тебе, когда мы в первый раз занялись любовью.

Алекс откинула одеяло и в ужасе уставилась на последствия их любовных утех. Вскоре один из слуг узнает об их секрете!

– Я не смогу вернуться сюда, – произнесла Алекс. – Как я посмотрю Фентону в глаза? Мы можем переехать на Беркли-сквер?

Ник сгрел ее в объятия и взял за подбородок, повернув к себе лицом.

– Не все ли равно? В вашем особняке тоже есть слуги, Алекс. Только там я окажусь в твоей постели, а здесь – ты в моей.

– Хопкинс меня не осудит. По крайней мере до сих пор не осуждал. Нынче воскресенье. Дотти ждет меня домой. Я напишу ей, что задерживаюсь. Не стоит волновать старушку.

Николас чувствовал, что Алекс хочет вернуться на Беркли-сквер одна.

– Я соберу кое-какие вещи и через час приеду. И Атласа возьму, прокатимся верхом после обеда. – Он озорно улыбнулся ей. – Не хочу шокировать Хопкинса, без предисловий затащив тебя в постель.

Александра вспыхнула, потом рассмеялась, хоть и понимала, что им предстоит шокировать не только Хопкинса. Она старалась не думать о Кристофере Хаттоне и его реакции на расторжение помолвки. И гнала прочь мысли о Дотти. Бабушка сойдет с ума, узнав, что ее внучка согрешила и фактически сбежала с «безродным мужланом», как она сказала однажды о Николасе Хаттоне!

Хопкинс и бровью не повел, увидев Александру, которой не было всю ночь. Она надела костюм для верховой езды и набросала Дотти записку. После легкого ленча Алекс отдала письмо Хопкинсу и попросила немедленно его отправить.

– Не хочу, чтобы Дотти беспокоилась. Я сообщила ей, что платье, купленное у мадам Мартен, требует доделки. – Откровенная ложь окрасила ее щеки в нежно-розовый цвет, но Хопкинс без лишних слов взял записку.

Едва поев, Алекс бросилась к окошку в ожидании Николаса. Она уже скучала по любимому. Даже воспоминание о нем заставляло ее сердце биться быстрее. Алекс по уши влюбилась в него, и каждая ее клеточка пела от восторга. Алекс засмеялась. «Теперь я понимаю, как Каро Понсонби осмелилась подарить Байрону волосы с лобка! Она просто с ума по нему сходила!»

У Алекс перехватило дыхание, когда она увидела Николаса верхом на Атласе. Девушка запретила себе мчаться вниз сломя голову и сделала несколько глубоких вдохов, раздумывая над тем, что скажет Хопкинсу. Покинув спальню, Алекс медленно спустилась по лестнице.

Хопкинс опередил ее и открыл входную дверь. Добродушное лицо дворецкого расплылось в улыбке.

– Лорд Хаттон, поздравляю вас с помолвкой! Для меня большая честь приветствовать вас на Беркли-сквер. Уверен, вы сделаете Александру счастливой.

Алекс мигом преодолела оставшиеся ступеньки.

– Хопкинс, он не... – Она посмотрела на Ника, но тот кивком велел ей молчать.

Ник провел рукой по волосам, копируя излюбленный жест Кита.

– Александра хотела сказать вам, что мне не следует находиться с ней в Лондоне до свадьбы, но, я надеюсь, вы поймете мое нетерпение, Хопкинс.

– Ваш секрет умрет вместе со мной, милорд. Я возьму вашу сумку.

– Сам справлюсь. – Ник подмигнул Хопкинсу и протянул ему банкнот в пять фунтов.

Алекс поспешила наверх. Щеки ее полыхали огнем.

– Почему ты выдал себя за Кита? – накинулась она на Николаса, когда тот закрыл за собой дверь ее спальни.

– Чтобы не поставить верного слугу в неловкое положение, а тебя избавить от объяснений и спасти твою репутацию, Алекс!

– Бог мой! У меня больше нет никакой репутации, я пустила ее по ветру. Туда ей и дорога. Я не собираюсь подсчитывать убытки!

Николас обнял ее и поцеловал в макушку. «Если ты выйдешь за меня, убытки придется подсчитывать, Алекс. Это будет стоить тебе титула и Хаттон-Холла».

– Хопкинс и глазом не моргнул, потому что считает меня твоим будущим мужем. Пусть и дальше пребывает в заблуждении.

Глаза Алекс лучились радостью.

– Но ты и есть мой будущий муж, я не солгала.

Ник накрыл ее губы поцелуем. «Сегодня так и есть, милая».

– Поедем кататься. Не могу дождаться, когда покажу тебя всему миру.

Влюбленные вернулись с прогулки уже в сумерках. Николай расседлал лошадей, почистил их, и они задержались в конюшне, обнимаясь, целуясь и нашептывая друг другу ласковые словечки.

Домой они пришли затемно. Хопкинс сообщил им, что ужин готов, и по восхитительным запахам они поняли – прислуга расстаралась, блюда для них приготовили особенные, праздничные.

– Нельзя ли принести еду наверх, Хопкинс? – попросил Ник. – Не создаст ли это лишних проблем?

– Ничуть, милорд. Я сам подам ужин и прослежу, чтобы вас никто не беспокоил.

Сгоравшая от стыда Алекс помчалась к себе. Просто удивительно, как быстро мужчины находят общий язык, особенно в том, что касается флирта! Девушка улыбнулась.

Может, стоит надеть новое платье? Она отдала Нику его сумку.

– Переоденься в спальне напротив. У меня для тебя сюрприз.

– Мы одеваемся для ужина? – ужаснулся он. – Я бы предпочел поесть в постели. Это возбуждает аппетит.

– Иди! – Алекс вытолкала его за дверь, сняла костюм, налила в таз воды и умылась. Внезапно дверь распахнулась, Ник ворвался в спальню, схватил ее за руку и поволок в комнату Дотти.

– Кто это нарисовал? – ткнул он пальцем в портрет над камином.

– Похоже, правда? – поддела его Александра.

– Бесенок! Мне придется раздеть тебя, чтобы убедиться. – Не успела она опомниться, как Ник стянул с нее рубашку и панталоны. Злость испарилась без следа, голос сел. – Сними чулки и подвязки, как делала это на сцене. Я хочу посмотреть.

– Сначала разденься сам! – решила она на шантаж.

Ник не стал терять времени. Когда на нем не осталось ни единой вещички, она подняла ногу, расстегнула подвязку и медленно, дюйм за дюймом, сняла чулок в черно-белую полоску.

Николас не стал ждать повторения. Он поднял ее и усадил на свой вздыбленный пенис.

– Боже, Ник, на портрете не я, а Дотти. И я не могу заниматься любовью у нее на глазах!

– Нам повезло, что твоя кровать в другой спальне. – Он подхватил ее на руки и пересек коридор.

Глава 31

В субботу вечером Кристофер Хаттон два часа стрелял по мишеням из дуэльных пистолетов. Закончил только с наступлением полной темноты, резонно предположив, что света в ранний час будет не слишком много. На подходе к Хаттон-Холлу он перезарядил пистолет и пальнул по попавшемуся на глаза грифону. Выстрел угодил прямо в цель, добавив Киту уверенности в себе. Он был готов к встрече с противником.

В понедельник утром Кит собрал сумку, оседлал Разбойника и поехал в сторону Хардинг-Хауса.

Завидев друга, Руперт вздохнул с облегчением:

– Я боялся, как бы ты не забыл о том, что мы собирались на этой неделе в Лондон. Жду не дождусь оказаться в своем городском особняке без новоиспеченных родственничков.

– И без жены, – осклабился Кит.

– Мы с Оливией неплохо уживаемся, знаешь ли. Отец и Аннабель – вот кто меня раздражает.

– Не понимаю, что мой папаша в ней нашел, – презрительно фыркнул Кит.

– Может, она необычайно темпераментна, – пожал плечами Руперт, подумав, не семейная ли это черта? – Я готов. А ты почему верхом? Где фэзтон?

– Ник уехал на нем в Лондон, так что он уже на месте.

– В Эпсومه тебе везло, – заметил Руперт, седлая лошадь. – Будем надеяться, что удача не отвернулась от тебя.

– Садясь за карты, я всегда чувствую себя удачливым, но судьба-злодейка неизменно поворачивается ко мне спиной. – Кит посмотрел на друга и решил, что пора посадить первое зерно своего плана: – У этого ублюдка Джереми Итона до сих пор имеется одна из моих расписок. Попытаюсь уговорить Ника сыграть за меня. Хазард Хаттон никогда не проигрывает!

– По-моему, фортуна чертовски благоволит тебе, Кит. Отец оставил тебе все, включая титул, скоро ты и Александру получишь. Вряд ли ты захотел бы поменяться местами с Ником.

– Нет, конечно. Тем более что удача – дама капризная.

Они быстро одолели путь длиной в шесть миль. Кристофер простился с Рупертом на Кларджес-стрит и свернул на Керзон. Кит поставил Разбойника в стойло, оставив его на попечение грума, и бросил взгляд на гнедых. «Надеюсь, Ник решил проблему. Из-за этой чертовой пары меня подняли на смех!»

Кристофер открыл дверь своим ключом и столкнулся лицом к лицу с Фентоном.

– Мой брат здесь?

– Никак нет, милорд.

– Не знаешь, где он и когда вернется?

– Не знаю, милорд. – Фентон не слишком жаловал лорда Хаттона и не собирался снабжать его информацией. – Обедать будете, милорд?

– Буду. Вели подать через час, – распорядился Кит. – Но на ужин не останусь.

– Хорошо, сэр.

Кит сам отнес сумку в спальню, бережно достал дуэльные пистолеты и направился в покои брата. Первым делом он обыскал письменный стол Николаса, но ничего не нашел. «Черт, должно быть, он уже отнес документы в банк. Вот как он мне доверяет!» Следующим объектом стал гардероб. Одежды в нем было немного. Кит посмотрел на выцветшую военную форму, закрыл шкаф и вернулся к себе. Он чувствовал, что нервы на пределе. Нужно успокоиться. Кита затрясло от желания выпить, но он взял себя в руки, развесил одежду, уселся за стол, взял колоду карт и принялся тасовать.

В тот вечер Кит уговорил Руперта пойти в «Будлз». Ему хотелось попрактиковаться в карточных трюках перед встречей с Джереми Итоном, назначенной на вторник.

С самого начала стало понятно, что фортуна не повернулась к нему лицом. К одиннадцати он потерял почти все свои деньги, выигранные на скачках в Эпсоме. Руперт с тревогой наблюдал за другом.

– Послушай, может быть, хватит на сегодня? Не могу смотреть, как твои денежки утекают сквозь пальцы!

Несмотря на ранний час, Кит согласился уехать домой.

На Беркли-стрит Николас и Александра стояли перед зеркалом. Алекс была высокой, но все равно едва доставала Нику до подбородка. Его сильные мускулистые руки обнимали ее сзади. Алекс прикрыла глаза и загадала желание – чтобы они всегда были так же счастливы, как сейчас.

В этот вечер она надела новое бледно-зеленое платье, и они пообедали, сидя в креслах за маленьким столиком. Однако к десерту Ник не выдержал.

– Ты сегодня прекрасна! – произнес Ник, сгорая от желания прикоснуться к ней.

Он сгрел ее в охапку и поставил перед зеркалом.

Его глаза затуманились от желания. Он раздел ее и буквально пожирал взглядом. Сердце ее гулко забило в груди, по телу прокатилась горячая волна.

Он накрыл ее груди ладонями.

– Я хочу, чтобы ты увидела, как я занимаюсь с тобой любовью. Чтобы ты увидела, как ты красива.

Алекс с замиранием сердца смотрела, как он опускается перед ней на колени, прижимаясь губами к золотистым кудряшкам. Пальцы сжали ее округлости, язык проник в потаенное местечко в поисках заветного бутончика. Она запустила пальцы в черные кудри. Его язык проникал все глубже и глубже, поднимая ее на вершину блаженства. Она впилась ногтями в его плечи и поймала в зеркале свое отражение. Ник сказал правду! В этот момент она была восхитительно красива – голова запрокинута, золотистые локоны спутались, в зеленых глазах полыхает страсть, пухлые губы шепчут его имя: «Николас!»

Он подхватил ее на руки, отнес на кровать и разделся, не отрывая от нее взгляда. Затем положил ее на бок, лег сзади, взял в ладони ее груди и вошел в нее. Перевернул ее на живот, встал на колени, дожидаясь, пока она привыкнет к новой позиции и прочувствует всю ее прелесть. Медленно, осторожно, он начал движения, постепенно набирая темп и доводя и ее,

и себя до иступления. Александра вцепилась в простыню, из горла вырвался крик.

Перед тем как заснуть, Николас поднял ее волосы и поцеловал Алекс в шею.

– Мы действительно подходим друг другу, как валлийские ложечки.

Он прижал ее к сердцу и понял наконец: несмотря на все благородные намерения и желание, чтобы Александра получила титул леди и стала хозяйкой Хаттон-Холла, он ни за что на свете не уступит эту женщину брату. Она – смысл его жизни.

Александра проснулась с радостным ощущением близости Николаса. Он здесь, рядом, в ее постели! Что еще нужно для счастья? Алекс придвинулась к нему, и вдруг в ней заговорил голос совести. Она позволила любимому поцеловать себя и высвободилась из его объятий.

– Ник, мы говорили о браке, но у меня есть один секрет, и я должна поведать тебе о нем, прежде чем ты станешь моим мужем.

– На свете нет ничего, что может заставить меня разлюбить тебя, сердце мое.

– Я... я не наследница, как все полагают. Деньги моей бабушки кончились. Она взяла заем в банке и заложила Лонгфорд-Мэнор. Это и заставило меня работать у Чарли Шампань.

Николас ошеломленно уставился на нее:

– В таком случае Дотти превосходная артистка!

– Она превосходная бабушка! Но об этом никто не должен знать, это секрет Дотти, а не мой. Даже городской особняк и тот принадлежит Невиллу Стейнсу. Единственное, что у меня есть, – это приданое... тысяча фунтов.

Неожиданно Николас разразился смехом и хохотал, пока по щекам не покатались слезы. Он вытер глаза. «Ирония судьбы!»

– Не вижу ничего забавного, – насупилась Алекс.

Ее признание избавило его от чувства вины перед братом. Без денег Алекс не нужна Киту.

Он, конечно же, никогда не скажет ей об этом, не причинит ей боли.

– Я выкупил у брата Хаттон-Грейндж. Перебьемся как-нибудь. А если нужда станет наступать на пятки, на помощь придет Хаунслоу-Хит!

Алекс вздохнула с облегчением – ему все равно, есть у нее деньги или нет! Сердце ее пело от любви.

– Нужно сообщить Дотти о своих планах и – что гораздо важнее – известить Кристофера о том, что я за него не выйду. – Она выбралась из кровати и направилась к гардеробу. Алекс надела свежую рубашку и налила в тазик воды. Взгляд упал на чудесное обручальное кольцо.

– Я не должна его носить, не имею права.

Николас подскочил к ней.

– Не смей его снимать! – Он взял ее за руку, бриллианты и сапфиры полыхнули огнем, поймав лучик утреннего солнца. – Это кольцо очень дорого мне, Александра, но не из-за камней. Оно принадлежало моей матери. Если сохранишь его, сделаешь меня самым счастливым человеком на земле.

Глаза Александры распахнулись от удивления. То же самое говорил ей Кит в день помолвки. «Не Кит подарил мне кольцо. Это был Ник!» Она одернула себя: «Не городи ерунды! Не смей путать их только из-за того, что они близнецы». Она вернулась мыслями в ту волшебную ночь на озере. «Кит говорил о глубокой любви к Хаттон-Холлу и украл мое сердце. Я почувствовала родство душ, коего вовек не испытывала. А когда Кристофер поцеловал меня, мне захотелось, чтобы этот поцелуй длился вечно и никогда не кончался». Ее внутренний голос зазвучал еще настойчивее: «Потому что это был Николас, а не Кристофер!»

Ник с благоговейным трепетом провел пальцем по ее щеке, и Александра вдруг сообразила, что это типичный для него жест. И в ту ночь на озере он проделал то же самое. «Посмотри на меня, Алекс, я хочу открыть тебе свое сердце».

Алекс отстранилась от него и вытянула украшенную бриллиантами руку. Пальцы ее дрожали.

– Это ты подарил мне кольцо вашей матери. Не Кристофер, а ты, не так ли?

Их взгляды встретились, и Николас понял, что лгать не имеет смысла.

– Это я дал тебе кольцо, Александра.

Ее лицо исказилось от ужаса.

– Да как ты мог!

– Обед уже был готов, все продумано до последней детали, а Кит неожиданно заболел.

– Я имела в виду не то, что ты притворился Кристофером! Как ты мог соблазнить меня и заставить обручиться с твоим близнецом?!

– Теперь я проклинаю себя, но в тот момент мне это казалось правильным, Алекс.

– Правильным? Ушам своим не верю! Да это самый циничный поступок, о котором мне доводилось слышать, Ник Хаттон!

Предательство! Настоящее предательство! Николас сделал ей предложение от лица своего брата. Он никогда не поступил бы так, если бы любил ее по-настоящему. У нее было такое чувство, будто чья-то жестокая рука вырвала из груди ее сердце и медленно, беспощадно сжимала его в грубой ладони. У Алекс осталось лишь одно оружие – ее острый язык, и она не преминула воспользоваться им. Только так она могла причинить ему боль.

– «Ты и только ты можешь стать хозяйкой Хаттон-Холла, леди Хаттон. Я хочу, чтобы его красота и сила защитили тебя. Хочу видеть, как твои дети со смехом бегают по лужайкам Хаттон-Холла. А потом поместье перейдет к твоим внукам, и я надеюсь, что следующие поколения будут относиться к нему с той же любовью и привязанностью, что и я!» – бросила она ему в лицо его собственные слова.

Алекс поспешно влезла в костюм для верховой езды и натянула сапоги.

Ник в отчаянии схватил ее за плечи и хорошенько потряхнул.

– Выслушай меня, бесенок!

– Вам мало лжи, да? Уберите от меня свои лапы!

– Упрямая стерва! – выругался он.

– Ты сам дьявол во плоти, Ник Хаттон! Ненавижу тебя!

Он хотел было броситься за ней и притащить обратно, но передумал. Ник знал, что дурно обошелся с Александрой и ему нет оправдания. Нужно дать ей время остыть немного и осмыслить произошедшее. Когда она поймет, как сильно он ее любит, сама вернется.

Прошел час, но Алекс не возвращалась, и Ник начал сомневаться, а любит ли она его по-настоящему? Он собрал вещи, спустился в конюшню, оседлал Атласа и поехал на Керзон-стрит. В стойле городского особняка Хаттонов бил копытом Разбойник, жеребец Кита. Кого ему сейчас не хотелось видеть, так это брата. Николас повернул Атласа и помчался в Хаттон-Холл.

Александра вспомнила про платье и шаль для Дотти уже на подъезде к Лонгфорд-Мэнору. Глаза наполнились слезами. Снова придется лгать, а она уже по горло сыта ложью!

В тот вечер Кристофер Хаттон стоял перед зеркалом в спальне брата на Керзон-стрит. Если он хочет, чтобы его обман удался, нужно не упустить ни одной детали. Кит надел лучший вечерний костюм, зачесал волосы назад, как это делал Ник, так же тщательно, как Ник, завязал шейный платок.

– Внешне мы ничем не отличаемся, – заговорил он со своим отражением в зеркале, как если бы это был Николас. – Голос у нас тоже похож, и я могу держаться с той же беспечной горделивостью Льва. – Он прищурился и окинул себя оценивающим взглядом. – Вот только твоей уверенности у меня нет, черт бы тебя побрал!

Входная дверь хлопнула, Руперт пожелал Фентону доброго вечера. Кит подавил зародившуюся в душе панику и крикнул, прежде чем дворецкий испортил дело бездумно брошенной фразой:

– Поднимись наверх, Руперт!

Руперт с удивлением обнаружил, что спальня Кита пуста, и направился к Нику.

– Кит уговорил меня сходить с тобой в «Уайтс». Хочет, чтобы я отыграл его расписку у нашего несносного кузена Джереми Итона. Поскольку я не член клуба, придется пойти в качестве твоего гостя. Ты ведь не против, Руперт?

– Конечно, нет, Николас, но где же Кит?

– Укатил в Хаттон. Похоже, хочет провести вечер с Александрой.

– Ну, это хорошо. По правде говоря, я до самой помолвки сомневался, что он сделает ей предложение, – признался Руперт.

– Кит куда смелее, чем многие полагают, – огрызнулся он, взяв цилиндр и трость. – Идем?

Для вторника народу в клубе собралось немало. По всей видимости, многие джентльмены оставили своих жен в деревне и приехали в город повеселиться.

Кит осмотрел залы, Итон еще не прибыл. Кит выругался. Ожидание непременно скажется на его нервах, а они и без того расшатаны. Трижды его поприветствовали как лорда Хаттона, и всякий раз он выдавал себя за Ника! Реакция была практически одинаковой – его поздравляли с победой над Наполеоном и благополучным возвращением в Лондон. Кит еле сдержался, чтобы не заскрежетать зубами.

Кристофер сел за фараона, любимую игру Николаса. Вечер тянулся бесконечно, Кит отдал бы все за виски, но любезно взял у Руперта стакан кларета, который его брат обычно пил за игрой.

И вдруг волосы встали дыбом у него на загравке – инстинкт безошибочно подсказал ему, что в комнату вошел враг. Кит, не оборачиваясь, перешел за другой столик. Итон предпочитал игру в двадцать одно.

Руперт последовал за ним и кивнул юному лорду Митфорду, знакомому близнецов.

– Привет, Харм. Не меня поджидаешь? – протянул Джереми.

– Очень жаль разочаровывать тебя, кузен. Это Николас, а не Кристофер, но я действительно ждал тебя.

Новость на мгновение выбила Итона из колеи, но он тут же взял себя в руки.

– У меня дело к твоему братцу. Где он?

– Я за него. Тебе придется решать все дела со мной. Насколько мне известно, у тебя одна из расписок лорда Хаттона. Сыграем? – предложил Кит.

– А, благородный капитан прискакал на помощь близнецу! И не в первый раз, не так ли? – фыркнул Итон. – Говорят, тебе дьявольски везет, но что-то мне подсказывает, что твоему везению скоро придет конец.

Руперт стоял за стулом Хаттона и молча слушал перепалку. Ноги точно к полу приросли.

Кит Хаттон поднял было руку, чтобы пробежать пальцами по волосам, но вовремя одернул себя. Этот жест может выдать его с головой. Он взял колоду и начал раздавать карты по кругу, нарочно сдав себе блэкджек, чтобы обеспечить первый ход.

Кит быстро собрал карты, долго тасовал их. Перевернул верхнюю, показал присутствующим и положил вниз колоды. Потом сдал каждому игроку по карте и подождал, пока они сделают ставки. Игроки отсчитали по две фишки, Кит на правах раздающего предложил удвоить сумму.

Итон с ухмылкой поддержал Кита и стал наблюдать за тем, как Хаттон сдает каждому еще по одной карте. Ухмылка сползла с его лица, когда он увидел, что Хаттон кладет себе туза.

Кит с напускной беззаботностью перевернул короля. Получилось двадцать одно очко, и он сгреб выигрыш. Не глядя на Итона, Кит взял колоду, перетасовал и снова сдал по одной карте. Все снова сделали ставки.

Кит опять положил себе туза.

– Вы жульничаете, Хаттон! – вскочил на ноги Джереми Итон.

Над столиком повисла гробовая тишина. Кит сделал вид, будто оскорблен до глубины

души, и поднялся из-за стола.

– Вы бросаете мне вызов?

– Да! Я ставлю под сомнение вашу честность!

– Если это вызов на дуэль, Итон, я принимаю его.

«Он проглотил наживку и прилюдно обвинил меня!»

Кровь отхлынула от лица Джереми Итона.

– Будете моим секундантом, Руперт. Насколько я понимаю, выбор оружия, времени и места за мной, – заявил Кит. – В Грин-парке на рассвете. Я привык к своему армейскому оружию, но у меня есть дуэльные пистолеты. Выбирайте себе секунданта.

Итон попросил Тревора Митфорда выступить его секундантом и кивнул, когда тот ответил согласием.

Кровь Кита Хаттона вскипела, в висках застучало. Первая часть плана прошла удачно. Жребий брошен, обратной дороги нет. Он собрал выигрыш и вышел из зала.

Тревора Митфорда посмотрел на Руперта:

– До рассвета всего несколько часов! У нас мало времени для приготовлений!

– Нам нужен врач, – проговорил Руперт.

– У меня есть друг, доктор, – сказал Митфорд. – Я тотчас же с ним свяжусь.

Руперт повернулся к Джереми Итону, но того уже и след простыл. Все взоры были устремлены на Руперта. Он вздернул подбородок и окинул взглядом окружающих мужчин.

Джереми Итон перепугался не на шутку. Ему предстояло сразиться на дуэли с грозным соперником, а не со слабаком-кузеном. Он стремительно одолел Сент-Джеймс-стрит и свернул на Пиккадилли, лихорадочно размышляя над тем, как выбраться из ловушки, в которую угодил. Едва держась на ногах, Джереми поймал кеб.

– Вперед! Не важно куда...

Итон не замечал ничего вокруг, пока экипаж не оказался в районе «Ковент-Гардена». Он выглянул в окошко и заметил вывеску «Боу-стрит». Вот оно, решение всех проблем!

В начале третьего утра Руперт и Тревор Митфорд осмотрели традиционные места проведения дуэлей в Грин-парке и остановили выбор на окруженной деревьями полянке. Экипаж Митфорда завез Руперта на Керзон-стрит и поехал за доктором. Около трех Руперт поднялся в спальню Ника Хаттона.

Глаза его распахнулись от удивления, когда он увидел Николаса в форме капитана Королевской конной артиллерии.

– Разве можно идти на дуэль в офицерской униформе? Не боишься наклепать на свою голову беду?

– Я уже в беде, – рассмеялся Кит. – Дуэли запрещены законом.

– Что правда, то правда! Можно решить все мирным путем, – предложил Руперт, нервно ослабив узел на шейном платке.

Вместо ответа Кит Хаттон протянул Руперту кожаный кейс с дуэльными пистолетами. В глазах появился нездоровый блеск.

– Итон описается от страха при виде моей формы!

– Знаешь, вряд ли Кит действительно хочет, чтобы ты застрелил Джереми Итона из-за какого-то там карточного долга, – не сдавался Руперт.

– Ошибаешься. Кит хочет именно этого.

Руперт взвесил на ладони кейс.

– Я не эксперт в оружии, но, насколько мне известно, должен проверить пистолеты.

– Не нужно. Я их почистил. Все в полном порядке. Пули и порох на месте.

– Во Франции ты наверняка каждый день был под обстрелом, но я к таким вещам не привык.

– Пистолет может стать твоим лучшим другом, Руперт. – Глаза Кита сверкали от возбуждения, смешанного со страхом.

Руперт облизнул пересохшие губы.

– Время близится к четырем. Пора выходить.

Мужчины добрались до угла Керзон и свернули на Кларджес. Проходя мимо своего городского особняка, Руперт с тоской посмотрел на высокое здание, всем сердцем желая одного – оказаться в кровати, под защитой родных стен. Они пересекли Пиккадилли, вошли в Грин-парк и ступили на тропинку. Различив в темноте очертания двух экипажей и небольшой группы людей, Кит с Рупертом двинулись в ту сторону.

– Вы привезли врача? – спросил Руперт Тревора Митфорда.

Митфорд кивнул в сторону одного из экипажей.

– От Итона ни слуху ни духу. Не видел его с тех пор, как мы покинули «Уайтс».

– Будем надеяться, что он не появится! Поверить не могу, что все это происходит на самом деле!

Количество зрителей увеличилось – высший свет обожал кровавые разборки.

– Позвольте проверить оружие. – Митфорд открыл кейс, извлек один из дуэльных пистолетов, но рассмотреть его как следует в темноте не представлялось возможности. – Похоже, все в порядке. – Он передал чемоданчик Руперту.

Руперт вернулся к Хаттону.

– Итон еще не показывался.

– Хочет поиграть у меня на нервах, но этот трюк не сработает! – заявил Кит, нетерпеливо расхаживая взад-вперед. В неясном предрассветном сумраке он увидел, что взгляды собравшихся прикованы к его униформе. Кит расправил плечи и поднял голову, изображая горделивого льва и стараясь вести себя так, как, по его мнению, повел бы себя Ник.

Джереми Итон прибыл один. Тревор тут же подошел к нему, и они заговорили о чем-то. Потом Митфорд подозвал Руперта, и тот неохотно присоединился к ним. Руперт открыл кейс, Итон осмотрел оружие и бросил тревожный взгляд через плечо.

Кристофер Хаттон больше не мог ждать. Он подошел к троице, выбрал пистолет и зарядил его. Митфорд протянул второй Итону, но тот не шелухнулся. Тогда Митфорд сам зарядил его.

– Джентльмены, не угодно ли вам решить ваши разногласия более цивилизованным способом? – затараторил Руперт.

– Ни в коем случае! – огрызнулся Хаттон. – Итон задел мою честь. Я требую сатисфакции!

– Джентльмены! – зазвенел голос Митфорда. – Встаньте спиной друг к другу и отсчитайте десять шагов. На десятом поворачиваетесь и стреляете.

Непримиримые враги встали спина к спине. Итон был блее полотна, лицо Хаттона горело. Тревор и Руперт начали отсчет:

– Один... два... три... четыре... пять... шесть... семь...

В этот момент на полянку въехал конный патруль с Боу-стрит.

– Именем закона, остановитесь!

На счет «восемь» дуэлянты повернулись. Кит Хаттон выстрелил, Джереми Итон рухнул на землю. Один из полицейских поспешил к жертве, два других схватили человека в военной форме. Первый отобрал у него пистолет, второй надел на него наручники.

– Николас Хаттон, вы задержаны по подозрению в убийстве вашего отца, покойного Генри Хаттона.

– Вы не того арестовали! – завопил Кит.

Полицейские взяли его под руки и повели прочь.

– Руперт! Руперт! Найди моего брата и немедленно привези ко мне!

Глава 32

Руперт несколько минут не мог двинуться с места, все стоял и смотрел в ту сторону,

куда увезли Николаса Хаттона. «Господь Вседержитель, его арестовали по подозрению в убийстве. Выходит, они не верят в то, что смерть Генри Хаттона всего лишь несчастный случай!» В ушах до сих пор звучали последние слова Ника: «Найди моего брата и немедленно привези ко мне!» Руперт попытался вспомнить, что говорил ему Ник по поводу Кита. «Укатил в Хаттон. Похоже, хочет провести вечер с Александрой». Руперт собрался и поспешил на Кларджес-стрит за лошадью. И только на полпути к Хаттон-Холлу сообразил, что не знает, умер Джереми Итон или жив.

Преподобный Дойл плохо спал последнее время. Вставал рано, в шесть утра уже был у алтаря церкви Хаттон, и сегодняшний день не стал исключением. Он жил за счет Хаттонов и редко критиковал их поступки, но поведение нынешнего лорда Хаттона шокировало его. В воскресенье, когда священник должен был огласить перед прихожанами имена новобрачных, Кристофер не появился в церкви. Впрочем, как и его невеста Александра Шеффилд. Долг требовал вразумить их, и Дойл непременно сделал бы это, если бы не боялся потерять место.

Священник выждал пару дней, но совесть так терзала его, что он решил действовать. Захватив в качестве талисмана молитвослов, он запер церковь и твердым шагом двинулся в сторону Хаттон-Холла.

Николас Хаттон без сна лежал в кровати, вспоминая события последних дней. Они казались ему настолько фантастичными, что невозможно было понять, явь это или игра воображения. Он действительно ограбил его королевское высочество принца-регента и получил пулю. Он действительно обнаружил Александру в борделе и действительно привез ее к себе на Керзон-стрит. Он действительно лишил ее невинности, но лишь после того, как признался ей в любви. И он действительно попросил ее руки.

Ник выругался, встал с постели, подошел к окну и оперся руками о подоконник, наблюдая за восходом солнца. Он весь вечер прождал ее в Хаттон-Холле и даже теперь упрямо гнал от себя все сомнения. Если она любит его, то непременно придет.

Когда мистер Берк принес ему чистую накрахмаленную рубашку и шейный платок, он в нерешительности закусил губу. Одеться ли ему попроще для работы с лошадьми в Грейндже или же, напротив, нарядиться на случай появления Александры? В итоге Ник выбрал нечто среднее – свежее белье, желтовато-коричневые бриджи и коричневые кожаные сапоги. Он взял книгу, которую пытался читать ночью, и вернул ее в библиотеку. Взгляд его упал на какую-то бумагу на письменном столе. Николас выругался. Это было специальное разрешение на брак на имя Кристофера Флинна Хаттона и Александры Шеффилд.

Стоило глазам пробежать по буквам ее имени, и внутри у него все сжалось. Сердце подсказывало Нику, что Алекс любит его и никогда не выйдет за его брата. Но разум твердил иное – у него нет ни титула, ни денег, ему нечего предложить ей. К тому же он обманул ее доверие. Почему бы ей и не отдать руку Кристоферу?

Алекс проснулась на рассвете, потянулась к Николасу и лишь мгновение спустя припомнила все перипетии вчерашнего дня. Она одна, в своей постели в Лонгфорд-Мэноре. Алекс прикрыла глаза, спасаясь от нахлынувшей боли. Щеки залила краска стыда. Рассказать о случившемся бабушке было выше ее сил.

– Маргарет стало хуже, милая, но она собирается дотянуть до вашей с Кристофером свадьбы, я в этом абсолютно уверена. Хочет убедиться, что тебе ничто не угрожает.

– Я пойду к ней!

– Нет, доктор дал ей настойку опия, и она наконец-то заснула. Не надо ее будить.

Этот разговор состоялся накануне между ней и бабушкой. А потом Алекс сказала Дотти, что свадебное платье еще не готово. И ни словом не обмолвилась об отмене бракосочетания с Кристофером. Боль, которую причинил ей Николас, еще не прошла. Но сегодня Алекс просто обязана объясниться с Дотти. Однако сначала она съездит в Хаттон-Холл и переговорит с Китом. Оба брата обманули ее.

Она надела серую юбку для верховой езды и серый жакет, отделанный черным кантом. Причесываясь, отметила, как сильно отросли у нее волосы, и раздраженно откинула локоны на спину. Девушку тошнило при одной мысли о еде, и она направилась напрямиком на конюшню седлать Зефира.

По дороге к Хаттон-Холлу она заметила вдалеке всадника, остановилась и прикрыла глаза ладонью. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди – только Николас носился с такой скоростью! Она поморгала глазами, присмотрелась повнимательнее и поняла, что это не Ник, а Руперт. Боже, что он здесь делает? Алекс повернула кобылу и поскакала навстречу брату.

– Руперт, что случилось?

– Я... э-э... я должен передать Киту послание.

– Что-то не так? Скажи мне!

– Ник бился на дуэли в Грин-парке, и его арестовали.

– На дуэли? – «Быть этого не может! Видимо, Руперт ошибается». – С кем же?

– Со своим кузеном Джереми Итоном. Вполне возможно, Итон мертв.

– Ник? – Алекс, не дожидаясь ответа, пришпорила лошадь и понеслась прочь.

– Стой! Подожди! – Руперт бросился за сестрой и перехватил у нее вожжи. – Не Ник умер, я имел в виду Итона.

– Я еду к Нику, если он арестован за убийство Итона.

– Он арестован по подозрению в убийстве.

– Но это же нелепо! Пусти меня!

– По подозрению в убийстве его отца, Алекс.

Ее глаза распахнулись от удивления, лицо побелело.

– Бессмыслица какая-то. Куда его забрали?

– Не знаю. Ник попросил меня сообщить Киту и привезти его в Лондон. Ты ничем не сможешь помочь, Алекс, это должен сделать Кристофер. Он английский лорд.

Пока они спорили, в сторону Хаттон-Холла проехала карета лорда Невилла Стейнса. Брат с сестрой посмотрели ей вслед.

– Плохие вести не стоят на месте, – буркнул Руперт, и они без лишних слов направились за каретой.

К тому времени как они привязали лошадей к дереву, лорд Стейнс, полковник Стивенсон и еще один человек уже вошли в холл. Преподобный Дойл поспешил вверх по ступенькам, дабы нагнать Александру до того, как они с братом переступят порог особняка.

– Госпожа Шеффилд, я хотел бы переговорить с вами, если позволите.

– Прошу прощения, преподобный Дойл, но я очень тороплюсь.

Священник поджал губы.

– Вы пропустили воскресную службу, на которой я объявил ваши имена!

Алекс вцепилась в рукав Руперта, опасаясь, что он оставил ее одну.

– У меня были неотложные дела в Лондоне, преподобный.

– А леди Лонгфорд?

– Она ухаживает за больной матерью. Извините, нам надо срочно поговорить с лордом Хаттоном.

Мистер Берк услышал настоящий стук в дверь и впустил Невилла Стейнса с двумя провожатыми.

– Чем могу помочь, лорд Стейнс?

– Здравствуйте, Берк. Это сержант Нортон из полиции Боу-стрит. Доложите о нашем приезде лорду Хаттону.

Берк тут же насторожился и переспросил:

– Могу ли я сообщить его светлости, в чем дело, лорд Стейнс?

– Николас арестован. Мы нужны в Лондоне.

Мистер Берк знал, что Николас находится в библиотеке, значит, в полицию попал

Кристофер.

– Я безотлагательно доложу его светлости, сэр.

Берк помчался наверх, выбрал элегантный камзол Кристофера от Шульца и побежал в библиотеку.

– В холле лорд Стейнс, полковник Стивенсон и сержант Нортон с Боу-стрит. Они настаивают на том, что Николас арестован, и желают поговорить с лордом Хаттоном. Похоже, они перепутали вас.

Ник нахмурился.

– Вы объяснили им, что к чему?

Берк протянул Нику камзол.

– Они желают поговорить с лордом Хаттоном, и я сказал, что незамедлительно доложу его светлости.

Берк проводил троицу в библиотеку.

– Будут какие-нибудь распоряжения, милорд?

– Проследите, чтобы нас не беспокоили, мистер Берк.

– Кристофер, это сержант Нортон из полиции Боу-стрит. Сегодня утром ваш близнец был задержан по весьма серьезному обвинению.

– На рассвете мы прервали дуэль в Грин-парке и арестовали вашего брата по подозрению в убийстве.

– Дуэль? – «Чертов идиот! Неужели нет предела твоим выходкам?» – Должно быть, здесь какая-то ошибка. С чего вы взяли, что это Ник Хаттон?

– Ошибка исключена, милорд. Ваш брат был в форме Королевской конной артиллерии.

Ник остолбенел. «Кит выдал себя за меня!»

– Противник убит?

– Его противник, Итон, ранен на дуэли, – сообщил Нортон.

Боже, какой из Итонов? Джон или Джереми?

– Если противник ранен, о каком убийстве идет речь?

Тут вмешался Невилл Стейнс:

– Речь идет о вашем отце, милорд. Похоже, кто-то сообщил в полицию, что это был не несчастный случай. Поскольку я подписал свидетельство о смерти в качестве коронера, а полковник является мировым судьей графства, Нортон поставил нас в известность. Но перед отъездом в Лондон мы настояли на том, чтобы приехать сюда и сообщить вам о трагическом происшествии.

– Мой отец погиб в результате несчастного случая, – тоном, не терпящим возражений, заявил Николас.

– Конечно, – согласился с ним лорд Стейнс. – Однако теперь придется провести тщательное дознание, дабы обелить имя вашего брата. А тем временем Николаса будут держать на Вуд-стрит.

– Насколько я понимаю, это неподалеку от Гилдхолла. Я должен срочно выехать в столицу. Спасибо за новости, господа.

– Спасибо вам, лорд Хаттон. – Нортон поклонился, Стейнс и Стивенсон кивнули.

Не успел Невилл распахнуть дверь, как в библиотеку ворвались Александра и Руперт. За ними вошел мистер Берк. Преподобный Доил топтался у порога.

– Я не смог остановить их, милорд, – извинился Берк.

– В этом нет нужды, мистер Берк.

Берк кивнул и отправился провожать гостей.

– Николас арестован по подозрению в убийстве вашего отца. Ты ведь знаешь, что это несчастный случай. Мы должны что-то предпринять! Немедленно!

– Мы? – Ник воспрянул духом. Алекс считает, что он попал в беду, и готова лететь ему на помощь!

– Я не хочу впутывать Александру в это дело, – вмешался Руперт.

– Ты был там, когда арестовали моего брата, Руперт?

– Да. Мы с Ником пошли в «Уайтс», чтобы отыграть у Джереми Итона твою расписку. И тут Итон прилюдно обвинил Ника в жульничестве. Ник попросил меня быть его секундантом и настоял на том, чтобы дуэль состоялась на рассвете. В Грин-парк он пришел в военной форме. Я попытался отговорить его, но он слушать ничего не хотел. Патруль появился, когда мы начали отсчет. Несмотря на это, Ник выстрелил и попал в цель. Не знаю, Итон жив или мертв.

– Сержант Нортон сообщил, что он ранен.

«Он разработал план по избавлению от Итона, и в случае провала отвечать пришлось бы мне. Даже Руперт уверен в том, что инициатором дуэли являюсь я».

Александра с ужасом смотрела на брата. «Ник отправился играть в «Уайтс», когда я ехала домой и мое сердце обливалось кровью? А я-то думала, что знаю Николаса Хаттона. Выходит, я ошибалась!»

– Он предстанет перед судом за убийство вашего отца? – спросил Руперт.

– Невилл Стейнс говорит, что будет проведено расследование обстоятельств смерти. Если обнаружится обман, дело передадут в суд.

– Нет! – вскрикнула Алекс. – Его не могут посадить за убийство, Николас не способен на подобное злодеяние. Кит, ты должен поехать и сказать им об этом!

– Ты влюблена в Николаса?

Бледные щечки Александры вспыхнули огнем. Она перевела взгляд на брата, потом на преподобного Дойла, который неподвижно стоял, наблюдая за происходящим. «Я не должна бросать Кристофера. Он единственный, кто может вызволить Николаса из передраги».

– Нет, конечно же. Я не влюблена в Николаса.

Дойл встал на ее сторону:

– Она ваша нареченная, будущая леди Хаттон. Как вы можете задавать ей подобные вопросы?

Ник перевел взгляд с Дойла на Руперта:

– Не оставите ли нас на минутку? Мне нужно поговорить с невестой наедине.

Алекс подождала, пока брат со священником выйдут, и затараторила:

– Нам нужно отложить свадьбу, Кит. Твой брат в беде, и это сейчас главное.

– Не для меня, – спокойно отреагировал Николас.

Его ответ шокировал Алекс.

– Но ты ведь защитишь его, сделаешь все, что в силах английского пэра, дабы доказать его невиновность и избавить от тюрьмы, не так ли, Кристофер?

– Это зависит от тебя.

– От меня? – выдохнула Алекс, понимая, к чему клонит Кит.

– Если ты станешь моей женой, я употреблю всю свою власть.

– Но ведь я обещала выйти за тебя!

– И ты готова выполнить свое обещание, Алекс?

Да она чем угодно готова поклясться, лишь бы заставить Кита помочь Николасу.

– Разумеется!

Он подошел к двери и распахнул ее. Руперт и преподобный Дойл снова вошли в библиотеку. Ник позвал мистера Берка, вернулся к столу и взял в руки листок.

– У меня есть лицензия на брак, Дойл. Я хочу, чтобы вы нас поженили.

Александра схватилась за горло. Похоже, близнец каким-то образом узнал, что ее сердце принадлежит Николасу, и недвусмысленно дал понять – он отправится в Лондон только после бракосочетания.

Николас поднял брови, ожидая ее капитуляции.

– Если ты дашь слово сделать для Николаса все возможное.

– Доверься мне, Алекс. – Он протянул ей руку.

Александра неохотно вложила в нее свою ладонь.

Дойл встал перед ними и открыл молитвослов.

– Берете ли вы эту женщину в законные супруги, дабы жить с ней по велению Божьему

в священных узах брака? Клянётесь ли любить ее, хранить ей верность, почитать и оберегать, в болезни и здравии, горе и радости, богатстве и бедности, пока смерть не разлучит вас?

– Клянусь.

Доыл обратился с теми же словами к Александру.

Она шевельнула губами, но никто не расслышал.

– Клянусь...

– Кто отдает эту женщину этому мужчине?

– Я, – гордо расправил плечи Руперт.

– Повторяйте за мной: Я, Кристофер Хаттон, беру тебя, Александра Шеффилд, в свои законные супруги, дабы любить тебя и хранить тебе верность, почитать и оберегать, в болезни и здравии, горе и радости, богатстве и бедности, пока смерть не разлучит нас, согласно велению Господа нашего. Данной клятвой я навеки связываю себя с тобой.

Когда настал ее черед, Алекс запнулась на словах «любить, почитать и повинаться». Ее рука дрожала, словно осиновый лист, когда жених произнес:

– Этим кольцом я обручаюсь с тобой, вручаю тебе свое тело и все свои земные богатства.

Доыл объявил их мужем и женой, и Алекс с облегчением вздохнула, поняв, что новоиспеченный супруг не собирается скреплять брак поцелуем.

Мистер Берк пожал жениху руку.

– Мои поздравления, лорд Хаттон. – Он повернулся к Алекс: – Леди Хаттон, позвольте мне первым поприветствовать вас в Хаттон-Холле.

– Я оставляю тебя в надежных руках мистера Берка, Алекс. Ты едешь в Лондон, Руперт?

– Я с вами! – заявила Александра.

Муж пригвоздил ее взглядом.

– Как пожелаете, леди Хаттон.

– Мне нужно собрать вещи и поговорить с Дотти. Подождете меня? – выпалила Алекс.

– Может, Руперт милостиво согласится подвезти вас в своем экипаже. Если я поеду один и верхом, то буду в столице уже через час.

Руперт недовольно поджал губы, но не стал возражать.

– Как пожелаешь, Кит, я к твоим услугам. Так поспешим же! – Он направился к выходу.

Александра последовала за братом.

– Доверься мне, Алекс, – раздался у нее за спиной голос мужа.

– Ты дьявол, Кит Хаттон! – прошипела она. – Ты навсегда потерял мое доверие. И Николас тоже!

Глава 33

Не прошло и часа, как Николас уже был на Керзон-стрит. Он поставил Атлас в стойло и оседлал Разбойника. Раз уж он выдает себя за лорда Хаттона, то должен ездить на его жеребце. Все шесть миль пути до столицы Николас мучительно размышлял о последних событиях. Он радовался, что они с Александрой поженились, однако поступок брата поверг его в отчаяние.

Николас проехал мимо собора Святого Павла до Чипсайда и свернул на Вуд-стрит. У тюрьмы он привязал Разбойника и вошел внутрь. Остановился у деревянной перегородки и заговорил с тюремщиком через окошко:

– Я лорд Хаттон. Насколько мне известно, у вас содержится мой брат, Николас?

Тюремщик пробежал пальцем по списку поступивших.

– Так точно, милорд. Николас Хаттон, арестован нынче утром.

– Я хочу поговорить с ним.

– Одну минуту, милорд.

Прошло куда больше минуты, когда Кит Хаттон в военной форме появился у зарешеченной двери.

– Слава Богу, ты здесь! Вели снять с меня эти железки, вытащи меня отсюда!

– Снять наручники – одна гинея, милорд, – объявил надзиратель.

Ник порылся в кармане, вытащил гинею и просунул через решетку. Надзиратель снял с Кита наручники.

– Так не годится, – властным тоном заявил Ник. – Я желаю поговорить с братом наедине. Готов пройти в его камеру.

– Я сижу в общей камере, с уголовниками! – возмутился Кит, потирая запястья. – Они не верят, что я лорд Хаттон!

– Ты ничего не выиграешь, выдавая себя за меня! – отрезал Николас и повернулся к надзирателю: – Мой брат недавно вернулся из Франции. Служил капитаном в армии Веллингтона.

Это заявление произвело на надзирателя сильное впечатление.

– Позвольте пожать вашу руку. – Он протянул Киту ладонь, но тот отпрянул от него.

– Кто может предоставить капитану отдельную камеру?

Надзиратель направил его обратно к тюремщику. Не успел Ник подойти к деревянной перегородке, как на пороге возникли Стейнс, Стивенсон и Нортон.

– Нельзя ли освободить брата под залог?

– Никакого залога, – ответил Нортон.

– Его поместили в камеру к уголовникам. Я попросил перевести его в отдельную. Сколько его тут продержат, Нортон?

– Максимум три дня. Потом переведут в Ньюгейт.

– Мы постараемся добиться рассмотрения дела в ближайшие пару дней, – вмешался Невилл Стейнс. – Нам нужно снять показания и собрать присяжных. Стивенсон – мировой судья, мы с вами пэры. Думаю, нам удастся ускорить процесс, Кристофер.

– Ему понадобится свежее белье, бритва.

– Я позабочусь о том, чтобы его перевели в отдельную камеру. А вы привезите все необходимое, времени у нас мало.

В течение часа Николас вернулся с чистой одеждой и туалетными принадлежностями брата. Пришлось дать надзирателю десять фунтов, чтобы попасть в камеру Кита. И еще десять, чтобы надзиратель оставил их наедине.

– Какого черта тебе понадобилось драться на дуэли с Джереми Итоном?

– Ты не представляешь, в каком кошмаре я жил! Как только ты бросил меня и умчался на войну, эта лживая свинья принялась шантажировать меня. Я заплатил ублюдку требуемую сумму, но он возвращался снова и снова. Вот куда ушла большая часть наследства! Они с его папочкой-мошенником высосали из меня все, до последнего пенни!

– Тише, – предупредил его Ник. – Почему ты не сказал мне? Я выиграл бой у его отца, а уж кузена раздавил бы, как таракана.

– Ах да, я забыл, ты же у нас великий герой! – фыркнул Кит. – Разве не ты решил, что настала пора мне самому за себя постоять?

– Но ты ведь этого не сделал, не так ли? Ты просто хотел убить его, выдав себя за меня.

Кит провел рукой по волосам.

– Нет! Дело в том, что форма напугала бы его, дала мне фору. Я должен был заткнуть ему рот!

– Почему?

– Он угрожал предать огласке тот факт, что это я застрелил отца, а не ты. Хотел выставить нас обоих лгунами и сообщить, что мы обманули власти.

– Выходит, в тот день Джереми Итон наблюдал за нами.

– Да, черт бы его побрал, он все видел!

– Тебя арестовали по подозрению в убийстве.

Кит запустил в волосы обе руки.

– Итон решил отомстить мне. Это он вызвал меня на дуэль, точнее, тебя!
– Отец действительно погиб в результате несчастного случая, Кит?
– Да! Нет! Не знаю!
– Знаешь. – Ник затаил дыхание, ожидая ответа. Как же ему хотелось, чтобы это был несчастный случай!

– Мы стояли на полянке, спорили по поводу моей будущей помолвки. Он обозвал меня трусом, сказал, что у меня кишка тонка. Слепленный яростью, я опомнился, лишь когда увидел кровь! Я застрелил его в горячке.

Только теперь Николас понял, что на самом деле произошло. «Я считал, что война лишила меня всех иллюзий, но ошибся. До этого момента в некоторых вопросах я оставался наивным, словно дитя. Ты знал, что это не несчастный случай, когда просил меня взять вину на себя. Вину за убийство! Ты собирался убить Итона и спланировал все так, чтобы виноватым снова оказался я. Мы с тобой одна кровь, одна плоть. Как может близнец обойтись подобным образом со своим близнецом?»

– Ты должен помочь мне! Ты всегда меня выручал, Ник, ведь мы оба в этом замешаны! Не так ли?

Долгое мгновение Николас смотрел на брата, потом припечатал, словно вердикт вынес:

– Кредит доверия исчерпан.

– Они вряд ли посмеют осудить английского пэра. Ты просто обязан убедить их в том, что я лорд Хаттон!

– Это невозможно. Лорд Хаттон – я.

По пути в Лонгфорд-Мэнор Александра не проронила ни слова. Ее мир рухнул. «Как я могла поддаться на уговоры Кита и выйти за него?» – спрашивала она себя снова и снова, а внутренний голос отвечал: «Иначе он не согласился бы помочь Николасу». – «Я поклялась сделать все возможное для Ника и не должна сожалеть о содеянном». – «Но сдержит ли Кит слово?» Ответ пришел сам собой: «Верить нельзя, но я не стану исполнять свои супружеские обязанности, пока Николас не выйдет из тюрьмы и его честное имя не будет восстановлено!»

Появившаяся из кухни Дотти смерила внуков взглядом:

– Алекс часто выезжает покататься на рассвете, но я не думала, что на земле есть силы, способные заставить Руперта выбраться из-под одеяла в такое время суток. Если только он пописать не захотел.

– Руперт приехал из Лондона, бабушка. Николас арестован по подозрению в убийстве отца.

– Господь всемогущий! Нужно срочно связаться с Невиллом.

– Он в курсе, он был в Хаттон-Холле. Они с полковником Стивенсоном уже помчались в Лондон проводить дознание. Мы с Рупертом тоже едем.

– Алекс забыла сообщить тебе радостную новость. Они с Китом только что сочетались браком! Обменялись клятвами в присутствии преподобного Дойла в библиотеке Хаттон-Холла! Я исполнил роль отца.

– Александра, милая, вот это новость так новость! Очень мудрый поступок в свете последних трагических событий. Решительные действия всегда самые правильные. Леди Хаттон! Я уж боялась, что никогда не назову тебя так. – Дотти порывисто обняла внука. – У тебя ошеломленный вид, дорогая. Такое бывает после свадьбы, но обычно с женихами. Пойдем, расскажем Маргарет.

Дотти и Алекс поднялись по лестнице, Руперт последовал за ними. Сара в этот момент поила Маргарет ромашковым чаем.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Алекс.

– Твои новости куда лучше любого лекарства, милая. Алекс стала леди Хаттон! Они с Кристофером поженились сегодня утром.

Лицо Маргарет осветилось радостью.

– Теперь я счастлива, Александра. – Ее глаза наполнились слезами. – Ты исправила то

зло, что я причинила матери много лет назад.

– Не городи ерунды, Маргарет! Никакие ошибки не могут уменьшить моей любви к тебе. Беги, Александра, собирай вещи. Как леди Хаттон, тебе потребуются самые лучшие наряды.

– Я помогу вам, – предложила Сара, которой не терпелось узнать подробности неожиданной брачной церемонии.

– Лорд Стейнс остановится на Беркли-сквер. Пожалуй, я поеду в Лондон с вами, – заявила Дотти. – Кристоферу и Невиллу потребуется наша поддержка. Ну и Николасу, конечно, тоже. Высший свет слетится на суд, как вороны на поле боя, в надежде вдосталь напиться крови.

Алекс сейчас была не в силах обсуждать что-либо даже с Сарой.

– Спасибо, Сара, я сама справлюсь. Помогите лучше Дотти.

– Поеду домой за экипажем, – сообщил им Руперт.

– Уже? Как быстро! Совсем на тебя непохоже!

– Я давно был бы в Лондоне, если бы не надо было доставлять вас в столицу! – обиделся Руперт.

Через два часа они уже подъезжали к Беркли-сквер.

– Высади меня здесь, Руперт. Александра наверняка отправится прямо на Керзон-стрит.

– Вовсе нет, предпочитаю побыть с вами, Дотти.

– Не стоит цепляться за меня, дорогая. Ты – новобрачная. Возьми себя в руки. Мужчины Хаттон никогда не отличались затворничеством.

Александра побледнела.

– Сегодня Кристоферу будет не до меня, нужно уладить все дела с Николасом. Он еще не скоро появится на Керзон-стрит.

– Тогда пойдем. Руперт, заведи чемодан сестры в особняк Хаттонов, прежде чем присоединишься к Киту.

Хопкинс не смог скрыть удивления. Его поразило не то, что Дотти решила присоединиться к лорду Стейнсу, а то, что она привезла с собой Александру. Новобрачные обычно держались в рамках приличия.

– Добрый день, леди Лонгфорд, госпожа Александра. Я доложу о вашем визите лорду Стейнсу.

– С нынешнего утра она леди Хаттон, Хопкинс.

– Какая замечательная новость! – расцвел дворецкий.

Алекс поджала губы. Хопкинс вздохнул с облегчением, узнав, что мужчина, деливший с ней постель, сделал ее честной женщиной. Выходит, они правильно поступили, позволив ему считать любовником Алекса лорда Хаттона.

На верхней площадке появился Невилл:

– Дотти! Какой приятный сюрприз! Похоже, вы уже слышали печальные новости?

– Не все новости столь печальны, Невилл. – Она взбежала по лестнице, словно девчонка. – Александра и Кристофер поженились нынче утром!

– Нынче утром? После нашего отъезда из Хаттона?

– Да. – Алекс позволила Невиллу обнять себя. Его искренняя любовь и забота целебным бальзамом пролились на измученное сердечко.

Не успели они устроиться в гостиной, как появился Хопкинс с фужерами и шампанским.

– Я подумал, вам захочется поздравить невесту, милорд.

– И себе не забудь налить, Хопкинс. – Невилл поднял бокал. – За вас, дорогая. Я не мог бы любить вас больше, будь вы моей родной внучкой.

– С чего вы взяли, что это не так? – игриво приподняла бровь Дотти.

– Что-то явно назревает. Все эти разговоры о невестах и свадьбах порождают во мне зависть. Неужели подобное счастье доступно лишь молодым? Может, покажем им пример,

Дотти?

– Вы говорите о цепях Гименея или запорах, Невилл?

– Я вполне серьезно, моя дорогая.

– Милый вы мой, старый жеребец, вы уверены в своих словах?

– Я уже в том возрасте, когда каждая минута на счету, но пока не готов заглянуть в гроб и послушать, как земля стучит о дерево.

– Что за слова вы подбираете, сладкоречивый дьявол! Мой ответ – да, разве я могу устоять?

Алекс подумала, что все бабушкины финансовые проблемы решились сами собой, но тут же устыдилась своих меркантильных соображений. Главное – счастье бабушки. Алекс обняла Дотти.

– Вы сделали правильный выбор. У меня есть для вас подарок на помолвку!

Александра поднялась к себе в спальню за кашемировой шалью. Комната все еще дышала воспоминаниями о Николасе, и девушка поспешила прочь, прежде чем они завладели ею.

Дотти открыла коробку от мадам Мартен и достала кремовую шаль с черной отделкой.

– Спасибо, милая! Ты знаешь мой вкус. Мне нравится все экстраординарное.

– Мне тоже! – поддразнил ее Невилл.

Алекс вспыхнула и почувствовала себя третьей лишней.

– Мне пора, но, прежде чем уйти, я хотела бы услышать что-нибудь о Николасе.

– Он в тюрьме на Вуд-стрит. Ваш муж обеспечил ему отдельную камеру, и мы пытаемся ускорить процесс. Кристофер сообщит вам подробности.

– Благодарю. – У Алекс ком подступил к горлу. Она обняла Невилла, поцеловала Дотти и ушла. Первой мыслью было отправиться на Вуд-стрит. «Ты же знаешь, что женщину к нему не пропустят, но даже если тебе удастся каким-то чудом пробраться к нему, что ты скажешь? Что вышла замуж за близнеца?» Сердце ее упало. Идти на Керзон-стрит не хотелось, но больше некуда. Алекс медленно двинулась по Кларджес и свернула за ненавистный угол.

Ключей у Алекс не было, и ей пришлось постучать. Она с ужасом ждала встречи с Фентоном. Ночь с субботы на воскресенье она провела с Николасом, и Фентон вряд ли принял его за близнеца. Не прошло и трех дней после того, как сменили простыни на кровати, которую Александра делила с Николасом, и вот она уже жена Кристофера. Что подумает о ней Фентон?

Фентон открыл дверь, лицо бесстрастное, непроницаемое.

– Добро пожаловать, леди Хаттон. Я позволил себе отнести ваш чемодан наверх. Не желаете ли откусать, миледи?

– Благодарю вас, я не голодна.

«Руперт сообщил ему новости, когда привез мои вещи!» Алекс расправила плечи, вздернула подбородок, прошла в роскошно обставленную гостиную, села в кресло и уставилась в пустоту. Она просидела часа два, блуждая взглядом по комнате. «Как он вынесет заключение в остроге Вуд-стрит?» И тут на ум пришла еще более страшная мысль: «Ньюгейт!»

Страх парализовал Алекс. «Что, если его приговорят к пожизненному заключению? Или к повешению?» Память услужливо подкинула картинку из детства – висельник на пустоши. «Разбойник!» Ник и это проделал! И еще ограбил принца-регента! А вдруг всплывут все его преступления? Может, он отважный сумасброд, пренебрегающий законом с целью восстановить справедливость, но Алекс ни за что не поверит, что он способен на убийство. Ни за что!

Алекс обхватила руками колени и положила на них голову. Кристофер позаботится о том, чтобы Николаса освободили. Алекс невесело рассмеялась. Ее любимому грозит смертельная опасность, а она волнуется по поводу того, что подумает о ней Фентон.

Ник вернулся на Керзон-стрит уже затемно. Поставил в стойло Разбойника, накормил и напоил Атлас и двух гнедых. Когда он похвалил мальчишку-конюха за чистоту и порядок, тот удивленно уставился на хозяина. Ведь от его светлости доброго слова не дождешься. Несмотря на то что Ник воспользовался своим ключом, Фентон поспешил в холл:

– Добрый вечер, милорд. Ее милость наверху. Не хотите ли отобедать, сэр?

– С удовольствием, Фентон.

Он медленно поднялся по ступенькам. Какой прием его ожидает? Алекс он нашел в гостиной.

– Какого дьявола ты сидишь в темноте? – Он подошел к камину и зажег свечи.

– Я не заметила. – Яркий свет ослепил ее.

Он скользнул по ней взглядом. Алекс была все в том же унылом сером костюме, в котором поутру принесла ему клятву верности.

– Фентон скоро подаст нам еду. Это будет свадебный обед. Не желаешь переодеться?

– Нет. Хочу узнать что-нибудь о Нике.

Сердце Ника устремилось ей навстречу. Он снова обманет ее, но для ее же блага. Для всех она леди Хаттон и не должна в этом сомневаться, иначе они проиграют суд.

– Ник в остроге на Вуд-стрит. Его перевели в отдельную камеру. Невилл Стейнс и судья Стивенсон готовятся к процессу.

– Все это мне рассказал Невилл.

– Ты видела лорда Стейнса?

– Да. Руперт и мою бабушку привез в столицу. Мы встретились с Невиллом в его... э-э... на Беркли-сквер.

Ник понял причину ее заминки. Она вовремя сообразила, что о финансовых затруднениях Дотти говорила ему, Николасу, а Кит о них ничего не знает. И она не собирается делиться с мужем этой информацией. Видимо, радуется тому, что Кит получил в жены липовую наследницу.

– Дотти и Невилл решили пожениться.

– Отличная новость! – улыбнулся Ник.

– Ник, я... – Она в ужасе прикрыла рот ладошкой. – Прости, Кит, прости меня, пожалуйста!

– Ничего страшного, нас все то и дело путают. Если хочешь, называй меня Флинном.

Алекс вздохнула:

– Извини. Мне нравится имя Флинн. – Кэтлин Флинн. Ее взгляд упал на кольцо. – Как там Ник? Держится?

– После Франции любой острог покажется раем. – Он улыбнулся, пытаясь подбодрить ее. – Я отвез ему чистую одежду.

– Дело не в одежде. Ему нужна твоя поддержка и помощь. Ты должен воспользоваться своим положением, деньгами, влиянием и дать свидетельские показания. Сделать все, чтобы его оправдали.

Ник был рад, когда Фентон объявил, что обед подан. Сейчас ему не хотелось даже думать о помощи брату. Они перешли в небольшую столовую. Алекс уставилась на еду невидящим взглядом.

– Тебе надо поесть, Алекс, – мягко, но настойчиво произнес он.

Она посмотрела на мужа. И столько боли было в ее глазах, что сердце у Ника болезненно сжалось.

– Утром ты попросил довериться тебе. Если ты pomoжешь Николасу, как обещал, я сдержу свою клятву.

За обедом Николас и Александра почти ничего не ели. Когда Алекс отодвинула стул, Ник тут же выскочил из-за стола и в мгновение ока очутился рядом с ней.

– Не pomoжешь ли мне перенести чемодан из твоей спальни в другую комнату?

Понадобится время, чтобы я привыкла к своему новому положению.

Сердце Ника запело от радости. Она не хочет выполнять свои супружеские

обязанности.

По ее просьбе Николас отнес вещи в свою спальню. Алекс молча наблюдала за тем, как он ставит чемодан у кровати, и не двинулась с места, когда он чмокнул ее в щеку и пожелал спокойной ночи.

Через мгновение дверь захлопнулась, и на Александру нахлынули воспоминания о проведенной здесь с Николасом незабываемой ночи. Алекс прижала ладони к глазам, тщетно пытаясь прогнать видение. Николас мерещился ей везде, сам воздух был им пропитан. Алекс бросило в жар, когда она легла в кровать. Ей стоило немалых усилий успокоиться и взять себя в руки. В то время она еще не была леди Хаттон. Воспоминания о Николасе останутся с ней навсегда.

Алекс подошла к его шкафу, достала черный бархатный халат и, раздевшись, завернулась в него. Затем легла в постель и предалась мечтам о любимом.

Глава 34

Николас поднялся рано, вышел из дому и отправился бродить по Лондону. Все его мысли были сосредоточены на Ките. «Пусть сгниет, скотина! Поделом ему!» Но постепенно разум взял верх над эмоциями. Правосудие решит судьбу Кита. Как лягут фишки, так тому и быть.

Но в конце концов Ник понял, что не сможет отсидеться в сторонке. Ведь он дал слово Александре. Пусть она думает, будто в тюрьме сидит Ник, не важно. Если у него осталась хоть капля чести, он обязан выполнить обещание. Старая привычка вытаскивать брата из любой переделки не давала ему покоя. Он всю жизнь считал близнеца своей половиной, пусть и слабой. Теперь он понял, что это не так. Его половинкой была Александра.

Перед Ником возникла дилемма. Он перебирал возможные варианты развития событий, когда его вдруг осенило. Пусть Кристофер сам сделает выбор! Он изложит брату все факты, ему и решать, как быть дальше.

Тем утром он встретился в кофейне Людгейта с Невиллом Стейнсом и судьей Стивенсоном. Им удалось договориться насчет разбирательства по делу о смерти Генри Хаттона.

– Пришлось потянуть за веревочки, но присяжных я собрал. Заседание назначено на завтра, главным образом благодаря тому, что, не считая нас, свидетелей всего двое – вы и Джереми Итон.

– Итон уже оправился и готов давать показания?

– Ему повезло, он ранен в плечо, но, насколько я понял, пуля прошла всего в нескольких дюймах от сердца, – заявил Стивенсон.

Невилл Стейнс с тревогой посмотрел на Ника:

– Может, вам следует нанять адвоката, на случай если будет решено, что доказательств достаточно, чтобы дать ход делу?

– Уже нанял, – кивнул Николас. – Поверенный отца, Тобиас Джейкобс, порекомендовал мне кое-кого.

– Отлично. Значит, завтра, в два часа дня, в главном зале заседаний Олд-Бейли. Должен ли я сообщить об этом вашему брату?

– Я сам это сделаю. Благодарю вас, Стивенсон, Невилл.

Ник покинул кофейню и отправился на Вуд-стрит. Он весьма смутно представлял себе, что именно скажет Киту, но одно знал точно – надо его запугать. Ник заплатил обычную цену за посещение и дал взятку надзирателю, чтобы тот оставил их наедине.

– Какого черта ты имел в виду, когда заявил, что ты и есть лорд Хаттон? – накинулся на него Кит.

Ник отметил про себя, что брат переоделся в сюртук от Вестона, бриджи и начищенные ботфорты, которые он принес ему накануне.

– Давай сядем и спокойно обсудим сложившуюся ситуацию. Причем весьма для тебя неприятную. – Николас не стал сразу сообщать брату о том, что разбирательство назначено на завтра. – Невилл Стейнс и судья Стивенсон приложили немало усилий, чтобы заседание прошло до того, как тебя переведут в Ньюгейт.

– Ньюгейт?! Я не могу отправиться в Ньюгейт, ведь это тюрьма для отбросов общества! Я там с ума сойду!

«А не сошел ли он уже с ума?» – промелькнуло в голове у Ника, но он лишь посмеялся над своими мыслями. Да, Кит слабак, эгоист без намека на совесть. Такие понятия, как честь, верность и преданность, для него просто не существуют, но психически он вполне здоров.

– Если на дознании присяжные решат, что доказательств достаточно для передачи дела в суд, тебя переведут в Ньюгейт.

– Подкупи кого-нибудь, Ник! Я не могу туда отправиться!

– Тебе не приходило в голову, что если тебя судят за убийство, то вполне могут признать виновным? И тогда тебе грозит либо пожизненное заключение, либо смерть через повешение.

Кит вскочил на ноги.

– Зачем ты мучаешь меня? Я думал, ты меня любишь!

«Я действительно люблю тебя, Кит, просто ты мне не нравишься».

– На всякий случай я нанял самого лучшего адвоката. К тому же против тебя выступит только один свидетель.

– Жаль, что рана Итона оказалась не смертельной! – прошипел Кит. – Ты должен сделать так, чтобы он замолчал навеки, Ник! Ради меня!

– Убить его? Нет уж, уволь!

– Застрашай его. Скажи, что в следующий раз мы не промахнемся, если он не заберет заявление!

– Нет. Мы должны убедить присяжных, что это был несчастный случай. Не позволить довести дело до суда. Невилл Стейнс будет допрошен в качестве коронера, судья Стивенсон тоже замолчит словечко. Однако они не являются прямыми свидетелями происшествия.

– Я докажу им свою невиновность!

– Будешь лгать? – Ник не сводил с него взгляда, пока Кит не опустил глаза. – Тебе не придется давать показаний. Это мое дело. Мое свидетельство – свидетельство лорда Хаттона – решит исход дознания.

Кит с облегчением опустил на койку.

– Теперь я понимаю, почему ты назвался лордом Хаттоном.

– Я и есть лорд Хаттон, вчера, сегодня, завтра. Навсегда.

Кит в бешенстве уставился на брата, но постепенно до него дошло, какая альтернатива его ожидает.

– Я уже говорил тебе, что Хаттон-Холл камнем висит у меня на шее. Я буду только рад избавиться от поместья!

– А Александра? – выдохнул Ник.

– И от нее тоже! Это выбор отца, не мой!

– Если ты выйдешь на свободу, тебе лучше уехать на некоторое время из Англии, Николас. За свободу придется заплатить. Без денег ты не останешься, об этом я позабочусь: десять тысяч в год тебе обеспечены. Выбор за тобой.

– И я смогу увидеть Италию? – Кит с надеждой посмотрел на брата.

– Разбирательство состоится завтра во второй половине дня. Я куплю тебе билет до Италии на корабль, идущий через Гибралтар. Сегодня же поеду в Хаттон и соберу твои вещи.

– А меня освободят? Ты действительно сможешь это устроить?

– Гарантии не даю, но обещаю сделать все, что в моих силах. – Ник поднялся. – И еще одно: надень завтра форму.

С первыми лучами солнца Александра уже раздумывала над тем, что надеть на суд. Поговорить с Николасом ей не позволят, но она может послать ему весточку с помощью наряда. В итоге она остановилась на простой юбке и ярко-желтом жакете. Так он сразу заметит ее в толпе, поймет, что она надеется на лучшее и уверена в его невиновности.

Она вернулась мыслями в прошлый вечер. Муж пришел домой очень поздно. Когда она услышала на лестнице его шаги, то притворилась спящей. Утром она тоже избежала встречи, просидев в своей комнате до его ухода. Не наведаясь она вчера на Беркли-сквер, не узнала бы о сегодняшнем разбирательстве в Олд-Бейли. Хорошо, что рядом будет бабушка на случай неблагоприятного исхода. «Неблагоприятного исхода? Что за расхожий эвфемизм! Ничего страшного не случится. Гони прочь дурные мысли, Алекс!»

Она перебрала свои шляпки. Леди Хаттон не должна появляться на людях с непокрытой головой. Она выбрала шляпку с черным страусовым пером, надела и подошла к зеркалу. Сорвала убор с головы, запустила его в другой угол комнаты. «К черту приличия! Не стану я скрывать свои волосы, пусть горят сигнальным костром!»

В начале второго Александра переступила порог главного зала заседаний в Олд-Бейли и в изумлении застыла. Комната была переполнена их мнимыми друзьями. Она вцепилась в руку Дотти.

– Шакалы, так я и думала. – Дотти ткнула эбеновой тростью герцогиню Ратленд. – Подвиньтесь, ваша милость. – Когда они уселись, Дотти прошептала на ушко Алекс: – Волноваться не о чем. Как только Николаса оправдают, высший свет снова начнет лебезить перед Хаттонами.

Александра почувствовала на себе неприязненные взгляды. Она вздернула подбородок и потрянула головой. Огненно-рыжие кудри рассыпались по плечам.

Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем в зал вошли судья в парике, секретарь и группа присяжных. Следом за ними появились Джереми Итон, лорд Стейнс, судья Стивенсон и лорд Хаттон. Александра не отрываясь смотрела на дверь. При виде узника в выцветшей униформе у нее перехватило дыхание.

– Тишина, тишина! Всем встать! – приказал секретарь. – Мы собрались здесь, дабы расследовать обстоятельства смерти лорда Генри Хаттона. Был ли это несчастный случай или умышленное убийство? – Он откашлялся. – Всем сесть!

Лорд Хаттон, за которого выдавал себя Николас, внимательно выслушал показания Джереми Итона. Итон сообщил, что в тот злополучный день находился недалеко от места происшествия и слышал яростный спор между обвиняемым и его отцом. В разгар ссоры прозвучал выстрел, и Генри Хаттон умолк навеки. По его мнению, это было предумышленное убийство, а не несчастный случай.

Судя по его словам, Итон действительно слышал пререкания, но ничего не видел. К тому же Итон не стал усложнять дела заявлением, что на самом деле с Генри Хаттоном спорил Кристофер, а не Николас. Из этого Ник сделал однозначный вывод: Джереми гораздо больше боится капитана английской армии, чем лорда Хаттона.

Итон ответил на вопросы присяжных. По поводу дуэли в Грин-парке он заявил следующее – обвиняемый вынудил его бросить перчатку, поскольку не хотел, чтобы правда о Генри Хаттоне выплыла наружу.

Лорд Хаттон посмотрел на мрачные лица присяжных. Да, нелегко ему придется.

Следующим был допрошен мировой судья графства Бакс, полковник Стивенсон. Он заявил, что считает смерть случайной, хотя на место происшествия попал уже после того, как все закончилось.

– Я спросил Николаса Хаттона, его ли пистолет был найден на поляне, и он добровольно подтвердил это. Я принял на веру показания близнецов Хаттон, они утверждали, что это был несчастный случай на охоте.

Коронер Невилл Стейнс дал примерно такие же показания и добавил, что, по его личному мнению, это действительно несчастный случай, о чем он и написал в свидетельстве о смерти. Однако ему тоже пришлось признать, что на месте происшествия он оказался уже постфактум.

Публика начала перешептываться и шаркать ногами, но, когда к трибуне подошел лорд Хаттон, в зале воцарилась тишина.

– Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Я готов сделать заявление, господа. – Он выдержал паузу. – Это я застрелил своего отца на охоте, а не мой брат Николас.

Зрители дружно выдохнули и снова затаили дыхание, боясь пропустить хоть слово.

– С самого детства он прикрывал меня и защищал от наказаний. Я рос пугливым мальчиком, который до ужаса боялся отцовского гнева. Мой брат всегда был бесстрашным, отважным и верным. Что бы я ни натворил, он без колебаний менялся со мной местами и брал вину на себя. И получал по заслугам. Он даже уроки за меня делал, чтобы я заслужил похвалу отца. Я так и не научился крепко стоять на ногах и смотреть трудностям в лицо.

В день охоты брат одолжил мне свои пистолеты фирмы «Хейлин». Случайно застрелив отца, я бросил оружие на землю и запаниковал. В этот момент на поляне появился Николас, и я увидел в нем свое спасение. Я сказал, что пистолет принадлежит ему, и попросил выгородить меня. Не добившись согласия, я стал угрожать самоубийством, прекрасно понимая, что любовь ко мне заставит его пойти на этот шаг. Я вел себя как трус. К своему позору, не в последний раз. – Николас посмотрел на присяжных, потом на Александру, и удовлетворенно вздохнул. Его слушали внимательно, не пропуская ни единого слова. – Потом огласили завещание, и я узнал, что отец оставил мне все, а Николасу ничего. Общество отвернулось от моего близнеца, и он ушел в армию, где дослужился до чина капитана. Не успел он покинуть Лондон, как мой кузен Джереми Итон принялся меня шантажировать. Он угрожал пойти к властям и заявить, что смерть моего отца не была случайной, если я не выделю ему денег из своего наследства. Я, как обычно, поддался панике. И поскольку брата не было рядом и он не мог занять мое место, я выбрал самый легкий путь и заплатил Итону. Увидев мою слабость, он присосался ко мне, точно пиявка.

Присяжные перевели взгляд на Итона.

– Когда мой брат вернулся с войны, я рассказал ему об угрозах Итона. Столкнувшись с ним в «Уайтсе», Николас обвинил кузена в шантаже, и Итон вызвал его на дуэль. А сам побежал в полицию с ложным обвинением в убийстве, желая навсегда заткнуть рот Николасу Хаттону.

Господа, я призываю вас посмотреть на моего брата. Николас Хаттон не опозорил своей военной формы. Он не имеет никакого отношения к смерти отца. Это я случайно застрелил его. Сам же я повинен в трусости, но не более того.

– Благодарю вас, лорд Хаттон, – кашлянул судья. – Вы свободны.

Никогда в жизни ему не приходилось слышать, чтобы английский пэр добровольно называл себя трусом, а это дорогого стоит.

По всей видимости, присяжные также сочли показания лорда Хаттона весомыми, поскольку обсуждение не заняло у них много времени. Они вручили судье свое письменное решение, которое он, в свою очередь, передал секретарю для оглашения. После драматического выступления лорда Хаттона их вердикт не вызвал удивления – смерть Генри Хаттона наступила в результате несчастного случая.

По телу Александры пробежала волна облегчения, голова пошла кругом. Она видела, как судья подозвал к себе Стейнса, Стивенсона и Николаса, мужчины посовещались и вышли из зала. Рядом с ней появился муж.

– Благодарю вас, милорд, – натянуто произнесла она. – Он свободен?

– Да. Они обсуждают возможность привлечения Итона к суду за шантаж. – Супруг отвернулся от нее, принимая поздравления и рукопожатия от тех, кто пришел в зал судебного заседания. Он представил Александру как леди Хаттон, объявив, таким образом,

об их свадьбе. Совершенно неожиданно атмосфера стала праздничной, все спешили поздравить жениха и пожелать счастья невесте.

* * *

Алекс поняла, что ей не удастся сбежать к Нику. Она заставила себя улыбнуться, впервые за несколько дней. Впрочем, ей есть чему радоваться, ведь Николас оправдан! И благодарить за это она должна своего мужа.

Лорд Хаттон поцеловал жену в щечку.

– Увидимся дома. Я не задержусь.

И он вышел через дверь, за которой скрылись сотрудники суда.

Александра и Дотти взяли кеб до Беркли-сквер.

– Зайди на минуточку, дорогая. Ты кое-что забыла. Кучер подождет.

Уже в спальне Дотти отдала ей коробку с восхитительным платьем от мадам Мартен.

– Оно может понадобиться тебе вечером, – многозначительно подмигнула ей Дотти.

Сидя в экипаже, Алекс судорожно прижимала коробку к груди. Она ни за что на свете не наденет для Кита платье цвета морской волны, в котором красовалась перед Николасом в их последний вечер. «Наш последний вечер... последняя ночь... Это действительно была наша последняя ночь. Как я это переживу?»

Она расплатилась с кучером и посмотрела на небо. День близился к закату, ночь надвигалась на нее с неотвратимой неизбежностью, а она не готова к ней. Алекс поспешно приняла ванну. Нет ничего опаснее, чем мечтать в теплой воде. Завернувшись в полотенце, она открыла шкаф, чтобы выбрать наряд, невольно вздрогнула, коснувшись одежды Ника, и вынула первое попавшееся платье.

Алекс оделась и причесалась. Не успела она вернуть щетку на место, как снизу донесся голос мужа. На лестнице слышались его шаги. Сердце едва не выпрыгнуло у нее из груди, во рту пересохло.

«Как же я сделаю это? Как смогу играть роль жены близнеца своего возлюбленного? У него те же волосы, те же серые глаза, та же ямочка на подбородке, тот же глубокий голос. Александра, просто переставляй ноги, иди шаг за шагом, и тогда все получится». Она судорожно сглотнула и перешагнула порог гостиной. Медленно, без колебаний, подошла к мужу.

– Кит... Флинн... от всего сердца благодарю тебя. Ты совершил смелый поступок. – Она коснулась его щеки. – Назвал себя трусом, но ты не трус и никогда им не будешь. – «Боже мой, от моего платья пахнет Ником, потому что оно лежало среди его вещей».

Муж посмотрел на нее и коснулся ее губ своими губами. Ее пальцы скользнули в его черные кудри и внезапно нащупали под ними швы! В момент наития она поняла, что перед ней Николас, что сегодня спасли Кристофера и что этот дьявол снова ее обманывает! Обманывает самым бессовестным образом!

Ей стало больно, но в то же время она испытала восторг. Каким-то непостижимым образом ей все же удалось выйти замуж на Николаса! Алекс не понимала, что за игру он ведет, но готова была включиться в нее!

– Как по-твоему, Ник вернется в Хаттон? – спросила она, отстранившись от него.

– Нет. Он решил не выдвигать обвинений против Итона, поскольку желает уехать за границу.

– Весьма мудрое решение. – Алекс сделала вид, будто отъезд Ника ее нисколько не трогает. – Ты пообедаешь сегодня со мной?

– Да. – Он удивился тому, как быстро она сменила тему.

– В таком случае давай считать этот обед свадебным. – В ее словах определенно крылся намек.

– Согласен. Наша первая совместная трапеза не слишком удалась. – Он тщательно подбирал слова, взгляд подозрительный, настороженный.

– Мой аппетит значительно улучшился с тех пор.

Алекс видела, как затрепетали его ноздри. От гнева? Или от страсти?

– Может, пообедаем в постели? – Это уже был не просто намек, а настоящее приглашение.

– Ты когда-нибудь обедала в постели?

Алекс про себя улыбнулась.

– Что-то не припомню. Если и обедала, то давно забыла об этом. – Его глаза потемнели, она задела гордость Льва! – Почему бы тебе не проверить, какие вкусности приготовил для нас Фентон, пока я буду зажигать свечи в своей спальне и стелить постель?

Ник напрягся. Александра – прирожденная кокетка. Видимо, она ничего не может с собой поделать. Он так радовался тому, что она старалась держаться подальше от него на свадьбе, поскольку считала его Китом. Но теперь она вывела его из равновесия. Он озадаченно посмотрел ей вслед и отправился на поиски Фентона.

Оказавшись в спальне, Алекс первым делом сменила чулки. Нашла пару в черно-белую полоску, в которой давала представление у Чарли Шампань для публики, а потом – специально для Николаса. Быстро надела их, застегнула черные подвязки и прикрыла целомудренной юбкой кремового платья.

Когда он открыл дверь, она потянулась к дальнему краю кровати, чтобы откинуть покрывало. Стоило ему увидеть ее лодыжки в полоску, как в памяти всплыла их первая ночь и Алекс, на которой не было ничего, кроме этих чулок. Его мужское естество тут же отреагировало, но на этот раз он не собирался поддаваться ее чарам.

Алекс взглянула на него, опустила глаза и пролепетала:

– У меня нет горничной. – Потом взмахнула ресницами и смело заявила: – Тебе придется помочь мне раздеться.

«Будь я проклят, если сделаю это! И если не сделаю, тоже! – выругался Ник про себя. – Дело в том, что мы близнецы. Она знает, что ее мужем стал Кит, но поскольку мы выглядим одинаково, она притворяется, будто с ней Ник». И вдруг в голове зародилась еще одна, не слишком приятная мысль: «Мы близнецы, и она хочет сравнить нас в постели!» Он скрепя сердце подошел к ней, медленно расстегнул пуговицы и отступил на шаг.

Она с улыбкой стянула платье с плеч. Шелк облаком упал на ковер, и она грациозно шагнула из него. Затем поставила ногу на кровать, подняла нижнюю юбку и расстегнула подвязку.

– Леди не носят полосатых чулок.

Она рассмеялась:

– А с чего ты взял, что я леди? – Алекс запустила в него подвязкой и облизала губы, когда он ловко поймал ее. – Ты забываешь, что за мной ухаживал Харт Кавендиш.

Теперь Николас сгорал не только от ревности к брату, но был готов удушить герцога Девоншира. Он подошел к ней, взял за ногу и резко стянул чулок. Потом снял через голову юбку и отшвырнул прочь.

– Вот это страсть! Какие еще сюрпризы вы припасли для меня, мой милый лорд?

Он сжал ее в объятиях и грубо поцеловал. Заставил ее мягкие губки разомкнуться и проник в горячую пещерку. И не отпускал, пока она не начала задыхаться.

Алекс запустила пальцы в его кудри и прошептала на ушко:

– Не пора ли снимать швы?

Он удивленно уставился на нее, потом застонал и снова сгреб ее в объятия.

– Черт бы тебя побрал, бесенок! Тебе нравится мучить меня!

– Когда ты собирался сказать мне, что ты не лорд Хаттон?

Он отстранил ее от себя и заглянул ей в глаза.

– Я – лорд Хаттон. Если бы я не был лордом Хаттоном, ты не была бы леди Хаттон. Никогда не называй меня Николасом, даже наедине. Зови просто Флинн.

Он жадно впился в ее губы, закрыв рот поцелуем.

Два часа спустя, довольная и счастливая, Алекс прошептала, прижавшись к его груди:

– Я люблю тебя, Флинн Хаттон.

Эпилог

Хаттон-Холл, июль 1815 года

Лорд и леди Хаттон гостями – лордом и леди Стейнс, виконтом Лонгфордом с женой Оливией, их маленькой дочкой Амандой и крохотным наследником Рупертом – праздновали победу под Ватерлоо. Они только что отобедали на открытом воздухе под сенью деревьев Хаттон-Парка.

– Спасибо за милый вечер, Александра. Нам пора, время кормить малыша. – Оливия протянула наследника исполненному гордости отцу.

– Меня очень порадовала погода. Нам ведь есть что отпраздновать, – радостно улыбалась Алекс.

– А что еще ей оставалось? Раз уж мы все согласились приехать, у погоды не было выбора, она просто вынуждена была поддержать нас, – заявила Дотти. – Пойдем, Александра, отнесем эти роскошные розы на могилу Маргарет. Прогулка после десерта еще никому не повредила.

Алекс поднялась, передала сына мужу и нежно поцеловала его.

Дотти с удовольствием наблюдала за парочкой, которые после года супружеской жизни все так же страстно любили друг друга. Дотти взяла внучку под руку и оперлась на трость. Старушке до сих пор удавалось держать спину идеально прямо.

– Хотя я и не признавалась в этом, но всегда знала, что ты сходишь с ума по второму близнецу, Николасу, – проговорила Дотти, когда они отошли в сторону. – Однако опыт подсказывает – наваждение рано или поздно проходит. Как по-твоему, Николас вернулся в армию и сражался при Ватерлоо?

– Нет, война наскучила Николасу. Уверена, близнец моего мужа не воевал при Ватерлоо.

– Я видела, с каким обожанием смотрит на тебя муж. Похоже, зеленое платье с любовными узелками – его любимое. Скажи мне, милая, теперь, после года семейной жизни, когда ты обзавелась прелестным сыночком, не говоря уже о роскошном доме, – ты рада, что я настояла на свадьбе с наследником, лордом Хаттоном?

На губах Александры появилась загадочная улыбка. Только мистер Берк знал их с мужем секрет.

– Не просто рада, я несказанно счастлива! Огромное вам спасибо, бабуля!